

АНТРОПОЛОГИЯ

М
Е
Т
О
Д
Ы

ЧЕЛОВЕК, БОГ И БЕССМЕРТИЕ

ДЖЕЙМС
ФРЕЗЕР

Труд
Психеи

Annotation

Исследования Дж. Дж. Фрэзера, посвященные магии и эволюции религиозных верований, внесли огромный вклад в развитие фольклористики и социальной антропологии. Магия, религия и наука – три стадии развития человеческого мышления и мировоззрения; магия характерна для архаических первобытных обществ, на более поздней стадии общественного развития ее сменяет религия, и наконец, религиозное мировоззрение вытесняется научным. Данная концепция легла в основу современной Фрэзеру науки и стала своего рода базисом для исследований социальных антропологов всего мира. Автор собрал некоторые наиболее важные и общие выводы, сделанные им в ходе проведенных исследований древнего общества и религии. Книга является своего рода итогом научно-исследовательской деятельности Дж. Дж. Фрэзера. Данное издание – первый перевод на русский язык труда «Человек, Бог и бессмертие».

Адресовано студентам и специалистам гуманитарных специальностей, в частности антропологам, этнографам и культурологам, а также всем интересующимся историей данных научных направлений.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

-
- [Джеймс Джордж Фрэзер](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Человек, Бог и бессмертие](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Часть I](#)
 - [I. Новая область знаний](#)
 - [II. Эволюция человека\[6\]](#)
 - [III. Сравнительный метод\[8\]](#)
 - [IV. Изучение человеческого разума\[9\]](#)
 - [V. Разнообразие видов. Суть и условия эволюции\[10\]](#)
 - [VI. Наука о происхождении человека\[11\]](#)

- [VII. Первобытный человек – бесценный источник знаний\[12\]](#)
- [VIII. Дикари уходят\[13\]](#)
- [IX. Дикари уходят. О долге Англии\[14\]](#)
- [X. Листы из Книг Сивилл\[16\]](#)
- [XI. Цивилизация возникла из дикости\[17\]](#)
- [XII. Ступени умственной эволюции\[18\]](#)
- [XIII. Дух науки\[19\]](#)
- [XIV. Индуктивный метод\[21\]](#)
- [XV. Колебания социального маятника\[22\]](#)
- [XVI. Мираж золотого века\[23\]](#)
- [XVII. Столкновение культур\[24\]](#)
- [XVIII. Человеческая комедия\[25\]](#)
- [XIX. Действие – камень веры\[26\]](#)
- [XX. Рациональность дикаря\[27\]](#)
- [XXI. Первобытные люди современности не являются абсолютно примитивными\[28\]](#)
- [XXII. Низший не значит падший\[29\]](#)
- [XXIII. Значимость фольклора\[30\]](#)
- [XXIV. Фольклор и поэзия\[31\]](#)
- [XXV. Отсталость аборигенов Австралии\[32\]](#)
- [XXVI. Прилив прогресса идет от моря\[33\]](#)
- [XXVII. Материальный прогресс как мера интеллектуального развития\[34\]](#)
- [XXVIII. Эволюция и распространение культуры](#)
- [XXIX. Сходство обычаев и их возникновение\[35\]](#)
- [XXX. Множество источников или один общий источник?\[36\]](#)
- [XXXI. Опасность чрезмерного упрощения](#)
- [XXXII. О задачах антропологии\[38\]](#)
- [XXXIII. Прогресс человечества\[39\]](#)
- [Часть II](#)
 - [XXXIV. Открытие тотемизма и экзогамии\[40\]](#)
 - [XXXV. Вероятные истоки тотемизма и экзогамии\[41\]](#)
 - [XXXVI. История тотемизма\[42\]](#)
 - [XXXVII. Тотемизм и экзогамия в истории\[43\]](#)

- [XXXVIII. Определение тотемизма\[44\]](#)
- [XXXIX. Распространение тотемизма\[46\]](#)
- [XL. Производственная теория тотемизма\[47\]](#)
- [XLI. Тотемизм зачатия\[49\]](#)
- [XLII. Дикарская теория зачатия\[51\]](#)
- [XLIII. Первобытное представление об отцовстве\[52\]](#)
- [XLIV. Тотемизм в сказках\[53\]](#)
- [XLV. Тотемизм и происхождение сельского хозяйства\[54\]](#)
- [XLVI. Роль женщины в происхождении сельского хозяйства](#)
- [XLVII. Тотемизм и искусство\[55\]](#)
- [XLVIII. Тотемизм и укрепление социальных связей\[56\]](#)
- [XLIX. Вопрос экзогамии\[58\]](#)
- [L. Происхождение экзогамии в Австралии\[59\]](#)
- [LI. Экзогамия и групповой брак\[61\]](#)
- [LII. Кольцо брака сужается\[62\]](#)
- [LIII. Происхождение запрещенных степеней брака\[63\]](#)
- [LIV. Связь тотемизма и экзогамии в Австралии\[64\]](#)
- [LV. Патрилинейность или матрилинейность?\[65\]](#)
- [LVI. Мечта о матриархате](#)
- [LVII. Проблема экзогамии. Общее решение\[66\]](#)
- [LVIII. Экзогамия и научный отбор\[67\]](#)
- [LIX. Избегание близких отношений\[68\]](#)
- [LX. Известно ли, как возникло отвращение к инцесту?\[69\]](#)
- [LXI. Отвращение к инцесту. Версия о его происхождении\[70\]](#)
- [LXII. Классификационная система родства\[72\]](#)
- [LXIII. Происхождение классификационной системы из группового брака\[73\]](#)
- [LXIV. Классификационная система и двухклассовая модель\[74\]](#)
- [LXV. Групповой брак и групповые отношения\[76\]](#)

- [LXVI. Классификационная система – века в истории человечества\[77\]](#)
- [LXVII. Левират и сорорат\[78\]](#)
- [LXVIII. Левират и групповой брак\[79\]](#)
- [LXIX. Левират и сорорат как пережитки группового брака\[81\]](#)
- [LXX. Обмен сестрами – корень группового брака? \[82\]](#)
- [LXXI. Экзогамия и классификационная система необязательно были универсальными этапами эволюции человечества\[83\]](#)
- [LXXII. Брак между кузенами\[84\]](#)
- [LXXIII. Происхождение кросс-кузенного брака\[85\]](#)
- [LXXIV. Человек, а не автомат\[86\]](#)
- [LXXV. Правила не бывают абсолютно новыми\[87\]](#)
- [LXXVI. Непрерывное изменение этики](#)
- [LXXVII. Наш долг перед дикарем](#)
- [LXXVIII. Столпы общества\[89\]](#)
- [LXXIX. Косвенная польза суеверия](#)
- [LXXX. Суд над суевериями\[90\]](#)
- [LXXXI. Подведение итогов судебного заседания: смертный приговор\[91\]](#)
- [Часть III](#)
 - [LXXXII. Происхождение представлений человека о Боге\[92\]](#)
 - [LXXXIII. Начатки представлений о Боге у дикарей](#)
 - [LXXXIV. Естественное богословие\[93\]](#)
 - [LXXXV. Век магии](#)
 - [LXXXVI. Принципы магии](#)
 - [LXXXVII. Отрицательная магия](#)
 - [LXXXVIII. Магическая телепатия](#)
 - [LXXXIX. Запрет изображений у евреев\[95\]](#)
 - [XC. Рост числа магов](#)
 - [XCI. Развитие мага](#)
 - [XCII. Подлинные правители человечества\[96\]](#)
 - [XCIII. Люди, которых почитают богами](#)
 - [XCIV. Монаршие обязанности](#)

- [XCV. Обожествление правителей](#)
- [XCVI. Сходства магии и науки](#)
- [XCVII. Обманчивость магии](#)
- [XCVIII. Магия старше религии](#)
- [XCIX. От магии к религии](#)
- [C. Зависимость веры в магию от климата\[97\]](#)
- [CI. Религия и магия времен года](#)
- [CII. Смена времен года в греческой мифологии](#)
- [CIII. Влияние природы на религию](#)
- [CIV. Сотворение мира](#)
- [CV. Волшебная весна](#)
- [CVI. Беспорядочная стрельба\[99\]](#)
- [CVII. Магические ритуалы селян\[100\]](#)
- [CVIII. Религиозное или магическое происхождение театра](#)
- [CIX. Театральные представления как магические ритуалы](#)
- [CX. Древние Сатурналии](#)
- [CXI. Песчаные замки](#)
- [CXII. Сизифов труд](#)
- [CXIII. Возвышение богов, упадок магии](#)
- [CXIV. Религия и магия](#)
- [CXV. Вера во всемогущество демонов](#)
- [CXVI. Защитные заклинания](#)
- [CXVII. Аббат Рихальм о бесах](#)
- [CXVIII. Колокола первосвященника](#)
- [CXIX. Звон церковных колоколов\[101\]](#)
- [CXX. Религия и музыка](#)
- [CXXI. Природа религии](#)
- [CXXII. Две формы естественной религии\[104\]](#)
- [CXXIII. Анимизм\[105\]](#)
- [CXXIV. Стратификация религии](#)
- [CXXV. Тотемы превращаются в богов\[106\]](#)
- [CXXVI. Сложная структура религии](#)
- [CXXVII. От анимизма к монотеизму\[107\]](#)
- [CXXVIII. Исида и Мадонна](#)
- [CXXIX. Благодетельность табу](#)

- [СXXX. Исповедание грехов](#)
- [СXXXI. Постоянство суеверий\[108\]](#)
- [СXXXII. Древние арии](#)
- [СXXXIII. Угроза суеверий\[109\]](#)
- [СXXXIV. Вера европейцев в колдовство](#)
- [СXXXV. Сицилия. Святые и вызов дождя](#)
- [СXXXVI. Скоротечность высших религий](#)
- [СXXXVII. Народная религия](#)
- [СXXXVIII. Восточные религии на Западе](#)
- [СXXXIX. Пьета Микеланджело](#)
- [СXL. Историческое изучение религии\[110\]](#)
- [СXLI. Движение мысли](#)
- [Часть IV](#)
 - [СXLII. Вера в бессмертие\[112\]](#)
 - [СXLIII. Феномен смерти\[113\]](#)
 - [СXLIV. Примитивные взгляды на смерть\[114\]](#)
 - [СXLV. Страх смерти](#)
 - [СXLVI. Презрение к смерти](#)
 - [СXLVII. Грехопадение человека\[115\]](#)
 - [СXLVIII. Смерть, признанная лишней\[116\]](#)
 - [СXLIX. Примитивное представление о душе](#)
 - [CL. Душа, представляемая как тень](#)
 - [CLI. Вера во внешнюю душу.](#)
 - [CLII. Ритуал смерти и воскресения](#)
 - [CLIII. Причина помещения души вне тела](#)
 - [CLIV. Дикарские представления о душах животных](#)
 - [CLV. Сны как источник веры в бессмертие](#)
 - [CLVI. Жизнь как неуничтожимая энергия](#)
 - [CLVII. Эмпедокл, Герберт Спенсер и Дарвин](#)
 - [CLVIII. Мир призраков](#)
 - [CLIX. Страх перед призраками\[118\]](#)
 - [CLX. Благоприятное влияние страха перед призраками\[119\]](#)
 - [CLXI. Культ мертвых\[120\]](#)
 - [CLXII. Обожествление мертвых\[121\]](#)
 - [CLXIII. Эвгемеризм\[122\]](#)
 - [CLXIV. Великие люди как основатели религий](#)

- [CLXV. Деметра и бессмертие](#)
 - [CLXVI. Смерть и розы](#)
 - [CLXVII. Смертность богов](#)
 - [CLXVIII. Уничтожение бога-человека](#)
 - [CLXIX. Поедание бога](#)
 - [CLXX. Умиравший бог как искупитель](#)
 - [CLXXI. Понятие деицида](#)
 - [CLXXII. Жертва бога ради спасения мира](#)
 - [CLXXIII. Вопрос о бессмертии\[123\]](#)
 - [CLXXIV. Предположение о существовании внешнего мира\[124\]](#)
 - [CLXXV. Неспособность разума постичь бесконечное\[125\]](#)
 - [CLXXVI. Материализм и спиритуализм\[126\]](#)
 - [CLXXVII. Бесконечный поиск\[127\]](#)
- [Приложение](#)
 - [Предисловие](#)
 - [I. Введение](#)
 - [II. Правление](#)
 - [III. Частная собственность](#)
 - [IV. Брак](#)
 - [V. Почитание человеческой жизни](#)
 - [VI. Заключение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)

- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)

- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)

- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)

- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)

- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)

- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)

- [310](#)
 - [311](#)
 - [312](#)
 - [313](#)
 - [314](#)
 - [315](#)
 - [316](#)
 - [317](#)
 - [318](#)
 - [319](#)
 - [320](#)
 - [321](#)
 - [322](#)
 - [323](#)
 - [324](#)
 - [325](#)
 - [326](#)
 - [327](#)
 - [328](#)
 - [329](#)
 - [330](#)
 - [331](#)
 - [332](#)
-

Джеймс Джордж Фрэзер Человек, Бог и бессмертие: размышления о развитии человечества

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИМЕНИ Н.Н.
МИКЛУХО-МАКЛАЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Наблюдательный совет серии «Методы антропологии»

Д.А. Функ, О.Ю. Артемова, К.Л. Банников,

Б. Грант, Е.С. Данилко, Д.А. Трынкина,

Э. Уигет, Е.И. Филиппова,

В.И. Харитонова

MAN, GOD AND IMMORTALITY
THOUGHTS ON HUMAN PROGRESS

Passages from the writings of sir James George Frazer Revised and
edited by the author

Dawsons of Pall Mall

London

1968

Перевод выполнен в рамках сотрудничества с Переводческим
факультетом Московского государственного лингвистического
университета (ФГБОУ ВО МГЛУ)

О переводчиках:

Степан Владимирович Бранд, выпускник Переводческого факультета МГЛУ; *Валентин Игоревич Фролов*, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка Переводческого факультета МГЛУ

- © Функ Д., предисловие, 2024
- © Бранд С.В., перевод (Человек, Бог и бессмертие), 2024
- © Фролов В.И., перевод (Труд Психеи), 2024
- © Издательская группа «Альма Матер», оригинал-макет, оформление, 2024
- © Издательство «Альма Матер», 2024

Предисловие

«Шотландец родом, Джеймс Джордж Фрэзер (1854–1941) учился в Кембриджском университете, с которым потом сохранял научную связь до конца своей жизни.

К этнографии Фрэзер пришел от истории литературы и классической филологии – его первой специальности. Самым крупным его трудом в этой области был перевод и текстологическое комментирование известного «Описания Эллады» Павсания (II в.), опубликованное им в шести объемистых томах. Переводил и издавал он также Овидия, Саллюстия. Известны его специальные очерки по английской литературе. Эту свою первую специальность Фрэзер, впрочем, не оставлял и позже.

Внимание Фрэзера к проблемам этнографии привлекло чтение классической этнографической литературы, прежде всего знаменитого труда Эдуарда Тэйлора, патриарха английской этнографии, «Первобытная культура» (1871). Примененный в этом труде чисто эволюционистский («сравнительно-этнографический») метод – со всеми его достоинствами и недостатками – оказал глубокое воздействие на Фрэзера, который оставался верен этому методу всю свою жизнь».

Так более сорока лет тому назад представил процесс становления знаменитого британского антрополога в первом^[1] академическом русском издании широко известного его труда «Золотая ветвь» наш советский этнограф С. А. Токарев^[2].

Эволюционизм как модель объяснения мира во всех его проявлениях долгое время был характерной чертой молодой антропологии (или этнографии, как ее называли в некоторых странах, в том числе и в России). Лишь в первой трети XX столетия, с развитием полевых этнографических (антропологических) исследований и появлением новых методов как сбора, так и анализа получаемых материалов, этот взгляд на мир постепенно стал уходить в прошлое, уступая место функционализму.

Фрэзер был ярчайшим представителем эволюционистской школы в антропологии. Десятки его трудов, в том числе многотомных,

снискали ему заслуженное уважение и всемирную известность. Практически все они так или иначе связаны с обсуждением происхождения и трансформаций некоторых элементов духовной культуры человечества, в первую очередь суеверий, мифов, магии, колдовства, религии и лишь отчасти имеют отношение к пониманию социальной жизни. При этом все они, без исключения, имеют некие качества, которые позволяют любопытному читателю – в каждом из десятилетий XX века при жизни и после смерти этого ученого, и даже сейчас – видеть в этих трудах даже не просто занимательное чтение, а нечто, что дает увидеть многообразие человечества и удивиться тому, как же все-таки много общего у всех этих далеких и близких племен, народов, культур... Это как минимум поразительная эрудиция, доступный язык изложения и бесконечная экзотика, основанная на фактическом материале. Неслучайно именно работы Фрэзера до сих пор являются для многих своего рода точкой входа в науку, именуемую антропологией.

Сказанное о творчестве Фрэзера вполне относится к впервые издаваемому сейчас на русском языке сборнику его трудов (именно так он сам определил жанр своей книги) под общим названием «Человек, бог и бессмертие: размышления о развитии человечества»^[3] и к одной из его более ранних (1909 г.) работ «Труд Психеи» (тексту, родившемуся фактически из лекции)^[4]. Не секрет, что Фрэзер к концу жизни стал проявлять существенный скепсис по отношению к своим исследованиям^[5]. Объединенные под одной обложкой, эти работы покажут развитие мысли великого ученого. Возможно, кому-то из читателей это поможет понять, каким именно образом движется научная мысль, которая просто априори не может быть «устоявшейся» и безусловно верной. Мир гораздо сложнее, чем порой хочется думать, и наши великие предшественники хорошо понимали это.

Многое в публикуемой версии перевода не приведено в соответствие с современным языком науки: часть терминов оставлена в том виде, в каком она использовалась автором столетие назад, что-то еще требует внимательной сверки с оригиналом и комментариев специалистов-антропологов. Тем не менее эту книгу уже можно рекомендовать к прочтению. Что я с удовольствием и делаю.

Дмитрий Функ

Москва, 22 ноября 2023 г.

Человек, Бог и бессмертие

Посвящаю супруге – вдохновительнице моих трудов, без которой эта книга не могла бы появиться на свет

Предисловие

В этой книге собраны некоторые из наиболее общих выводов, к которым привели наши исследования раннего общества и религии, произведенные в прошлые годы, и для удобства читателей, у которых нет возможности или желания изучать предмет максимально подробно, наши обобщения были отделены от огромного количества фактов, на которых они основаны. Несомненно, существует определенная опасность в том, чтобы таким образом отделять выводы от посылок, представлять обобщения без подробностей, из которых они были выведены. Мы не стали бы применять процедуру, столь несвойственную нашей обычной практике, если бы доказательства наших выводов не были полностью изложены в работах, из которых были взяты эти отрывки и к которым следует отослать любознательного или скептически настроенного читателя за уточнениями по всем пунктам. Этот том под нашим руководством был составлен нашим другом Пьером Сейном. Ему в значительной степени принадлежит выбор отрывков и распределение их именно в таком порядке. Мы благодарны ему за чуткость и рассудительность, а также за усердие и за точность, с которой он выполнил эту задачу. Нельзя не восхититься мастерством, с которым он собрал эти фрагменты в цельный и правильный мозаичный узор. От себя мы добавили несколько отрывков, внесли небольшие изменения в порядок следования и снабдили фрагменты заглавиями. Кроме того, в отдельных случаях мы внесли небольшие изменения в текст для наилучшего сочетания включенных сюда фрагментов в новом порядке и для уточнения некоторых формулировок. Иногда для удобства читателей, которые, возможно, недостаточно глубоко знакомы с предметом, делались дополнительные сноски. Также для удобства читателей мы объяснили несколько трудных слов в примечаниях, но здесь, как и везде, мы старались употреблять как можно меньше специальных слов, полагая, что простые обычаи и образ мышления первобытных людей, которые и составляют предмет наших исследований, лучше всего могут быть описаны простым языком.

Хотя книга, как мы надеемся, обладает определенным единством замысла, вряд ли стоит специально предупреждать читателя, что она не претендует даже в общих чертах на представление целостной картины, а тем более истории прогресса человека на какой-либо стадии его умственного и социального развития. Чтобы составить такую картину и написать такую историю, потребовались бы обширные знания и кругозор, на которые мы не претендуем. До сих пор мы всего лишь навсего старались изучить некоторые фазы эволюции человека, и книга эта, так сказать, была призвана осветить для читателя несколько отдельных ступеней долгого восходящего пути человечества от дикости к цивилизации. Восхождение это все еще продолжается и, без сомнения, будет продолжаться, когда мы уйдем. Пункт назначения неизвестен, скрыт в туманах будущего. Если каким-либо нашим работам суждено оказаться в багаже неутомимых путников, то, быть может, в чем-нибудь рюкзаке будет именно эта книга. По крайней мере, мы стремились хоть немного облегчить эту ношу за счет многочисленных фактов. Тем не менее мы полагаем, что в конечном счете более ценными окажутся как раз не теоретические обобщения, а сами факты. Ибо теории изменчивы и недолговечны, в то время как факты неопровержимы и устойчивы, если так можно сказать вообще хоть о чем-то в нашем постоянно меняющемся мире. Если наши труды и найдут место в кабинетах потомков, то скорее благодаря описанным в них причудливым обычаям и верованиям, нежели благодаря теоретическим рассуждениям. Не стоит забывать, что у книг, как и у людей, есть своя судьба, и что подавляющему большинству из них рано или поздно суждено погибнуть. В числе этих недолговечных томов, несомненно, окажется немало тех книг, в которых мы почерпнули драгоценные материалы для своего собственного сочинения. Когда мы, люди этого века, будем причислены потомками к древним, возможно, некоторые из книг нашего авторства все еще будут читаться как записи об эпохе еще более глубокой дикости и варварства, а оригинальных свидетельств той эпохи к тому времени может уже и не остаться. Ну, а пока это издание, возможно, будет в течение какого-то времени полезно в роли компаса, который поможет другим ученым сориентироваться на просторах наших более крупных работ.

Джеймс Джордж Фрэзер
26 июня 1927 года, Лондон

Часть I

Наука о человеке

I. Новая область знаний

Положение современного антрополога чем-то напоминает положение ученых-классиков в эпоху Возрождения. Для них изучение античной литературы было подобно откровению, даровавшему их удивленным взорам великолепное видение античного мира, о котором не мог и мечтать изолированный от внешнего мира ученый Средневековья под мрачной тенью монастыря и под торжественный звон его колоколов. Для нас, современных людей, открывается еще более широкая перспектива, еще более грандиозная панорама, которую разворачивает изучение, призванное донести до нас веру и практику, надежды и идеалы не только двух высокоодаренных народов, но и всего человечества и тем самым дать нам возможность проследить долгий путь, медленное и утомительное восхождение человечества от дикости к цивилизации. И как ученый эпохи Возрождения находил в пыльных и выцветших рукописях Греции и Рима не только свежую пищу для размышлений, но и новое поле для труда, так и в массе материалов, неуклонно поступающих со многих сторон – как из погребенных городов далекой древности, так и от грубых дикарей пустынь и джунглей, – мы сегодня должны обнаружить новый источник знаний, на освоение которого уйдут силы многих поколений ученых.

Исследование находится еще в зачаточном состоянии, и нашу теперешнюю работу нужно будет повторить, улучшить, дополнить и углубить тем, кто придет после нас. Мы, нынешние ученые, лишь первопроходцы, прокладывающие дорожки и просеки в чаще, где впоследствии будут сеять и жать другие.

Но сравнительное изучение верований и устоев человечества способно не только удовлетворить просвещенное любопытство и стать материалом исследований. При правильном подходе оно может стать мощным инструментом ускорения прогресса, если обнажит некоторые слабые места в фундаменте, на котором построено современное

общество, если покажет, что многое из того, что мы привыкли считать незыблемым, покоится на песке суеверий, а не на скале природы. Это действительно досадная проблема и в некотором смысле неблагодарная задача – ставить под сомнение основы верований, в которых, как в крепкой башне, надежды и чаяния человечества на протяжении долгих веков были защищены от бурь и сотрясений жизни.

Но рано или поздно орудия сравнительного метода неизбежно должны пробить эти почтенные стены, увитые плющом, мхами и цветами, – тысячами привычных суждений, приятных и священных для многих людей. В настоящее время мы только подтаскиваем орудия на позиции, но они еще не заговорили. Задача возведения в более справедливые и прочные формы столь грубо разрушенных старых конструкций возложена на плечи других людей, возможно, уже из иных и более счастливых времен. Мы не можем предвидеть, мы даже не можем предположить, в какие новые формы выльется мысль и само общество в будущем. Однако эта неопределенность не должна побуждать нас, исходя из соображений целесообразности или уважения к старине, щадить древние формы, какими бы красивыми они ни были, когда окажется, что они износились. Что бы ни случилось, куда бы это ни привело, мы должны следовать только истине. Она – наша единственная путеводная звезда: *hoc signo vinces*.

II. Эволюция человека^[6]

Изучение примитивных форм общественной жизни является частью общей науки о человеке, или антропологии. Эта наука – одна из самых молодых в сестринстве наук, возникла она едва ли раньше середины XIX века; многие ныне живущие и даже не совсем пожилые ученые помнят ее зарождение. Лишь относительно недавно ушли из жизни два ее основателя в Англии – лорд Эйвбери и сэр Эдвард Тайлор. Но, несмотря на молодость, наука развивается столь стремительно, что едва ли один человек уже может охватить ее целиком. Принцип разделения труда, необходимый для экономического прогресса, не менее важен и для прогресса научного. Прошло то время, когда всеобъемлющий интеллект Аристотеля или Бэкона мог претендовать на всю полноту знания. Все чаще и чаще

каждому исследователю приходится ограничивать изыскания небольшим участком, освещать факелом своего интеллекта лишь небольшой круг, почти пятнышко среди огромного, смутно осознаваемого пространства, которое простирается в бесконечность со всех сторон от нас. Только множество факелов смогут шаг за шагом распространить свет знания в безграничной области неизвестного.

В нашей науке первое принципиальное и наиболее явное разделение проходит между изучением тела человека и изучением его разума. Первое известно как физическая антропология; второе, по крайней мере в Великобритании, сейчас называется социальной антропологией, но я предпочитаю называть это более общим именем – психическая антропология^[7]. И хотя человек, несомненно, является преимущественно социальным существом и, вероятно, в значительной степени обязан своим превосходством над животными силе инстинктов коллективизма, эти инстинкты лишь часть его умственных способностей, и даже если отвлечься от их рассмотрения, в человеческом разуме все равно остается много того, что заслуживает тщательного изучения и что естественным образом относится к науке о человеке.

Именно психической, а не физической антропологии мы уделим внимание на этих страницах. Но даже если в антропологии мы ограничились изучением разума человека, предмет все равно столь обширен, что для достижения прогресса необходимо его дальнейшее подразделение. Ведь разум человека уже много веков изучается целым рядом специальных наук, которые под разными названиями: психологии, логики, метафизики, этики, иногда объединяемые под общим именем «философия», внесли большой и благородный вклад в знание о человеке. Какое же место рядом с этими более старыми науками занимает новая дисциплина – психическая антропология? Есть ли для нее место в почтенном ряду университетских дисциплин? Может ли она выполнять функции, которые ранее не выполнялись ее старшими сестрами? Мы думаем, что может, и чтобы определить, что это за функция, нам нужно, пожалуй, обратить внимание на конкретную дату, когда современная наука антропология в целом была впервые воспринята серьезно и системно. Рождение антропологии последовало практически сразу за обнаружением теории эволюции Дарвином и Уоллесом в 1859 году. Полагаем, что было бы верным

считать, что основание антропологических обществ по всему миру произошло сразу же после этого. Как бы то ни было, теория постепенной эволюции человека из длинного ряда низших форм животного мира в настоящее время общепринята, хотя все еще нет единого мнения относительно того, каким именно образом происходила эта эволюция. Именно эта концепция эволюции является основой для современной науки антропологии.

С физической стороны анатомия человека изучалась веками и, как я полагаю, прочно утвердилась в своих основных положениях задолго до открытий Дарвина. Новая идея, привнесенная в эту науку, заключалась в том, что человеческое тело, как и организмы всех животных, не является окончательным результатом, спроектированным раз и навсегда природой или высеченным одним взмахом божественной руки, но что это итог длительного процесса, напоминающего скорее рост, чем строительство или сборку. Нет оснований полагать, что этот рост прекратился: по всей видимости, он продолжается и может привести к тому, что наши потомки будут отличаться от нас так же сильно, как мы сейчас отличаемся от наших самых отдаленных предков. Медленный темп этого процесса скрывает от глаз перемены и наводит на столь лестный для человеческого тщеславия вывод, что природа достигла в нас своего совершенства и дальше идти не может. Непосредственным результатом провозглашения теории эволюции стало, таким образом, придание огромного импульса сравнительной анатомии, поскольку теперь признано, что телесный каркас человека не является изолированной структурой, а тесно связан со строением многих других живых организмов и что строение одного вида не может быть полностью познано без знаний о других видах. Не менее важной отраслью новой анатомии стала эмбриология, которая путем сравнения зародышей человека и животных смогла продемонстрировать их близкое сходство на протяжении значительного периода развития и тем самым предоставить мощный аргумент в пользу вывода о том, что человек и так называемые низшие животные имели общее происхождение и что в течение неисчислимого времени они, вероятно, шли почти параллельными путями эволюции. В самом деле, эмбриология показывает, что тот процесс эволюции, который прошло все человечество на протяжении тысяч поколений, воспроизводится в

истории жизни каждого мужчины и каждой женщины, которые появляются на свет.

Переходя от физической к психической стороне природы человека, можно сказать, что теория эволюции открыла новую область исследования, которая осталась незатронутой старой философией. В прежние времена, когда философ задавался целью выяснить принципы работы человеческого разума, он стремился исследовать именно свой собственный разум или, в крайнем случае, разум своих цивилизованных современников. Когда Декарт обращал взор внутрь себя и размышлял о действиях собственного разума, он полагал, что проникает в самые глубокие основы, доступные человеческому интеллекту. Ему едва ли приходило в голову обратиться к разуму зулуса или готтентота, а тем более бабуина или шимпанзе. Однако учение об эволюции приблизило разум философа к разуму представителей примитивных народов и диковинных животных, и, если мы хотим полностью понять его, нам не следует пренебрегать никаким материалом.

Из теории развития следует, что одновременно с эволюцией тела человека из более низших организмов параллельно эволюционировал и его разум, постепенно совершенствуясь от, возможно, простых ощущений до того сравнительно высокого уровня интеллекта, которого достигли цивилизованные расы в настоящее время. И как по эволюции телесной формы мы знаем, что многие виды низших порядков дожили бок о бок с высшими до наших дней, так и в эволюции разума мы можем сделать вывод, что многие из существующих рас человечества отстали от нас и что различные степени их умственного развития представляют собой различные степени замедления в эволюционном процессе, различные стадии в восходящем движении человечества. Я говорю о восходящем движении, потому что у нас есть все основания полагать, что большинство, если не все, из этих более примитивных сообществ неуклонно, хотя и чрезвычайно медленно, продвигаются вперед; или, по крайней мере, так происходило до тех пор, пока, к своему несчастью, эти сообщества не вступили в роковой контакт с европейской цивилизацией. Старая теория постепенного вырождения человечества по мере удаления от первобытного состояния добродетельности и совершенства лишена малейших доказательств.

Даже более ограниченная и устойчивая точка зрения о частичном вырождении некоторых рас, на наш взгляд, основывается на очень однобокой индукции. Наш собственный опыт свидетельствует, что, читая записи о жизни дикарей, мы не встретили практически ни одного факта, который бы однозначно и неопровержимо указывал на подобное вырождение. Даже среди австралийских аборигенов, наименее развитых представителей человечества, мы, насколько помнится, не увидели ни малейшего признака того, что когда-то они имели более высокий уровень культуры, чем тот, на котором их обнаружили европейцы. Напротив, многое в их обычаях и верованиях, как нам кажется, убедительно свидетельствует в пользу вывода о том, что австралийское общество аборигенов, насколько возможно проследить его историю, совершало определенный прогресс по пути перехода от низших форм социальной жизни к более высоким. В некоторых частях Австралии этому прогрессу способствовали, если и вовсе не инициировали его, благоприятные климатические условия, в первую очередь повышенное количество осадков в горных районах вблизи побережья с естественным следствием – большим изобилием пищи, в отличие от засухи и бесплодия пустынных внутренних районов.

III. Сравнительный метод ^[8]

Таким образом, область психической, или социальной, антропологии можно определить как область изучения психологических и социальных условий жизни различных народов, особенно менее развитых по сравнению с более развитыми, с целью проследить общую эволюцию человеческого мышления, особенно на его ранних стадиях. Таким образом, сравнительное изучение сознания человека аналогично сравнительному изучению его организма, которое проводится анатомией и физиологией. Но если сравнительная анатомия и физиология охватывают все многообразие живой природы, то психическая антропология пока ограничивается сравнениями человека с человеком. Однако это ограничение, несомненно, временное: можно ожидать, что со временем растущие знания о психических процессах в сознании животных позволят сравнить их с

соответствующими процессами в сознании человека, и это сравнение не может не пролить свет на многие нерешенные пока проблемы.

Но если в интересах науки о человеке значительно более широкое применение сравнительного метода желательно и в будущем неизбежно, то некоторые антропологи предлагают ограничить применение этого метода. Сделать область применения этого метода еще более узкой, чем я предполагал, и чем это временно необходимо или целесообразно. Они, по-видимому, считают невозможным сравнивать между собой ментальность и социальные институты, искусства и ремесла далеких друг от друга народов, а предлагают сравнивать только ментальность и социальные институты соседних народов. Небольшое размышление убедит нас в том, что любое подобное ограничение, даже если бы оно было практически осуществимо, было бы неразумным и, более того, губительным. Мы сравниваем вещи на основании их сходства, а сходство не зависит от расстояния. Радий один и тот же на Земле и на Солнце; было бы абсурдно отказываться от их сравнения на том основании, что их разделяют многие миллионы миль. Что бы подумали о любой другой науке, наложившей на себя ограничения, которые некоторые из наших коллег хотят наложить на антропологию? Будет ли процветать геология, если она ограничит свое исследование, скажем, осадочных пород только Англией и откажется сравнивать породы Азии и Америки? Что будет с зоологией, если зоологу запретить сравнивать животных своей страны с животными других, более дальних стран? Собак, скажем, Уэльса с собаками Африки и Австралии? Бессмысленность и даже абсурдность предлагаемого ограничения столь очевидна, что довольно сформулировать это предложение, чтобы уже разоблачить его. Скрытая под нелепой личиной благоразумной рекомендации, эта точка зрения обычно подкрепляется весьма банальным умозаключением Джонсона об исследовании человечества от Китая до Перу, как будто сама идея проведения такого исследования слишком безумна для серьезного рассмотрения. Однако те же самые люди, которые насмеются над антропологией, не смеют делать подобных выпадов в адрес геологии, ботаники и зоологии, где сравнительный метод применяется по всему миру.

IV. Изучение человеческого разума^[9]

Даже если отбросить в сторону вопрос изучения человеческого тела и заняться только человеческим разумом, то уйдет немало сил и времени, поскольку аспект этот невероятно сложен. Давайте его рассмотрим, и не столько сам разум, сколько его внешние проявления, я имею в виду все, что появилось благодаря ему в области искусства, науки, политики, религии и в социальном устройстве общества. А вы знаете, что на протяжении долгих столетий в сферах искусства, науки, в устройстве общества происходили изменения, и сколько этих изменений – даже не сосчитать. Основные причины – расовое разнообразие, смена эпох и разные места обитания. Приведенный пример показывает, что изучение человеческого разума – сложнейшее дело. С чего начать исследование? Возможно ли понять человеческий разум? Как объяснить все, что появилось благодаря ему, все, столь непохожее, столь уникальное?

Когда мы что-то объясняем, мы это анализируем, то есть раскладываем на простые составляющие, и предполагаем, какие силы поспособствовали тому, чтобы эти составляющие соединились, потом эти составляющие объединяем, и в итоге должно получиться единое целое. Следовательно, прежде чем приступить к изучению человеческого разума и того, что оно породило, следует ответить на следующие вопросы: как выявить составляющие и уяснить, благодаря каким силам они объединились в столь непростое целое? Как изучить человеческое мышление, разложив его на самые простые части?

Ответ на эти вопросы находим в теории органического мира. Согласно теории, каждый организм, будь то животное или растение, появился благодаря многовековой эволюции, которая берет свое начало с самого зарождения жизни на нашей планете и которая состоит из серии долгих последовательных изменений от простого к сложному. Из чего следует: чтобы понять природу любого организма, следует вернуться в прошлое и рассмотреть эволюцию с самого возникновения существа и до наших дней. Не является исключением и человек. Чтобы узнать его как следует, надо бы изучить историю его развития с самого начала: нужно отследить эволюцию и тела, и ума, двигаясь от простейших начал и заканчивая достигнутых высот, которыми человечество гордится. Проще говоря, чтобы узнать, что представляет собой человек, нужно изучить его прошлое.

Но вы возразите: о развитии человечества известно далеко не все, а без этих знаний природа человечества так и останется для нас загадкой, так что и надеяться даже не стоит. Увы, но замечание верное, и касается оно не только развития человечества, но и любого другого существа, другого предмета. Мы – несовершенные существа, и совершенное знание нам недоступно. Так давайте довольствоваться тем, что хоть как-то сочетается с нашими небольшими способностями. Давайте действовать в тех сжатых рамках, в которые нас заключила природа. В этих потемках бесконечной Вселенной, где мы заблудились, давайте двигаться в сторону неяркого, слабого света. Оправдаем же незнание мыслью о том, что нашим потомкам удастся найти ответы на многие вопросы, которые так и остались для нас загадкой. И не стоит забывать: органическая эволюция, как и великая космическая эволюция, не останавливается лишь на нас, вырождаках этого племени. Она величаво будет идти от века к веку, создавая более совершенных существ, способных, в отличие от нас, понять истину.

V. Разнообразие видов. Суть и условия эволюции^[10]

Но не стоит думать, что предполагаемая картина развития человеческой культуры является цельной и законченной. Это далеко не так. При тех многочисленных белых пятнах на картине, на которой к тому же отображены не все промежуточные этапы, было бы безумно предполагать, что любое существующее дикое племя, на каком бы этапе развития оно ни находилось, шаг за шагом повторяет путь, когда-то пройденный предками, сформировавшими цивилизованное общество. Предполагая такое, мы совершаем большую ошибку и неверно рассматриваем процесс эволюции: будто эволюция везде проходит одинаково на одной и той же скорости у разных народов. При таком рассуждении выходит, что, предоставленные сами себе, все человеческие народности в конце концов достигли бы одного уровня культурного развития. Негры бы, например, стали белыми и сформировали бы такую же совершенную систему законодательства, как во времена Юстиниана I, или составили бы свой Кодекс Наполеона. Они создавали бы такие же прекрасные статуи, что и Фидий или Микеланджело. Писали бы трагедии столь же трогательные, что и Шекспир, и комедии столь же смешные, что

и Мольтер. И музыка у них бы была такая же радостная, как у Моцарта. Нет, господа, природа не лишена воображения, ее уж точно нельзя упрекнуть в том, что она отливает всех людей в одинаковых формах. Как раз-таки наоборот: она создает невероятное богатство различных особей, порой даже удивляешься – существует ли в мире два решительно одинаковых представителя одного вида? Именно бесконечное разнообразие видов является предпосылкой к органической эволюции. Давайте представим созидательную силу (если эволюцию можно так назвать), как дерево, ветви которого растут в разные стороны; и конечно, ветви с виду чем-то похожи, но одинаковых не найти, и в единый ствол, подобный тому, из которого они выросли, никогда не сплетутся. Как раз наоборот: чем больше они растут, тем дальше становятся друг от друга. Так же и с деревом жизни: чем больше оно порождает новых видов и чем больше эти виды размножаются, тем сильнее они друг от друга отличаются. Однако этот закон постоянно нарастающей дивергенции строго применяется к различным животным видам, но не к человеческим расам. Потому что все человеческие расы, образуя один вид, могут смешиваться и порождать тем самым нечто промежуточное. Но в этом смешении, если я не ошибаюсь, различные элементы сохраняются и могут проявиться спустя несколько поколений.

VI. Наука о происхождении человека^[11]

Итак, можно сказать, что центральная проблема социальной антропологии состоит в том, чтобы проследить эволюцию человеческого разума, которая с древнейших времен сопровождала эволюцию человеческого организма. Но поскольку позднейшие этапы этой эволюции уже давно изучены классическими науками, вполне справедливо, что новой науке следует ограничиться в основном более ранними этапами эволюции, которые классическая наука оставила без внимания. Именно поэтому антропологию принято, и в целом справедливо, считать наукой о происхождении человека. Именно потому, что вопрос о происхождении человека до недавнего времени был своего рода *terra incognita*, не затронутой научными изысканиями, но вытоптанной копытами невежества. Антропология стремится

исследовать эту пустыню. И сегодня на месте пустыни появляются первые цветы и плоды.

VII. Первобытный человек – бесценный источник знаний^[12]

Первобытный человек – это главный исторический источник для нас, свидетельство усилий человека подняться над уровнем животного. Только в последние годы была осознана вся ценность этого источника; более того, многие, вероятно, до сих пор придерживаются мнения Джонсона, который, указывая на только что вышедшие три больших тома «Путешествия в Южные моря», пишет: «Кто будет читать это до конца? Человеку интереснее работать в море, чем читать подобное. Эти книги съедят крысы и мыши, прежде чем они будут дочитаны до конца. В таких книгах мало удовольствия, так как одна категория дикарей похожа на другую». Но со времен Джонсона мир узнал много нового, и записи о жизни дикарей, которые этот мудрец из Болт-Корта без зазрения совести отдал на съедение грызунам, теперь занимают место в главных архивах человечества. Их судьба напоминает судьбу «Книг Сивилл». Когда их можно было прочесть в полном объеме, ими пренебрегали, а теперь мудрые люди готовы платить королевскую цену за их жалкие истлевшие останки. И до нашей эры ученые часто интересовались дикарями и грамотно их описывали, а некоторые из их описаний до сих пор представляют большую научную ценность. Например, открытие Америки, разумеется, вызвало в сознании европейских народов любопытство к обитателям Нового Света. Это открытие словно по мановению волшебной палочки подняло занавес, открыв взору европейцев чарующие и завораживающие новые земли. Соответственно, некоторые испанцы, завоевавшие эти удивительные земли, оставили нам в наследство рассказы о нравах и обычаях индейцев, которые по точности и полноте деталей, вероятно, превосходят все прежние записи о других народах. Таков, например, труд францисканского монаха Бернардино де Саагуна о туземцах Мексики, а также труд Гарсиласо де ла Веги, который сам был наполовину инком, об инках Перу. Исследование Тихого океана в XVIII веке с открытием райских островов, разбросанных во

множестве по океану, взбудоражило воображение Европы. Любопытству, пробудившемуся во многих умах, хотя и не в сознании Джонсона, мы обязаны некоторыми ценными описаниями островитян. Последние во времена парусных кораблей казались столь далекими от нас, что поэт Уильям Купер мечтал, чтобы английские кили никогда больше не взрезали те моря, где они обитают.

VIII. Дикари уходят ^[13]

Наши современники – нынешнее и подрастающее поколение – похоже, не осознают, что мы являемся свидетелями последнего акта долгой драмы, трагедии и комедии в одном лице, которая беззвучно, без фанфар и барабанного боя разыгрывается на наших глазах на сцене истории. Как бы ни сложилась дальнейшая судьба дикарей, над самой дикостью занавес скоро опустится навсегда. В последнее время темпы развития цивилизации столь ускорились, ее экспансия стала столь стремительной, что многие народы, которые еще сто лет назад вели свою прежнюю жизнь безвестно и безмятежно в глубине девственных лесов или на отдаленных морских островах, теперь бесцеремонно вытесняются или превращаются в посмешище для своих завоевателей. С их исчезновением или трансформацией из мира уйдет элемент причудливости, живописности, разнообразия. Общество в целом, возможно, станет счастливее, но по тону оно будет мрачнее, по цвету – серее и однообразнее. И по мере того, как дикость будет все дальше и дальше уходить в прошлое, она будет все больше и больше становиться объектом любопытства и удивления для поколений, отделенных от нее непреодолимой и все расширяющейся пропастью времени. Ее темная сторона будет забываться, светлая – наоборот, выходить на поверхность. Жестокость, лишения, страдания забудутся; память с восторгом будет обращаться ко всему, что было хорошего и прекрасного или что будет казаться хорошим и прекрасным в давно минувшей жизни нетронутой природы. Время, как волшебник, наложит на эти далекие века свои неизменные чары. Вокруг них возникает атмосфера романтики, подобно голубой дымке, смягчающей нежной красотой суровые черты далекого пейзажа. Так и патриархальная эпоха наделена для нас вечным очарованием в великих книгах Бытия и Одиссеи, повествованиях, дышащих свежестью

летнего утра и сверкающих, как капли росы, в первых лучах восходящего солнца истории.

IX. Дикари уходят. О долге Англии^[14]

Для человеческих знаний в настоящее время нет более насущной потребности, чем необходимость зафиксировать эти бесценные свидетельства ранней истории человека, пока еще не поздно. Ведь скоро, очень скоро те возможности, которые пока есть в нашем распоряжении, исчезнут навсегда. Возможно, уже через четверть века от прежней жизни дикарей не останется практически ничего. Первобытный человек, каким мы его еще можем видеть, вымрет, как дронг. Время течет стремительно: скоро пробьет час, будет поставлена точка, а книга закрыта. Что скажут наши потомки, обвиняя нас в измене роду человеческому, если мы так и будем пренебрегать изучением наших погибающих собратьев в пользу дорогостоящих экспедиций для наблюдения за звездами и исследования бесплодных полярных областей, как будто полярные льды растают и звезды перестанут светить после нас? Пробудимся же ото сна, зажжем огни, закатаем рукава! Университеты существуют для развития наук. Их долг – прибавить эту новую область к древним дисциплинам, которые они так усердно культивируют. Кембридж, к его чести, впереди всех в оснащении и отправке антропологических экспедиций; Оксфорд, Ливерпуль, все университеты страны должны присоединиться к этой работе.

Более того, долг всех цивилизованных государств – активно сотрудничать. В этом отношении Соединенные Штаты Америки, учредив в своих владениях бюро по изучению аборигенов, подали пример, которому должна следовать каждая просвещенная страна, властвующая над подчиненными народами. На нашей стране в особенности лежит такая обязанность, ибо за всю историю человечества ни одному народу не доставались во владение столь многочисленные и разнообразные сообщества и территории. Мы сами стали хранителями брата своего. Горе нам, если мы пренебрежем своим долгом перед братом! Нам недостаточно править по справедливости народами, которые мы покорили мечом. Мы должны – ради них, ради самих себя, ради потомков, которые будут требовать

этого от нас, описать их такими, какими они были до встречи с нами, до того, как они увидели английский флаг и услышали, к счастью или к несчастью, английский язык. Голос Англии говорит с подвластными ей народами не под грохот пушек, а решительно другими способами. Мир имеет свои победы, как и война: есть более благородные трофеи, чем знамена и орудия. Есть памятники, начертанные в воздухе, памятники слов, которые кажутся такими преходящими. Они останутся, когда заржавеют пушки и истлеют знамена. Когда римский поэт хотел создать образ вечности, он говорил, что его будут помнить до тех пор, пока будет существовать Римская империя, пока процессия в белых одеждах будет подниматься на Капитолий, чтобы помолиться в храме Юпитера. Давно перестала подниматься по склону Капитолия эта торжественная процессия, давно канула в Лету сама Римская империя, как канули в Лету империи Александра Македонского, Карла Великого, могучая держава Испании. Но меж обломков царств все так же стоит памятник поэту, ибо все еще читают и помнят его стихи. Я обращаюсь к университетам, я обращаюсь к правительству нашей страны с призывом объединиться и воздвигнуть памятник, благородный памятник Британской империи:

Quod non imber edax, non Aquilo impotens
Possit diruere, aut innumerabilis
Annorum series, et fuga temporum^[15].

Х. Листы из Книг Сивилл^[16]

Во всем мире дикари вымирают. Уходя, они уносят с собой страницу за страницей древнейшей истории человеческого вида. Изучение дикарей как будто повторяет судьбу сивиллы, которая, уничтожая лист за листом, требовала все ту же цену за все уменьшающееся число оставшихся. Наши шансы сохранить для будущих поколений сведения об этих племенах – изможденных и близких к исчезновению марафонцах истории – уменьшаются с каждым годом, но по мере того, как они исчезают, ценность тех немногих достоверных сведений, которые нам удалось сохранить, скорее увеличивается, чем уменьшается. Ибо есть разница между

Кумской Сивиллой и сивиллой антропологической: откровение, обещанное первой, не пропало навсегда вместе с трепещущими листьями – будущее со временем откроется будущему; но кто будет читать в грядущих веках исчезнувшие записи прошлого?

XI. Цивилизация возникла из дикости[\[17\]](#)

Сфера социальной антропологии, как мы ее понимаем или, по крайней мере, как мы предлагаем ее рассматривать, ограничена простейшими началами, зачаточным развитием человеческого общества: она не включает в себя зрелые фазы этого сложного роста, тем более не охватывает практические проблемы, с которыми приходится иметь дело современным государственным и законодательным деятелям. Соответственно, это исследование можно назвать эмбриологией человеческой мысли и институций. Если быть более точным, это такое исследование, которое стремится выяснить, во-первых, верования и обычаи дикарей, и, во-вторых, остатки этих верований и обычаев, сохранившиеся как окаменелости у народов более развитой культуры. При таком описании сферы социальной антропологии подразумевается, что предки цивилизованных народов когда-то были дикарями и что они передали или могли передать своим более культурным потомкам идеи и институции, которые, как бы они ни были несовместимы с их последующим окружением, вполне соответствовали образу мыслей и действий того более грубого общества, в котором они возникли. Короче говоря, это определение предполагает, что цивилизация всегда и везде развивалась из первобытной дикости. Масса доказательств, на которые опирается это предположение, на наш взгляд, столь велика, что индукция поистине неопровержима. По крайней мере, если кто-либо оспаривает это, мы не считаем нужным с ними спорить. В цивилизованном обществе, смеем полагать, еще есть люди, которые считают, что Земля плоская, а Солнце ходит вокруг нее; но ни один здравомыслящий человек не станет тратить время на тщетные попытки убедить таких людей в том, что они заблуждаются, даже если эти плоскоземельщики и геоцентристы будут с совершенной справедливостью апеллировать к свидетельствам своих органов чувств в поддержку своих галлюцинаций, а это куда

больше, чем способны сделать противники первоначальной дикости человека.

Таким образом, изучение жизни дикарей является чрезвычайно важной частью социальной антропологии. Ведь по сравнению с цивилизованным человеком дикарь представляет собой остановку или, скорее, заторможенную стадию социального развития, и изучение его обычаев и верований, соответственно, дает такие же свидетельства эволюции человеческого разума, как изучение эмбриона – эволюции человеческого организма. Иначе говоря, дикарь для цивилизованного человека – словно ребенок для взрослого; и как постепенный рост интеллекта у ребенка соответствует и в некотором смысле повторяет постепенный рост интеллекта у всего вида, так и изучение первобытного общества на различных этапах эволюции позволяет нам приблизительно, хотя, конечно, не точно, проследить путь, по которому предки развитых народов должны были пройти от варварства к цивилизации. Одним словом, дикость – это первобытное состояние человечества, и чтобы уяснить, каким был первобытный человек, необходимо знать, что представляет собой дикарь сейчас.

XII. Ступени умственной эволюции ^[18]

Таким образом, на основе изучения, во-первых, первобытности и, во-вторых, ее пережитков в цивилизации, социальная антропология пытается проследить раннюю историю человеческой мысли и институций. Эта история никогда не будет полной, если только наука не откроет способ прочтения выцветших записей прошлого, о чем нынешнее поколение не может и мечтать. Мы знаем, что каждое событие, даже самое незначительное, влечет за собой изменения, пусть даже самые небольшие, в материальной структуре Вселенной, так что вся история мира в некотором смысле выгравирована на ее лице, хотя наши глаза слишком слепы, чтобы прочесть этот свиток. Возможно, в будущем будет найден какой-то чудесный реагент, какое-то волшебное химическое вещество, которое откроет тайные письма природы, чтобы более великий толкователь, чем пророк Даниил, смог изложить их своим братьям. Едва ли это произойдет в наше время. При тех ресурсах, которыми мы располагаем сейчас, мы вынуждены довольствоваться чрезвычайно сжатым, несовершенным и во многом

тенденциозным описанием психического и социального развития человека в доисторические эпохи. Как мы уже отмечали, фрагментарные и не всегда надежные свидетельства достигают лишь ближайших поверхностных слоев человеческого прошлого. Мы быстро теряем нить, едва различимую в густой темноте абсолютной неизвестности. Даже на сравнительно коротком отрезке времени, не более нескольких тысяч лет, который более или менее доступен нашему пониманию, существует множество глубоких и широких пропастей, преодолеть их пока можно только с помощью гипотез, при условии, что история эволюции идет непрерывно. Такие мосты в антропологии, как и в биологии, наводятся с помощью сравнительного метода, который позволяет заимствовать звенья одной цепи доказательств для восполнения пробелов в другой. Для нас, имеющих дело не с формами животного мира, а с результатами человеческой деятельности, правомерность сравнительного метода основывается на хорошо известном сходстве работы разума у разных народов. Мы уже обращали внимание на зияющее неравенство, существующее не только между народами, но и между людьми одного народа и поколения; но следует четко понимать и помнить, что эти различия носят скорее количественный, чем качественный характер, что они заключаются в различиях степени, а не вида. Дикарь не отличается от своего цивилизованного собрата: у него те же умственные и нравственные способности, но они менее развиты: его эволюция приостановилась или, скорее, затормозилась на более низком уровне. А поскольку первобытные народы не все находятся на одном уровне, а остановились или задержались на разных отметках восходящего пути, то, сравнивая их между собой, мы можем с той или иной степенью точности представить себе лестницу социального прогресса и примерно наметить некоторые этапы длинного пути, ведущем от дикости к цивилизации. В царстве разума такая шкала психической эволюции соответствует шкале морфологической эволюции в царстве животных.

XIII. Дух науки [\[19\]](#)

Антропология, или изучение человека, занимает достойное место среди наук. Важным направлением этой науки является история

общественных институций, о которой пойдет речь далее. Цель – проследить рост, развитие и упадок всех человеческих институций с древнейших до новейших времен, не просто фиксируя факты в хронологическом порядке, а соотнося их с общими причинами, связанными с физическим и психическим складом человека и влиянием внешней природы. Если мы хотим продолжить это исследование в научном духе, мы должны стремиться изучать верования и обычаи человечества с тем же строгим беспристрастием, с каким, например, зоолог изучает повадки пчел и муравьев. Достичь этой беспристрастности антропологу действительно гораздо сложнее, чем зоологу, поскольку обычаи и суеверия даже самых отсталых дикарей касаются нас гораздо больше, чем повадки даже самых умных животных. Непрерывность развития человечества такова, что большинство, если не все, великие институции, которые до сих пор составляют основу цивилизованного общества, уходят корнями в первобытную дикость и дошли до нас через бесчисленные поколения, принимая в процессе новые внешние формы, но оставаясь в своей глубинной основе практически неизменными. Таковы, например, институции частной собственности, брака, войны, поклонения богу. Существовали и существуют разногласия по поводу конкретной ценности этого наследия, но по поводу факта его существования их быть не может. Поэтому при общении даже с самыми отсталыми дикарями нелегко, если можно так выразиться, удержать взгляд на объекте, находящемся непосредственно перед нами. Ведь мы как бы стоим у истоков человеческой истории, и трудно исключить из своего сознания мысль о тех судьбоносных последствиях, которые в другие века и в других странах вытекали из этих простых начал, часто из этих, казалось бы, безобидных причуд. И чем дальше мы спускаемся по течению истории, чем ближе к нашей эпохе и стране, тем труднее сохранять беспристрастное отношение к исследованию тех устоев, которые принесли человечеству столько счастья и столько бед. И все же, если мы хотим добиться успеха в исследовании, нужно стараться подходить к нему без предубеждений и вести его беспристрастно, помня, что наша цель – установление истины, а не распределение похвал или порицаний. Мы не судьи, тем более не защитники, а всего лишь исследователи. Для нас, говоря языком Спинозы, *humanas actiones non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere*^[20].

XIV. Индуктивный метод ^[21]

Наука, основанная на наблюдении, как, например, все исторические науки, может преподаваться одним из двух способов. Либо мы начинаем с изложения общих принципов и затем иллюстрируем их частными случаями, либо, наоборот, мы начинаем с частных случаев и на основе их сопоставления друг с другом пытаемся выявить те общие законы, которые, как принято говорить, управляют частностями. В первом случае речь идет о дедуктивном методе, во втором – об индуктивном.

Оба метода, как и большинство других, имеют свои достоинства и недостатки. Дедуктивный метод, по крайней мере на первый взгляд, является более научным. В нем присутствует завершенность, симметрия и точность, что очень привлекает. Он дает возможность увидеть предмет с высоты птичьего полета, что способствует восприятию и запоминанию. Таким образом, он прекрасно подходит как для изложения материала педагогом, так и для обучения учащегося. Другими словами, это наилучший способ передачи и получения сведений как в целях проверки знаний, так и для более высоких целей. Для таких целей индуктивный метод практически бесполезен. Он сразу погружает нас в такое море частностей, что поначалу трудно сориентироваться, то есть понять общие принципы, которые должны привести этот кажущийся хаос в порядок. Выражаясь общеизвестной и достаточно емкой фразой, трудно разглядеть лес за деревьями. Однако этот серьезный недостаток индуктивного метода с лихвой компенсируется одним весомым преимуществом: это метод открытий. Во всех науках, основанных на наблюдении, открытие в конечном счете должно идти от частного к общему, от отдельных наблюдаемых случаев к абстрактной концепции, связывающей их воедино. Существуют очевидные исключения, но при исследовании они, как мы полагаем, всегда будут только подтверждать правило. Таким образом, если индуктивный метод не подходит для приобретения знаний, то он хорошо подходит для их расширения; он не готовит студента к экзаменам, но готовит его к исследованиям.

Помимо этого общего преимущества индуктивного метода существует особая причина, по которой антропология должна придерживаться его в настоящее время. Чтобы применить

обоснованную индукцию, необходимо собрать большое количество фактов, поэтому в индуктивных науках необходимо, чтобы период сбора сведений предшествовал периоду обобщения. Только после накопления и расположения по рубрикам плодов многочисленных наблюдений начинают проявляться общие законы, лежащие в их основе. Теперь антропология в целом и история общественных институций в частности находятся еще на стадии сбора материала. Главная потребность исследования – не столько теоретические построения, сколько факты. Особенно это касается той части исследования, которая связана с происхождением, ведь, как мы уже говорили, большинство значимых общественных институций восходят ко временам дикости, и, следовательно, если мы говорим о ранней истории человечества, то дикарь – это самый ценный источник сведений. Только в последние годы этому источнику уделяется должное внимание, и, к сожалению, он гибнет на глазах. Контакт с цивилизацией быстро стирает старые верования и обычаи дикарей и тем самым уничтожает свидетельства, имеющие бесценное значение для истории нашего вида. Самая насущная потребность антропологии в настоящее время – получить точные сведения о существующих обычаях и представлениях дикарей, пока они еще не исчезли. Когда они будут получены, когда будут тщательно изучены имеющиеся в наших архивах документы, когда все сведения будут распределены по рубрикам и усвоены, историк-философ сможет с достаточной степенью надежности сформулировать те общие законы, которые определяли интеллектуальную, социальную и нравственную эволюцию человечества.

Это не будет сделано в наше время. Великие мыслители, Ньютоны и Дарвины антропологии, придут после нас. Наше дело – подготовиться к их приходу, собирая, классифицируя и упорядочивая материалы, чтобы, когда в будущем появится великий разум и изучит их, он смог бы сразу обнаружить то единство в многообразии, то общее в частностях, которое ускользнуло от нас. Поэтому в настоящее время обязанность исследователя состоит в том, чтобы собрать воедино факты, независимо от того, отправляется ли он, как некоторые из наших друзей, за ними с риском для жизни в дикие страны или просто откапывает их в свое удовольствие в пыльных архивах. Прошло то время, когда провидцы и мечтатели, подобные Руссо, могли по

собственному воображению воссоздать историю общества, и плоды их воображения принимались за видения грядущего золотого века, к их голосам прислушивались, как к ангельским трубам, возвещающим о пришествии нового неба и новой земли. Современному антропологу незачем витать в эмпиреях и строить воздушные замки. Его задача более трезвая и скучная: терпеливо накапливая факты, закладывать фундамент структуры, более прочной и долговечной, чем ослепительные фантазии Руссо. Однако и он в конце концов может оказаться зачинателем революции, революции тем более надежной и прочной, что она будет медленной и мирной.

Таким образом, метод антропологии – индуктивный, и в настоящее время антропологи занимаются в большей степени сбором и систематизацией материалов, нежели созданием на их основе теоретических обобщений. Однако определенная доля предварительных обобщений вполне оправдана и даже необходима. Даже работа наблюдателя вряд ли может быть выполнена без некоторой опоры на теорию, направляющей внимание наблюдателя на те моменты, которые в противном случае он мог бы упустить или счесть слишком незначительными. Но эти предварительные гипотезы не должны быть слишком строгими; мы всегда должны быть готовы пересмотреть или отбросить их, если они будут противоречить новым данным. Прогресс в этой, как и во всякой другой, области состоит в постепенном изменении теории в соответствии с фактами, концепции в соответствии с восприятием, мышления в соответствии с опытом; и поскольку совершенство на пути новых и новых уточнений недостижимо, прогресс бесконечен.

XV. Колебания социального маятника^[22]

О социальном состоянии первобытного человека мы не знаем абсолютно ничего, а праздные рассуждения нам не нужны. Праотцы наши могли быть такими же строгими приверженцами моногамии, как Уистон или Примроуз, а быть может, дело обстояло и совершенно иначе. У нас нет никаких сведений на этот счет, и вряд ли она будет получена. За бесчисленные века, прошедшие с тех пор, как мужчина и женщина впервые бродили рука об руку по счастливому саду или раскачивались, как обезьяны, среди густых лиственных крон

девственного леса, их отношения могли претерпеть бесчисленные изменения. Ведь человеческие отношения, как и многое в природе, словно движутся по кругу: социальный маятник качается то в одну, то в другую сторону: в политической сфере – от демократии к деспотизму, от деспотизма к демократии; так и в сфере устройства человеческих отношений он, возможно, не раз колебался между либертинажем и моногамией.

XVI. Мираж золотого века [\[23\]](#)

Странным подобием магии, какой-то причудой воображения человек снова и снова создает себе мираж золотого века в далеком прошлом или далеком будущем, мечтая о блаженстве, которого никогда не было и не может быть. Что касается прошлого, то печальный долг антропологии – развеять этот сон и изобразить дикость в ее истинных красках. Мы попытались сделать это в данной книге. Мы ничего не оправдываем, ничего не смягчаем и, будем надеяться, ничего не преувеличиваем. Как наглядное свидетельство своеобразной формы общества, которая вскоре должна отойти в прошлое, эта книга может сохранять интерес даже тогда, когда с развитием знаний ее ошибки будут исправлены, а теории, возможно, заменены другими, более близкими к истине. И хотя мы никогда не стеснялись ни строить теории, которые, как нам казалось, соответствовали фактам, ни отбрасывать их, когда они переставали соответствовать им, нашей целью в этой и других работах было не пестование гипотез, которые блеснули на мгновение и исчезли. Нашей целью было путем сбора обширных данных и точной классификации фактов заложить широкий и прочный фундамент для индуктивного изучения первобытного человека.

XVII. Столкновение культур [\[24\]](#)

Устаревшая точка зрения, что дикари выродились из более высокого уровня культуры, на котором когда-то стояли их предки, лишена как доказательств, так и правдоподобия. Напротив, те скудные и отрывочные сведения о низших народах, которой мы, к счастью,

располагаем, свидетельствует, что в целом даже самые дикие племена достигли своего низкого уровня культуры от еще более низкого и что движение вверх, хотя и медленное, почти незаметное, было реальным и устойчивым вплоть до момента соприкосновения дикости с цивилизацией. Момент такого контакта является критическим для дикарей. Если интеллектуальный, моральный и социальный разрыв, отделяющий их от цивилизованных пришельцев, превышает определенную величину, то рано или поздно дикари неизбежно должны погибнуть; удар от столкновения с более сильным сообществом оказывается слишком сильным, слабый бьется о стену и разбивается вдребезги. Но если, с другой стороны, пропасть между двумя конфликтующими сообществами не столь широка, чтобы быть непреодолимой, есть надежда, что более отсталое сообщество сможет воспринять более высокую культуру другого и выжить. Так было, например, с нашими предками-варварами при сношениях с древними цивилизациями Греции и Рима; так может быть и в будущем с некоторыми, например, чернокожими народами современности при контакте с европейской цивилизацией. Время покажет.

XVIII. Человеческая комедия [\[25\]](#)

Человек – животное весьма любопытное, и чем больше мы узнаем о его привычках, тем более любопытным он нам представляется. Возможно, он самая разумная из тварей, но уж наверняка и самая нелепая. Даже угрюмому остроумию Свифта, не знавшего ничего о дикарях, не удалось предельно точно обрисовать человеческое чудачество. Однако странно то, что, несмотря на все нелепости, а может быть и в силу их, человек неуклонно движется вверх; чем больше мы узнаем о его прошлой истории, тем более беспочвенной выглядит старая теория о его вырождении. Из ложных предпосылок он часто приходит к здравым выводам: из химерической теории он выводит спасительный способ действовать. Данное рассуждение послужит полезной цели, если проиллюстрирует несколько способов, с помощью которых чудачество таинственным образом обращается в мудрость, а добро выходит из зла. Это всего лишь набросок обширнейшей темы. Закрашу ли я когда-либо эти смелые контуры густыми штрихами, время покажет. Материалов для такой картины

существует в изобилии; и если краски темны, они все же освещаются, как я пытался указать в этом очерке, лучом надежды и утешения.

XIX. Действие – камень веры^[26]

Мысль первобытного дикаря тяготеет к расплывчатости и непоследовательности; он не может ни ясно представить свои идеи самому себе, ни ясно выразить их другим, даже если захочет это сделать. А мысль его не только туманна и непоследовательна, она подвижна и неустойчива, изменчива под воздействием чужих влияний. В силу этих и других причин, таких как недоверие к чужакам и сложность языка, который часто становится серьезным препятствием между дикарем и цивилизованным исследователем, область примитивных представлений о жизни таит в себе столько загадок, что можно было бы почти отчаяться докопаться до истины, если бы не существовало подсказки, все-таки ведущей нас по этому темному и извилистому пути. Эта подсказка – действие. Если в целом чрезвычайно трудно распознать, что человек думает, то сравнительно легко увидеть, что он делает; и именно то, что человек делает, а не то, что он говорит, является самым надежным критерием его истинных убеждений. Поэтому, когда мы пытаемся изучить религии первобытных народов, ритуал, который они практикуют, как правило, является более надежным показателем их истинного вероисповедания, чем то, что они произносят во всеуслышание.

XX. Рациональность дикаря^[27]

Можно считать общепризнанной истиной, что дикари в целом, насколько они нам известны, имеют определенные более или менее определенные религиозно-философские воззрения, которыми они руководствуются в своем поведении и согласно которым судят о своих поступках. И какими бы абсурдными они ни казались цивилизованному человеку, они по-своему вполне рациональны и понятны. Было бы глубоко ошибочным поспешно делать вывод о том, что если поведение дикаря не соответствует нашим представлениям о разумном, естественном и должном, то оно обязательно должно быть

нелогичным, являться результатом слепого импульса, а не обдуманной мысли и расчета. Несомненно, дикарь, как и цивилизованный человек, часто действует чисто импульсивно, его страсти берут верх над разумом, сметая его на своем пути. Возможно, он действительно гораздо более импульсивен, сильнее подвержен порывам чувств, но было бы несправедливо судить о его жизни в целом по этим случайным вспышкам, а не по ее общему содержанию, которое для тех, кто знает первобытного дикаря по долгим наблюдениям, обнаруживает основу логики и разума, напоминающую нашу собственную в практическом воплощении, хотя и отличающуюся от нашей в предпосылках. Считаю необходимым подчеркнуть рациональную основу жизни дикарей, поскольку в последние годы у некоторых авторов появилась мода подвергать ее сомнению или вовсе отрицать. По их мнению, если мы правильно их понимаем, дикарь сначала действует, а потом придумывает для этого причины, причем, как правило, весьма абсурдные. Примечательно, что авторы, доказывающие иррациональность поведения дикарей, не имеют, как мне кажется, личного опыта общения с ними. Их представления основаны не на наблюдениях, а на чисто теоретических умозаключениях, что является весьма шатким фундаментом для науки о человеке или вообще о чем бы то ни было. Как таковые, эти умозаключения нельзя сопоставлять со свидетельствами многих очевидцев, которые годами жили с дикарями и наглядно подтверждают логическую основу, лежащую в основе их жизни и объясняющую их мнимые причуды. Во всяком случае, мы готовы без колебаний принять свидетельства таких людей в области фактов, с которыми они знакомы, и безоговорочно отвергнуть любые умозрительные построения, прямо противоречащие этим свидетельствам. Если и существовала когда-либо общность людей, которые всегда сначала действовали, а потом думали, то мы можем только сказать, что в процессе чтения и наблюдения не встречали никаких следов таких людей, и мы склонны предположить, что если они и существовали где-либо, кроме воображения книжных мечтателей, то их существование, скорее всего, было весьма скоротечно, поскольку в борьбе за существование они, несомненно, уступили бы противникам, которые умили пыл и подчинили слепую ярость борьбы хотя бы толике разума. Миф о нелогичном или дологичном дикаре можно смело отнести к тому

собранию заученных нелепостей, которое спекулятивная антропология постоянно пополняет новыми образцами бесцельного труда и напрасного усердия.

XXI. Первобытные люди современности не являются абсолютно примитивными^[28]

Надлежит остерегаться одного распространенного заблуждения. Современные первобытные дикари примитивны только в относительном, а не в абсолютном смысле. Они примитивны по сравнению с нами, но далеко не примитивны по сравнению с истинно первобытным человеком, то есть с человеком, каким он был, когда впервые вышел из чисто звериной стадии существования. По сравнению с человеком в его абсолютно первозданном состоянии даже самый примитивный туземец современности, несомненно, является высокоразвитым и культурным существом. Все доступные свидетельства говорят в пользу того, что каждое человеческое сообщество, как самое отсталое, так и самое цивилизованное, достигло своего нынешнего уровня культуры только в результате медленного и мучительного продвижения вверх, которое растянулось на многие тысячи, а быть может, и миллионы лет. Поэтому, когда английский язык позволяет нам называть существующих в наше время первобытных людей примитивными, всегда следует помнить, что мы применяем к ним это определение в относительном, а не в абсолютном смысле. Мы имеем в виду, что их культура недоразвита по сравнению с культурой цивилизованных народов, но ни в коем случае не тождественна культуре истинно первобытного человека. Необходимо подчеркнуть относительность использования определения «примитивный» в применении ко всем известным дикарям без исключения, так как двусмысленность, возникающая из-за двойного значения этого слова, является источником многих недоразумений и неточностей. Невнимательные или недобросовестные авторы играли с ним ради полемики, употребляя слово то в одном, то в другом значении в зависимости от нужд аргументации, не замечая или, во всяком случае, не указывая на двусмысленность. Чтобы избежать этих словесных блужданий, необходимо лишь постоянно помнить, что если

социальной антропологии есть что сказать о первобытном человеке в относительном смысле, то ей нечего сказать о первобытном человеке в абсолютном смысле по той простой причине, что она ничего о нем не знает и, насколько мы можем судить в настоящее время, вряд ли узнает. Восстановление истории человеческого общества от абсолютно первобытного человека до социальных институций существующих сейчас дикарей (что должно было бы охватить сотни тысяч лет), возможно, имеет достоинства как полет воображения, но совершенно лишено их в научном смысле. Следовать этим путем означало бы в корне нарушить правильный порядок научной процедуры. Это означало бы движение от неизвестного к известному, а не от известного к неизвестному. Мы многое знаем о социальном положении дикарей нынешнего и вчерашнего дня, но напомним, что мы ничего не знаем, об абсолютно первобытном человеческом обществе. Поэтому трезвый исследователь, стремящийся прояснить социальную эволюцию человечества до начала истории, должен отталкиваться не от неизвестного и чисто гипотетического первобытного человека, а от самых низших дикарей, которых мы знаем теперь или о которых имеем достаточные сведения; и, опираясь на их обычаи, верования и традиции как на прочную основу, можно было бы гипотетически проделать небольшой путь назад в безвестную толщу прошлого. То есть можно было бы попробовать создать разумную теорию того, как эти реально существующие обычаи, верования и традиции росли и развивались в период, более или менее отдаленный, но, вероятно, не слишком отдаленный от того времени, в которое они были обнаружены и зафиксированы. Но здравомыслящий исследователь никогда не будет рассчитывать на то, что эта реконструкция человеческой истории зайдет очень далеко в прошлое, и тем более не будет мечтать связать ее с самым началом развития человечества, поскольку осознает, что мы не располагаем ровно никакой доказательной базой, которая позволяла бы нам даже гипотетически преодолеть пропасть в тысячи или миллионы лет, разделяющую современного дикаря и первобытного человека.

XXII. Низший не значит падший [\[29\]](#)

Расположение на нижней ступени человеческого общественного развития иногда путают с деградацией, но такая связь вовсе не обязательна. В животном мире муравей, пчела, слон, собака занимают низкое положение по сравнению с человеком, но это отнюдь не результат их упадка, и было бы клеветой называть их глупыми, ленивыми, жестокими и т. п.; ведь многие из этих существ проявляют такие ум и трудолюбие, мужество и привязанность, которые могут послужить примером для многих людей.

XXIII. Значимость фольклора^[30]

Современные исследования ранней истории человека, проводимые на разных направлениях, почти неопровержимо доказывают, что все цивилизованные народы в тот или иной период вышли из состояния дикости, более или менее напоминающего то состояние, в котором многие отсталые народы пребывают до настоящего времени; и что еще долгое время после того, как большинство людей в обществе перестало мыслить и действовать как дикари, в привычках и общественных институтах народа сохраняются следы прежних грубых форм жизни и мышления. Такие пережитки включаются в понятие «фольклор», которое в самом широком смысле слова охватывает всю совокупность традиционных верований и обычаев народа в той мере, в какой они являются результатом коллективного действия людей и не могут быть обусловлены индивидуальным влиянием выдающихся личностей. Несмотря на высокий уровень нравственного и религиозного развития древних евреев, нет оснований полагать, что они составляли исключение из этого общего закона. По всей видимости, они тоже прошли через стадию варварства и даже дикости, и эта версия, основанная на аналогии с другими народами, подтверждается изучением их литературы, где содержится множество упоминаний верований и обычаев, которые трудно объяснить иначе, как рудиментарным пережитком гораздо более низкого уровня культуры.

XXIV. Фольклор и поэзия^[31]

Фольклор и его не прямые смыслы еще предстоит изучить. При изучении этой и других областей фольклора мы можем кое чему научиться у поэтов. Они интуитивно понимают то, что большинству из нас приходится узнавать путем кропотливого сбора фактов. Действительно, без обращения к поэтической фантазии едва ли можно проникнуть в сердце народа. Бесстрастный рационалист будет тщетно стучаться в зачарованные, увитые розами врата сказочной страны. Привратник не пропустит диккенсовского Томаса Грэдграйда.

XXV. Отсталость аборигенов Австралии [\[32\]](#)

Среди огромных пространств мировой континентальной суши Австралия является одновременно и самой маленькой, и самой изолированной территорией, поэтому ее растительный и животный мир в целом менее развит и более архаичен, чем на других континентах. По этой же причине аборигенный человек в Австралии в целом сохранился до наших дней в более примитивном состоянии, чем в других местах. В борьбе за существование развитие тесно связано с конкуренцией: чем больше конкурентов, тем острее борьба и тем быстрее, соответственно, эволюция. Сравнительно небольшая площадь Австралии в сочетании с ее климатическими особенностями, прежде всего засушливостью и пустынностью значительной части территории, отнюдь не способствовала росту населения, а малочисленность населения тормозила развитие. Это относится прежде всего к центральному региону, который не только отрезан от внешнего мира, но и изолирован естественными преградами даже от остальной части континента. Здесь, в сердце самого уединенного континента, исследователь может с полным основанием ожидать увидеть дикаря в самой его сути, обнаружить человечество в стадии куколки, отметить первые слепые шаги нашего вида к свободе и свету.

XXVI. Прилив прогресса идет от моря [\[33\]](#)

Внутренние районы страны, естественно, менее подвержены внешнему влиянию, чем ее побережье, и поэтому там лучше сохраняется более старый образ жизни. Но помимо иноземного

влияния, которое до прихода европейцев, похоже, почти не затронуло коренных австралийцев, есть особая причина, по которой прибрежные племена Австралии должны были сделать первые шаги к цивилизации, – это большее изобилие воды и пищи в их регионах по сравнению с иссушенными и бесплодными плоскогорьями внутренних районов. Центральная Австралия находится в пустынной зоне Южного полушария, здесь нет высоких гор, которые могли бы задерживать и остужать пар, поступающий от окружающего ее океана. Наиболее протяженные участки плодородной и хорошо увлажняемой земли находятся на востоке и юго-востоке, где горная цепь в районе Виктории приближается к границам вечных снегов. А на севере, на берегах залива Карпентария, более обильные осадки дают более обильную растительность и более обильные запасы пищи, чем в засушливой пустыне внутренних районов. Таким образом, даже среди грубых дикарей Австралии мы можем наблюдать действие тех природных законов, согласно которым все великие цивилизации мира должны возникать на хорошо обводненных и плодородных землях, находящихся под атмосферным воздействием моря. Обилие продуктов питания стимулирует прогресс не только в одном направлении. У людей появляется больше времени, не занятого заботой о пропитании, оно дает им больше возможностей для наблюдений и размышлений, чем людям, вся энергия которых поглощена напряженной борьбой за пропитание. Изобилие съестного повышает физическую выносливость, укрепляет и обостряет интеллектуальные способности, которые так или иначе подавлены и заторможены при ослабленном питании. Таким образом, если в Австралии медленный, но ощутимый прилив прогресса идет от моря в глубь страны, то, вероятно, в значительной степени благодаря более обильным источникам продовольствия, которое, в свою очередь, доступно благодаря более обильным осадкам на побережье и в прилегающих областях.

XXVII. Материальный прогресс как мера интеллектуального развития [\[34\]](#)

Естественно и, пожалуй, неизбежно, что первые усилия человека по улучшению своего положения должны быть направлены на

удовлетворение физических потребностей, поскольку материальная сторона его природы является той необходимой основой, на которой в материальном мире должно покоиться его интеллектуальное и нравственное благополучие. Однако прогресс в материальной культуре является в то же время верным признаком интеллектуального прогресса, поскольку любое орудие труда, от простейшей дубины туземца до сложнейших инженерных изобретений, есть не что иное, как физическое воплощение идеи, предшествовавшей ему в сознании человека. Следовательно, в эволюции культуры интеллектуальное совершенствование является главным фактором и движущей причиной; материальное совершенствование вторично, оно следует за прогрессом интеллектуальным, как его следствие. Было бы прекрасно, если бы некоторые недалекие умы, осуждающие прогресс инженерной науки в наш век, осознали эту истину. Тогда они увидели бы, что, осуждая то, чего они не понимают, они на самом деле порицают развитие сознания человека. Мы не знаем ни стимула этого развития, ни его цели, но совершенно ясно, что оно является источником всего самого лучшего и благородного в человеческой природе.

Из вышесказанного следует, что прогресс народа в области материальной культуры является не только наиболее очевидным, но и в целом самым надежным мерилom его интеллектуального и социального прогресса. Высокий интеллект и твердый характер никогда не встречаются у бесхитростных аборигенов; они встречаются только у народов, достигших наивысшего уровня материальной культуры, доведших искусства и ремесла до совершенства. Именно в городах, а не в пустыне распускались самые прекрасные цветы человечества. Истинная цивилизация начинается, как следует из самого названия, с основания городов. Там, где нет таких узлов, концентрирующих энергию, население пребывает в дикости и варварстве.

XXVIII. Эволюция и распространение культуры

История умственного развития человека имеет куда больше пробелов, чем история его физического развития, и изучать ее труднее не только из-за несравненно более тонкой и сложной природы предмета, но и потому, что исследователю мешает густой туман

предрассудков, который в гораздо меньшей степени застигает поля сравнительной анатомии и геологии. Наш собственный вклад в изучение человеческого разума состоит не более чем в схематичной и чисто предварительной классификации фактов, собранных почти полностью из печатных источников. Если из массы частных и вытекает какой-то общий вывод, то мы осмелимся предположить, что этот вывод – наличие существенного сходства в работе менее развитого интеллекта у людей по всему земному шару, что соответствует сущностному сходству их телесного устройства, выявленному сравнительной анатомией. Но хотя это общее сходство психики можно считать установленным, мы должны быть осторожны, чтобы не списать на него множество частных сходств, которые могут быть и часто являются следствием простой диффузии, поскольку вполне очевидно, что различные народы заимствовали друг у друга многие искусства и ремесла, а также идеи, обычаи и общественные институты. Отсеять элементы культуры, которые народ выработал самостоятельно, и отличить их от тех, которые он позаимствовал у других, – задача чрезвычайно сложная, которая еще долго будет занимать исследователей, изучающих человека. Факты имеют большое число истолкований, а исторические записи часто столь несовершенны, что вызывает сомнения, что в отношении многих народов мы когда-нибудь сможем прийти к чему-то большему, чем вероятностные предположения.

XXIX. Сходство обычаев и их возникновение ^[35]

Вопрос этот таков: чем можно объяснить те многочисленные и поразительные черты сходства, которые обнаруживают верования и обычаи народов, живущих в разных местах земного шара? Следует ли рассматривать эту общность обычаев и верований как следствие заимствования их одним народом от другого благодаря непосредственному контакту между ними либо через посредство других народов? Или же они возникли у каждой расы самостоятельно как следствие одинаковой работы человеческой мысли под влиянием одних и тех же обстоятельств? И вот если мне позволено высказать свое мнение по этому горячо обсуждаемому вопросу, то я должен со своей стороны прямо заявить, что сама постановка вопроса в форме

противопоставления двух взаимно исключающих друг друга точек зрения представляется мне в корне неправильной. Насколько я в состоянии судить, весь накопленный запас наблюдений и все соображения говорят за то, что обе причины оказывали свое широкое и могущественное воздействие на процесс образования сходных обычаев и верований у различных народов. Иначе говоря, во многих случаях сходство объясняется простым заимствованием, с некоторыми более или менее значительными видоизменениями, но немало бывает и таких случаев, когда сходные у разных народов обычаи и верования возникают независимо друг от друга, в результате одинаковой работы человеческой мысли под влиянием аналогичных условий жизни. Но если так (а я думаю, что это единственно правильная и приемлемая точка зрения), то отсюда следует, что, пытаясь в каждом отдельном случае объяснить замеченное нами сходство между обычаями и верованиями у разных народов, мы отнюдь не должны исходить из одной какой-нибудь общей теории, будь то теория заимствования или теория самобытного образования. В каждом отдельном случае нужно учитывать конкретные особенности, подвергая факты беспристрастному анализу, и тщательно взвешивать все доказательства, говорящие в пользу той или иной причины. В случае же равноценности доказательств обоюдо рода приписать сходство совокупному действию обеих причин. Этот общий вывод о приемлемости обеих теорий – теории заимствования и теории самостоятельного образования, как одинаково правильных и в известных пределах соответствующих действительности, подтверждается, в частности, исследованием легенд о потопе. Известно, что легенды о Великом потопе распространены среди многих различных народов в отдаленных друг от друга странах; и, насколько возможно говорить в подобных случаях о доказательствах, можно считать доказанным, что сходство, несомненно существующее между многими из этих легенд, отчасти является результатом прямого заимствования одним народом у другого, а отчасти следствием совпадающих, но вполне самостоятельных наблюдений, сделанных в различных местах земного шара и относящихся к великим наводнениям или другим чрезвычайным явлениям природы, вызывающим представления о потопе. Таким образом, изучение этих легенд, независимо от нашего мнения относительно их исторической

достоверности, может оказаться полезным, если мне удастся смягчить остроту существующего спора и убедить крайних сторонников обеих теорий, что в этом споре, как и во многих других, истина оказывается не на чьей-либо стороне, а где-то посередине.

XXX. Множество источников или один общий источник?

[\[36\]](#)

Я закончил свой основной недолгий доклад об изучении дикарей – теме, которая интересует меня уже давно, а теперь, позвольте, я несколько минут уделю вопросу происхождения, ответ на который уже несколько лет пытаются найти многие ученые. А именно я хочу затронуть следующую тему: возникновение нового происходило у разных племен независимо друг от друга, или же все началось с одного-единственного человека. Многие ученые пытаются понять, почему у различных диких племен представление о мире, навыки и социальные институты так похожи, хотя племена эти и находятся в разных уголках света. Интересно, причина совпадений кроется в схожести человеческого разума, и, следовательно, это влияет на появление одинаковых идей? Или же причина совпадений в том, что люди заимствуют друг у друга представление о мире, навыки и социальные институты, а это значит, что мы можем проследить, кто что у кого заимствовал и узнать, откуда все началось, найти тот человеческий мозг, благодаря которому все эти представления продолжают возникать по кругу во всем мире? Проще говоря, представления о мире, практические навыки и социальные институты, одинаковые у разных народов, появились у каждого народа отдельно, или же есть точка, откуда все и пошло?

Как видите, это два противоположных предположения. Рассматривая первое, согласно которому все началось с одного человека, а потом остальные это переняли, будь то прямым или опосредованным путем, нельзя отрицать, что большая часть представлений о мире, навыков и социальных институций распространилась по планете именно этим способом. Факт слишком очевиден, и я не буду тратить время, вам это доказывая. Давайте, к примеру, вспомним великие научные открытия и технические

изобретения наших дней. Как только какой-то высший разум открывает новый закон природы или изобретает новую машину – для улучшения человеческой жизни или же для ее скорейшего разрушения, – все тут же перенимают это волшебное изобретение и увеличивают тем самым свой достаток или уничтожают соседей. Таким образом, какая-то новая идея или новое изобретение переходит от человека к человеку, а потом появляется уже и у каждого народа на планете. Так же, только намного медленнее, по земле распространились мировые религии: христианство, буддизм и ислам. Эти религии появились благодаря трем гениям, и потом посредством общения и перенятия они распространялись по всей планете и развивались из века в век.

Но, как опрометчиво отрицать, что люди заимствуют друг у друга идеи и представления о мире, так же опрометчиво, по моему мнению, утверждать, что среди миллионов людей лишь один дошел до истины, придумал тот или иной механизм, создал общественную институцию и, не родись этот человек, все бы остались без представления о мире, без механизма и общественной институции. Придерживаясь такого предположения, мы выступаем против человеческой природы и обвиняем ее в слабоумии, чего эта природа уж точно не заслуживает. Напротив, история показывает, что разные люди могут приходить к одинаковым умозаключениям и делать одинаковые открытия независимо друг от друга, даже если речь идет о совсем непростых умозаключениях и очень сложных открытиях. Не будем вспоминать известный случай спора по поводу дифференциального исчисления между Ньютоном и Лейбницем, давайте лучше о вашем известном астрономе Леверье^[37] и нашем известном астрономе Адамсе, которые примерно в одно время и независимо друг от друга доказали существование Нептуна через сложные математические расчеты, основанные на наблюдении за движением Урана. Спустя несколько лет два наших великих биолога Дарвин и Уоллес одновременно и независимо друг от друга пришли к единой теории, разъясняющей органическую эволюцию и происхождение видов растений и животных. Два выдающихся ученых провели много лет за различными наблюдениями, выдвигали различные предположения, прежде чем прийти к этой теории, которую никак не назвать простой.

После приведенных примеров великих научных открытий, которые произошли в нашу эпоху чуть ли не на наших глазах, разве можно отрицать, что одна и та же идея никогда не придет в голову двум людям одновременно? Неужели для развития навыков, формирования социальных институций и развития науки нужно ждать случая, когда природа наделит одного представителя невероятными способностями? Лично я не превозношу величие человеческого ума, но при этом и не считаю, что человечество столь тупо, чтобы зависеть от одного гения.

Итак, возвращаясь к дикарям, я хочу сказать, что одинаковые формы мирозерцания, социальные институции и умения можно объяснить заимствованием, но у кого-то открытия возникали одновременно за счет схожести человеческого разума, который в любом уголке мира, пытаясь приспособиться к условиям жизни, порождает аналогичные изобретения. Разумеется, если взглянуть на простейшие открытия человечества, никто, я думаю, не станет спорить, что две особи могли прийти к единому заключению. Вспомним, к примеру, арифметику и ее простейшие правила. Никто не возразит, что дважды два – четыре, даже Эйнштейн. Но разве стоит предполагать, что за все время к этой истине пришел всего один математический гений – какой-нибудь там недоразвитый Галилей, что это предположение возникло из его уст и с тех пор мы верим ему на слово? Никто, я думаю, по поверил бы в этот абсурд. И такие примеры можно приводить до бесконечности. Каждый день солнце встает на востоке и садится на западе, эта истина уж точно не ускользнула от большинства наших диких предков, им не нужно было ждать рождения гениального астронома, чтобы проверить наблюдение, сделанное каждым взрослым и даже ребенком.

Мы рассмотрели самые простые наблюдения и открытия, никто не станет отрицать, что они могли прийти в голову совершенно разным людям независимо друг от друга, но остаются наблюдения и открытия, гораздо сложнее, которые появились в разных уголках планеты, и по их поводу можно вполне серьезно задуматься: были ли они открыты одним-единственным человеком или все-таки разными? Рассмотрим, к примеру, освоения огня, один из самых важных шагов в развитии человечества, ведь именно приручение огня отличает человека от его древних соперников, зверей. Может возникнуть вопрос: приручил ли

огонь один-единственный человек, Прометей примитивный, который вскоре сообщил о своем открытии остальным, или же разные люди в разных местах научились независимо друг от друга не только обращаться с огнем, но и добывать его либо трением, либо ударом камня о камень? По моему мнению, открытие было сделано скорее несколькими разными людьми, а не одним человеком во всем мире. Если представить, что, по всей вероятности, человек добыл огонь случайно, потерев между собой куски дерева или ударив двумя кусками кремня друг о друга, пока мастерил каменное орудие, и если затем представить себе, сколько раз этот человек тер деревяшки и ударял между собой камни, то мы, я так думаю, поймем, что это происходило множество раз и, следовательно, великое открытие доисторического времени должно было повторяться так же множество раз. Таким образом, нет никакой необходимости приводить миф об одном-единственном Прометее, чтобы объяснить повсеместное использования огня людьми.

То же самое можно сказать и о других этапах развития, которые проходили многие дикие племена: приручение животных, обработка металла, возделывание земли. Возможно и даже вероятно, что каждый из этих необходимых этапов повторялся независимо друг от друга в различных уголках планеты.

А вдруг нас спросят, как отличить открытие, сделанное одним человеком, от открытия, сделанного разными людьми? Ответа точного нет, потому что в нашем распоряжении лишь догадки. Но вообще можно сказать, что чем проще открытие, тем больше вероятность, что в истории оно повторится. И наоборот: чем открытие сложнее, тем больше у нас права считать, что сделал его какой-то один выдающийся гений. Иначе говоря: вероятность, что открытие сделал кто-то один находится в прямой зависимости от того, насколько непросто было сделать это открытие. Однако, приведенные мною примеры великих научных открытий, сделанных несколькими учеными одновременно, показывают, что человеческая гениальность не исключительна и не стоит ее сравнивать с алоэ, что, по поверьям, цветет раз в сто лет.

И в завершение своего выступления я бы хотел привести еще один пример человеческого творения, которое вряд ли можно было бы создать дважды, а именно всем известные сказки Шарля Перро и братьев Гримм, не говоря уже о других, с которыми каждый знаком с

раннего детства. В самых известных сказках, мне кажется, так много идей и все они так непохожи, мы бы и предположить не могли, что разные люди, не зная друг друга, их придумали и составили прелестный, талантливый сборник. Хотя я лучше положусь на мнение знатоков, считающих, что эта сказочная сокровищница корнями своими уходит во времена Древней Индии.

XXXI. Опасность чрезмерного упрощения

Тот, кто изучает историю социальных институций, должен постоянно помнить о чрезвычайной сложности факторов, создающих ткань человеческого общества, и быть готовым к опасности, подстерегающей во всякой науке, – склонности к неоправданному упрощению бесконечного многообразия явлений, концентрируя внимание на некоторых из них и исключая все остальные. Склонность к чрезмерному упрощению естественна для человека, поскольку только путем абстрагирования и обобщения, что неизбежно предполагает игнорирование множества частных, он может охватить хотя бы малую часть необозримых просторов Вселенной. Но если эта склонность естественна и даже неизбежна, она тем не менее чревата некоторыми опасностями, поскольку сужает наше представление о любом исследуемом предмете. Чтобы хотя бы частично нивелировать подобную склонность (ведь для полного «исцеления» потребовался бы безграничный интеллект), мы должны стремиться расширить наши представления, учитывая широкий спектр фактов и возможностей. Тем не менее надлежит помнить, что в силу самой природы вещей наши представления неизмеримо отстают от реальности.

Пожалуй, ни в одной отрасли знания эта склонность к привлекательной, но ошибочной простоте не принесла большего вреда, чем при изучении ранней истории человечества; в частности, чрезмерное увлечение ею во многом дискредитировало изучение первобытной мифологии и религии. Ученые, изучающие эти предметы, были готовы принять любую теорию, адекватно объясняющую некоторые факты, и пытаться объяснить с ее помощью все остальные; а когда такая теория переставала вмещать в себя объяснения всех фактов, как и следовало ожидать, ученые

отказывались от нее с отвращением, вместо того чтобы ограничить ее, как это следовало сделать с самого начала, определенным классом фактов, к которым она действительно применима. Так было с теорией солярного мифа, которая, будучи необоснованно раздутой ее последователями, долгое время столь же необоснованно отвергалась ее противниками. Если взять лишь несколько ярких примеров, в более поздние времена подобное происходит с теориями тотемизма, магии, табу – они также пострадали от чрезмерного рвения их сторонников. Эта неустойчивость суждений, склонность антропологического сообщества переходить из одной крайности в другую с каждым новым открытием, возможно, является основной причиной того, что к этой науке до сих пор с опаской относятся люди рассудительные и осторожные, которые, естественно, с подозрением смотрят на кумиров, которым иные в один день поклоняются, а на следующий день сносят и попирают ногами. Для этих сдержанных и рассудительных умов Макс Мюллер и Даун из XIX века пылятся на одной полке с Джейкобом Брайантом и Ноевым ковчегом XVIII века, и они с саркастической улыбкой ожидают того мгновения, когда модные антропологи современности будут в свою очередь отправлены в тот же лимб преданных забвению несуразностей. Сам антрополог не может предвидеть, какой вердикт вынесут следующие поколения его трудам; но он скромно надеется, что факты, которые он терпеливо накапливал, окажутся достаточно многочисленными и основательными, чтобы обосновать некоторые из его выводов. В таком случае факты, на которые он опирается, никогда уже не будут легкомысленно отброшены как фантазии иного ученого. В то же время, если он проявит толику мудрости, он не преминет признать, что наши гипотезы в лучшем случае являются лишь частичными, а отнюдь не универсальными решениями многообразных задач, стоящих перед нами, и что в науке, как и в повседневной жизни, втуне искать один ключ, открывающий все замки.

XXXII. О задачах антропологии [\[38\]](#)

Таковы в самых общих чертах некоторые из трудностей, над которыми призвана работать социальная антропология и которые она должна попытаться решить. До сих пор многие из них были

излюбленными темами софистов и риторов, демагогов и мечтателей, которые своими представлениями о золотом веке всеобщего равенства и всеобщего богатства в будущем, основанными на беспочвенных фантазиях о таком же золотом веке в прошлом, слишком часто заманивали массы на край пропасти и за этот край их толкали. В дальнейшем антропология должна будет рассматривать те же темы в ином духе и иными методами. Руководствуясь определенными принципами, она не будет затушевывать настоящие проблемы риторикой и пустыми речами, дешевыми призывами к народным чувствам и предрассудкам, игрой на страстях и корысти толпы. Антропология будет стремиться решать их путем терпеливого накопления и точного изучения фактов, только так и никак иначе, ибо только так она сможет прийти к истине.

XXXIII. Прогресс человечества^[39]

Давайте же задумаемся о всех тех многочисленных профессорах, что со Средних веков одним лишь голосом в Сорбонне завораживают целые аудитории!

Какое огромное количество предметов они преподают! Сколько наставлений они вбили в голову своим студентам! Какие невероятные речи, какие увлеченные декламации произносятся о диссертациях, которые выступающим казались искренними из самых точных и правильных речей, но которые для нас, других представителей этого поколения, казались примитивными, лживыми и даже абсурдными! А теперь пришли мы и заняли их места всего на несколько часов, и мы довольствуемся тем, что открыли истину, которая ускользала от предшественников, и мы проповедуем эти так называемые истины с тем же рвением и тем же пылом! А жаль! Господа, нам нельзя заблуждаться! То, что нам, представителям нынешнего поколения, кажется истиной, на самом деле таковой не является, – так же заблуждались и наши предшественники. По своей роковой необходимости человек всегда пытается найти истину, но никогда ее не достигает. И в этой погоне все, что он нагоняет, все, что он хватает, – всего лишь тень, призрак, силуэт. Настоящая истина скрылась, и нам до нее никогда не добраться. Эта погоня бесконечна: чем ближе мы к цели, тем дальше она от нас, словно радуга, которая всегда ускользает,

насмехаясь над нашими жалкими попытками поймать ее. Наслаждаясь этой тщетной и постоянной погоней, мы, преисполненные мудростью, хотим произнести: *vanitas vanitatum, omnia vanitas!*

Однако я считаю, исходя из этого грустного заключения, что не всегда мудрость направляет нас в нужную сторону. Мне кажется, если мы никогда не достигнем истины, то подбираться к ней будут следующие поколения. То есть мы не ходим по одному и тому же кругу: история человечества – не печальный круговорот чередующихся иллюзий и разочарований, это вечное колебание между верой и сомнением, между надеждой и отчаянием. Нет, все-таки есть прогресс, медленный, но осязаемый, который ведет нас от неизвестного начала к столь же неизвестной цели. Человечество, если можно так выразиться, стоит на ступенях огромной лестницы, что берет свое начало в темной бездне и ведет к высотам, освещаемым лучезарным и безоблачным днем. Нам, хрупким эфемерным созданиям, не дано ни исследовать эту жуткую бездну, ни взглянуть на головокружительную вершину. Мы можем лишь увидеть мельком ступени этой лестницы у нас под ногами и понять, что человечество движется вверх, а не вниз.

В этом и заключается идея человеческого прогресса, о котором я думал и который сподвиг меня на исследование.

Часть II

Человек в обществе

XXXIV. Открытие тотемизма и экзогамии [\[40\]](#)

Более других заслуживает звания первооткрывателя тотемизма и экзогамии шотландец Джон Фергюсон Мак-Леннан. Главное не в том, первым ли он обратил внимание на само существование этих явлений у различных рас, а также не в том, в какой мере он обогатил знания человечества о них. Но его визионерский гений позволил нащупать и предугадать то долгосрочное влияние, которое эти явления, каждое по-своему, оказали на историю общества. Его несомненный вклад в науку заключается в постановке правильных вопросов. Опять же, важно не то, какие он предлагал ответы. Он действительно пытался с той или иной долей обоснованности объяснить происхождение экзогамии. Объяснение его, однако, по всей видимости, ошибочно. О происхождении тотемизма он даже не строил предположений, а если и размышлял на эту тему, то своих размышлений не публиковал. До самого конца он, по-видимому, считал эту задачу нерешенной, если не неразрешимой.

Открытие Мак-Леннаном экзогамии привлекло внимание и вызвало оживленное обсуждение. Что касается открытия тотемизма, то оно не произвело большого резонанса. В образованной среде, за исключением узкого круга ученых, оно прошло почти незамеченным. Те единичные авторы, которые затрагивали эту тему, внесли лишь незначительный вклад в ее развитие. По большей части они ограничивались пересказом некоторых уже известных фактов или добавлением нескольких новых соображений. Масштабных индуктивных операций на основе систематического сбора и классификации фактов они не проводили. Когда в 1886 году ученик Макленнана и мой уважаемый друг Уильям Робертсон Смит предложил мне написать статью о тотемизме для девятого издания Британской энциклопедии, которая в то время готовилась к печати под его редакцией, мне пришлось проделать почти всю работу по сбору и

классификации данных самостоятельно, практически без опоры на труды предшественников.

XXXV. Вероятные истоки тотемизма и экзогамии[\[41\]](#)

С самого начала будем иметь в виду, что и тотемизм, и экзогамия, возможно, возникли у разных народов совершенно по-разному и что внешнее сходство между этими явлениями в разных местах, соответственно, может быть обманчивым. Примеры подобной обманчивости можно легко отыскать и в других областях науки. Насколько схож облик некоторых насекомых с деревьями, чьи ветви расходятся в стороны! Тем не менее объекты, имеющие такое необычайное сходство, – даже не разные виды одного и того же рода. Принадлежат они к совершенно различным природным царствам. Так дело, скорее всего, обстоит и с тотемизмом, и с экзогамией. То, что мы называем тотемизмом или экзогамией у одного народа, может разительно отличаться по своей природе от тотемизма и экзогамии у другого народа. С другой стороны, однако, между различными примерами тотемизма и экзогамии сходство столь явно и примеры его столь многочисленны, что можно, безусловно, начать склоняться к тому, что эти явления возникли, по сути, одинаково, а следовательно, теория, которая удовлетворительно объясняет происхождение этих институций у какой-либо одной расы, вероятно, объяснит их происхождение и в других случаях. Так, бремя доказательства достается скорее тем, кто утверждает, что существует много различных видов тотемизма и экзогамии, нежели тем, кто признает лишь один вид того и иного. Большинство авторов, взявшихся истолковать корни этих явлений, видимо, считали, и на мой взгляд справедливо, что к каждому случаю нужно подходить индивидуально.

XXXVI. История тотемизма[\[42\]](#)

История тотемизма неизвестна. Самые ранние упоминания о нем относятся только к XVII веку и представлены несколькими скудными записями в отчетах миссионеров-иезуитов, работавших в Северной Америке среди индейцев. Следующее столетие мало что добавило к

нашим знаниям в этом вопросе. Только в эпоху великого научного Ренессанса XIX века была осознана необходимость изучения туземцев. Среди новых добавлений к научным знаниям, произошедших в то время, далеко не последнее место заняли открытия тотемизма и экзогамии, а также классификационная система родства. Открытие тотемизма и экзогамии принадлежит прежде всего уже упомянутому Мак-Леннану, а классификационной системой родства мы обязаны исключительно американцу Льюису Генри Моргану. Увы, ни один из этих замечательных ученых не оценил работу другого, и они вступили по этому поводу в ожесточенный и бесплодный спор. Мы, довольствующиеся плодами таланта и труда обоих, теперь можем видеть, как достижения одного сочетаются с достижениями другого и дополняют их. История классификационной системы, как и тотемизма, пока практически не изучена. Просвещенный мир, по-видимому, вплоть до XIX века не подозревал о ее существовании. И все же несомненно, что, несмотря на столь краткий период их документированного описания, и тотемизм, и классификационная система родства чрезвычайно древни. Причем тотемизм, судя по всему, гораздо древнее. Ибо классификационная система, как мы сейчас увидим, основана на экзогамии, а экзогамия, судя по имеющимся основаниям, возникла позже тотемизма.

Сильным аргументом в пользу древности как тотемизма, так и классификационной системы является их распространенность среди некоторых наиболее отсталых человеческих групп. Эти племена не могли их заимствовать у более цивилизованных народов, из чего следует, что они пришли к тотемизму и классификационной системе, находясь на культурном уровне еще более раннем, чем теперь. И все же было бы ошибкой предполагать, что даже тотемизм является порождением культуры совершенно первобытной. Как мы уже отмечали однажды, все ныне живущие первобытные племена уже далеки от того этапа, на котором наши отдаленные предки перестали быть животными и стали людьми. Эпоха зарождения человечества ушла на многие тысячи, а быть может, и миллионы лет в прошлое. Известные нам методы исследований не позволяют надеяться на то, что мы когда-либо восполним этот зияющий пробел. Следовательно, называть те или иные племена примитивными мы можем лишь в

относительном смысле, то есть не более чем в сравнении с цивилизованными народами.

Если бы мы сравнили эти примитивные сообщества с их дальними предками, мы, несомненно, обнаружили бы поразительный прогресс интеллекта, нравов и образа жизни. Воистину, во всех этих отношениях пропасть между современным человеком и первыми людьми очень может быть гораздо глубже и шире, чем та, что отделяет наиболее примитивные племена современности от Шекспира или Ньютона.

И даже если бы мы могли вернуться во времени к самым истокам тотемизма, то возможно на месте его зачинателей мы бы не обнаружили людей истинно первобытных. Заря тотемизма, насколько можно судить, уже не была зарей человечества.

XXXVII. Тотемизм и экзогамия в истории [\[43\]](#)

Оценивая роль тотемизма в истории, хотелось бы ограничить до разумных пределов чрезмерные претензии, которые порой выдвигают, отталкиваясь от данного явления, как если бы оно в религиозном и экономическом развитии человечества представляло собой фактор первостепенной важности. На самом деле, влияние тотемизма на экономический прогресс пока едва ли выходит за рамки не совсем внятной гипотезы; и хотя на религию он действительно влиял, влияние это сильно переоценено. По сравнению с некоторыми другими факторами, такими как поклонение силам природы и культ мертвых, значимость тотемизма в религиозной эволюции в целом второстепенна. Самое интересное для нас заключается в том, что она позволяет приоткрыть завесу, скрывающую функционирование полудетского первобытного ума; это как бы окошко в бесконечно далекое прошлое.

Экзогамия – тоже продукт первобытности, но ей совсем или почти не присущи те причудливые суеверия, что придают тотемизму своеобразный колорит и очарование. Экзогамия, скажем так, есть сугубо пуританское явление. Ее жесткая логика, сложные правила, изоциренная терминология родства, многоуровневая система взаимоотношений делают экзогамию областью трудной и даже в каком-то смысле отталкивающей. Ей свойствен формализм сродни

математической точности, которому чужды мягкость и украшательство. И все же для историка проблема экзогамии куда интереснее, чем ее более веселая и жизнерадостная сестра, проблема тотемизма. Тотемизм, если он когда-либо существовал у предков цивилизованных рас, канул в небытие без следа, в то время как важнейшим наследием экзогамии для нашей цивилизации стали запрещенные родственные браки.

XXXVIII. Определение тотемизма^[44]

Вдумчивый читатель, ознакомившись с предыдущими рассуждениями^[45], не может не поразиться общему сходству верований и обычаев, выявленному при рассмотрении одних племен за другими, причем принадлежащих разным расам и языковым семьям и живущих в удаленных друг от друга частях света. Различия в частностях, порой весьма заметные, конечно, имеют место. Но в целом сходство определенно преобладает, и примеров и факторов сходства столь много, а само сходство столь явное, что можно было бы объединить их под общим названием. Название, которое изучающие этот предмет дали таким верованиям и обычаям, – тотемизм. Слово происходит из языка одного из племен, практикующих тотемизм. Введение новых слов из варварских языков, как правило, вызывает осуждение, но обозначение варварским названием варварского же явления, не имеющего аналогов в цивилизованном мире, в определенной степени оправданно. Если теперь, проанализировав все факты, мы попытаемся сформулировать общее определение тотемизма, то охарактеризовать его можно как тесную связь, предполагаемую между группой родственных людей, с одной стороны, и разновидностями естественных или искусственных объектов – с другой. Таковые объекты называются тотемами человеческой группы, класса. К этому общему определению, которое, пожалуй, применимо ко всем чисто тотемическим народам, следует добавить, что предметы тотема гораздо чаще являются естественными, нежели искусственными объектами, и что подавляющее большинство естественных тотемов – это либо животные, либо растения.

Едва ли возможно точно определить отношение, в котором пребывают тотемисты и их тотемы. Точные определения

подразумевают точные мысли, а мысли людей на стадии тотемизма по определению расплывчаты, спутанны и противоречивы. Следовательно, пытаясь дать точное и подробное определение тотемизма, мы почти неизбежно придем к противоречиям. То, что мы можем сказать о тотемической системе одного племени, может оказаться неприменимым без серьезных оговорок к тотемической системе другого. Мы должны учитывать, что тотемизм не является последовательной мировоззренческой системой, проистекающей от точного знания и высокого интеллекта, строгой в своих определениях и логичной в своих выводах из них. Напротив, это скопление огрубленных суеверий, порождение неразвитого мышления, по своей сути неопределенное, нелогичное, непоследовательное. Помня об этом и не пытаясь придать логическую точность предмету, который этого не допускает, мы скажем, что в целом отношения человека и его тотема производят впечатление дружеских и родственных. Человек относится к животным, растениям, к любым другим тотемам, как к друзьям и родственникам, родителям, братьям... Он ставит их, насколько это возможно, на уровень равенства с самим собой и со своими братьями, членами того же тотемного клана. Он рассматривает их, по сути, как равных себе, как существ того же рода, что и он сам и его человеческие сородичи. Насколько это возможно, он отождествляет себя и братьев по клану со своим тотемом. Если тотем представляет собой вид животного, он смотрит на себя и своих братьев как на животных этого вида, а этих животных воспринимает в некотором смысле так же, как людей. Говоря о племенах Центральной Австралии, господина Спенсер и Гиллен отмечают: «Тотем любого человека рассматривается, как и везде, как то же самое, что и он сам. Однажды мы говорили об этом с одним туземцем, и он, указывая на сделанный нами его фотопортрет, сказал “этот точно такой же, как я, и такой же и кенгуру” (кенгуру был его тотем)». В этих кратких суждениях заключена вся суть тотемизма: отождествление человека со своим тотемом, будь то животное, растение или нечто третье.

Таким образом, считать тотем божеством и утверждать, что клан ему поклоняется, – ошибочно, хотя ошибка эта очевидно распространенная. В чистом тотемизме, например в тотемизме австралийских аборигенов, тотем никогда не является божеством, и ему никогда не поклоняются. Человек поклоняется своему тотему и

считает его своим богом не больше, чем он поклоняется своим отцу и матери, брату и сестре и считает их своими богами. Он, конечно, уважает свой тотем и относится к нему с почтением, но уважение и внимательность, которые он проявляет к нему, сродни отношению к друзьям и родственникам. Когда статусом тотема наделяется съедобное животное или растение, человек обычно (но не всегда) воздерживается от его убийства и(или) употребления в пищу. Точно так же он обычно, хотя и не всегда, воздерживается от убийства и употребления в пищу своих друзей и родственников. Но уподоблять это поклонению божеству, значит решительно неверно понимать суть тотемизма и исказить ее. Религия подразумевает признание того, что объект поклонения превосходит поклоняющегося, а следовательно, чистый тотемизм вовсе нельзя в полном смысле слова назвать религией. Человек смотрит на свой тотем как на равного себе и друга, а вовсе не как на своего начальника и тем более не как на бога. Система тотемизма полностью демократична; это просто воображаемое братство, установленное на основе совершенного равенства между группой людей, с одной стороны, и группой вещей (или, чаще, животных или растений) – с другой. Несомненно, при определенных обстоятельствах такая система может развиваться в поклонение животным или растениям, солнцу или луне, морю или рекам, или какому бы то ни было конкретному тотему. Но такое поклонение отсутствует у низших дикарей, практикующих тотемизм в его чистейшей форме. Поклонение встречается только у народов, достигших значительного прогресса в культуре, и мы вправе рассматривать его как более позднюю фазу религиозной эволюции, как результат разрушения и упадка собственно тотемизма.

XXXIX. Распространение тотемизма^[46]

Если оставить в стороне догадки и обратиться к фактам, то можно обобщенно утверждать следующее. Тотемизм практикуют многие дикие и отсталые народы на континентах и островах тропиков и Южного полушария, а также в значительной части Северной Америки. Цвет их кожи варьируется от угольно-черного до темно-коричневого и красного. За сомнительным исключением нескольких монголоидных племен в Ассаме, ни желтая, ни белая расы не знают

примеров тотемизма. Если в целом цивилизованность коррелирует с цветом кожи, прибавляясь у светлокожих народов и убывая у темнокожих, выведем общее предположение, что тотемизм свойствен темнокожим и наименее цивилизованным расам человечества, населяющим тропики и Южное полушарие и частично распространившимся в Северной Америке.

Возникает вопрос: каким образом тотемизм распространился среди столь значительной части человечества и на столь обширной территории? Возможны, по крайней мере, два ответа. С одной стороны, тотемизм мог возникнуть в едином эпицентре и распространился отсюда в результате мирных сношений между соседними народами или в результате миграций и завоеваний. С другой стороны, тотемизм мог возникнуть независимо во многих различных племенах в результате действия определенных законов интеллектуальной и социальной эволюции, универсальных для всех народов, происходящих от общего корня. Две мысли эти друг друга отнюдь не исключают, ведь тотемизм мог возникнуть независимо в ряде племен и распространиться от них к другим. Есть основания считать, что как раз такое распространение тотемизма от племени к племени имело место на северо-западном побережье Америки. Но взглянув на тотемическую карту мира, мы убедимся, что объяснить распространение тотемизма в рамках теории единого происхождения затруднительно. Такое объяснение было бы достаточно правдоподобным, если бы тотемические народы были объединены на огромном цельном пространстве Европы, Азии и Африки, составляющем бóльшую часть обитаемой суши. Но племена, практикующие тотемизм, наоборот, разбросаны далеко друг от друга именно в той части земного шара, где океан значительно преобладает по площади над сушей. Бескрайние водные пространства, безусловно казавшиеся непреодолимыми первобытным людям, пролегают между тотемическими народами Австралии, Индии, Африки и Америки. Разве была возможна какая бы то ни было коммуникация между первобытными аборигенами Южной Индии и Северо-Восточной Америки, дравидами и ирокезами? Или между племенами Нового Южного Уэльса и Южной Африки, камилароями и гереро? Системы тотемизма и родства у этих однозначно разделенных народов вполне согласуются друг с другом, что было бы легче объяснить теорией

независимого происхождения, иными словами, аналогичные друг другу типы сознания действовали схожим образом для удовлетворения схожих потребностей. А бескрайние моря, которые отделяют тотемические племена друг от друга, могут указывать на причину, по которой дикость вообще и тотемизм в частности так долго сохранялись в этой части света. Географические препятствия, разделяя человечество, мешали свободному обмену идеями, невероятно затрудняли интеллектуальный и нравственный прогресс, тормозили развитие цивилизации. Нет ничего удивительного в том, что первобытная дикость дольше всего сохранялась в Южном полушарии и в Новом Свете, которые можно назвать океаническими регионами земного шара; в то время как, напротив, самые ранние очаги цивилизации возникли внутри гигантского суперконтинента Европы, Азии и Африки. Там, где первобытные люди, еще неспособные бросить вызов океану, могли безо всяких препятствий контактировать по суше.

XI. Производственная теория тотемизма^[47]

Общее объяснение тотемизма, к которому подводят магические церемонии интичиума^[48], состоит в том, что тотемизм есть в первую очередь организованная система коллективной магии, призванная обеспечить членов сообщества обильным запасом всего необходимого, и, с другой стороны, защитить от природных опасностей. Согласно этой теории, каждой тотемной группе присущи наблюдение и контроль над определенным сегментом природы. От этого сегмента данная группа и образует свое название и именно с ним она стремится отождествляться. В тех случаях, когда данный сегмент охватывал, например, съедобные растения или промысловых животных, группа считала своей обязанностью заботиться о них и приумножать их. А если, напротив, это были опасные звери, ядовитые змеи, дождь, ветер, снег, то обязанностью группы было учиться им противодействовать, нейтрализуя всякое вредоносное воздействие, а также, возможно, делать их орудиями борьбы с врагами. Эта последняя сторона тотемической магии, которую можно обозначить как позитивную, или исправляющую, почти не встречается в имеющихся описаниях

тотемизма Центральной Австралии. Но мы встретимся с ней в других местах.

В пользу этого гипотетического объяснения тотемизма мы бы настаивали на том, что оно просто и естественно и полностью соответствует как практическим потребностям, так и образу мыслей дикаря. Что может быть более естественным, чем желание человека насытиться, когда он голоден, пить, когда он испытывает жажду, добыть огонь, чтобы согреться, искать прохладу, когда ему жарко? Для дикаря нет ничего проще, чем обеспечить себя этим и всем другим необходимым с помощью магического искусства. Нас не должно удивлять, что в очень древние времена сообщества людей более или менее сознательно организовывались для достижения столь естественных целей теми средствами, которые казались им столь простыми и правильными. Первой потребностью дикаря, как и цивилизованного человека, является еда, и с этим согласуется то, что везде, где существует тотемизм, большинство тотемов – животные или растения. Иными словами, то, что можно употреблять в пищу. Огромная значимость этого факта до сих пор ускользала от нас из-за запрета, столь распространенного в тотемных кланах, употреблять в пищу свое тотемное животное или растение. Но открытие церемоний интичиума у аборигенов Центральной Австралии доказывает, что, изучая запрет на съедение тотема, мы до сих пор рассматривали только одну сторону медали, причем менее важную из двух. Эти церемонии демонстрируют – о чем никто раньше и не думал, – что тот, кто сам воздерживается от употребления в пищу своего тотема, тем не менее, сделает все, что в его силах, чтобы тотем могли употреблять в пищу другие. Более того, его функция и смысл жизни в том и состоит, чтобы обеспечивать собратьев тем животным или растением, от которого он получил свое имя и с которым находится в столь близком родстве. Новые факты позволяют с уверенностью предположить, что каково бы ни было происхождение запрета на употребление в пищу своего тотема, этот запрет занимает подчиненное и вспомогательное положение относительно главной цели: дать возможность сообществу есть его, иными словами – внести свой вклад в общую добычу продовольствия.

Рассматриваемый под таким углом тотемизм – это сугубо практическая система, разработанная для четкого и прямолинейного

удовлетворения повседневных потребностей человека. В этом нет ничего туманного или мистического, ничего от той метафизической дымки, которой некоторые авторы любят окутывать вопрос истоков человеческого размышления, но которая совершенно чужда простому, конкретному, чувственному образу мышления дикаря. И все же, несмотря на всю его простоту и прямоту, мы не можем не ощутить нечто впечатляющее и почти грандиозное во всеобъемлющести, завершенности и размахе этой системы, порожденной грубым первобытным мироощущением. Вся природа была расчерчена на области, все люди были распределены по соответствующим группам, на каждую группу людей с необыкновенной непреложностью была возложена ответственность за какую-либо одну область природы во имя общего блага. Религии нет места в этой системе, но об этом чуть позже. Человек все еще наедине с природой и воображает, что может управлять ею по своей воле. Позже, когда он обнаружит свою ошибку, он изобретет божества и будет просить их потянуть от его имени за нити, для него недостижимые.

XLI. Тотемизм зачатия [\[49\]](#)

После долгих размышлений я пришел к заключению, что простая идея, или примитивное суеверие, лежащее в основе тотемизма, вероятно, прослеживается в самом способе, которым аборигены Центральной Австралии по сей день назначают тотемы для каждого мужчины, женщины и ребенка в племени. Этот способ основан на первобытном понимании зачатия. Не зная истинных причин родов, они полагают, что ребенок входит в женщину только в тот момент, когда она впервые чувствует, как он шевелится в ее утробе, и, соответственно, им приходится объяснять себе, почему это происходит именно в этот момент. По их представлениям, зародыш попадает непременно со стороны и, следовательно, является следствием чего-то такого, что сама женщина, возможно, видела или чувствовала непосредственно перед тем, как поняла, что беременна. Жители Центральной Австралии считают, что дух ребенка вселяется в нее с ближайшего из тех деревьев, скал, водоемов или других природных объектов, у которых духи умерших ожидают своего нового рождения. Духи людей одного определенного тотема, по их мнению, собираются

в одном определенном месте, к тому же аборигены хорошо знают, какие тотемные духи обитают на каждом почитаемом участке земли. Таким образом, женщине нетрудно определить тотем своего еще нерожденного ребенка. Если ребенок вошел в нее, то есть если она почувствовала, что понесла во чреве, возле дерева, населенного духами народа кенгуру, тогда ее ребенок будет принадлежать к тотему кенгуру; если первые предчувствия материнства застали ее возле скалы, населенной духами народа эму, тогда ее ребенок будет принадлежать к тотему эму. И так далее по всему спектру тотемов. Это известно совершенно определенно. Насколько можно судить по имеющимся данным, такого верования придерживаются все племена Центральной и Северной Австралии.

Вполне понятно, что эта теория зачатия сама по себе не объясняет тотемизма, понимаемого как отношение групп людей к видам предметов, останавливаясь буквально в шаге от ответа. То, что, по воображению женщины, входит в ее тело при зачатии, – не животное, не растение, не камень и не что-либо иное в этом роде. Вселяется лишь дух человеческого ребенка, чей тотем – нечто из вышеперечисленного. Если бы женщина считала, что в нее вселяется определенный объект и что именно этот объект в человеческом обличье и будет ее ребенком, то в нашем распоряжении было бы полное разъяснение тотемизма. Ибо суть тотемизма, как мы неоднократно отмечали, состоит в отождествлении человека с вещью; это отождествление было бы полным, если бы человек верил, что он и есть эта вещь или существо, вошедшее в утробу его матери при зачатии и вышло на свет при родах. Исходя из этого, мы предположили, что центральноавстралийские верования насчет зачатия всего лишь на шаг отстоят от наиболее примитивного тотемизма, который, по нашему мнению, заключается скорее всего в вере в зачатие без участия мужчины и конкретно в тот момент, когда женщина уже ощущает себя беременной. Это верование вполне объяснило бы суть тотемизма, а именно отождествление групп людей с группами предметов. Таким образом, если мы правы, ключ к тотемизму обнаруживается именно там, где наиболее разумно ожидать его найти, а именно в верованиях и обычаях самого примитивного из известных нам тотемных народов – австралийских аборигенов. Ключ к разгадке был рядом в течение многих лет, но мы не находили его.

Одного звена в цепи доказательств все же не доставало. Австралийские верования, как было указано чуть выше, нельзя считать абсолютно примитивными. Через три года после того, как мы изложили свою теорию, недостающее звено было найдено, и цепь соединилась благодаря стараниям У.Х.Р. Риверса. На островах Банкс он встретил ряд верований и обычаев, которые в точности соответствуют нашему теоретическому определению наиболее примитивного тотемизма. Читатель уже был ознакомлен с необходимыми фактами^[50]; вкратце обобщим их здесь. На некоторых из этих островов жители отождествляют себя с определенными животными или фруктами и верят, что обладают качествами и чертами характера этих животных или фруктов. В соответствии с этим убеждением они воздерживаются от употребления определенных животных и фруктов на том основании, что это было бы своего рода каннибализмом: делая так, они в некотором смысле поедали бы самих себя. Объясняя это, они сообщают, что их матери были оплодотворены в результате проникновения в их утробы духов животных или плодов и что сами они являются не чем иным, как конкретным животным или растением, которое поселилось в их матери и в должное время родилось, обладая лишь поверхностным и обманчивым сходством с человеческими существами. Поэтому они и перенимают характер животного или растения, поэтому они не едят животных или растения этого вида. Это не называют тотемизмом, но тем не менее нет ничего более похожего на тотемизм в его первоначальной простоте. Теоретически это и есть объяснение деторождения, основанное на вере в то, что зачатие может произойти без совместного времяпрепровождения двух людей. На практике это выражается в особом отношении к определенным видам животных, растений или к другим природным объектам на основании их утверждаемой идентичности с человеческими существами. Эта практика долгое время была известна как тотемизм и сейчас получила теоретическое объяснение благодаря открытиям Спенсера и Гиллена в Центральной Австралии, а также У.Х.Р. Риверса на островах Банкс.

Тут, наконец, мы, по-видимому, находим полное и достаточно точное объяснение происхождения тотемизма. Свою третью и, насколько можно судить, окончательную теорию тотемизма мы назвали теорией зачатия. Она объясняет все факты простым и

естественным образом. Объясняет, например, почему люди обыкновенно воздерживаются от убийства и употребления в пищу своих тотемных животных и растений и вообще стремятся не причинять вреда своим тотемам. Причина в том, что, отождествляя себя с тотемами, они стараются не причинять им вреда и не уничтожать их. Кроме того, она объясняет, почему некоторые люди считают себя обязанными время от времени съесть фрагмент тотемного животного или растения. Причина опять же в том, что, отождествляя себя с тотемом, они желают поддерживать и укреплять эту идентичность, время от времени ассимилируя его плоть и кровь или растительные ткани. Объясняет она и то, почему часто считается, что люди перенимают качества и характер тотемов. Причина опять же в том, что, отождествляя себя с ними, они неизбежно копируют тотемные качества и черты характера. Также становится понятным, почему мужчины утверждают, что обладают магическим контролем над своими тотемами, в частности, способностью их умножать: отождествляя себя с тотемами, они полагают, что наделены особыми способностями для размножения или контроля над видом. Проясняется, почему люди обычно считают себя потомками тотемных животных и растений и почему о женщинах иногда говорят, что они дали жизнь этим животным или растениям. Причина в том, что предполагается, что эти животные, растения или их духи вошли в число матерей клана и родились от них в человеческом облике. Также мы теперь получаем объяснение всему огромному спектру тотемов – от животных и растений и величайших творений природы, с одной стороны, до самого скромного творения рук человеческих – с другой. Причина в том, что совершенно что угодно, начиная от света солнца, луны или звезд и заканчивая элементарными предметами быта, может поразить воображение женщины в соответствующий физиологический период и может быть отождествлено ею с зародышем в утробе. Наконец, наше построение объясняет, почему тотемные народы часто путают своих предков со своими тотемами. Считая предков, в сущности, животными или растениями в человеческом облике, они затрудняются даже умозрительно провести различие между их внешним человеческим обликом и их внутренней звериной или растительной природой. Они смутно представляют их и как людей, и как животных или растения; противоречие между тем и другим не

ставит их в тупик, хотя ясного умственного представления они тоже не могут сформулировать. Смутность вообще вполне типична для умственных построений дикарей. Подобно евангельскому слепому из Вифсаиды, они бродят в потемках и видят людей, похожих на деревья и животных. Таким образом, в теории зачатия мы находим достаточное объяснение всех фактов и вымыслов тотемизма.

Так мы приходим к выводу, что основным источником тотемизма является первобытное неведение в отношении процесса, посредством которого люди и животные воспроизводят свой вид. В частности, отсутствие понимания роли самца в производстве потомства. Цивилизованному уму все это кажется невероятным, однако небольшое размышление убедит нас в том, что, если человечество действительно произошло от низших форм животной жизни, то в истории нашего вида наверное был период, когда роль отцовства не осознавалась вообще никем из людей. Роль матери в производстве потомства не требует логических умозаключений и очевидна даже животным; роль отца гораздо менее очевидна и выявляется только в результате умозаключений, а не фактического восприятия. Разве мог младенческий разум первобытного дикаря понять, что ребенок, который выходит из утробы, является плодом семени, извергнутого целых девять месяцев назад? Аналогично, как мы знаем на примере австралийских аборигенов, недоступна ему и та простая истина, что семя растения, посеянное в землю, взойдет и принесет плоды. Разве мог он каким-то образом умозаключить, что дети – результат аналогичного процесса? Его неведение является естественной и необходимой фазой интеллектуального развития нашего вида. Да, в течение многих веков и тысячелетий тайна деторождения была от него скрыта. Но как только древний человек вообще начал рассуждать, он обратил свои мысли к этому самому важному и самому таинственному событию, повторяющемуся пред его взором с непреложной регулярностью и так необходимому для продолжения рода. Если он и строил догадки о чем-либо вообще, то в первую очередь, конечно, об этом. И конечно же, наиболее очевидным и подкрепленным фактами ему казалось то, что ребенок входит в утробу матери только в тот момент, когда она впервые чувствует, как он шевелится внутри. Неужели он мог додуматься, что ребенок был там уже задолго до того? В его системе координат как раз такое предположение вполне могло

показаться неразумным и абсурдным. А коль скоро ребенок оказывается внутри женщины только тогда, когда она это чувствует, то наиболее естественно было отождествить его с чем-либо, что поразило ее воображение и, вероятно, в то же время исчезло. Это мог быть кенгуру, который прыгнул перед ней и исчез в чаще; это могла быть игривая бабочка, промелькнувшая в лучах солнца с металлическим отблеском сверкающих крылышек или какой-нибудь попугай в великолепном пурпурно-малиново-оранжевом оперении. Это могли быть и солнечные лучи, достигшие ее кожи сквозь прогал в лесных сводах или же сверкающие лунные отблески на воде, когда серебряный диск показался в разрыве облаков... Это могли быть дуновения ветра в листве деревьев или шум прибоя на берегу, его глухой рев отозвался ее слуху голосом заморского духа... Действительно, любая вещь, поразившая женщину в тот таинственный момент ее жизни, когда она впервые осознает себя матерью, могла быть непосредственно отождествлена ею с ребенком в утробе. Подобные мысли будущей матери, столь естественные и кажущиеся столь всеобщими, по-видимому, и являются корнем тотемизма.

Таким образом, нынешнее распространение тотемизма на значительной части земного шара объясняется причинами, которые в очень отдаленные времена, вероятно, действовали одинаково у всех человеческих рас, а именно незнанием истинного источника деторождения в сочетании с естественным любопытством к этому предмету. Не стоит предполагать, что это в какой-либо значительной степени заимствовалось одним народом у другого. Вероятнее всего, оно повсюду независимо проистекало из одного и того же простого корня в сознании человека. Но было бы большой ошибкой считать, что причина, породившая тотемизм, по-прежнему сохраняется там, где сам тотемизм практикуется. То есть было бы неверно делать вывод, что все тотемические народы все так же не имеют понятия об отцовстве. В истории общества сплошь и рядом бывает так, что обычай, однажды возникший, продолжает практиковаться еще долго после того, как мотив, породивший его, забыт. Просто в силу некоторой инерции устоявшиеся представления идут по старой, хорошо проторенной колее, хотя первоначальный импульс, возможно, угас много поколений тому назад. Так было и с тотемизмом. Его по-прежнему практикуют многие племена, которые прекрасно знакомы со смыслом отцовства в

деторождении. Тем не менее даже у них новые знания не всегда полностью рассеивали древнее невежество. Некоторые из них все еще полагают, что известные действия мужчины при всей обыкновенности вовсе не необходимы для производства потомства. К примеру, африканский народ баганда твердо уверен, что женщина может забеременеть, когда пурпурный цветок банана падает ей на плечи, или же от духов самоубийц и неправильно рожденных младенцев, которые вселяются в нее из своих обещенных могил на перекрестках дорог. Даже среди цивилизованных народов, которые давно расстались с тотемизмом, следы первобытных представлений сохранились в некоторых брачных обычаях. Например, в Англии существуют определенные обряды, совершаемые бесплодными женщинами в надежде зачать; а в народных сказках мы читаем, что девственница зачала и родила ребенка безо всякого контакта с противоположным полом. Спустя века после того, как такие истории перестали рассказывать о простых людях, они продолжают ассоциироваться с детской верой в героев и полубогов. Непорочное зачатие этих почитаемых людьми персонажей теперь называют сверхъестественным, но по-настоящему примитивному дикарю подобное видится как раз совершенно естественным; на самом деле он просто не знает другого способа, которым люди рождаются на свет. Короче говоря, вера в то, что девственница может зачать и родить ребенка, является одним из последних сохранившихся пережитков первобытной дикости.

XLII. Дикарская теория зачатия^[51]

Мы отмечали, что форма тотемизма, преобладающая у большинства племен центральных областей Австралии, особенно у арунта и кайтиш, скорее всего, является самой примитивной из известных теперь. Далее можно сказать, что данная форма лишь на шаг отстоит от первоначального, абсолютно примитивного типа тотемизма. Суждение, на котором она основана, косвенно отрицает (а сами туземцы отрицают прямо), что дети являются плодом взаимодействия полов. Столь поразительное незнание естественных причинно-следственных связей не может не восходить к невероятно отдаленному прошлому. И все же это неведение, при всей его

странности, может быть достаточно легко объяснено привычками и образом мыслей первобытного дикаря. Во-первых, интервал, который проходит между актом оплодотворения и первыми симптомами беременности, достаточно велик, чтобы связь между тем и другим не была замечена. Во-вторых, распространенный у диких племен обычай разрешать неограниченные половые сношения достигшим половой зрелости, имел следствием большое количество бесплодных половых союзов. Из этого мог делаться вывод, что половое общение с рождением потомства вовсе не связано. Беременность и роды необходимо было объяснить как-то иначе. Суждение, которого центральноавстралийцы придерживаются по этому вопросу, просто и очевидно для первобытного ума. Во всем мире у дикарей распространена вера в то, что человек может быть одержим духом, который вселился в него, создав ненормальное состояние тела или разума, болезнь или помешательство. Когда дикари видят, что женщина беременна, они заключают, что в нее что-то вошло. Но что? И как оно попало в ее утробу? Такие вопросы возникают сами собой. По причинам, приведенным выше, им не приходит в голову связывать первые признаки беременности с половым актом, который предшествовал им со значительным интервалом. Они думают, что ребенок входит в женщину в тот момент, когда она впервые ощущает движения будущего младенца. А это, разумеется, происходит лишь спустя долгое время после реального момента зачатия. Вполне естественно, что, когда женщина впервые ощущает таинственное движение внутри себя, ей кажется, что в этот самый момент что-то вошло в ее тело. Столь же естественно, что в попытке выяснить, что это такое, она обращает внимание на какой-нибудь предмет, случайно оказавшийся рядом. Если ей довелось в это время наблюдать за кенгуром, или собирать семена растения, или купаться в воде, или сидеть под камедным деревом, она может подумать, что в нее вселился дух кенгуру и т. д., и когда рождается ее ребенок, она считает, что это и вправду кенгур, хотя и выглядит, как человек. Среди объектов, на которые женщина могла бы обратить внимание как на причину ее беременности, вполне могло быть и то, что она недавно ела. Мясо эму или батат вошли в ее тело, в некотором смысле пустили в ней корни и стали расти. Последнее, как наиболее естественное, могло бы быть самым распространенным объяснением беременности. Если это так и

было, то становится понятно, почему у племен Центральной Австралии, если не вообще у тотемных племен по всему миру, подавляющее большинство тотемов – съедобные предметы животного или растительного происхождения.

XLIII. Первобытное представление об отцовстве[\[52\]](#)

Необходимо иметь в виду, что понятие об отцовстве у этих племен Центральной Австралии решительно отличается от привычного нам. Они прямо отрицают участие отца в зачатии и рассматривают его только как супруга и в некотором смысле владельца матери, а значит, и потомства. Так же как владелец коровы владеет и теленком. Похоже, что дети стали считаться собственностью мужчины задолго до того, как в них стали видеть его потомство.

XLIV. Тотемизм в сказках[\[53\]](#)

Примерами сюжетов об отчужденности между мужчиной и женщиной служат сказки о лебединых девах или о красавице и чудовище. Подобные сюжеты можно обнаружить у тотемных народов, таким образом они объясняют существующие у них тотемические табу. Мы предполагаем, что они все прямо или косвенно возникли из круга представлений и обычаев, относящихся к тотемизму. В некоторых из этих сказок муж, в других жена – это фея, которая меняет свой облик со звериного или растительного на человеческий, и если будет нарушено определенное табу, относящееся к его животной или растительной природе, то навсегда оставит своего скорбящего партнера, чтобы вернуться к зверям или растениям. Такие сюжеты объясняются естественно и просто исходя из предположения, что первоначально они относились к мужьям и женам, которые в системе тотемизма и экзогамии претендовали на родство с животными или растениями разных видов, причем муж уподоблял себя одному виду существ, а жена – другому. В таких семьях муж и жена воспринимали любое оскорбление, нанесенное их родственникам-животным, как оскорбление, нанесенное им самим, и домашняя утварь взмывала в воздух каждый раз, когда кто-либо в паре нарушал этот хрупкий

баланс. У некоторых тотемных племен опасность подобных междоусобиц отчасти устраняется правилом, согласно которому муж и жена должны проявлять должное уважение к тотему друг друга, но такие взаимные обязательства, по-видимому, редки. Насколько мы можем судить по рассказам, типичный обычай тотемных народов – когда мужчины и женщины почитают каждый свой собственный тотем, но не обязаны проявлять почтения к тотемам супругов. В этих обстоятельствах муж и жена постоянно ссорятся из-за своих тотемов, и вполне естественно, что такие ссоры часто приводят к постоянным расставаниям. Тотемизм, по всей вероятности, отравил многие жизни и разорвал многие узы. Память о таких разрывах сохраняется в печальных сюжетах о жене-фее или муже-фее, которые какое-то время счастливо жили в браке с женщиной или женщиной, но в конце концов расстались навсегда.

XLV. Тотемизм и происхождение сельского хозяйства ^[54]

Если тотемизм как таковой и не способствовал экономическому развитию напрямую, то вполне вероятно, что имело место косвенное влияние. Можно, пожалуй, утверждать, что по случайности тотемизм действительно проложил людям путь к сельскому хозяйству и одомашниванию животных, а также не исключено, что благодаря ему люди познакомились с металлами. Утверждать, что этими ключевыми открытиями мы обязаны напрямую тотемизму, было бы слишком смело, однако данная тема все же заслуживает рассмотрения. Что касается сельского хозяйства, то магические церемонии, проводимые людьми тотема травяных семян племени кайтишей вполне могли вылиться в целенаправленное культивирование трав. Кайтиши, как и все аборигены Австралии, в своей первобытности совершенно не осведомлены о том, что семя, посаженное в землю, будет расти и умножаться. Им никогда не приходило в голову сеять семена, чтобы получить урожай. Но хотя они и не осваивали этого рационального подхода, они прибегали ко множеству странных и иррациональных обрядов, чтобы заставить траву расти и приносить семена. Например, глава клана травяных семян берет в рот некоторое их количество и расплевывает их во все стороны. Для него эти действия стоят в одном ряду с такой процедурой, как разлитие собственной крови на камни у

людей тотема кенгуру. Они совершают это с большой торжественностью во благо размножения кенгуру. Но в терминах природного равновесия, как и в нашем восприятии, эти две церемонии имеют совершенно разную ценность. Лить кровь на камни можно до полной кровопотери, не произведя на свет ни одного кенгуру из камней; но если разбрасывать семена по ветру, то, по крайней мере некоторые из них, упав в землю, прорастут и принесут плоды своего вида. Даже дикарь мог бы со временем понять, что трава несомненно прорастает из земли, где сеятель разбрасывал семена, а кенгуру никогда не вырастают из камней, омытых кровью человека-кенгуру. Если бы эта простая закономерность однажды запечатлелась на чистом листе его сознания, сеятель и дальше разбрасывал бы семена с очень неплохим результатом, тогда как человек-кенгуру уже давно перестал бы забрызгивать камни своей кровью в тщетном ожидании урожая кенгуру. Таким образом, с развитием знаний почтение общества к магии сеятеля возросло бы, а магия человека-кенгуру приобрела бы дурную славу. Из таких скромных начал с течением веков могла бы развиваться рациональная система земледелия.

С другой стороны, не исключено, что люди с тотемами животных иногда случайно находили и более действенные пути умножения популяции. Они могли научиться отлавливать животных, приручать их и разводить в неволе. Так тотемизм способствовал одомашниванию скота.

XLVI. Роль женщины в происхождении сельского хозяйства

В обычаях, соблюдаемых дикарями, совершенно несведущими в сельском хозяйстве, прослеживаются пути, по которым человечество продвинулось от употребления диких плодов к систематическому выращиванию растений. Рытье земли в поисках корней – занятие в основном женское – во многих случаях имело результатом обогащение и удобрение почвы, вследствие чего улучшался и урожай трав и корней. Рост урожая, в свою очередь, позволял большему количеству людей в течение более долгого времени оставаться на этом месте, так как отпадала срочная необходимость в поиске новых припасов и перемене места из-за скудости добываемой пищи. Более того,

просеивание семян женщинами на земле, которую они уже вскопали своими простейшими орудиями, приводило к такому же результату. Первобытные люди вроде калифорнийских индейцев и аборигенов Австралии употребляют семена исключительно и непосредственно в пищу, им никогда не приходило в голову временно ограничить себя, чтобы потом получить больше. Однако почти наверняка в процессе просеивания семян при подготовке к употреблению их в пищу многие зерна могли уцелеть, переместиться по ветру на взрыхленную почву, прорасти и принести плоды. Туземцы рыхлили землю, просеивали семена, но ни одна из этих операций не имела целью что-либо, кроме употребления этих семян сразу же в пищу. Первобытные люди, а именно скорее всего женщины, сами о том не подозревая, готовили для всего сообщества более изобильные урожаи будущего, а вместе с ними и возможность более успешно размножаться, а также отойти от прежнего кочевого и расточительного образа жизни в пользу более оседлого и рационального существования. Удивительно, но иногда человек, направляя свои стрелы в близкую, но незначительную цель, попадает в цель более крупную и отдаленную.

XLVII. Тотемизм и искусство [\[55\]](#)

Мы видим, что тотемизм не привел к осязаемому росту благосостояния и материальных ресурсов. Но несомненно имел место прогресс в другом направлении, а именно в пробуждении творческого инстинкта, в улучшении ловкости рук, необходимой для воплощения художественных идеалов... Именно к тотемизму, хотя и опосредованно, тянутся нити происхождения живописи и скульптуры. Грубые рисунки на земле, на которых туземцы Центральной Австралии изображают несколькими простыми красками свои тотемы и виды родной земли, представляют собой зародыш долгого развития, которое в иных обстоятельствах вылилось во фрески Микеланджело, шедевры Рафаэля, сияющие полотна Тициана и неземное величие Тёрнера. У первобытных людей тотемизм положил начало пластике, а также изобразительному искусству, ибо в магических обрядах, которые они совершают для контроля над своими тотемами или для их приумножения, они иногда создают большие изображения тотемных животных, сооружают из веточек своего рода чучела определенных

личинок, формируют из сырого песка длинные извилистые холмики наподобие извивающегося ужа. Теперь следует отметить, что стимул, побуждающий австралийских аборигенов изображать свои тотемы в живописных или пластических жанрах, не является сугубо эстетическим; это не наслаждение искусством ради искусства. Их цель сугубо практична. Это делается либо чтобы магически размножить существ и их можно было потом съесть, либо чтобы магически подавить их, нейтрализовать вредное воздействие. Короче говоря, во всех подобных случаях искусство всего лишь на службе у магии: оно используется тотемными магами как средство обеспечения запасов пищи или достижения какой-либо другой желаемой цели. Таким образом, в Австралии, как и во многих других частях света, магию с некоторым основанием можно назвать кормилицей искусства.

XLVIII. Тотемизм и укрепление социальных связей [\[56\]](#)

Тотемизм, по-видимому, едва ли способствовал развитию высших форм религии, однако он несомненно сказался в укреплении социальных связей и тем самым послужил делу цивилизации, ведь ее становление напрямую зависит от тесного сотрудничества людей в сообществе, от их взаимного доверия и доброй воли, а также от их готовности подчинить личные интересы интересам группы. Общество, объединенное на этих началах, устойчиво и жизнеспособно. Общество, преследуемое распрями и разногласиями, слабо и, скорее всего, погибнет либо от внутренних потрясений, либо под воздействием других обществ, которые сами по себе могут быть индивидуально слабее, но коллективно оказываются сильнее, потому что действуют как единое целое. Тенденция тотемизма объединять людей в социальные группы снова и снова отмечается авторами, которые описывали его на основе личных наблюдений. Они сообщают, что люди, имеющие один и тот же тотем, относятся друг к другу как к родственникам и готовы сплотиться и поддержать друг друга перед лицом трудностей и опасности. В самом деле, тотемная связь оказывается крепче, нежели узы крови. Чувство общих обязательств и общей ответственности пронизывает тотемный род. Каждый представитель рода отвечает даже ценой своей жизни за поступки каждого другого представителя; зло, причиненное его товарищам, он

расценивает как причиненное себе. Ни в чем эта родовая солидарность не проявляется так ярко, как в обычае кровной мести. Общее правило состоит в том, что за убийство, совершенное представителем рода, ответственность несет весь род, и если самому убийце по какой-либо причине отомстить невозможно, род жертвы может и должен обрушить свою месть на любого представителя рода убийцы, даже если это лицо и вовсе не имеет отношения к первоначальному убийству. Цивилизованным людям, конечно же, кажется несправедливым, что невинным таким образом приходится страдать вместо виновных, и, без сомнения, если мы рассматриваем этот вопрос с чисто абстрактной точки зрения, мы согласны, что причинение страданий одним вместо других – аморально и неоправданно. Никого, говорим мы, и говорим справедливо, нельзя наказывать за что-либо, кроме его собственных поступков. Тем не менее, если мы будем рассматривать факты жизни такими, какие они есть, а не такими, какими они должны быть, мы едва ли сможем удержаться от вывода о том, что принцип коллективной ответственности с его необходимым следствием – страданиями за других – был чрезвычайно полезен, а возможно, даже абсолютно необходим для сохранности и благополучия общества. Ничто другое, вероятно, не могло бы помочь первобытным людям объединяться в группы довольно большие, чтобы преодолевать противодействие враждебных сообществ. В борьбе за существование племя, которое стремилось бы к беспристрастному правосудию по принципу индивидуальной ответственности, с большей вероятностью потерпело бы поражение перед племенем, которое действует как один человек по принципу коллективной ответственности. Пока поборники абстрактной справедливости устанавливали бы факты, искали конкретного обвиняемого, дабы наказать его по заслугам, они подвергались бы серьезному риску быть истребленными своими более яростными и менее разборчивыми соседями.

Как бы ни был принцип коллективной ответственности достоин осуждения в теории, едва ли можно сомневаться, что на практике он более чем выгоден. Если это и несправедливо по отношению к отдельным людям, то это оказало большую услугу обществу в целом. Многие извлекли выгоду из страданий немногих. Люди гораздо охотнее искореняют проступки других, если думают, что и сами могут

быть за это наказаны. В отличие от случаев, когда наказание падет только на самого преступника. Таким образом, зарождается обыкновение относиться ко всем проступкам с суровым неодобрением как к ущербу, наносимому всему обществу. Обыкновение это может перерасти в инстинктивное осуждение неправильных поступков и отвращение к ним. Иными словами, принцип коллективной ответственности не только сдерживает преступность, но и стремится перевоспитать преступника, пестуя бескорыстную любовь к добродетели и, таким образом, позволяя обществу со временем принять стандарты правосудия, которые более приближены к идеальным.

Следовательно, в той мере, в какой тотемизм укреплял узы, объединяющие людей в обществе, он прямо способствовал росту более высокой и чистой морали и тем самым сослужил великую службу человечеству. Его умозрительные нелепости могут быть прощены во имя его практической пользы, и, подводя итог, мы лишь повторим вынесенный давным-давно оправдательный приговор: *remittuntur ei peccata multa, quoniam dilexit multum*^[57].

XLIX. Вопрос экзогамии^[58]

Гипотеза о том, что тотемизм по своему происхождению является первобытной теорией зачатия, по-видимому, дает простое и адекватное объяснение наблюдаемым фактам. Но есть одна особенность тотемизма в том виде, в каком он обычно встречается нам, которую эта гипотеза не объясняет, а именно экзогамия тотемных групп, то есть правило, согласно которому мужчина не может жениться или вступать в связь с женщиной того же тотема, что и он сам. Это правило, действительно, совершенно необъяснимо с точки зрения того, что мужчины и женщины считают себя идентичными с их тотемными животными. Поскольку эти животные спариваются с себе подобными, почему бы мужчинам и женщинам одного и того же тотема не делать то же самое? Ведь они считают, что являются лишь слегка замаскированными под людей особями своего тотемного животного. Дело том, что экзогамия не присуща истинному тотемизму. Она появилась в результате гораздо более позднего социального сдвига. Во многих сообществах этот сдвиг случайно изменил саму тотемную

систему, в то время как в других сообществах система тотемов осталась незатронутой. В традициях коренных австралийцев экзогамия выглядит как новшество, привнесенное в сообщество, уже структурированное по признакам тотемных групп. Свойства этих традиций в достаточной степени подтверждаются исследованием социальной организации австралийских племен. Как справедливо утверждают господа Ховитт, Спенсер и Гиллен, первичной экзогамной единицей была не тотемная группа, а родовая группа всего племени. Каждое племя, по сути, делилось на две половины. Все дети одной матери относились к одной половине, и мужчины каждой половины были обязаны брать жен из другой половины. В более позднее время каждая из этих половин была у некоторых племен снова разделена на две, и мужчины и женщины в каждой из образованных таким образом четвертей были вынуждены выбирать своих жен или мужей из какой-либо четверти из оставшихся трех (причем лишь из одной). А дети должны были относиться к одной из оставшихся четвертей, то есть не к четверти отца и не к четверти матери. Целью разделения племени на две экзогамные половины, когда все дети одной матери находятся в одной группе, очевидно, является предотвращение браков братьев с сестрами. Цель деления на экзогамные четверти в сочетании с правилами, согласно которым каждый человек может вступать в брак только с одной четвертью и что дети должны принадлежать к той четверти, где не находятся их родители, является предотвращение брака родителей с детьми. Эти последовательные деления племени на две, четыре или даже восемь экзогамных частей со все более сложными родственными подразделениями имеют все признаки того, что они были изобретены целенаправленно как средство предотвращения браков братьев с сестрами, а позже родителей с детьми.

Это мы считаем практически несомненным. Но трудно ответить на вопрос, почему древний человек в Австралии и, по-видимому, во многих других частях света стремился предупредить такие союзы как нежелательные и принимал столь продуманные меры предосторожности. Ответить на него получается лишь крайне обобщенно и без достаточной определенности. Пожалуй, было бы ошибочным полагать, что это далеко идущее нововведение появилось на почве моральной антипатии к инцесту, проявлявшейся в

исторические времена большинством народов (хотя и не всеми). Неприятие инцеста – скорее следствие запрета на него, нежели его причина.

Неприятие возникло как своего рода кумулятивный эффект в результате действия запрета на протяжении многих поколений со времен поистине незапамятных. Предположить, что закон инцеста появился на почве некоего инстинктивного отвращения перед этим актом, значило бы поменять местами причину и следствие. Это самая распространенная ошибка в исследованиях древних сообществ: интерпретация тех или иных явлений в свете представлений и привычек современного человека, попытка объяснить более ранние ступени эволюции с помощью того, что мы находим на более поздних этапах. Короче говоря, это означало бы объяснять начало концом, а не конец началом.

Кроме того, первоначальным основанием неприятия кровосмесительных союзов, безусловно, не могло быть какое бы то ни было понимание того, что они наносят вред потомству. Тому есть две причины. Во-первых, даже и в наши дни среди специалистов нет однозначного мнения о том вредны ли близкородственные связи сами по себе, если родители вполне здоровы. Каким бы ни был окончательный истинный ответ, не стоит предполагать, что первобытные дикари давным-давно поняли то, что при всех скрупулезных наблюдениях и длительных экспериментах в области селекции животных современная наука еще окончательно не установила. Во-вторых, не только невозможно, чтобы первобытный человек мог обнаружить определенный ответ на этот неоднозначный вопрос, но также невозможно, чтобы он мог такой вопрос поставить. Вплоть до наших дней жители Центральной Австралии, которые практикуют строгую экзогамию, не считают, что дети являются результатом полового общения. Их еще более примитивные предки в более ранний период прибегли к экзогамии явно не с целью устранения действия причины, существование которой они отрицали.

L. Происхождение экзогамии в Австралии [\[59\]](#)

Эти крайне примитивные дикари следовали принципу экзогамии с практической изобретательностью, логической тщательностью и

точностью, которых ни одна другая известная раса людей не проявляет в своих системах брачных союзов. Соответственно, изучение их брачных институций, которые были точно описаны высококвалифицированными наблюдателями, дает наилучшее представление о смысле экзогамии. Именно в Австралии мы должны искать решение загадки экзогамии и тотемизма.

Исчерпывающие сведения об австралийских системах брачных союзов уже были представлены читателю^[60], и я в общих чертах изложил их общие принципы, чтобы четко обозначить их предназначение. Мы видели, что эти брачные системы можно разделить на классовые варианты различной степени сложности: от простейшего двухклассового до самого сложного восьмиклассового. Среднее положение занимает четырехклассный вариант. Все три варианта – двухклассная система, четырехклассная система и восьмиклассная система – могут быть либо патрилинейными, либо матрилинейными. Двухклассовая и четырехклассовая системы знают примеры и того и другого, в то время как в восьмиклассовой обнаруживаются только случаи, ориентированные по мужскому происхождению. Также мы отмечали, что эти три системы, по-видимому, были созданы серией последовательных разделений сообщества на половины: двухклассовая система, возникшая в результате первого деления пополам, четырехклассовая система, возникшая в результате второго деления пополам, и восьмиклассовая система, возникшая в результате третьего деления пополам. Отмечалось и то, что результатом последовательного деления сообщества на экзогамные классы по определенным правилам, связанным с родственными узами, было запрещение вступления в брак лиц, которых туземцы считают слишком близкими родственниками. На каждой новой ступени деления из списка доступных для брака персон вычеркивалась очередная группа родственников. Поскольку эффект, достигаемый этими средствами, соответствует глубоко укорененным воззрениям туземцев по поводу брака, мы вправе сделать вывод, что каждое последующее деление общины на две части было намеренно введено с целью предотвращения браков между близкими родственниками. Никаким другим способом, по-видимому, невозможно достаточно подробно объяснить систему, одновременно столь сложную и столь регулярную. Едва ли будет преувеличением

утверждать, что никакая иная человеческая институция не несет на себе более явного отпечатка преднамеренного замысла, чем экзогамные классы австралийских аборигенов. Предполагать, что они возникли в результате серии случайных совпадений и случайно же служат тем целям, которых успешно достигают ко всеобщему одобрению самих аборигенов, было бы столь же нелепо, как если бы мы утверждали, что сложный механизм часов собран без участия человека, путем простого случайного стечения атомов и что цель, которой он служит и ради чего владелец часов и носит их в кармане, – показывать точное время на циферблате, – достигнута просто случайным сочетанием элементарных частиц. Попытки от имени науки исключить человеческую волю и целеустремленность из истории первобытных институций человечества терпят катастрофический крах, когда это касается брачных обычаев австралийских аборигенов.

Мы видели, что двухклассовая система всегда запрещает брак братьев с сестрами, но не всегда – брак родителей с детьми, а также частично брак двоюродных братьев и сестер, а именно детей брата и сестры соответственно. Четырехклассовая система всегда запрещает браки братьев с сестрами и родителей с детьми, но не браки двоюродных братьев и сестер, то есть детей брата и сестры. Восьмиклассовая система запрещает браки братьев с сестрами, родителей с детьми и двоюродных братьев и сестер, детей брата и сестры. Следовательно, если мы правы, предполагая, что эти три варианта брачной системы были введены последовательно и в таком порядке с целью добиться именно того, что они действительно дают, то из этого следует, что двухклассовая система была введена для предотвращения браков братьев и сестер, четырехклассная система – для предотвращения браков родителей с детьми, а восьмиклассная – для предотвращения браков некоторых двоюродных братьев и сестер, детей брата и сестры соответственно, тогда как браки всех остальных двоюродных братьев и сестер (детей двух братьев или двух сестер) уже запрещались двухклассовой системой. Если считать этот вывод верным, то мы видим, что в Австралии экзогамия возникла, как и предполагал Морган, в стремлении предотвратить браки братьев с сестрами, а также что отказ от брака с родителями и отдельными двоюродными братьями и сестрами наступил позже. Таким образом,

первичный запрет был именно на брак между братьями и сестрами, а вовсе не между детьми и родителями, как можно было бы ожидать. Из этого необязательно следует, что австралийские аборигены испытывают более глубокое отвращение перед инцестом между братьями и сестрами, чем перед инцестом между родителями и детьми.

Все, что мы можем утверждать с уверенностью, так это то, что до введения двухклассовой системы инцест между братьями и сестрами был более распространенным явлением, чем кровосмешение между родителями и детьми, и, соответственно, первой необходимостью было предотвратить его. Неприятие инцеста между родителями и детьми, по-видимому, распространено среди австралийских аборигенов повсеместно: как среди племен с двумя классами, так и среди племен с четырьмя классами, хотя сама двухклассовая система не является препятствием для случаев такого инцеста. Таким образом, важно непременно иметь в виду, что неприязнь к определенным видам брака, должно быть, всегда существовала в умах людей, или, по крайней мере, в умах лидеров групп еще до того, как эта неприязнь, так сказать, получила юридическую оформленность, воплотившись в экзогамном правиле. В демократичных сообществах, подобных сообществам австралийских аборигенов, закон лишь претворяет в жизнь мысли, которые давно зреют в умах многих. Это хорошо видно на примере запрета на брак между некоторыми двоюродными братьями и сестрами, а также запрета на брак между родителями и детьми. Многие австралийские племена не одобряют любые браки между двоюродными братьями и сестрами, даже если это не находит отражения в экзогамной структуре, которая в этом случае была бы восьмиклассовой.

Отвращение к неприемлемым бракам, инстинктивное или приобретенное, проявляется в обычаях социального избегания, которые во многих диких сообществах соблюдают по отношению друг к другу люди, находящиеся в неподходящих для брака степенях родства. Единственное разумное объяснение таких обычаев, которые прослеживаются в большинстве экзогамных и тотемных сообществ, заключается в том, что это меры предосторожности против союзов, которые люди считают кровосмесительными. В некоторых австралийских племенах этот обычай избегания соблюдается братьями

и сестрами, хотя братьям и сестрам и так повсеместно запрещено вступать друг с другом в брак по всем экзогамным системам – двухклассовой системе, четырехклассовой системе и восьмиклассовой системе. Несомненно, теоретически возможно объяснить это избегание просто как следствие экзогамного запрета. Но это объяснение представляется малоосновательным, когда мы замечаем, что подобные обычаи взаимного избегания наблюдаются и в отношении друг к другу лиц, которым экзогамные правила не запрещают общаться друг с другом. Например, обычай, согласно которому мужчина должен избегать матери своей жены, соблюдается в Австралии и матрилинейными, и патрилинейными племенами; однако в племенах, в которых есть два матрилинейных класса, женщина всегда принадлежит к тому же экзогамному классу, что и ее дочь, и поэтому теоретически может вступить в брак с мужем дочери. Аналогично с двоюродными братьями и сестрами, детьми брата и сестры. Иногда они вынуждены избегать друг друга, даже несмотря на то, что экзогамная система племени не создает препятствий для их союза. Следовательно, можно сделать вывод, что во всех подобных обычаях взаимного избегания между людьми, которые теоретически могут вступить в брак, но фактически не вступают в силу социальных ограничений, просматривается скорее причина экзогамии, нежели ее следствие, зародыш этого явления, а не его плод. Полагаем, что в корне этого явления лежит чувство страха или отвращения к сексуальному союзу с определенными лицами, нашедшее выражение в экзогамных запретах в виде племенных законов или скорее обычаев. Примечательный факт, что обычай взаимного избегания часто имеет место между взрослыми братьями и сестрами, а также между родителями и их взрослыми детьми, по-видимому, решительно противоречит мнению Вестермарка о том, что сексуальное влечение естественным образом не возникает между людьми, которые долго живут вместе. Не правда ли, что ни одна категория людей обычно не живет вместе дольше, чем братья с сестрами и родители с детьми? Следовательно, никто не был бы более свободен от соблазна половой близости, никто не был бы более свободен и в социальных отношениях, чем братья с сестрами и родители с детьми. Эта свобода действительно существует у всех цивилизованных народов, но она существует далеко не у всех дикарей. Различия в этом отношении

между свободой, предоставляемой ближайшим родственникам цивилизацией, и ограничениями, налагаемыми на них первобытностью, безусловно, предполагают, что тяга к кровосмесительным связям, которая почти исчезла в более высоком состоянии общества, вполне дает себя знать в обществах отсталых, где для ее подавления необходимы очень строгие меры.

Итак, экзогамная система австралийских аборигенов, устанавливающая последовательный ряд ограничений на вступление в брак, которые постепенно возрастают по мере усложнения системы от двух до восьми классов, по-видимому, была разработана намеренно, чтобы предотвратить сексуальные союзы, которые туземцы считали кровосмесительными. Естественный и почти неизбежный вывод состоит в том, что до первого разделения сообщества на два экзогамных класса такие кровосмесительные союзы между близкими родственниками, особенно между кровными братьями и сестрами, были обычным явлением. В период, предшествовавший возникновению экзогамии, барьеров между полами не существовало, или, другими словами, имел место полный промискуитет. Благодаря экзогамии, которая в той или иной форме преобладает и тысячелетиями преобладала в Австралии, период промискуитета относится к более или менее отдаленному прошлому. Но явные его следы сохранились в праве на половое сношение, которым во многих австралийских племенах мужчины пользуются по отношению к незамужним девушкам, прежде чем те будут переданы их мужьям. То, что данное право мужчин – не просто проявление дикой похоти, но пережиток древнего обычая, явствует из той методичности, с которой этим правом пользуются некоторые (далеко не все) мужчины племени: в реализации этого права они соблюдают очередь и следуют строго регламентированному порядку. Получается, что даже эти обычаи не являются случаями абсолютного промискуитета. Рассматриваемые вместе с растущим количеством свидетельств ряда экзогамных классов, они решительно указывают на бывшее преобладание гораздо более свободных отношений между полами, чем можно обнаружить где-либо в Австралии в наши дни.

Но следует иметь в виду, что, постулируя промискуитет или что-то, подобное ему, в качестве отправной точки нынешней австралийской брачной системы, мы ничего не утверждаем

относительно наиболее древних отношений полов у всего человечества. Мы только можем сказать, что существующие брачные обычаи австралийских аборигенов, по-видимому, возникли на непосредственно предшествующей стадии социальной эволюции, на которой брак, понимаемый как прочный союз между прежде одинокими людьми, был либо неизвестен, либо редок и исключителен и на которой даже самым близким родственникам разрешалось сожительствовать друг с другом. Но, как мы уже отмечали, хотя австралийские дикари относительно примитивны по сравнению с нами, они почти наверняка очень далеки от примитивности в абсолютном смысле этого слова; напротив, есть все основания полагать, что по сравнению с истинно первобытным человеком они добились огромного прогресса в интеллекте, нравственности и образе жизни. Следовательно, даже если можно было бы доказать, что до того, как они достигли своего нынешнего состояния культуры, они прошли более низкую стадию, на которой брак в привычном нам виде едва ли существовал, у нас не было бы права делать вывод, что их еще более отдаленные предки практиковали абсолютный промискуитет с тех пор, как человек стал человеком путем постепенной эволюции из низших форм животной жизни. Несомненно, интересно порассуждать о том, какими могли быть отношения полов с древнейших времен вплоть до периода, когда на сцене истории появляется первобытный человек; но таким рассуждениям, по-видимому, суждено навсегда остаться не более чем рассуждениями без всякой возможности доказательства.

* * *

Таким образом, вся сложная экзогамная система австралийских аборигенов объяснима простым и естественным образом, стоит только предположить, что она возникла на почве растущей неприязни к бракам близких родственников, начиная с браков братьев с сестрами и родителей с детьми и заканчивая браками двоюродных братьев и сестер, которые иногда попадали в таблицу запрещенных степеней, а иногда и оставались вне ее. Чтобы предотвратить эти браки, племена намеренно подразделяли себя на два, четыре или восемь экзогамных

классов, причем данные три варианта сменяли друг друга от простого к сложному, поскольку более простые варианты признавались неадекватными растущим требованиям общественного мнения и морали. Такая система, без сомнения, могла быть придумана только людьми, обладавшими незаурядной проницательностью и практическими способностями, которые своим влиянием и авторитетом убедили своих собратьев претворить эту идею в жизнь. Но в то же время такая система не могла не отвечать и всеобщим приблизительным представлениям о том, что считать правильным и пристойным, возникшим в обществе задолго до того, как была создана определенная социальная организация для их обеспечения. И то, что верно в отношении возникновения системы в ее простейшей форме, несомненно верно и для каждого последующего шага, который одновременно увеличивал сложность и действенность этого незаурядного механизма, изобретенного первобытным разумом во имя соблюдения половой морали. Так и только так представляется возможным объяснить социальную систему, одновременно столь сложную, столь регулярную и столь идеально приспособленную к потребностям и мнениям людей, которые ее практикуют. За всю историю, как уже отмечалось, едва ли возможно найти иную человеческую институцию, на которой печать целенаправленного мышления просматривалась бы более отчетливо, чем на экзогамии австралийских аборигенов.

II. Экзогамия и групповой брак [\[61\]](#)

Итак, допустим, что экзогамия пришла на смену предыдущему этапу практически неограниченных половых связей. Новая система принесла не индивидуальный, а групповой брак, то есть все мужчины общины лишились неограниченного права половых контактов со всеми женщинами, и определенные группы мужчин отныне были обязаны ограничиваться определенной группой женщин. Сначала эти группы были большими, но с каждым последующим разделением племени на классы группы уменьшались. Двухклассовая система позволяла мужчине сожительствовать, грубо говоря, с половиной женщин общины; четырехклассовая система запрещала ему вступать в сексуальные отношения более чем с каждой четвертой женщиной;

а восьмиклассовая система ограничивала его выбор каждой восьмой женщиной. Каждый последующий шаг развития экзогамии воздвигал новый барьер между полами; это был переход от промискуитета через групповой брак к моногамии. О практике группового брака, промежуточного между двумя крайними положениями (абсолютным промискуитетом и моногамией), наиболее полные сведения получаем из системы взаимоотношений, которая определяет отношения мужчин и женщин в соответствии с конкретным поколением и конкретным экзогамным классом, к которому они принадлежат. Кардинальной взаимосвязью всей системы является возможность вступления в брак группы мужчин с группой женщин. На ней зиждутся все остальные взаимосвязи в данной системе.

ЛII. Кольцо брака сужается^[62]

Однако, говоря о сообществах австралийских аборигенов, сделать вывод о прежней распространенности групповых браков мы можем не только на основании классификационной системы родства. Практика групповых браков действительно преобладает или преобладала до недавнего времени у многих австралийских племен, особенно в пустынных районах вокруг озера Эйр. Природа, скажем так, уже применила весь арсенал средств, чтобы сделать этот регион как можно менее пригодным для жизни, где аборигены, занятые исключительно борьбой за существование, не имеют ровно никаких материальных благ из числа тех, что способствуют интеллектуальному и общественному прогрессу. Поэтому вполне естественно, что старый обычай группового брака дольше всего сохраняется среди этих наиболее отсталых племен, которые сохранили экзогамию в ее простейшей и древнейшей форме – двухклассовом варианте. Но даже у них брачные группы отнюдь не совпадают с экзогамными классами; они гораздо уже по охвату и тоже приближаются к индивидуальному браку, то есть к браку одного мужчины с одной женщиной или с несколькими женщинами, что сейчас является в австралийских племенах наиболее обычным. Таким образом, историю экзогамии можно абстрактно уподобить концентрическим кругам, расположенным последовательно один внутри другого. Каждый круг меньше предыдущего и, следовательно, больше ограничивает свободу

индивидов. В самый внешний круг входят все женщины племени; во внутренний только одна женщина. Внешний, самый большой круг символизирует промискуитет; внутренний, наименьший – моногамию.

ЛIII. Происхождение запрещенных степеней брака^[63]

Подведем итоги. Результатом двухклассовой системы стал запрет на браки братьев с сестрами, и – не во всех случаях – на браки родителей с детьми и на брак детей мужчины с детьми его сестры. Результатом четырехклассовой системы стал запрет на браки братьев с сестрами и родителей с детьми в любом случае, но не на брак детей мужчины с детьми его сестры. Результатом восьмиклассовой системы стал запрет на браки братьев с сестрами, родителей с детьми, а также мужчины с детьми его сестры. Таким образом, результатом каждого последующего разделения классов было исключение новой группы родственников из списка лиц, с которыми может быть заключен брак, или, что то же самое, добавление этой группы родственников в ряд запрещенных степеней брака.

Но были ли эти последовательные разделения нацелены именно на то, что получилось в результате? Мы можем с уверенностью заключить, что это так. Аборигены Австралии в наши дни, несомненно, испытывают глубокое отвращение перед инцестом, то есть как раз перед теми видами брака, которые экзогамная система классов призвана исключить. Вплоть до недавнего времени они обычно карали смертью все подобные кровосмесительные сношения. Поэтому было бы совершенно естественно, что их предки должны были принять самые строгие меры, чтобы предотвратить поведение, которое они, как и их потомки, вероятно, считали тягчайшим, опасным для общества преступлением. Таким образом, достаточный стимул для введения ныне действующих брачных норм у австралийских аборигенов несомненно был. Поскольку эти нормы, отчасти благодаря их сложности и четкости, выглядят как творение человеческого разума, правомерно сделать вывод, что они были разработаны аборигенами для достижения именно тех результатов, какие мы видим на практике. Те, кто лучше других знаком с австралийскими дикарями, считают, что они вполне способны как к созданию, так и к осуществлению таких социальных преобразований, которые лежат в основе их нынешней

брачной системы. Мы не имеем права пренебрегать взвешенным мнением наиболее компетентных специалистов в этом вопросе, особенно когда все имеющиеся в нашем распоряжении факты также подтверждают это. Считать необоснованной и отвергать точку зрения, пользующуюся столь сильной поддержкой, значит, противоречить всем здравым принципам научного исследования. Это означало бы подмену дедуктивного метода индуктивным, поскольку мы бы пренебрегли результатами непосредственных наблюдений в пользу наших собственных абстрактных вероятностных построений. Мы, цивилизованные люди, которые знают дикарей только опосредованно, по рассказам других, обязаны принимать во внимание свидетельства добросовестных и внимательных наблюдателей о фактах жизни туземцев вне зависимости от того, согласуются ли эти сведения с нашими предположениями. Если же мы будем принимать одни свидетельства и отвергать другие в соответствии с нашими собственными произвольными стандартами, с научной антропологией можно будет попрощаться. В этом случае мы можем, если нам заблагорассудится, строить сложносоставные гипотезы, на вид устойчивые и интересные, но бессмысленные по сути в силу изначально ложных предпосылок. Тем не менее общественная институция, которая приводит в замешательство некоторые европейские умы, по-видимому, практически не создает трудностей интеллекту австралийского дикаря. В его руках сложный и громоздкий механизм работает исправно и достаточно гладко; и этот факт сам по себе должен заставить нас усомниться в том, что первобытный человек якобы не мог изобрести инструмент, которым так искусно пользуется.

LIV. Связь тотемизма и экзогамии в Австралии [\[64\]](#)

Чтобы завершить наш обзор австралийской экзогамии, остается только указать на взаимосвязь экзогамных классов и тотемных кланов и показать, как экзогамия кланов при определенных обстоятельствах стала следствием классовой экзогамии, то есть прежде всего разделения сообщества на две группы, члены которых могут вступать друг с другом в брак. У арунта и других племен Центральной Австралии, чья тотемная система, не будучи экзогамной, по-видимому, является наиболее примитивной, тотемные кланы не экзогамны, и

причина этого в том, что эти племена сохранили поистине примитивный способ определения тотема человека: не по тотему его отца или матери, а по случайному совпадению места, где его мать решила, что дух младенца зашел в ее утробу. Если такой способ определения тотема соблюдается достаточно строго, он препятствует передаче тотемов по наследству и, следовательно, делает их бесполезными для целей экзогамии. В таком положении невозможно запретить сожителство брата с сестрой или матери с сыном, установив правило, по которому мужчина не должен сожителствовать с женщиной того же тотема. При концептуальном тотемизме может случиться, и часто случается, что у брата с сестрой или у матери с сыном будут разные тотемы. Следовательно, в таких случаях экзогамное правило, запрещающее сожителство между мужчинами и женщинами одного и того же тотема, было бы бессильно предотвратить кровосмешение брата с сестрой или матери с сыном. Соответственно, арунта и другие племена Центральной Австралии, а также жители островов Банкс, сохранившие примитивный тотемизм зачатия, никогда не применяли правило экзогамии в своих тотемных кланах (что совершенно логично), потому что им было очевидно, что его применение никак не поспособствует достижению цели, для которой экзогамия предназначена, то есть предотвращения вступления в брак близких родственников. Таким образом, отсутствие экзогамии тотемных кланов этих племен при одновременном наличии экзогамии классов не только самым ясным образом указывает на различие, которое мы должны провести между экзогамными классами и тотемными кланами, но и представляет собой веский аргумент в пользу того, что экзогамия была введена только для предотвращения браков близких родственников, ведь она строго соблюдалась там, где этот результат был достигнут и не соблюдалась там, где такая цель не ставилась.

Из этого следует, что у арунта и у других племен Центральной Австралии экзогамия была введена еще до того, как тотемы стали наследственными. Было ли так же у других австралийских племен? Сомнительно. Мы можем представить, что люди исправно наследовали свои тотемы либо у отца, либо у матери до введения экзогамии, то есть в то время, когда носители одного и того же тотема все еще могли свободно сожителствовать друг с другом. Если,

следовательно, экзогамия в ее простейшем двухклассовом варианте была установлена в сообществе, которое до этого состояло из ряда наследственных тотемных, но не экзогамных кланов, то легко увидеть, что экзогамия тотемных кланов была бы естественным, хотя и не обязательным следствием. Провести новую разделительную линию экзогамии в сообществе означало бы разделить наследственные тотемные кланы на два экзогамных класса, поместив столько-то кланов по одну сторону линии, чтобы сформировать один класс, и столько-то кланов по другую сторону линии, чтобы сформировать другой класс. Таким образом, учитывая двухклассную экзогамию и наследственный характер тотемных кланов, надо заключить, что кланы были экзогамными; ни один мужчина в будущем не смог бы жениться на женщине из своего собственного клана или на женщине из любого клана своего класса; он мог бы жениться только на женщине одного из кланов другого класса. Вполне вероятно, что во всех австралийских племенах, в которых тотемные кланы в настоящее время экзогамны, они были таковыми с самого начала.

С другой стороны, то обстоятельство, что многие племена в изолированном от внешнего мира центре Австралийского континента сохранили примитивный тотемизм зачатия наряду со сравнительно новым обычаем экзогамии, наводит на мысль, что всюду в Австралии экзогамная революция началась в сообществах, которые аналогичным образом еще не продвинулись от тотемизма зачатия к тотемизму наследственному. Есть еще больше оснований так думать, потому что племена, расположенные несколько дальше от центра континента и ближе к морю, в настоящее время все еще находятся в состоянии перехода от тотемизма зачатия к наследственному. У них порядок, позволяющий преодолеть разрыв между двумя системами, заключается в том, что, хотя мать зачинает, впуская в себя дух ребенка, никто, кроме духа тотема отца, не осмелится поселиться в его жене. Таким образом, старая модель тотемизма зачатия сохраняется и сочетается с новым принципом наследственности: ребенок по-прежнему рождается как раньше, но теперь он неизменно принимает тотем своего отца.

Очевидно, что аналогичная теория могла бы быть изобретена для того, чтобы примирить тотемизм зачатия с правилом, согласно которому ребенок всегда берет тотем своей матери, а не отца. Так,

изначальная система тотемизма зачатия способна развиваться в соответствии со своими принципами в наследственный тотемизм либо по отцовской, либо по материнской линии. Но что касается системы наследственного тотемизма, кажется невозможным правдоподобно объяснить, как она могла развиваться в ненаследственный тотемизм зачатия, такой, какой мы находим у арунта и других племен Центральной Австралии. Это, несомненно, веская причина для того, чтобы рассматривать тотемизм зачатия как первичный, или изначальный, а наследственный тотемизм – как вторичный, или производный.

В целом мы склонны полагать, что когда экзогамия впервые была введена в Австралии, туземцы все еще были разделены на тотемные кланы, подобные тем, что были у арунта, где тотемы еще не стали наследственными: каждый получал тотем в результате случайной фантазии своей матери, когда она впервые почувствовала, что беременна. Переход от этого вида тотемизма к наследственному был бы тогда постепенным, а не внезапным. Постоянно проживая с одной определенной женщиной мужчина начинал стремиться к тому, чтобы дети, которых она родила и которые, хотя он и не знал об этом, были его отпрысками, кого он помогал охранять и кормить, восприняли его тотем и принадлежали к его тотемному клану. Стремясь к этому, он мог, например, запрещать жене приближаться к местам, где она могла бы встретить духов каких-либо тотемов, кроме его собственного. Если бы такие настроения были распространены среди мужчин племени, обычай наследования тотема от отца мог бы стать сначала распространенным, а затем и всеобщим; а когда он стал всеобщим, переход от тотемизма зачатия к чисто наследственному тотемизму по мужской линии также был бы завершен. С другой стороны, если бы, наоборот, мать стремилась к тому, чтобы ее дети взяли ее тотем и принадлежали к ее тотемному клану, переход от тотемизма зачатия к наследственному тотемизму по женской линии был бы столь же если не более легким. По той причине, что в тотемизме зачатия тотем ребенка всегда определяется ощущениями матери, или, если выразиться точнее, ее утверждениями о собственных ощущениях. Ей было бы легко либо посещать места, населенные духами только ее тотема, чтобы принять одного из них в свое лоно, либо, если бы она не была достаточно разборчива, просто солгать, что приняла, и таким

образом удовлетворить страстное желание носить под сердцем плод именно своего тотема. Возможно, это еще одна, и далеко не последняя по значимости, причина, по которой у примитивных тотемных племен тотем чаще передается по материнской, чем по отцовской линии.

Экзогамия в форме группового брака, таким образом, могла быть патрилинейной, либо матрилинейной, то есть устанавливаться по отцовской либо по материнской линии. Но существует множество причин, которые с течением времени способствовали патрилинейному варианту. Среди этих причин главной, вероятно, было постепенное ограничение группового брака все более узкими рамками, а вместе с этим и бóльшая уверенность в индивидуальном отцовстве. Экзогамия, по-видимому, была введена в то время, когда природа физического отцовства была неизвестна, но следует помнить, что большинство племен, которые все еще соблюдают ее в настоящее время, сейчас знакомы и уже давно знакомы с ролью отца в зачатии потомства. Даже в Юго-Восточной Австралии, где благодаря прекрасному климату и обильным источникам продовольствия аборигены достигли наибольшего материального и интеллектуального прогресса, факт физического отцовства был четко признан, хотя более грубым племенам центра и севера он до сих пор неизвестен. И с осознанием кровных уз, которые связывают мужчину с его детьми, очевидно, что его желание приблизить их к себе в социальном плане также естественным образом усиливалось. Таким образом, в то время как система отцовства, однажды установившись, совершенно стабильна и никогда не заменяется матрилинейностью, матрилинейная система, с другой стороны, нестабильна, поскольку постоянно подвержена замене патрилинейной схемой. Главным фактором, обусловившим переход от матрилинейности к патрилинейности, по-видимому, было общее повышение материального благосостояния, повлекшее за собой серьезный рост частной собственности. Именно тогда, когда мужчине есть что завещать своим наследникам, он начинает усматривать несправедливость в той системе родства, которая обязывает его передавать все свое имущество детям сестер и ничего не оставлять своим собственным детям. Следовательно, именно с большим развитием частной собственности чаще всего возникают предпосылки для перехода порядка наследования от женской линии к мужской. Примеры этой передачи – практика делать подарки собственным детям

мужчины при его жизни, чтобы, когда он умрет, детям его сестер досталось меньше или вовсе ничего; практика выкупа жены, а вместе с ней и детей из ее семьи, когда отец становится владельцем, а также зачинателем своего потомства; а также практика присвоения детям родовых имен их отца, а не матери. Подобные примеры известны в различных частях мира, и, без сомнения, этот список можно расширить. Следовательно, везде, где мы находим племя, колеблющееся между наследованием по женской и по мужской линии, мы можем быть уверены, что там идет процесс перехода от матрилинейности к патрилинейности, а не в обратном направлении, поскольку существует множество причин, способствующих сдвигу именно в этом направлении, но не в обратном. Если в Австралии практически нет свидетельств перехода от материнского к отцовскому наследованию, то причину, вероятно, следует искать в крайней бедности австралийских аборигенов, которые, практически не имея имущества, которое можно было бы завещать наследникам, не очень заботились о том, кому его оставить.

Таким образом, вся на первый взгляд сложная, неясная и запутанная система брака и взаимоотношений австралийских аборигенов может быть легко и просто объяснена на основе двух принципов тотемизма зачатия и разделения сообщества на два экзогамных класса ради предотвращения браков близких родственников. Принимая эти два принципа за отправные точки и допуская, что тотемизм предшествовал экзогамии, мы видим, что кажущаяся непрозрачность системы на самом деле иллюзорна, а сама система есть плод весьма упорядоченного и логичного развития. Попытки объяснить австралийский тотемизм и экзогамию на других принципах, насколько мы можем судить, ясности отнюдь не вносят, а скорее только смешивают карты.

LV. Патрилинейность или матрилинейность? [\[65\]](#)

Выше мы предположили, что, когда общество впервые разделилось на два экзогамных класса, дети были отнесены к классу матери. Это свидетельствует о матрилинейности. Одной из очевидных причин преобладания матрилинейности была определенность и постоянство кровного родства между матерью и ее ребенком по

сравнению с неопределенностью и часто непостоянством социальных отношений между женщиной и детьми женщины, с которой он сожительствовал. Говоря об этих древних временах, мы всегда должны иметь в виду, что физическое родство отца со своими детьми еще не было установлено, и он был для них не более чем опекуном и супругом матери. Другой веской причиной, которая вытекает из предыдущей причины, было то, что отвращение к инцесту с матерью, вероятно, было гораздо более древним и укорененным, чем отвращение к инцесту с дочерью. К этому надо добавить, что в то время как двухклассовая матрилинейная система запрещает инцест с матерью, двухклассовая патрилинейная система такого запрета не имеет. Двухклассовая матрилинейная система помещает мать и ее сына в один и тот же экзогамный класс и тем самым препятствует их сексуальному союзу. Двухклассовая патрилинейная система помещает мать и сына в разные экзогамные классы и, следовательно, не создает препятствий для их сексуального союза. По этим причинам представляется вероятным, что, когда впервые была введена экзогамия, большинство людей придерживались скорее матрилинейного, нежели патрилинейного устройства экзогамных классов.

Но совершенно необязательно, что так на самом деле обстояли дела в реальности. При групповом браке проследить групповое отцовство так же легко, как и групповое материнство, поскольку группа отцов так же хорошо известна, как и группа матерей, хотя конкретный отец как индивид может быть неизвестен. Поэтому вполне возможно, что, вводя экзогамию, некоторые племена с самого начала предпочитали относить детей к группе их отцов, а не к группе их матерей. Конечно, такое распределение не подразумевало бы осведомленности о физическом отцовстве: его природа и даже существование были совершенно неизвестны первопроходцам экзогамии. Мужчина, который сожительствовал с матерью детей и выступал в качестве опекуна семьи, – вот и все, что эти первобытные люди могли бы сообщить о том, кто такой отец. Факт сожительства, будь то случайное или продолжительное сожительство, был так же или почти так же знаком каждому члену сообщества, как факт материнства женщины. И хотя никому и в голову не приходило связывать сожительство с материнством как причину и следствие, все же простое

общение мужчины с этой конкретной женщиной пробуждало в нем интерес к ее детям, и чем продолжительнее была их связь, другими словами, чем прочнее был брак, тем больший интерес он проявлял к ним. Дети, очевидно, были частью тела женщины; и если в результате долгого сожительства он стал относиться к женщине как к своей собственности, то, естественно, он начинал относиться и к ее детям как к своей собственности. На самом деле, как было уже отмечено, мы можем предположить, что мужчина смотрел на детей своей жены как на свое имущество задолго до того, как стало понятно, что они его отпрыски. Таким образом, в первобытном обществе отцовство скорее всего рассматривалось как социальное, а не физическое родство мужчины с его детьми. Но это социальное родство вполне могло считаться достаточной причиной для отнесения детей к классу мужчины, который имел право сожительствовать с их матерью, а не к классу самой матери. Следовательно, мы не можем с уверенностью предположить, что арунта и другие центральноавстралийские племена, у которых сейчас принадлежность к экзогамному классу наследуется по отцовской линии, когда-либо передавали ее по материнской линии. В экзогамии патрилинейность может быть такой же древней, как и матрилинейный порядок.

LVI. Мечта о матриархате

Древний и широко распространенный обычай матрилинейного порядка вести происхождение и наследовать имущество только по материнской линии никоим образом не подразумевает, что управление племенами, соблюдающими этот обычай, находилось в руках женщин. Следует иметь в виду, что матрилинейность не означает правления женщин. Напротив, практика матрилинейности наиболее широко распространена у наиболее примитивных племен, у которых женщина, вместо того чтобы быть правительницей мужчины, всегда является его рабочей силой и часто немногим лучше его рабыни. Эта система столь далека от того, чтобы предполагать какое-либо социальное превосходство женщин, что, вероятно, она возникла в условиях, которые мы должны рассматривать как их глубочайшую деградацию, а именно в том состоянии общества, где отношения полов были столь

свободными и расплывчатыми, что дети не могли быть зачаты от какого-либо конкретного мужчины.

Когда мы переходим от чисто первобытного состояния к более высокому уровню культуры, на котором накопление собственности, и особенно земельной собственности, стало мощным инструментом социального и политического влияния, мы, естественно, обнаруживаем, что везде, где сохранялась древняя матрилинейность, она, как правило, повышала статус и достоинство женщины. Ее возвышение наиболее заметно в аристократических семьях, где она либо сама обладает властью, а также частной собственностью, либо, по крайней мере, передает их своему супругу и(или) детям. Но этот социальный прогресс женщин никогда не заходил так далеко, чтобы поставить мужчин в целом в подчиненное положение. Даже там, где матрилинейность в отношении происхождения и собственности преобладала наиболее явно, фактическая власть обычно, если не всегда, оставалась в руках мужчин. Исключения, без сомнения, имели место; время от времени появлялись женщины, которые исключительно силой характера в течение какого-то времени влияли на судьбы своего народа. Но такие исключения редки, и их последствия преходящи; они не влияют на истинность общего правила, согласно которому человеческое общество управлялось в прошлом и, поскольку человеческая природа остается прежней, вероятно, будет управляться в будущем, главным образом, мужской силой и мужским интеллектом.

Теория гинекократии на самом деле является построением излишне мечтательных и необъективных умов. И в той же степени является химерой идея о том, что в матрилинейных обществах (народ кхаси и др.) преобладали богини, это придумано женщинами. Если бы женщины создавали божеств, они, скорее всего, придали бы им мужские, а не женские черты. Великие религиозные идеалы, которые навсегда запечатлелись в мире, по-видимому, во всех случаях были продуктом мужского воображения. Мужчины создают богов, а женщины поклоняются им. Сочетание поклонения предкам с матрилинейностью дает простое и вполне достаточное объяснение превосходства богинь над богами в обществе, где преобладают такие условия. Мужчины, естественно, отводят первое место прародительнице, от которой они ведут свое происхождение. Для

объяснения этих фактов вовсе нет нужды прибегать к нереальной гипотезе о преобладании женского воображения над мужским.

Идея того, что при матрилинейной системе родства женщины правят мужчинами и создают богинь, которым они поклоняются, столь невероятна сама по себе и столь противоречит наблюдаемому опыту, что едва ли заслуживает обсуждения несмотря на то серьезное внимание, которое уделяют этому вопросу. Но когда мы, как и следует, рассеиваем этот умозрительный туман, мы остаемся лицом к лицу с неопровержимым фактом широкого распространения матрилинейности, то есть социальной системы, которая ведет происхождение и передает собственность не по мужской линии, а по женской. Разумно предположить, что социальная система, столь широко распространенная и глубоко укоренившаяся, должна была повлиять на религию народов, которые ее исповедуют, особенно если мы вспомним, что в примитивных сообществах взаимоотношения богов обыкновенно отражают социальные взаимоотношения их приверженцев.

LVII. Проблема экзогамии. Общее решение^[66]

Найдя, как представляется, адекватное, хотя и не достигающее первопричины, объяснение распространенности экзогамии у аборигенов Австралии, мы, естественно, задаемся вопросом, можно ли применить такое объяснение к распространенности экзогамии во всех других частях света, где она практикуется. Зародышем этого явления, по нашему мнению, следует считать целенаправленное разделение целостного сообщества на два экзогамных класса с целью предотвращения половых союзов ближайших родственников. Исходя из этой гипотезы, мы должны ожидать, что подобное деление пополам или его следы будут обнаруживаться во всех экзогамных племенах. Факты, однако, отнюдь не соответствуют этому ожиданию. Вполне верно, что разделение на два экзогамных класса, или двухклассовая система, широко, хотя и не повсеместно, существует в Меланезии и встречается у некоторых племен североамериканских индейцев: ирокезов, тлинкитов, хайда и кенайцев. Но существование двух и только двух экзогамных подразделений в сообществе является редким и исключительным. Обычно мы находим не два экзогамных класса, а

множество экзогамных родов, или кланов, что, по-видимому, является неизменным правилом среди многочисленных тотемных народов Индии и Африки. Но разве не возможно, что в некоторых сообществах эти экзогамные и тотемные кланы когда-то были сгруппированы в экзогамные классы или фратрии, которые впоследствии исчезли, не оставив после себя ничего, кроме экзогамии тотемных кланов, или запрета на брак между мужчинами и женщинами внутри одного тотемного клана? Это не только возможно; по-видимому, это действительно имело место в тотемных сообществах в самых разных частях света. Так, есть основания полагать, что в западной части островов Торресова пролива тотемные кланы ранее были сгруппированы в два экзогамных класса, или фратрии, но впоследствии экзогамия классов была ослаблена, в то время как экзогамия тотемных кланов сохранилась. Тщательные исследования Селигмана привели его к выводу, что то же самое произошло у народов мекео и вагавага на Новой Гвинее. Те же изменения произошли и в Северной Америке у ирокезов, о чем мы знаем от почтенного Л. Г. Моргана, который долго жил среди них и хорошо знал это племя. Раньше, говорит он, ирокезы были разделены на два экзогамных класса, или фратрии, каждый из которых включал четыре тотемных клана, и ни один мужчина не мог жениться на женщине из любого из четырех кланов своего класса, не навлекая на себя глубочайшего отвращения и позора. Однако со временем, по его словам, строгость системы была пересмотрена, и запрет на вступление в брак сохранился только на уровне тотемного клана. Опять же, сообщается, что точно такие же изменения произошли у гурунов (виандотов). Наш лучший знаток этого племени У. Э. Коннолли сообщает, что раньше гуруны были разделены на два экзогамных класса, один из которых состоял из четырех, а другие – из семи тотемных кланов. В старые времена браки были запрещены как внутри класса, или фратрии, так и внутри тотемного клана, поскольку кланы, объединенные в класс, или фратрию, считались друг другу братьями, в то время как кланы другого класса, или фратрии были всего лишь двоюродными братьями. Но позже правило, запрещающее браки внутри класса, было отменено, и запрет сохранил силу только на уровне тотемного клана. Иными словами, клан продолжал оставаться экзогамным и после того, как класс перестал быть таковым. На другом

конце континента такая же перемена, вероятно, произошла на Аляске в племени кенайцев, хотя наши сведения о них недостаточно полны и точны, чтобы говорить с уверенностью.

Эти факты показывают, что в племенах с двумя экзогамными классами, каждый из которых включает в себя несколько тотемных кланов, существует тенденция к отказу от экзогамии класса и сохранению экзогамии клана. Причина этого сдвига, очевидно, скрывается в том, что экзогамность класса куда более тяжкое бремя для представителей этого класса. Там, где сообщество разделено на два экзогамных класса, каждому мужчине запрещено жениться, грубо говоря, на половине всех женщин сообщества. В небольших сообществах – а в обществе дикарей община, как правило, невелика – такое правило часто мешает мужчине вообще обзавестись женой; соответственно, возникало сильное искушение ослабить ограничения обременительной классовой экзогамии и поддерживать клановую экзогамию. Облегчение, вызванное таким послаблением, было немедленным, и оно было бы тем больше, чем больше возрастало число тотемных кланов. Если существовало, скажем, двадцать тотемических кланов, то вместо того, чтобы быть отлученным от брака с женщинами из десяти из них по суровому правилу классовой экзогамии, мужчина теперь должен был воздержаться брака с женщинами только одного из них по мягкому правилу клановой экзогамии. Опасность остаться без жены была слишком серьезным фактором, чтобы не попытаться изменить действующий порядок. Разумно предположить, что многие племена и помимо жителей островов Торрессова пролива и ирокезов негласно, либо официально отменили классовую экзогамию, продолжая на откуп правильным традициям соблюдать экзогамию клана. Поступая таким образом, в отношении вопросов брака они сменили тяжелое ярмо на более легкое.

Вышеприведенные соображения позволяют предположить, что повсеместно экзогамии тотемного клана, или рода, предшествовала экзогамия класса, или фратрии, – даже там, где не сохранилось никаких следов двухклассовой системы. Пожалуй, можно заключить, что экзогамия тотемных кланов всегда является этапом упадка экзогамии, поскольку ограничения, которые она налагает на брак, гораздо менее суровы, чем ограничения, налагаемые экзогамией классов, или фратрий.

Но есть еще одна веская и вполне самостоятельная причина полагать, что многие племена, которые сейчас знают только экзогамию тотемных кланов, ранее разделяли эти тотемные кланы на два экзогамных класса. Везде, где была установлена система тотемных взаимоотношений, она оказывается по своей природе классификационной, но не дескриптивной. Исключений из этого правила, по-видимому, не существует. Система взаимоотношений, как мы вскоре убедимся, естественно и неизбежно вытекает из системы группового брака, созданной путем распределения членов сообщества по двум экзогамным классам. Следовательно, мы можем с некоторой степенью вероятности заключить, что везде, где сейчас существует классификационная система, раньше существовала двухклассовая система экзогамии. Если это так, то экзогамия, по-видимому, возникла повсюду так же, как, например, в Австралии, то есть посредством целенаправленного разделения общины на два экзогамных класса с целью предотвращения браков близких родственников, особенно браков братьев с сестрами и матерей с сыновьями.

Преимущество этого объяснения в качестве общего решения всей проблемы экзогамии состоит в том, что, подобно найденному нами решению проблемы тотемизма, оно позволяет нам понять, каким образом экзогамия столь широко распространилась по всему земному шару и при этом не подталкивает к предположению, что экзогамия как-то заимствовалась одной отдаленной народностью у другой или что она передалась по наследству от общих предков народов, столь разнообразных и удаленных друг от друга, как австралийские аборигены, индийские дравиды, банту и прочие народы Африки и, наконец, индейцы Северной Америки. Такие первобытные и широко распространенные явления, как тотемизм и экзогамия, легче и естественнее объясняются гипотезой независимого происхождения во многих местах, чем гипотезой заимствования или наследования от более древних предков. Но чтобы объяснить широкое распространение любого подобного феномена с какой-либо долей вероятности гипотезой о множестве отдельных источников, мы должны быть в состоянии указать на некоторые простые общие идеи, которые естественным образом приходят в голову первобытным людям, и мы должны быть в состоянии указать какой-нибудь простой и очевидный способ, посредством которого эти идеи могли бы найти выражение на

практике. Теория, которая требует от нас допустить, что чрезвычайно сложный процесс эволюции был независимо повторен многими народами во многих регионах, с самого начала сама себя компрометирует. Если какой-либо обычай возник независимо во множестве диких племен по всему земному шару, вполне вероятно, что он возник из какой-то идеи, которая для первобытного ума представляется чрезвычайно простой и очевидной. Таковую простую идею мы нашли в случае тотемизма в вере в то, что женщины могут забеременеть без помощи противоположного пола от животных, растений и других материальных объектов, которые входят в них и рождаются от них, оставаясь по природе этими животными, растениями и другими объектами, просто с поверхностным обликом человеческих существ. Таковую простую идею в случае экзогамии мы нашли в неприязни к сожителю братьев с сестрами и матерей с сыновьями, и мы видели, как эта неприязнь легко находит выражение в разделении сообщества на два экзогамных матрилинейных класса, что эффективно предотвращает всякое подобное сожителю. Эта идея обладает, по крайней мере, тем достоинством, что она проста, а это, как мы отметили, необходимо для любого построения, претендующего на объяснение независимого происхождения широко распространенного феномена во многих местах.

LVIII. Экзогамия и научный отбор^[67]

Если мы сравним принципы экзогамии с принципами научного отбора, мы едва ли не будем поражены, как указывал Уолтер Хип, любопытным сходством, достигающим почти до совпадения между ними.

Во-первых, при экзогамии благотворное действие скрещивания, которое считается необходимым для благополучия и даже для самого существования видов животных и растений, обеспечивается системой экзогамных классов: двух, четырех или восьми. Как мы видели, есть все основания считать, что такая система была установлена целенаправленно, чтобы не допускать сожителю ближайших кровных родственников. Весьма примечательно, что конкретная форма инцеста, которую призвана предотвращать древнейшая двухклассовая форма экзогамии, двухклассовая система, специально предотвращает, – это инцест братьев с сестрами. Двухклассовая

экзогамия решительно исключает этот вид инцеста, но инцест родителей с детьми она предотвращает лишь отчасти, хотя именно он цивилизованному уму представляется более ужасным из-за разницы между поколениями и по другим причинам. И все же намерение первобытных людей прекратить сожителство братьев с сестрами прежде, чем сожителство родителей с детьми, соответствует самым здоровым биологическим принципам. И селекционерам-практикам, и ученым хорошо известно, что половой союз братьев с сестрами является наиболее близкой и вредной формой инцеста – куда в большей степени, чем сексуальный союз матери с сыном или отца с дочерью. Полный запрет инцеста между родителями и детьми был воплощен с помощью второй формы экзогамии – четырехклассовой системы. Наконец, запрещение браков между всеми двоюродными братьями и сестрами, насчет которых до настоящего времени нет однозначного мнения даже в цивилизованных странах, было достигнуто только благодаря третьей и самой поздней форме экзогамии, системе восьми классов, которая, естественно, была принята только теми племенами, которые не одобряли эти браки, но не применялась другими племенами, которые относились к союзу некоторых двоюродных братьев и сестер нейтрально или положительно.

Аналогии экзогамии и научной селекции этим не исчерпываются. Из правила истощения и особенно бесплодия инбредных животных есть важное исключение. Негативные явления можно устранить вливанием свежей крови, но есть и совершенно другой способ: просто изменить условия жизни, в частности, отселив часть животных на достаточное расстояние, а затем вновь поселив их вместе с потомством, чтобы они воссоединились с членами семьи, которые остались на старом месте. Такая форма местной экзогамии (назовем ее так) даже без привнесения свежей крови, по-видимому, достаточно эффективна для регенерации поголовья и восстановления его утраченной плодовитости. Но система местной экзогамии, то есть брак представителей одной народности, которые жили на расстоянии друг от друга, также практикуется многими дикими племенами наряду с их системой родовой экзогамии или вместо нее. У них часто действует правило, что они должны брать себе жен не просто из другой группы, но и из другого района. Например, племя варрамунга в Центральной

Австралии делится на два класса, вступающих в смешанные браки и занимающих разные территории: одни севернее, другие южнее. Действует правило, согласно которому северяне всегда должны жениться на южанках, а южане – наоборот, на северянках. Действительно, есть некоторые основания предполагать, что обычай топографического разделения экзогамных классов был принят с самого начала для разделения тех лиц, чей сексуальный союз считался опасным для сообщества. Было бы трудно разработать систему брака, более соответствующую здоровым биологическим принципам.

Таким образом, экзогамия, особенно в той форме, в которой она существует у наиболее примитивных сообществ современности, то есть у аборигенов Австралии, представляет собой любопытную аналогию с системой научной селекции. То, что экзогамная система этих первобытных людей была рукотворной и была намеренно изобретена ими для той цели, которой она по сей день служит, а именно для предотвращения браков между близкими родственниками, представляется совершенно несомненным. Никаким другим способом не получилось бы разумно объяснить сей сложный механизм, столь точно подогнанный для нужд туземцев и столь полно соответствующий их воззрениям. И все же невозможно предположить, что этих невежественных и в целом непредусмотрительных дикарей к такой идее могло привести точное предвидение ее плодов или дальновидная забота о будущем благополучии отдаленных потомков. Если задуматься о том, как мало по сей день брак регулируется какими-либо подобными соображениями даже среди самых просвещенных классов в самых цивилизованных сообществах, то мы едва ли сможем приписать гораздо более высокую степень знаний, дальновидности и самоограничения первобытным изобретателям экзогамии. Какая идея была в головах этих первобытных мудрецов и законодателей, если читатель позволит их так назвать, когда они закладывали фундамент экзогамии, мы не можем сказать с уверенностью. Все наши знания о дикарях наводят нас на предположение, что двигало ими некое подобие суеверия, некое грубое представление о естественных причинно-следственных связях, которое нам могло бы показаться явно ложным, хотя им, несомненно, казалось очевидной истиной. И все же, какими бы вопиюще ошибочными эти представления ни были в теории, на практике эти люди оказались в

корне правы. То, что их отвращало, было и в самом деле деструктивно, то, что они предпочли, было и в самом деле созидательно. Пожалуй, их любопытную систему можно назвать произвольной имитацией науки. Цель, которой достигло их изобретение, есть цель поистине мудрая, хотя мысли людей, которые его придумали, были далеки от мудрости. Поступая так, как они поступали, эти бедные дикари слепо повиновались импульсу великих эволюционных сил, которые в физическом мире постоянно производят высшие формы существования из низших, а на уровне нравственном – цивилизацию из дикости. Если это так, то экзогамия была орудием в руках этой неизвестной силы, творца истории, чье лицо от нас скрыто. Но с помощью какого-то таинственного процесса, какой-то тонкой алхимии, он не раз переплавлял в горниле страданий мешанину из глупости и зла в чистое золото мудрости и добра.

LIX. Избегание близких отношений^[68]

В Северной Меланезии, у аборигенов центральной части острова Новая Ирландия, брак между матерью и ее сыном исключается классовой матрилинейной экзогамией, поскольку мать и сын принадлежат к одному классу и тотему. Брак между братом и сестрой исключается по той же причине, поскольку оба принадлежат к одному классу и тотему. Точно так же исключается и брак между двоюродными братом и сестрой, которые являются детьми двух братьев, исключается по той же причине, поскольку они принадлежат к одному классу и тотему. Аналогично дело обстоит и с браком между двоюродными братьями и сестрами, которые являются детьми двух сестер. Но, с другой стороны, закон классовой матрилинейной экзогамии не исключает брака отца со своей дочерью, потому что он и она всегда принадлежат к разным классам и тотемам; по той же причине не исключает он и брак двоюродных братьев и сестер, которые являются детьми брата и сестры. Эти два последних типа не запрещены классовой экзогамией, однако они строжайше запрещены обычаем. Наказанием за инцест с дочерью является смертная казнь через повешение. Двоюродные брат и сестра, которые являются детьми брата и сестры соответственно, не только не могут вступать в брак друг с другом, но они не должны подходить друг к другу, не

могут пожимать друг другу руки или даже прикасаться друг к другу, не имеют права дарить друг другу подарки, а также имена друг друга. Но им разрешается разговаривать друг с другом на расстоянии нескольких шагов.

Не может быть никаких сомнений в том, что это взаимное избегание двоюродных братьев и сестер, которым обычай (но не классовый распорядок) запрещает вступать в брак, является мерой предосторожности, предотвращающей нарушение обычая; независимо от того, был ли он установлен намеренно или возник инстинктивно, его результатом является искусственный барьер между определенными лицами во избежание нежелательных искушений. Сейчас аналогичные правила избегания соблюдаются не только между такими двоюродными братьями и сестрами, но и между родными, хотя родным брату и сестре, всегда принадлежащим к одному классу и тотему, законом классовой экзогамии и так запрещено вступать в брак. Между ними существует сильная взаимная застенчивость, фактически им стыдно появляться друг перед другом. Они не могут приближаться друг к другу, не могут пожимать друг другу руки, не могут прикасаться друг к другу, не могут дарить друг другу подарки; им разрешается разговаривать друг с другом на расстоянии нескольких шагов. Наказание за инцест с сестрой, как и за инцест с дочерью, – смертная казнь через повешение. Поэтому мы едва ли можем сомневаться в том, что взаимное избегание брата и сестры было принято намеренно либо воспитано инстинктивно в качестве меры предосторожности против инцеста между ними. Половой акт между братом и сестрой, по-видимому, рассматривается как преступление столь серьезное, что обычное правило экзогамии не является достаточной защитой от него, но должно быть подкреплено другими строгими мерами. В Южной Меланезии, как мы сейчас увидим, существует такое же взаимное избегание брата и сестры, и объясняется оно таким же образом.

* * *

Как сообщает Хоуитт, у племени курнаи из Гипсленда в Австралии существует любопытный обычай: мужчине запрещалось разговаривать с матерью своей жены или иметь с ней какие-либо

контакты или деловые отношения. Запрет этот необычайно строг и, по-видимому, глубоко укоренен в самой их природе. Хоуитт добавляет, что, по его мнению, этот обычай широко распространен по всей Австралии. Он упоминает человека из племени курнаи, с кем он общался. Человек этот принадлежал англиканской церкви, но тем не менее категорически отказался разговаривать со своей тещей и упрекнул Хоуитта в том, что тот ожидал от него столь грубого нарушения правил хорошего тона. Хоуитт предложил вполне правдоподобное объяснение этого необычного феномена. По-видимому, данный обычай предупреждает возможность брака с тещей: такой брак не был запрещен классовой матрилинейной экзогамией, но все равно шел вразрез с представлениями туземцев о том, что правильно, а что нет. Эта точка зрения не без слабых мест, но в целом она вызывает меньше вопросов, чем любое другое объяснение, которое до сих пор выдвигалось.

* * *

Двухклассовая матрилинейная система, которая преобладает также в Южной Меланезии (острова Банкс и Северные Новые Гебриды), позволяет мужчине жениться на своей теще, поскольку она обязательно принадлежит к тому же экзогамному классу, что и его жена; но обычай строго запрещает такие браки. То есть им не только нельзя вступать в брак, но обычно также нельзя поддерживать обычные социальные отношения друг с другом. На островах Банкс эти правила избегания и сдержанного общения чрезвычайно строгие и детализированные. Мужчина не приближается к матери своей жены, а она не приближается к нему. Если эти двое случайно встретятся на тропинке, женщина сойдет с нее и будет стоять, повернувшись к нему спиной, пока он не пройдет мимо, или же он отойдет с дороги, если это будет удобнее. На острове Вануа-Лави мужчина даже не пошел бы вслед за своей тещей по песку, пока прилив не смыл бы ее следы.

То, что все подобные обычаи взаимного избегания между мужчиной и матерью его жены возникли из инстинктивного чувства, что они не должны вступать в брак друг с другом, хотя классовая система не воспрещала им этого, как мы уже видели, соответствует

точке зрения Хоуитта, и это, безусловно, наиболее основательное объяснение обычая из всех, до сих пор выдвинутых. Что касается жителей островов Банкс и северной части Новых Гебридских островов, эта точка зрения подтверждается параллельными правилами избегания, которые там соблюдаются, с одной стороны, между матерью и ее сыновьями, а с другой стороны, между братьями и сестрами. На одном из островов Новых Гебрид, когда мальчик достигает определенного возраста, он больше не живет дома, но поселяется в общем доме (гамали), где теперь ему положено всегда ночевать и питаться. «Теперь начинается его отстраненная, строгая сдержанность в общении с сестрами и матерью. Это проявляется в полную силу по отношению к сестрам: он не должен использовать в качестве нарицательного слово, которое является именем или составляет часть имени любой из них, и они так же тщательно избегают упоминания его имени. Он может пойти в дом своего отца попросить еды, но если его сестра дома, он должен уйти до того, как поест; если сестры там нет, он может сесть у двери и поесть. Если брат и сестра случайно встречаются на тропинке, сестра убегает или прячется. Если мальчик, идя по песку, видит следы сестриных ног, он не должен идти по ним, так же и она не должна ходить по его следам. Это взаимное избегание начинается, когда мальчик начинает носить одежду, а девочка получает татуировки. Разделение между мальчиками и девочками, без которого школа не может существовать, существует не для того, чтобы разделять полы вообще, а для того, чтобы разделять братьев и сестер. Это избегание продолжается на протяжении всей жизни. Сдержанность между сыном и матерью возрастает по мере того, как мальчик взрослеет, и гораздо больше с ее стороны, чем с его. Он идет к дому и просит поесть; мать выносит еду, но не вручает ее ему, а ставит на стол, чтобы он взял сам. Если она приглашает его, то обращается к нему во множественном числе, более отстраненно; “подойдите”, – говорит она, *tim vanai*, не “подойди”. Если они разговаривают, она садится немного поодаль и отворачивается, потому что стесняется своего взрослого сына. Смысл всего этого очевиден».

На самом деле, как подразумевает здесь Кодрингтон, такие правила избегания выглядят объяснимыми только в том случае, если предположить, что они проистекают из отвращения перед половым актом между братом и сестрой или между матерью и ее сыном,

отвращения, которое заставляет людей сознательно или неосознанно защищаться, насколько это возможно, от любых соблазнов такого кровосмешения, возводя социальные барьеры между братьями и сестрами, матерями и сыновьями. Разница между этими случаями и взаимным избеганием мужчины и его тещи заключается в том, что в то время как при двухклассовой матрилинейной системе мужчина и его теща принадлежат к разным экзогамным классам и, следовательно, теоретически могут вступать в брак, братья и сестры, матери и сыновья принадлежат к одному и тому же экзогамному классу и, следовательно, даже теоретически не могут вступать в брак друг с другом. Причиной, по которой обычай избегания все еще соблюдается между братьями и сестрами, матерями и сыновьями, хотя они уже отстранены друг от друга правилом классовой экзогамии, может быть ощущение, что инцест с сестрой или матерью является преступлением столь неприемлемым, что правила классовой экзогамии недостаточно для его предупреждения и что необходимо дополнительно подстраховаться другими правилами или обычаями, которые углубляют и расширяют пропасть между этими близкими родственниками. Если большинство народов, как первобытных, так и цивилизованных, которые не приемлют подобных союзов, тем не менее не отделяют в социальном плане сестер от братьев и матерей от сыновей, то причина этого может заключаться в том, что со сменой множества поколений воздержание от кровосмешения с сестрами и матерями стало столь привычным и инстинктивным у всех нормальных людей, что прежде существовавшие внешние барьеры стали излишними и постепенно отпали сами собой. Широко распространенный обычай размещать молодых неженатых мужчин в специальных домах отдельно от их семей, возможно, и был одним из таких искусственных барьеров; они могли устанавливаться с целью предотвращения опасной близости между молодыми людьми и их матерями и сестрами. По крайней мере, меланезийская практика, описанная Кодрингтоном, указывает именно на это. Мать явно избегает юного сына с тех самых пор, как он становится половозрелым и когда, следовательно, его изгоняют из дома, чтобы он ночевал вместе с другими мужчинами в отдельном общем доме. Такие дома, где неженатые мужчины селятся вдали от своих семей, распространены в Новой Гвинее, Меланезии и других регионах.

LX. Известно ли, как возникло отвращение к инцесту? [\[69\]](#)

Представляется весьма вероятным, что отвращение большинства цивилизованных народов к кровосмешению или браку близких родственников наследовалось ими на протяжении многих веков от первобытных предков. Нет никаких оснований считать, что это отвращение возникло недавно, то есть является продуктом развитой цивилизации. Следовательно, несмотря на то что первобытные предки семитов и ариев, вероятно, не знали ни тотемизма, ни экзогамии, мы с уверенностью полагаем, что они не одобряли кровосмешение, а также что это отношение к инцесту вполне унаследовано их потомками по сей день. Отвращение к инцесту, составляющее суть экзогамии, уходит корнями к периоду еще более древнему; и мы можем справедливо предположить, что независимо от того, воплощалось оно в системе экзогамии или нет, оно всюду возникло на почве одних и тех же ощущений и воззрений первобытных людей. Но какие именно ощущения и воззрения стоят за отвращением к инцесту? Почему грубые и невежественные дикари начали относиться с сильным неодобрением к сожителству братьев с сестрами и родителей с детьми? Мы не знаем, и об этом трудно даже догадываться. Ни один из известных ответов на эти вопросы не представляется удовлетворительным. Невероятно, чтобы первобытные люди запрещали близкое кровосмешение, ибо считали его вредным для потомства, ибо вплоть до нашего времени мнения ученых по этому вопросу расходятся. «Пагубные последствия близкого инбридинга, – пишет Дарвин, – трудно обнаружить, поскольку они накапливаются медленно и сильно различаются по степени у разных видов, в то время как положительные последствия, которые почти неизменно сопровождают скрещивание, проявляются сразу». К этому можно добавить, что отрицательные последствия близкородственных связей, если они наступают, несомненно труднее обнаружить у человека, чем у большинства других видов, потому что человечество размножается очень чрезвычайно. У быстроразмножающихся животных, например у птиц, поколения быстро сменяют друг друга и положительные или отрицательные последствия разных форм скрещивания можно наблюдать на относительно кратком временном отрезке. Но что касается человеческого вида, то, даже если бы мы были совершенно

свободны в проведении соответствующих экспериментов, потребовалось бы очень много лет, чтобы наблюдаемый эффект этих экспериментов проявился достаточно отчетливо. Выходит, что у нас нет оснований предполагать, что какие-либо вредные последствия близкородственных связей были замечены первобытными людьми и подтолкнули их к идее экзогамии. Все имеющиеся у нас сведения об интеллектуальном уровне дикарей и их способности к целенаправленному планированию лишь подтверждают слова Дарвина: «...едва ли возможно, что первобытный человек мог как-либо рассуждать об отдаленных пагубных последствиях своих действий для потомков». К этому надо прибавить и значимое открытие того, что некоторые из наиболее отсталых народов современности, соблюдая строжайшую экзогамию, не имеют ни малейшего представления о взаимосвязи полового акта и рождения детей. В свете этого факта еще более ничтожной становится вероятность того, что первобытные люди, регулируя взаимоотношения полов, могли иметь в виду пагубные последствия инцеста. Об этом и писал Дарвин. Невежество, которое сейчас мы наблюдаем у некоторых наиболее отсталых племен, когда-то было нормой для всего человечества, и первобытные изобретатели экзогамии – не исключение. Если они не знали, что дети являются плодом брака, то стали бы они создавать сложную систему половых взаимоотношений с целью именно принести пользу детям? Говоря коротко, идею о том, что отвращение к инцесту первоначально возникло из наблюдения его пагубного воздействия на потомство, можно смело отвергнуть как необоснованную.

LXI. Отвращение к инцесту. Версия о его происхождении^[70]

Но если изобретатели экзогамии не считали, что сожителство ближайших кровных родственников вредно для потомства, могли ли они полагать, что это вредно для самих родителей? Могли ли они думать, что половой акт с близким родственником сам по себе наносит вред одной или обеим сторонам помимо каких-либо социальных последствий или моральных сомнений? Раньше мы предполагали, что

это было так, и, соответственно, мы были склонны искать исток происхождения экзогамии, или запрета на инцест, в суеверии такого рода, беспочвенном страхе, что инцест сам по себе вреден для тех, кто его совершает. Но есть серьезные и, как нам теперь кажется, убедительные возражения против этой точки зрения. Во-первых, существует очень мало свидетельств того, что дикари считают половые сношения между близкими родственниками вредными для их непосредственных участников^[71]. Если бы корнем возникновения экзогамии был вред инцеста для совершающих его, то, скорее всего этот страх был бы особенно глубоко укоренен в среде австралийских аборигенов, которые практикуют экзогамию в более строгих вариантах, чем кто бы то ни было. Однако, насколько нам известно, в отношении австралийских аборигенов нет сведений, подтверждавших бы, что такой страх им свойствен и руководит ими при соблюдении сложных правил экзогамии.

Но простое отсутствие доказательств – не самый убедительный аргумент против рассматриваемой гипотезы, поскольку, к сожалению, имеющиеся у нас сведения о жизни дикарей столь неполны, что из отсутствия сведений не следует делать вывод об отсутствии самого явления. Отрицательное свидетельство в чистом виде всегда аргумент сомнительный, но особенно сомнителен он в антропологии. Выводы, сделанные с уверенностью на основании простого отрицания, могут быть опровергнуты на следующий день открытием единственного положительного факта. Вполне возможно, что дикари все-таки верят в пагубные последствия инцеста для совершающих его, хотя надо признать, что в настоящее время зарегистрировано чрезвычайно мало таких случаев. Более серьезное возражение против гипотезы, которая возводит экзогамию к такому убеждению, вытекает из крайней суровости, с которой в большинстве экзогамных племен нарушения экзогамии наказывались общиной. Обычно наказание за подобное – смертная казнь обоим преступников. Если бы люди думали, что кровосмешение вредит самой совокупляющейся паре и никому другому, общество вполне могло бы остановиться на том, чтобы предоставить грешникам страдать от естественных и неизбежных последствий их греха. Зачем вмешиваться и наказывать их за тот вред, который они причиняют сами себе? Можно считать аксиомой, применимой ко всем фазам развития общества, что общество

наказывает только за социально опасные проступки, то есть за проступки, которые считаются вредными не только и не столько для совершающих их, но обществу в целом; и чем суровее наказание, тем более серьезный ущерб они, как предполагается, нанесли или могли бы нанести обществу. Но сообщество не может назначить наказания тяжелее смертной казни; поэтому преступлениями, караемыми смертной казнью, являются по логике те, которые считаются наиболее опасными и наносящими ущерб всему народу. Из этого следует, что, обычно наказывая смертью нарушения экзогамии, или в данном случае инцест, экзогамные племена считают это преступление наиболее общественно опасным. Только таким образом мы можем разумно объяснить и тот ужас, который обыкновенно вызывает у них инцест, и крайнюю строгость, с которой они относятся к нему, вплоть до убийства виновных.

В чем же тогда заключается великий вред для общества, приносимый инцестом? Какой опасности виновные подвергали опасности все племя, совершая сие преступление? Ответить попробуем следующим образом. Считалось, что инцест близких родственников делает женщин племени бесплодными и ставит под угрозу общие запасы продовольствия, препятствуя размножению употребляемых в пищу животных и росту съедобных растений; иными словами, считалось, что результатом инцеста является бесплодие женщин, животных и растений. По-видимому, такого мнения придерживались многие народы в разных частях света. Идея о том, что половые преступления вообще и инцест в частности губят урожай, распространена среди народов малайского происхождения на некоторых островах Индийского океана и их сородичей в Индокитае. В этом также убеждены некоторые коренные народности Западной Африки, и есть основания полагать, что сходные представления о пагубном воздействии инцеста на женщин и крупный рогатый скот, а также на зерно преобладали у древних семитов и ариев, включая древних греков, древних латинян и древних ирландцев. Итак, если бы основатели экзогамии придерживались каких-либо подобных убеждений, то убеждения эти, очевидно, были бы совершенно достаточны для учреждения экзогамии, поскольку они позволяют объяснить природу отвращения к инцесту и крайнюю суровость, с которой за него наказывали. Нельзя представить себе большего

вредительства, чем лишение женщин возможности рожать детей и создание угрозы источникам продовольствия; первое препятствует продолжению рода, а второе грозит голодной смертью. Таким образом, наиболее серьезные опасности, которые угрожают любому сообществу, заключаются в том, что его женщины не будут рожать и что нечего будет есть. Преступления, которые ставят под угрозу деторождение и добычу пропитания, заслуживают самого строго наказания в любом сообществе, которому дорого собственное существование. Следовательно, если дикари, учредившие экзогамию, действительно предполагали, что инцест мешает женщинам рожать, животным множиться, а растениям – расти и плодоносить, то по своему они были совершенно правы, принимая тщательно продуманные меры предосторожности против кровосмесительных половых союзов, в рамках этих воззрений смертельно опасных для общины.

Но действительно ли они так считали? Единственный момент, не позволяющий утверждать это, – отсутствие свидетельств того, чтобы таких представлений придерживались самые примитивные экзогамные сообщества, а именно австралийские аборигены. Если бы эти представления действительно обусловили возникновение экзогамии, то у австралийских аборигенов мы бы их точно обнаружили. Далее следует отметить, что все народы, которые, по современным данным, придерживаются рассматриваемых убеждений, занимаются сельским хозяйством, и чего они особенно боятся, так это пагубного действия инцеста на урожайность посевов. Даже не так часто упоминается, что они опасаются за репродуктивные способности женщин и скота, хотя это может быть частично объяснено тем простым обстоятельством, что некоторые из этих народов не держат скот. Но первобытные основатели экзогамии, если мы можем судить по современным австралийским аборигенам, определенно не занимались сельским хозяйством; они даже не знали, что семя, брошенное в землю, прорастет и станет растением. Таким образом, известная распространенность мнения о вреде инцеста для репродуктивных способностей женщин, скота и растений позволяет предположить, что оно свойственно культурам несколько более развитым, чем культура зачинателей экзогамии. Можно было бы утверждать, что все подобные представления о пагубных последствиях инцеста являются скорее

следствием, чем причиной его запрета; то есть народы, о которых идет речь, вероятно, сначала запретили браки между близкими родственниками по каким-то неизвестным причинам, а затем столь привыкли придерживаться этого запрета, что его нарушение стало считаться противоестественным извращением. Вполне возможно, что это суеверие появилось скорее позже, чем раньше, и, следовательно, оно не может быть первопричиной экзогамии.

С другой стороны, надо иметь в виду, что вышеизложенное сомнение основано лишь на отсутствии соответствующих свидетельств. Убежденность во вреде инцеста для репродуктивности пока не замечена у австралийских аборигенов, то есть там, где его можно было ожидать найти в наиболее явном виде. Но мы уже указывали, что полагаться только на отрицательные свидетельства опасно. Рассмотрев эту тему возможно более тщательным образом, мы с осторожностью и некоторыми колебаниями все же склоняемся к тому, что экзогамия все-таки возникла именно из убеждения в пагубном воздействии инцеста не на совершающих его (во всяком случае, не на мужчину и не на потомство), а на женщин и особенно на животных и растения, служащих источниками пропитания. Смеем предположить, что более тщательные исследования быта и воззрений наиболее примитивных экзогамных народов современности, в особенности австралийских аборигенов, все еще может выявить, что они смотрят на инцест именно так. По крайней мере, если это не является источником экзогамии, то мы должны будем признать, что совершенно сбиты с толку, ибо иных веских предположений на этот счет не имеем.

LXII. Классификационная система родства^[72]

Исследования американского этнографа Л. Г. Моргана и других ученых за последние 60 или 70 лет показывают, что, подобно первобытным людям во многих, если не во всех частях света, австралийские аборигены ведут отсчет родственных связей в соответствии с так называемой классификационной системой родства. Фундаментальный принцип этой системы заключается в том, что родство устанавливается скорее между группами, чем между отдельными людьми; например, в соответствии с ней человек называет

отцом не конкретного мужчину, но мужчин из определенной группы – тех, кто в соответствии с обычаями племени теоретически может быть его отцом. Матерью называют не одну женщину, а всех женщин из числа тех, кто в соответствии с обычаями племени, в принципе может быть его матерью. Братом и сестрой называют не только детей своего отца, но вообще любых мужчин и женщин, которые являются детьми тех, с кем его отец и мать теоретически могли заключить брак в соответствии с обычаями этого племени. Женой называют любую женщину из числа тех, на ком обычаи племени теоретически позволяют жениться. Аналогично – в отношении сыновей и дочерей. Какой бы странной ни казалась нам эта система групповых взаимоотношений, она распространена в наши дни на значительной территории, скорее даже в большей части мира. Как мы вскоре увидим, это объяснимо только гипотезой о том, что эта система возникла из системы группового брака и в общем-то ее иллюстрирует. Под системой группового брака мы понимаем то положение вещей, при котором группа мужчин пользовалась супружескими правами по отношению к группе женщин, так что любой мужчина из одной группы мог называть любую женщину из другой группы своей женой и относиться к ней как к таковой; в то время как каждый ребенок, рожденный от таких групповых союзов, называл отцом всех мужчин соответствующей группы (в том числе настоящего отца), а матерью – всех женщин соответствующей группы (в том числе настоящую мать). Такие обращения ни в коем случае не подразумевают убеждения в том, что говорящий был зачат всеми мужчинами из группы его отца или рожден всеми женщинами из группы его матери. Они подразумевают лишь то, что человек находится в определенных социальных (не физических, не кровных) родственных отношениях со всеми мужчинами и женщинами этих групп. Обязанности, которые он перед ними имеет, и права, которыми он в их отношении располагает, одинаковы вне зависимости от конкретного человека внутри данной группы, будь то родной отец, родная мать или другой член группы. При этой системе отцовства и материнства, братство и сестринство, сыновство и дочерство являются понятиями не кровных, а социальных уз, причем кровными узами либо вовсе пренебрегают, либо, во всяком случае, они отодвинуты как бы на второй план. Первостепенное значение придавалось отношениям, связывающим всех членов данной

группы. По всей видимости, это был период не индивидуализма, а социального коммунизма; и если мы вспомним, насколько слаб каждый отдельный человек по сравнению с более крупными животными, мы, возможно, будем готовы признать, что в ту доисторическую эпоху общая борьба за выживание связывала большие группы мужчин и женщин более тесными узами (и более существенными для функционирования и развития сообщества), чем те, что ограничивали бы семейную группу одной парой и их потомством. Тогда, возможно, даже в большей степени, чем сейчас, сила была в единении: разобщенность и раздробленность коллектива подвергли бы наших предков риску быть истребленными их свирепыми и гораздо более сильными врагами, крупными плотоядными животными.

LXIII. Происхождение классификационной системы из группового брака ^[73]

Достаточно взглянуть на основные условия взаимоотношений у центральных и северных племен Австралии, чтобы увидеть их классификационный характер. Это значит, что термины родства обозначают не конкретных людей, а группы людей. Каждый индивид классифицируется как сын или дочь многих отцов и многих матерей. Индивид классифицирует в качестве братьев и сестер множество мужчин и женщин, которые в нашей системе вообще не считались бы его родственниками. Каждый мужчина классифицирует многих женщин как своих жен, в том числе и ту, с которой состоит в браке. Каждая женщина считает своими мужьями многих мужчин, в том числе и того, с кем состоит в браке. Каждый мужчина и каждая женщина считают своими детьми многих мальчиков и девочек, которых они не зачинали и не рожали. Таким образом, все население распределено по группам, и система родства состоит из отношений этих групп друг к другу. Единственным разумным и логичным объяснением такой системы групповых отношений является то, что она возникла в системе группового брака, то есть в таком состоянии общества, при котором группы мужчин осуществляли супружеские права в отношении групп женщин, и свойственное моногамности

ограничение количества супругов одним еще не было известно. Таким образом нетрудно объяснить, почему каждый мужчина называет женой целое множество женщин, а каждая женщина называет мужем целое множество мужчин, хотя супружеских отношений в физическом смысле между ними может и не быть. Также ясно, почему каждый мужчина и каждая женщина называет отцом и матерью целые группы мужчин и женщин, из которых никак не может быть больше двух родителей; почему каждый мужчина и каждая женщина называют братом и сестрой целые группы мужчин и женщин, с которыми у них может не быть ни одной капли родной крови; и почему, наконец, каждый мужчина и каждая женщина считают своими сыновьями и дочерьми целые группы мужчин и женщин, к рождению которых они не имеют отношения. Говоря кратко, групповой брак замечательно объясняет групповые взаимоотношения, и мы затрудняемся отыскать какое-либо еще объяснение.

Многие с крайней неохотой признают, что все человечество или, по крайней мере, его бóльшая часть прошло через стадию социальной эволюции, когда индивидуальный брак был неизвестен. Единственным серьезным препятствием для принятия этого простого и достаточного объяснения классификационной системы является трудность понимания того, что к человеку вообще должны относиться как к ребенку многих матерей. Эта трудность существует только до тех пор, пока мы путаем привычное нам слово «мать» с соответствующими, но ни в коем случае не эквивалентными терминами в языках дикарей, у которых есть система классификации. Мы подразумеваем под «матерью» женщину, которая родила ребенка; австралийские аборигены подразумевают под «матерью» женщину, находящуюся в определенном социальном отношении к группе мужчин и женщин, независимо от того, родила она кого-либо из них или нет. Она является «матерью» для этой группы, даже если у нее на руках младенец. Видели, как взрослый мужчина играл с маленькой девочкой, которую он называл вполне серьезно «матерью», но, разумеется, он не думал, что эта девочка его родила. Он просто использовал термин родства «мать» в австралийском, а не в английском смысле; и если мы попробуем абстрагироваться от искажений, возникающих из-за употребления одного и того же слова в двух разных значениях, нам будет намного проще понять классификационную систему

взаимоотношений. Не следует думать, что, как пишет Риверс, кровные узы между матерью и ее отпрысками при системе группового брака оказываются забыты в дальнейшей жизни до такой степени, что взрослые будут не уверены, кто их мать в нашем смысле слова и кто их отец. Об истинных отношениях между матерью могли вспомнить всегда, но это скорее были случайности, которые никоим образом не влияли на место матери в классификационной системе, поскольку она относилась к группе «матерей» как до, так и после рождения ее ребенка. Точно так же мальчик причисляется к группе «отцов» еще в раннем детстве и относится к ней с таким же правом, как мужчина, глава и родитель большого семейства. Классификационная система основана на супружеских, а не на родительских отношениях. Она основана на разделении общины на две группы, вступающие в смешанные браки. Все остальные группы и все групповые отношения в системе, по-видимому, являются производными от этого первичного подразделения.

LXIV. Классификационная система и двухклассовая модель [\[74\]](#)

Если читатель не сочтет за труд сравнить отношения мужчин и женщин, которые мы теоретически вывели из простого экзогамного деления сообщества по полам [\[75\]](#), с отношениями, фактически признаваемыми классификационной системой, он сразу увидит их соответствие друг другу, хотя для простоты и ясности мы воздержались от того, чтобы рассмотреть эту систему в ее более отдаленных разветвлениях в четвертом и пятом поколениях. Соответствие это убеждает нас в том, что классификационная система взаимоотношений возникла в результате простого деления сообщества на два экзогамных класса и ни из-за чего другого. Следует особо отметить, что двухклассовая система экзогамии, или дуальной организации, как ее часто называют, сама по себе достаточна для создания классификационной системы взаимоотношений, на которую, по-видимому, не оказало существенного влияния последующее принятие четырехклассовой и восьмиклассовой систем в некоторых племенах. Это наблюдение важно, поскольку, в то время как

классификационная система взаимоотношений распространена на большей части земного шара, системы четырех и восьми классов до сих пор были обнаружены только в Австралии. В отсутствие доказательств обратного мы, соответственно, заключаем, что последовательное разделение двухклассовой системы на четыре и восемь классов было изобретением исключительно австралийским и что существование классификационной системы в других частях света не дает оснований предполагать, что там когда-либо практиковали экзогамию в более сложных вариантах, чем простая двухклассовая система. Таким образом, с учреждением двух экзогамных классов и при наличии группового брака классификационная система взаимоотношений возникает сама собой; она просто определяет отношения всех мужчин и женщин сообщества друг к другу в соответствии с поколением и экзогамным классом, к которому они принадлежат. Кажущаяся сложной система взаимоотношений и кажущаяся сложной система экзогамии, на которой она основана, оказываются достаточно простыми, если мы рассматриваем их с точки зрения разделения сообщества пополам на два экзогамных класса.

LXV. Групповой брак и групповые отношения [\[76\]](#)

Отношения, основанные на правах групп мужчин по отношению к группам женщин, выражены и, так сказать, выкристаллизовались в системе групповых отношений, известной как классификационная система. Она сохранялась во многих частях мира еще долгое время после того, как исчез групповой брак. Систему групповых взаимоотношений можно сравнить со слепком, снятым с живой системы группового брака: словно труппа актеров представляет произведение во всех деталях, изображая его органическую структуру и фиксируя ее для потомков уже после того, как сам организм мертв и обратился в прах. В Центральной Австралии система группового брака сохранялась наряду с системой групповых взаимоотношений вплоть до нашего времени; и это, пожалуй, единственная часть света, где оригинал и слепок были найдены вместе, причем один все еще как бы накладывался на другой и соответствовал ему в большой степени, хотя и не с совершенной точностью, ибо даже здесь система группового брака перешла в иное состояние и движется к закату.

Изучая австралийские племена, у которых сохранился и слепок, и в какой-то мере оригинал, то есть и система групповых взаимоотношений, и система группового брака в более явном виде, чем где-либо еще, мы можем с относительной точностью определить природу и масштабы этого явления в жизни групп, вступающих в смешанные браки, на основе которых развились условия групповых взаимоотношений. У австралийских аборигенов число таких групп, вступающих в смешанные браки, обычно составляет две, четыре или восемь, в зависимости от племени; в одних племенах две экзогамные группы, в других четыре, а в третьих – восемь. Здесь эта система работает, явного упадка не видно, число экзогамных классов неизменно равно двум или кратно двум, но никогда не бывает нечетным. Это наводит на мысль, которую, как правило, подтверждают все свидетельства, что эти различные группы образовались в результате целенаправленного и последовательного деления сообщества сначала на две, затем на четыре и, наконец, на восемь экзогамных и вступающих в смешанные браки групп, или классов. Насколько нам известно, еще никто не брал на себя смелость утверждать, что развитие общества подчинено законам физики, в силу которых сообщества, подобно кристаллам, естественно и неосознанно объединяются в идентичные структуры или распадаются на однотипные единицы в соответствии с жесткими математическими закономерностями. Результатом этих последовательных делений, конечно, является все большее и большее ограничение числа женщин, с которыми мужчина может законно вступать в половые отношения. При делении сообщества на две группы, или класса, он ограничен в своем выборе, грубо говоря, половиной женщин; при делении на четыре он ограничен каждой четвертой женщиной; при делении на восемь ограничен каждой восьмой. Конечно, этим не подразумевается, что мужчина имеет сейчас или когда-либо имел сексуальные отношения со всеми женщинами группы, на которых ему разрешено жениться; но он называет всех этих женщин своими женами, и хотя теперь у него обычно есть одна или несколько женщин, с которыми он сожительствует и не сожительствует с другими, нам представляется вероятным, что это ограничение явилось результатом того же постепенного сокращения групп, вступающих в смешанные браки, которое наиболее отчетливо проявляется при последовательном

разделении сообщества на два, четыре и восемь классов, вступающих в смешанные браки. Иными словами, мы можем предположить, что раньше половые отношения между группами мужчин и женщин были гораздо более свободными, чем сейчас, а также что мужчины одной группы гораздо чаще пользовались супружескими правами в отношении женщин соответствующей группы. Этими правами теоретически они все еще обладают, хотя на практике они в значительной степени уже ушли в прошлое.

LXVI. Классификационная система – веха в истории человечества [\[77\]](#)

Классификационная система взаимоотношений образует одну из величайших вех в истории человечества. Различие между классификационной и дескриптивной системами взаимоотношений, или, как мы предпочли бы выразиться, различие между системой групповых отношений и системой индивидуальных отношений, совпадает, в широком смысле, с различием между дикостью и цивилизацией. Граница между низшими и высшими слоями человеческого общества находится примерно там, где пролегает различие между двумя различными способами учета родства: один способ по группам, другой – по отдельным лицам. В самом общем виде линия разграничения проходит между коллективизмом и индивидуализмом: дикость там, где коллективизм, цивилизация – на стороне индивидуализма.

LXVII. Левират и сорорат [\[78\]](#)

Есть два широко распространенных в мире обычая, которые по отдельности и в сочетании могут быть объяснены гипотезой о том, что они являются пережитками группового брака. В частности, той формы группового брака, которую Л. Х. Морган назвал пуналуанской, а именно союзом группы мужчин-братьев с группой жен-сестер. Первый из этих обычаев – это общемировое правило, которое позволяет мужчине или требует от него жениться на вдове своего умершего старшего брата; второй – правило, которое позволяет мужчине или

требует от него, чтобы он женился на младших сестрах либо своей живой жены, либо своей умершей жены. Или, если рассматривать те же обычаи с точки зрения женщины, мы можем сказать, что первый обычай позволяет или требует, чтобы она вышла замуж за брата своего умершего мужа, и что второй обычай позволяет или требует, чтобы она вышла замуж за мужа либо своей живой, либо своей умершей сестры. Первый обычай издавна известен под названием левирата, от латинского *levir*, «брат мужа»; второй обычай, которому уделялось пока чрезвычайно мало внимания, не имеет отличительного названия, но по аналогии я предлагаю назвать его сорорат, от латинского *soror*, «сестра».

Эти два обычая взаимосвязаны; они представляют, по всей вероятности, две стороны одного первоначального обычая, и удобно дать им соответствующие названия.

LXVIII. Левират и групповой брак ^[79]

Обычай жениться на вдове умершего брата известен как левират. Он встречается во многих, хотя и не во всех австралийских племенах, а также практикуется многими другими народами во многих других частях мира. Хоуитт объясняет этот обычай, по крайней мере для Австралии, как пережиток группового брака: братья, которые при такой системе делили бы своих жен при жизни, впоследствии наследовали их последовательно, каждый из них один за другим становился на место своего умершего предшественника. Выдающийся антрополог Дж. Ф. Мак-Леннан предложил объяснить левират как пережиток не группового брака, но полиандрии. Но здесь следует возразить, что групповой брак встречается в Австралии, в то время как полиандрия – нет. Причина, предполагаемая Хоуиттом, действительно существует в регионе, где практикуется этот обычай, в то время как причина, предполагаемая Мак-Леннаном, отсутствует. Как левират, так и классификационная система родства при очевидных признаках существования группового брака, встречаются очень широко по всему миру. Однако следует иметь в виду, что обычай многожества (полиандрии), скорее всего, феномен редкий и исключительный. Причина его редкости заключается просто в том, что единственная основа, на которой полиандрия могла существовать постоянно, а

именно большое численное превосходство мужчин над женщинами, по-видимому, никогда не была нормальным явлением ни у одной человеческой группы, о которых у нас есть какие-либо сведения. Например, в Африке, как и в Австралии, обычай левирата чрезвычайно распространен, классификационная система родства тоже, по-видимому, широко распространена, но обычай многожества, напротив, чрезвычайно редок: насколько нам известно, в этом отношении сообщается только об одном африканском угандийском племени бахима, или баньянколе^[80]. Поэтому более разумно искать происхождение широко распространенного обычая левирата в традициях группового брака. Есть все основания полагать, что он был когда-то очень широко распространен, в отличие от полиандрии, о которой таких свидетельств не поступало.

Но в тех нередких случаях, когда левират сохранялся у народов, которые оставили групповой брак далеко в прошлом, он, естественно, приобрел другой характер в связи с изменившимся окружением. Таким образом, везде, где прочно утвердились права собственности и практика выкупа жен, существовала тенденция рассматривать вдову как часть наследства, переходящего к наследнику, будь то брат, сын или любой другой родственник умершего мужа. Таково, например, современное состояние левирата в Африке, где этот обычай наблюдается во многих регионах. Опять же там, где люди верили или верят, что вечное благополучие человека в загробном мире зависит от того, оставит ли он после себя детей, которые совершат обряды, необходимые для спасения его души, благочестивым долгом живущих стало стремление облегчить незавидное положение родственника, который умер бездетным. В первую очередь эта обязанность возлагалась на брата покойного. В таких обстоятельствах старый обычай левирата мог получать продолжение или даже возвращаться из небытия с тем ограничением, которое имеет место в еврейских и индийских законах. Ограничение заключается в том, что брат должен жениться на вдове своего брата только в том случае, если ее супруг умер бездетным, и только с целью зачать от этой вдовы сына или сыновей вместо того, кто покинул мир, не оставив потомства. Таким образом, право наследования, которым должен был воспользоваться наследник, впоследствии могло восприниматься как нежелательное бремя, возлагаемое на оставшегося в живых брата или другого

родственника, который подчинялся этому неохотно, из чувства долга перед умершим. Такой взгляд на левират разделяется индуистскими законодателями.

LXIX. Левират и сорорат как пережитки группового брака^[81]

Правило, согласно которому мужчина, соединяясь узами брака с женщиной, получает право жениться на ее сестрах, также широко распространено, особенно у индейцев Северной Америки. Очевидно, что это противоположность правилу, которое «приписывает» вдов мужчины к его братьям, и поскольку последнее правило указывает на брак женщин с группой братьев, то первое правило указывает на брак мужчин с группой сестер. Взятые вместе, эти два обычая, по-видимому, указывают на прежнюю распространенность браков между группой мужчин, которые были братьями друг другу и группой жен, которые были друг другу сестрами. На практике обычай, разрешающий мужчине жениться на нескольких сестрах, существенно отличается от обычая, разрешающего женщине выходить замуж за нескольких братьев. В то время как право мужчины жениться на нескольких сестрах одновременно в течение их жизни сохранилось у многих народов и по сей день, право женщины выходить замуж за нескольких братьев, как правило, ограничено положением о том, что она может выходить за них замуж только последовательно, после смерти предшественника. Можно предположить, что причиной расхождения между этими двумя обычаями была большая сила ревности у мужчин, чем у женщин, поскольку сестры охотнее делили мужа между собой, чем братья – жену.

LXX. Обмен сестрами – корень группового брака?^[82]

Если задаться вопросом, откуда произошла форма группового брака, которая, судя по всему, имела столь широкое распространение, то мы можем предположить, что она зиждилась на системе обмена, подобной той, которая лежит в основе брака между кузенами. Мужчины нередко обмениваются своими сестрами в браке, потому что

это самый простой и наименее затратный способ обрести жену. По аналогичным причинам в обществе, придерживавшемся группового брака, было бы естественно, если бы группа братьев обменяла своих сестер на сестер другой группы братьев, после чего каждая группа мужчин использовала сестер другой группы мужчин в качестве своих общих жен. Таким образом, система группового брака могла возникнуть на основе простого обмена женщинами между семьями. Все мужья внутри группы были друг другу братьями, а жены – сестрами (но они не были сестрами своим мужьям).

Таким образом, если мы правы, то сорорат и левират являются ответвлениями от одного общего корня – системы группового брака, в которой все мужья были братьями и все жены были сестрами друг другу, хотя и не своим мужьям. Эта система, в свою очередь, возникла из простого желания обрести жен как можно легче и с наименьшими затратами.

**LXXI. Экзогамия и классификационная система
необязательно были универсальными этапами эволюции
человечества [\[83\]](#)**

Представляется разумной гипотеза о том, что, по крайней мере, большая часть человечества в продвижении от низшей стадии промискуитета к более высокой стадии моногамии прошла через стадию группового брака. Помимо обычаев левирата и сорората и следов большей свободы, ранее предоставлявшейся полам в их отношениях друг с другом, двумя главными ориентирами группового брака являются экзогамия и классификационная система взаимоотношений, которые, как мы пытались показать, неразрывно связаны и должны сохраняться или разрушаться вместе как свойства древней системы общинного брака.

Но экзогамия и классификационная система взаимоотношений, грубо говоря, характерны только для низших человеческих сообществ: они образуют отчетливую грань между дикостью и цивилизацией. Почти единственной цивилизованной нацией, которая стоит по ту сторону этой великой пограничной линии, являются индоарии, которые обладают системой экзогамии без классификационной

системы родства. Унаследовали они экзогамию от общих предков всей арийской семьи или позаимствовали ее у темнокожих аборигенов Индии, с которыми они находились в контакте на протяжении тысячелетий, является вопросом, представляющим величайший интерес не только в истории арийцев в частности, но и в истории брачных отношений человечества в целом. Если бы можно было считать вероятным, что вся арийская семья когда-то прошла стадию экзогамии с классификационной системой отношений, то стало бы трудно удержаться от вывода, что экзогамия со всеми вытекающими отсюда последствиями группового брака и предшествовавшим ей периодом промискуитета, когда-то была всеобщей у людей как вида. Но в отсутствие доказательств того, что семиты и арийцы когда-либо практиковали экзогамию и пользовались классификационной системой родства, у нас нет оснований делать вывод, что эти феномены когда-то были общими у человечества в целом. И кроме отсутствия прямых доказательств, в самой природе этих явлений, по-видимому, нет никаких оснований считать их необходимыми этапами социального развития любого народа. Целью экзогамии, как мы показали, было предотвращение браков близких родственников, особенно братьев с сестрами и матерей с сыновьями. Представляется вполне возможным, что некоторые народы могли достичь этой цели непосредственно простым запретом кровнородственных браков, не прибегая к разделению всего сообщества на два класса, вступающих в смешанные браки, из которых логично выросла обширная и громоздкая система экзогамии и классификационных отношений. История экзогамии – это история возрастания и угасания строгой разборчивости в отношении браков между близкими родственниками. С каждым новым шагом возрастания этой разборчивости между полами воздвигалась новая преграда, пока барьеры не достигли своей наибольшей известной высоты в восьмиклассовой системе австралийских аборигенов, которая практически позволяет мужчине рассматривать в качестве жены только каждую восьмую женщину племени. Заходили ли когда-либо какие-либо племена еще дальше и ограничивали ли число возможных жен еще более узкими рамками, неизвестно. Если такие племена когда-либо существовали, они, вероятно, вымерли либо просто из-за слишком больших ограничений в плане продолжения рода, либо потому, что их постоянно сокращающаяся численность

мешала им противостоять натиску менее разборчивых и более успешно умножающихся соседей. Достигнув кульминационной точки в громоздких системах из восьми классов и подобных им, экзогамия начинает приходить в упадок. Сначала исчезла экзогамия классов, и осталась гораздо менее обширная и гораздо менее обременительная экзогамия кланов, будь то тотемная или иная форма экзогамии. Именно в этой сильно урезанной форме, лишенной своих первоначальных классов, эта общественная институция все еще встречается у подавляющего большинства экзогамных народов за пределами Австралии. Последняя стадия распада наступает с исчезновением экзогамии клана, и с этого момента брак регулируется только наличием запрещенных степеней родства.

Вполне возможно, что великие цивилизованные сообщества, которые сейчас регулируют брак только запрещенными степенями родства, прошли этот путь социального развития и упадка экзогамии в отдаленном прошлом. Вероятно, в какой-то период своей истории, необязательно самый ранний, они практиковали промискуитет, затем у них возникло и возросло отвращение к браку близких родственников, которое выразилось в системе экзогамии и, наконец, отбросив эту систему с ее издержками, они вернулись к простому запрету на брак лиц, тесно связанных кровными узами. Отнюдь не обязательно, что они пошли по этому длинному окольному пути только для того, чтобы вернуться к тому, чего начали. Возможно, они всегда ограничивались простым запретом кровосмесительных союзов, вызывавших у них отвращение.

LXXII. Брак между кузенами [\[84\]](#)

Причиной, по которой большая группа племен в Центральной и Северной Австралии продвинулась на следующий уровень социального подразделения, разбив каждый из четырех экзогамных классов еще на два и создав таким образом восьмиклассовую систему, по-видимому, было растущее отвращение к бракам двоюродных братьев и сестер, детей брата и сестры соответственно. Мы знаем, что многие австралийские племена запрещают такие браки, даже несмотря на то, что они не приняли восьмиклассовую систему, которая эффективно предотвращает их. Некоторые племена, которые не

одобряют кросс-кузенные браки между двоюродными братьями и сестрами, такие как диери и кулин, сохраняют двухклассовую систему. Это показывает, как даже экзогамное сообщество может простым запретом искоренить браки, которые оно не одобряет, без необходимости усложнять экзогамную систему дальнейшими подразделениями. Отношение к инцесту чаще всего колеблется именно в случае, когда речь идет о двоюродных братьях и сестрах, детях брата и сестры соответственно: иногда общественное мнение решительно склонялось в пользу таких союзов, а иногда решительно против. Так было в Австралии, и так было в других местах вплоть до нашего времени, даже и в нашей стране. В Австралии некоторые, но не все племена, которые не одобряли браки между двоюродными братьями и сестрами, склонились к запрету, расширив экзогамную систему таким образом, чтобы такие союзы исключались. Другие остались в пределах старого и более простого варианта экзогамии (два или четыре класса), и просто запрещали браки, о которых идет речь.

LXXIII. Происхождение кросс-кузенного брака [\[85\]](#)

Две наиболее распространенные формы обмена на австралийском брачном рынке – это обмен дочерьми и обмен сестрами, и неясно, какая из двух форм была более распространенной. Наши ученые расходятся во мнениях по этому вопросу, некоторые из них отдают пальму первенства одной форме, остальные – другой. Вероятно, в разных племенах также преобладала либо одна, либо другая форма. В целом представляется вероятным, что в соперничестве между более старшими и более молодыми мужчинами за обладание женами мужчины постарше отдавали предпочтение обмену дочерьми, потому что это давало им шанс расширить группу доступных женщин, в то время как молодые мужчины, естественно, предпочли бы обмен сестрами, потому что так они получали возможность распоряжаться своим супружеством самостоятельно и не подчиняться вынужденно решениям родителей. В некоторых племенах, например на территории Западной Виктории, «правило таково, что только отец может выдать за кого-либо свою дочь. Если отец умер, то сын может распоряжаться дочерью с согласия дяди». Аналогично и у некоторых племен Южной Австралии: «братья часто обменивают своих сестер на жен для себя,

но это может быть сделано только с согласия родителей или после их смерти». С другой стороны, у южно-австралийского племени нарриниери, «девушку выдавали замуж обычно в раннем возрасте по решению иногда отца, но чаще брата, и всегда происходил обмен сестры или другой родственницы мужчины, которому она была обещана». У многих племен австралийских аборигенов существовал такой обычай обменивать сестер при вступлении в брак, и он был столь распространен, что в некоторых племенах Южного Квинсленда мужчины, у которых не было сестер, которых можно было бы предложить взамен, вообще не имели шансов жениться.

Из двух вариантов обмена обмен сестер их братьями, вероятно, появился в более древнее время, чем обмен дочерей их отцами, поскольку последний подразумевает признание не только отцовства, но и права отца распоряжаться потомством, и есть веские основания полагать, что у аборигенов Австралии и, вероятно, в других местах отношения между полами были когда-то столь свободными и неопределенными, что мужчины не знали собственных детей и не обладали над ними никакой властью. С другой стороны, даже при таких условиях родство между братьями и сестрами, детьми одной матери, должно было быть хорошо известно, и признание этого родства, вероятно, придавало братьям определенную степень авторитета, которая позволяла им обменивать своих сестер или дочерей своих сестер на других женщин, на которых они либо женились сами, либо выдавали замуж за сыновей своих сестер. Таким образом, в Австралии и, возможно, во многих других местах правом распоряжаться судьбой женщины при вступлении в брак обладал ее брат или брат ее матери уже задолго до того, как это право получил ее отец. Но по мере того, как общество переходило от группового брака или от еще более неопределенных форм полового общения к индивидуальному браку (другими словами, по мере того, как супружеские отношения все больше упорядочивались и сводились к сожительству в моногамных парах), мужчина постепенно обретал заинтересованность в детях своей жены и власть над ними, и это было еще до того, как мужчины стали осознавать свою роль в зачатии детей. Социальное положение, которое он занимал как муж, защитник и в некотором смысле владелец их матери, давало ему права на ее потомство, аналогичные тем, которыми владелец коровы обладает в

отношении телят. По сей день сам факт физического отцовства неизвестен многим австралийским племенам, но их невежество в этом вопросе не мешает им определять взаимные права и обязанности отцов и детей, и эти социальные права и обязанности как в теории, так и на практике, лежат в совершенно иной плоскости, нежели кровные узы, и совершенно от них не зависит. Следовательно, поверхностному наблюдателю вполне может показаться, что положение отца по отношению к его детям в этих племенах существенно не отличается от соответствующего положения отца по отношению к его детям в Европе, хотя на самом деле физическая кровная связь между ними, на которой, по нашему мнению, основаны социальные отношения, остается им абсолютно неизвестной. По этим причинам мы можем справедливо предположить, что с постепенным установлением индивидуального брака взамен группового право распоряжаться женщиной в браке постепенно переходило от ее брата или дяди по материнской линии к ее отцу.

Но кем бы ни осуществлялся обмен женщинами первоначально при вступлении в брак, будь то братья или отцы этих женщин, несомненно, что этот обычай был чрезвычайно распространен у аборигенов Австралии, и из него очень легко мог возникнуть обычай кросс-кузенного брака. Ибо, когда двое мужчин таким образом женились на сестрах друг друга, их дети оказывались кузенами и затем, достигнув зрелости, женились друг на друге так же естественно, как и их родители. Следует отметить, что такие двоюродные братья и сестры связаны друг с другом двойными узлами кровного родства, поскольку они связаны не только через одного отца и одну мать, как обычные кросс-кузены, но и через обоих отцов и обеих матерей. Ибо отец каждого члена пары кузенов является братом матери другого, а мать каждого члена пары кузенов – сестрой отца другого. То есть эти двоюродные братья и сестры являются двоюродными вдвойне, иными словами – двойными кросс-кузенами. Из этого следует, что двоюродная сестра находится со своим двоюродным братом в родстве и как дочь брата матери, и как дочь сестры отца. Следовательно, их брак сочетает в себе две формы брака между кузенами, которые обычно различаются, а именно брак с дочерью брата матери и брак с дочерью сестры отца. Такой брак является очень близкой формой кровного союза.

Но раз обычай обмениваться сестрами при вступлении в брак предшествовал не только осведомленности о физическом отцовстве, но даже установлению постоянных социальных отношений между мужчиной и его потомством, то представляется вероятным, что обычай жениться на двоюродных сестрах, как прямое следствие обмена сестрами в браке, также предшествовал как осведомленности об отцовстве, так и осуществлению какой-либо власти отцом над своими детьми. Если бы мужчина имел право обменять сестру на жену, по-видимому, не было причин, по которым он не мог бы с такой же готовностью произвести обмен с двоюродным братом, как с любым другим мужчиной. Следовательно, нам не стоит вслед за Риверсом предполагать, что власть отца над своими детьми появилась до того, как возникла практика заключения браков между двоюродными братьями и сестрами.

Мнение о том, что обычай кросс-кросс-кузенных браков возник в результате обмена сестрами, подтверждается нынешней практикой племени кариера на западе Австралии, чья брачная система была подробно изучена и описана А. Р. Рэдклифф-Брауном. В этом племени не только существует обмен сестрами при вступлении мужчин в брак, но, как результат, поощряются браки двойных кросс-кузенов и кузин. <...> У кариера наиболее подходящим вариантом брака, который может быть заключен, считается брак между двоюродными братьями и сестрами, которые состоят в двойном кровном родстве, то есть как по линии отца, так и по линии матери, поскольку отец мужа – брат матери жены, а мать мужа – сестра отца жены. Другими словами, мужчина женится на женщине, которая одновременно является дочерью сестры его отца и брата его матери; а женщина выходит замуж за мужчину, который одновременно является сыном брата ее матери и сестры ее отца. Муж и жена в таких случаях являются двойными кросс-кузенами. Это двойное кровное родство внутри пары возможно как результат обмена сестрами в качестве жен между их отцами. <...> Таким образом, в племени кариера кросс-кросс-кузенный брак самым прямым образом вытекает из обычного для них обмена сестрами при браке. Учитывая этот обмен и смешанные браки получившегося в результате потомства, мы получаем кросс-кросс-кузенный брак в его наиболее полной форме, а именно брак двоюродных братьев и сестер, которые состоят в двойном родстве друг с другом как по линии отцов,

так и по линии матерей, а говоря кратко – брак двойных кросс-кузенов и кузин. Но обмен сестрами при браке был у австралийских аборигенов обычным, если не повсеместным и всеобщим явлением, в то время как кросс-кузенные браки были разрешены или поощрялись только в некоторых племенах. Представляется разумным предположить, что во всех австралийских племенах, которые разрешали или поощряли кросс-кузенные браки, такие браки были прямым следствием обмена сестрами в браке и только его. И этот обмен сестрами проистекал непосредственно из экономической необходимости платить за жену выкуп в форме выдачи женщины взамен той, которую мужчина брал в жены.

Обнаружив у аборигенов Австралии эти обычаи, объясняющие брак двоюродных братьев и сестер простым и естественным образом, мы задаемся вопросом, не могла ли та же причина иметь такой же эффект в других местах. Иначе говоря, в других регионах, где кросс-кузенные браки разрешены или поощряются, не основываться ли такие союзы тоже непосредственно на практике обмена сестрами в браке? Есть некоторые основания думать, что это так. Во всяком случае, мы можем показать, что обычай обменивать сестер при вступлении в брак встречается в некоторых регионах, где преобладает обычай кросс-кузенных браков. Поскольку в Австралии эти два обычая, по-видимому, связаны друг с другом как причина и следствие, естественно предположить, что между ними существует такая же причинно-следственная связь, когда эти две вещи встречаются в таком же сочетании, но в другом месте.

<...>

Итак, представляется вполне вероятным, что практика обмена дочерьми или сестрами при вступлении в брак сначала повсеместно была простым случаем обмена и возникла она на ранней стадии, когда женщины имели высокую экономическую ценность как работницы, но частная собственность была еще только в таком зачаточном состоянии, когда у мужчины практически не было другого эквивалента, который он мог бы предоставить в обмен на жену, кроме другой женщины. Тот же экономический мотив мог побудить отпрысков таких союзов, которые были кросс-кузенами и кросс-кузинами, вступать в брак друг с другом, и так самым простым и естественным образом возникла и увековечилась традиция брака между двойными кросс-кузенами. Если

бы можно было проследить историю этого обычая во многих частях света, где он существовал, то повсюду можно было бы свести его происхождение к этому простому корню; ибо под поверхностью как дикости, так и цивилизованности лежат экономические законы столь же постоянные и единообразные в своем действии, как и силы природы, просто в данном случае мы имеем дело со значительно более сложным их проявлением.

LXXIV. Человек, а не автомат [\[86\]](#)

Все попытки проследить происхождение и развитие человеческих общественных институций, исключая вмешательство разума и воли, в корне порочны и заранее обречены на провал. Кому-то может показаться научным рассматривать дикаря как некий автомат, безвольную игрушку в руках природы, беспомощное творение обстоятельств и, таким образом, объяснять эволюцию первобытного общества, – как в других случаях иногда пытаются объяснять эволюцию материальных тел игрой одних только физических сил. Но история человечества, написанная под таким углом зрения, будет лишена и научности вообще и историзма в частности: это будет пародия и на то и на другое. Такой странный подход игнорирует главный фактор движения, главную пружину механизма, а именно сознательную жизнь человека, его мысли, его стремления, его усилия. Все это было свойственно человеку на любом этапе развития, и именно эти факторы в гораздо большей степени, чем что-либо другое, привели к формированию общественных институций человечества. Окружающая природа, безусловно, воздействует на человека, но человек реагирует на ее воздействие, и история становится результатом этого воздействия и реакций. Упускать из виду любой из этих взаимозависимых элементов, внешний либо внутренний, значит подделывать историю, изначально создавая однобокое представление о предмете. В то время как из этих двух факторов внутренний является если не более влиятельным, то, безусловно, более очевидным, более открытым для наблюдения и, следовательно, более важным для историка, который в своем стремлении соотнести события человеческой драмы с их источниками мог бы с меньшими последствиями пренебречь влиянием климата и погоды, почвы и воды,

рельефа, нежели мыслями, страстями, порывами действующих лиц. Мы отнюдь не преуспеем в понимании развития и первобытных, и цивилизованных общественных институций, если будем упорно закрывать глаза на осознанный выбор, который человек, будь то дикий или цивилизованный, сделал, формируя их. Всегда следует иметь в виду, что дикарь отличается от своего цивилизованного собрата скорее степенью проявления тех или иных факторов, нежели их природой, скорее точкой, в которой его развитие было остановлено или затормозилось, чем направлением линии, по которой оно шло. Если один из них руководствовался в принятии тех или иных правил рассудительностью и благоразумием, то мы можем быть уверены, что другой действовал так же. Короли и президенты, сенаты и парламенты цивилизованных обществ имеют аналогию в вождях, главах, советах старейшин и племенных собраниях первобытных людей. Законы, провозглашаемые первыми, имеют аналогию в обычаях, претворяемых в жизнь последними. Среди обычаев дикарей мало или вообще нет таких, которые несли бы столь явный отпечаток мышления и целеполагания, как сложная, но регулярная брачная система австралийских аборигенов. Поэтому нам следует согласиться с мнением наиболее дотошных и проницательных наблюдателей, которые приписывают происхождение этой системы длительным размышлениям и обдуманному целеполаганию самих туземцев.

LXXV. Правила не бывают абсолютно новыми [\[87\]](#)

Несложное рассуждение убедит нас в том, что законы и правила в готовом виде возникают не в тот самый момент, когда их кодифицируют. Законодательство и кодификация – это две совершенно разные вещи. Законодательство – это принятие наделенными соответствующей властью людьми определенных правил поведения, которые либо не соблюдались, либо не имели обязательной юридической силы до того, как верховная власть приняла акты, обеспечивающие их соблюдение. Но даже новые законы крайне редко бывают нововведениями в полном смысле слова. Они всегда или почти всегда основаны на уже существующих обычаях и общественном мнении, всегда или почти всегда в той или иной мере согласуются с ними и до того негласно зреют в умах общества, готовящегося их

принять. Самый деспотичный монарх в мире не сумел бы навязать своим подданным абсолютно новый закон, который противоречил бы склонностям и природе данного сообщества, оскорблял бы их унаследованные от предков мнения и привычки, попирает бы их заветные чувства и чаяния. Даже в самом, казалось бы, революционном постановлении всегда есть консервативный элемент, который зиждется на согласии общества ему повиноваться. Только тот закон, который в какой-то мере соответствует истории народа, может формировать будущее этого народа. Перестройка человеческого общества от фундамента и выше – это далекоидущее предприятие, достаточно безобидное, пока оно ограничено утопиями философствующих мечтателей, но опасное и, возможно, катастрофическое, когда его пытаются осуществить на практике демагоги или деспоты, которые самим этим дерзновением лишь обнаруживают незнание фундаментальных принципов того, что они столь опрометчиво берутся исправить. Общество – не готовая структура, а вечно растущий организм. Мы можем модифицировать этот рост и придать ему более совершенные формы, подобно тому, как садовник своим искусством получает цветы более красивой формы и более насыщенного оттенка из скромных полевых трав и цветочков с речного берега... Но создать общество с нуля мы так же бессильны, как садовник бессилён создать из ничего новую лилию или розу. Таким образом, в каждом законе, как и в каждом растении, есть элемент прошлого, элемент, который, если бы мы могли вернуться к его истоку, привел бы нас к самым ранним стадиям человеческой жизни в одном случае и к самым ранним стадиям жизни растений в другом.

LXXVI. Непрерывное изменение этики

Этический, как и правовой, кодекс любого сообщества нуждается в постоянном пересмотре, это вряд ли будет оспариваться кем-либо из проницательных и беспристрастных наблюдателей. Старое представление о том, что принципы добра и зла неизменны и вечны, больше не выдерживает критики. Область этики так же, как и физический мир, подчинена закону непрерывных изменений, вечной трансформации и текучести. Стоит лишь порассуждать о различиях, непоследовательности, внутренних противоречиях этических понятий

и этической практики не только у разных народов в разных странах, но и у одного народа в одной и той же стране в разные эпохи. Разве можно утверждать, что основы морали вечны и неизменны? Если они и кажутся нам такими (какими, вероятно, казались во все века людям, которые не распространяли свои взгляды за узкие рамки своего времени и страны), то, по всей вероятности, это просто потому, что скорость изменений обычно столь медленная, что в любой отдельно взятый момент она незаметна и может быть обнаружена только путем сравнения наблюдений, проводимых в течение длительных периодов времени. Если бы мы произвели такое сравнение, вероятно, это убедило бы нас в том, что если мы говорим о моральном законе как о неизменном и вечном, то это может быть только в относительном или переносном смысле, в котором мы применяем те же слова к очертаниям гор, оценивая их в сравнении с кратковременной жизнью человеческих поколений. Горы тоже исчезают, хотя мы этого и не видим; ничто не вечно – ни под солнцем, ни над ним. Мы так же бессильны остановить процесс нравственной эволюции, как не можем остановить действие приливов или движение звезд.

Нравится нам это или нет, но моральный кодекс, с помощью которого мы регулируем свое поведение, постоянно пересматривается и видоизменяется: старые правила вычеркиваются, а новые правила вписываются в палимпсест сосредоточенной и неутомимой рукой невидимого писца. В отличие от публичного и формального пересмотра юридического кодекса изменение морального кодекса всегда носит частный, негласный и неформальный характер. Законодатели, которые принимают законы, и судьи, которые их исполняют, не одеты в торжественные одежды, их указы не провозглашаются под рев медных труб и с церемониальной пышностью. Мы сами законодатели и судьи: именно весь народ устанавливает и изменяет этические стандарты и выносит приговор, руководствуясь ими. Мы сами заседаем в высшем апелляционном суде, ежедневно судим правонарушителей, и, если захотим снять с себя ответственность, мы не сможем этого сделать. Все, что в наших силах, – как можно более добросовестно и всесторонне рассмотреть доказательства, чтобы из-за слишком узкого и пристрастного взгляда не допустить непоправимой несправедливости в отношении тех, кто находится на скамье подсудимых. Пожалуй, мало что может лучше

уберечь нас от узости и чрезмерной жесткости моральных суждений, чем широкий взгляд на поразительное разнообразие этической теории и практики, которое мы наблюдаем у различных сообществ в разные эпохи. Соответственно, можно ожидать, что сравнительный метод, применяемый к изучению этических феноменов, сделает для морали то же, что тот же метод, применяемый к религиозным явлениям, в настоящее время делает для религии, расширяя наш ментальный кругозор, расширяя границы знаний, проливая свет на происхождение современных верований и практик и тем самым помогая нам заменить отжившее и лишённое силы чем-то новым и полным жизни, а то, что оказалось ложным – чем-то истинным и реальным.

LXXVII. Наш долг перед дикарем

Наше общество зиждется на фундаменте, созданном предыдущими поколениями, и мы можем лишь отдаленно представить себе те усилия, которых стоило человечеству подняться до той точки, которой мы достигли (в конце концов, не такие уж это высоты). Мы благодарны безымянным и забытым труженикам, чьи терпеливые мысли и деятельные усилия во многом сделали нас такими, какие мы есть. Количество новых знаний, которые одна эпоха, тем более один человек, может добавить к общему запасу, невелико, и это доказывает, что пренебрегать необъятным вкладом тех анонимных деятелей, превознося те крупинки, что выпала честь внести каждому поименно, – не только неблагодарно, но бесчестно и попросту глупо. В настоящее время опасность недооценки вклада, который современность и даже классическая древность внесли в общее развитие человечества, пожалуй, невелика. Но когда речь заходит о чем-то сверх упомянутых периодов, дело обстоит иначе. Презрение, насмешки, отвращение, порицание – как правило, ничего другого не удостоиваются первобытные люди и их образ жизни. И все же из тех, кого мы обязаны помянуть добрым словом, многие, если не большинство, были первобытными дикарями. Так или иначе, наше сходство с ними все еще преобладает над отличиями. Тем, что у нас есть общего с ними и что мы сознательно сохраняем как истинно здоровое и полезное, мы обязаны нашим диким предкам, которые постепенно приобретали на опыте и передавали по наследству те

кажущиеся теперь фундаментальными идеи, которые мы склонны считать оригинальными и интуитивными. Мы подобны наследникам состояния, которое передавалось из поколения в поколение на протяжении стольких веков, что память о тех, кто его стяжал, утрачена, а обладатели состояния в настоящее время считают, что оно было их изначальным и неотъемлемым от самого начала времен. Но рассуждения и исследования должны убедить нас в том, что нашим предшественникам мы обязаны многим из того, что считали своим, и что их ошибки были не преднамеренными причудами или бредом безумия, а просто гипотезами, оправданными как таковые в то время, когда они были выдвинуты, но не подтвердившиеся и не оправданные более полным опытом. Только путем последовательной проверки гипотез и отбрасывания ложных версий можно докопаться до истины. В конце концов, то, что мы называем истиной, – тоже всего лишь гипотеза, которая, как оказалось, работает лучше других. Поэтому, рассматривая воззрения и жизненную практику более примитивных эпох и сообществ, мы поступим правильно, если будем снисходительно относиться к их ошибкам как к неизбежным промахам, допущенным в поисках истины, ведь, между прочим, в некоторой снисходительности мы сами однажды будем нуждаться: *sit excusatione itaque veteres audiendi sunt*^[88].

LXXVIII. Столпы общества^[89]

Устои общества покоятся на многих столпах, из которых наиболее прочными являются природа, разум и справедливость; однако на определенных этапах медленного и кропотливого строительства оно никак не могло обойтись без менее надежной опоры, а именно суеверий. Если когда-нибудь настанет день, когда великое сооружение будет доведено до конца и в простом величии будет покоиться на несокрушимом фундаменте, можно будет без риска для его устойчивости извлечь и отбросить уже истлевшие бревна, которые когда-то поддерживали его в процессе строительства.

LXXIX. Косвенная польза суеверия

Читателям, воспитанным в духе религии, пропитанной аскетическим идеализмом Востока, приведенное мною объяснение правила воздержания, соблюдаемого при определенных обстоятельствах первобытными или дикарскими народами, может показаться притянутым за уши и невероятным. Они могут думать, что моральная чистота, которая так тесно ассоциируется в их сознании с соблюдением такого правила, дает достаточное объяснение этому; они могут согласиться с Мильтоном в том, что целомудрие само по себе добродетельно и что ограничение, которое оно налагает на один из сильнейших импульсов нашей животной природы, выделяет тех, кто может соблюдать его, как людей, возвышающихся над общим стадом и, следовательно, достойных получить печать божественного одобрения. Каким бы естественным ни казался нам такой образ мыслей, он совершенно чужд первобытному человеку и непостижим для дикаря. Если он иногда сопротивляется половому инстинкту, то делает он это не из-за высокого идеализма, не из-за неземного стремления к нравственной чистоте, а ради какой-то неявной, но совершенно определенной и конкретной цели, ради достижения которой он готов пожертвовать сиюминутным удовлетворением своих порывов. Это вполне подтверждается приведенными выше примерами. Они показывают, что там, где инстинкт самосохранения, проявляющийся главным образом в поисках пищи, вступает в конфликт или кажется вступающим в противоречие с инстинктом, способствующим размножению вида, первый инстинкт, как первичный и более фундаментальный, способен возобладать над вторым. Короче говоря, дикарь готов сдерживать сексуальные позывы, дабы не лишиться еды. Еще одна вещь, ради которой первобытный человек готов проявлять половую сдержанность, – победа над врагами. Не только сам воин, но и соплеменники дома нередко обуздывают свои аппетиты, полагая, что таким образом им будет легче победить врагов. Ошибочность такого убеждения, как и убеждения в том, что целомудрие сеятеля способствует прорастанию семени, достаточно очевидна для нас. И все же, возможно, самоограничение, которое эти и им подобные убеждения, какими бы тщетными и ложными они ни были, навязали человечеству, не прошли бесследно для положительного отбора. Ибо сила характера как группы, так и индивида заключается главным образом в способности приносить

настоящее в жертву будущему, пренебрегать сиюминутными соблазнами ради более отдаленных и долгосрочных источников удовлетворения. Чем больше проявляется сила характера, тем выше и прочнее становится человеческая природа; рано или поздно достигается вершина героизма, проявляющегося в поступках тех, кто отказывается от радостей жизни и даже от самой жизни ради сохранения или завоевания благ свободы и истины для других, пусть даже и в далеком будущем.

LXXX. Суд над суевериями^[90]

Мы склонны относиться к суеверию как к чему-то безусловно дурному, ложному в сути и вредоносному в последствиях. Отрицать то, что суеверие принесло миру много зла, ни в коем случае нельзя. Во имя него были принесены в жертву многие жизни, растрочены многие богатства, целые народы приходили в смятение, друзей оно забирало, супругов, детей и родителей разлучало, вонзая между ними меч, а и иногда и нечто страшнее. Суеверие наполняло и продолжает наполнять казематы и дома умалишенных. Оно разбивает сердца, калечит целые жизни, но, не довольствуясь живыми, влезает и в могилы, любуясь оттуда сотворенной ею фантазмагорией и продолжая мучить уцелевших. Да это и многое другое – плоды его деятельности. Впрочем, не может ли предстать дело суеверия, подобно делу мистера Пиквика после откровений несчастного мистера Уинкля, в лучшем свете? Не примеривая на себя костюма адвоката дьявола, не желая являться перед взором читателя в языках голубого пламени и серном чаду, я все-таки намереваюсь подать, так сказать, прошение в защиту столь сомнительного подсудимого. Я хочу доказать или, по крайней мере, показать на примерах из жизни отдельных рас и народов, что некоторые общественные институты, которые по общему согласию считаются полезными, зиждутся на суеверии. Говорить я буду об институтах исключительно светских и гражданских. И ни слова – о церковных. Вероятно, можно было бы показать, что и религия всецело не избавилась от налета суеверия, но теперь мне хотелось бы ограничить себя рассмотрением тех гражданских институций, которые по мнению distinguished публики зиждутся единственно на твердыне здравого смысла и естественном ходе вещей. Да,

институции, о которых пойдет речь, прошли отбор историей и сегодня полновесно присутствуют в жизни нашего общества, а значит на их стороне – доводы самые веские, но и у дикарей и даже у тех народов, что стоят ступенью выше, аналогичные институции произошли от верований, которые мы теперь безоговорочно назвали бы суевериями, если не полной нелепицей. Я попытаюсь обосновать свою мысль на примере четырех из них. Рассмотрим правление, частную собственность, брак и почитание человеческой жизни. <...>

Рассмотрению всех утверждений по отдельности следует предпослать два замечания, которые я настоятельно попрошу в дальнейшем держать в уме. Во-первых, подчеркну, что я ограничиваюсь рассмотрением лишь некоторых народов и некоторых исторических периодов, ибо ни времени, ни познаний не хватит на то, чтобы осветить вопрос исчерпывающе. Насколько приведенных примеров довольно для того, чтобы делать общие выводы, решать будущим поколениям ученых. Таково первое замечание. Далее, если будет доказано, что у некоторых народов и в некоторые времена озвученные институции отчасти зиждились на суеверии, то это вовсе не будет означать, что они не могли зиждиться на чем-то ином. Напротив, коль скоро описываемые мною институции доказали свою прочность и незыблемость, то есть основания полагать, что зиждутся они на чем-то более крепком, чем суеверие. Ни одна институция, стоящая единственно на суеверии, то есть на ложном основании, незыблемой быть не может. Не отвечая неким действительным человеческим потребностям, не будучи укорененной в природу вещей, она обречена на гибель, и чем более скорую, тем лучше. Таково второе замечание.

LXXXI. Подведение итогов судебного заседания: смертный приговор [\[91\]](#)

Подводя итог этому краткому обзору влияния, которое суеверие оказало на развитие институций, я полагаю, что вполне доказал или, во всяком случае, показал:

I. Что у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание органов правления, особенно

монархического, совершая вклад в учреждение и поддержание общественного порядка.

II. Что у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание частной собственности, совершая вклад в дело ее неприкосновенности.

III. Что у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание брака, совершая вклад в дело строгого соблюдения правил половой морали как среди женатых и замужних, так и среди тех, кто в браке еще не состоит.

IV. Что у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание человеческой жизни, совершая вклад в дело ее неприкосновенности.

При этом, однако, органы правления, частная собственность, брак, почитание человеческой жизни суть те столпы, на которых зиждется современное нам гражданское общество. Поколебав их, вы сотрясете самое общество до основания. Поэтому если правление, частная собственность, брак и почитание человеческой жизни – все это благо и необходимо для жизни гражданского общества, то из этого следует, что, укрепляя каждое из них, суеверие оказало человечеству большую услугу. Оно снабдило множество людей мотивом (пусть и ложным) для верных действий; и, конечно, для мира лучше, гораздо лучше, чтобы люди поступали правильно из ошибочных побуждений, чем чтобы они поступали неправильно с самыми лучшими намерениями. Для общества важно поведение, а не мнение: если наши действия справедливы и хороши, то для других не имеет ни малейшего значения, ошибочны ли наши мнения. Опасность ложного мнения, а она очень серьезна, заключается в том, что оно обычно приводит к неправильным действиям; посему оно, без всякого сомнения, является большим злом, и необходимо приложить все усилия для его искоренения. Но из этих двух зол неверное действие само по себе бесконечно хуже ложного мнения; и все системы религии или философии, которые ставят ударение скорее на правильном мнении, чем на правильном действии, которые превозносят общепринятость выше добродетели, суть безнравственные и вредные для человечества: они путают истинное относительное значение, реальную этическую ценность мысли и действия, ибо именно тем, что мы делаем, а не тем, что мы думаем, мы полезны или бесполезны, благотворны или

злотворны для окружающих. Поэтому суеверие, как совокупность ложных мнений, действительно является опаснейшим руководством на практике, и зло, которое оно принесло, неисчислимо. Но как бы ни было велико то зло, оно не должно ослеплять нас от того блага, которое суеверие принесло обществу, снабдив невежественных, слабых и глупых людей мотивом, пусть и дурным, для правильного поведения. Это тростник, сломанный тростник, который поддерживал шаги многих заблудших наших братьев, но без него они споткнулись бы и упали. Это свет, тусклый и зыбкий свет, который, если и сбил многих мореплавателей с пути, то все же некоторых провел по вечно мятежному морю жизни в гавань покоя и мира. Огни гавани миновали, судно уже в порту, и более неважно, освещал ли лоцман путь фонарем из тыквы или шел по звездам.

Таково, милостивые господа, мое оправдание суеверия. Пожалуй, надобно говорить скорее о смягчении приговора, который будет вынесен седовласому преступнику, если суждено ему предстать перед судейской коллегией. А приговор, не сомневайтесь, будет смертным. Но он не будет приведен в исполнение в наше время. Будет долгая-долгая отсрочка. Я был перед вами сегодня в качестве его защитника, а не палача. В Афинах дела об убийстве рассматривались в ареопаге ночью, и именно ночью я выступал в защиту этой темной силы. Но уже поздно, и я со своим мрачным подопечным должен исчезнуть до того, как прокричат петухи и на востоке выступит бледное утро.

Часть III

Человек и сверхъестественное

ІХХХІІ. Происхождение представлений человека о Боге [\[92\]](#)

Если мы хотим проанализировать происхождение идеи Бога, недостаточно просто обрисовать современные представления наиболее образованной и просвещенной части общества на этот счет, ведь в значительной степени эти представления традиционны... Они передаются из поколения в поколение почти без специального осмысления и изучения. Вот почему, чтобы определить первооснову представлений человека о Боге, необходимо мысленно перенестись в прошлое.

Кажется, хорошим материалом для подобного исторического исследования могли бы стать древнейшие письменные источники. Хотя зачастую в сильно искаженном и несовершенном виде, они тем не менее дошли до наших дней. Сегодня эти источники проливают свет на религиозные представления и обычаи их авторов. Однако и сами авторы унаследовали значительную часть верований от собственных предков... Таким образом, становится очевидной необходимость исследовать религиозные представления самых древних дописьменных культур. Только подобным образом представляется возможным, наконец, отыскать первоисточник представлений человека о Боге.

Но как это сделать? Как исследовать представления народов, которые, не зная письменности, не имели возможности надежно фиксировать свои убеждения? На первый взгляд, это невозможно. Нить исследования оборвалась и привела нас на край пропасти, которая кажется непреодолимой. Однако дело не столь безнадежно, как кажется. Хотя мы не можем изучать верования «древних» напрямую, сравнительный метод исследования способен подарить нам возможность изучать их по косвенным данным. В некотором смысле подставить нам зеркало, в котором мы постараемся разглядеть их отражение. Сравнительный анализ различных народов человечества показывает или, по крайней мере, делает весьма вероятным вывод о

том, что человечество всюду начинало свой путь с чрезвычайно низкого уровня культуры (куда как более низкого, чем уровень нынешних аборигенов). Именно с него все известные нам сообщества начинали движение к цивилизации с разной степенью интенсивности, одни быстрее, другие медленнее, пока не достигли той конкретной стадии, которую каждая из них занимает сегодня.

Если этот вывод является верным, то различные ступени дикости и варварства, на которых сегодня находятся многие племена и народы, представляют собой, в общем, столько степеней отставания в социальном и интеллектуальном развитии, сколько соответствует аналогичным стадиям, которые, как можно предположить, прошли предки уже цивилизованных рас в более или менее отдаленные периоды своей истории. Таким образом, если расположить все известные этнографические общности от дикости до цивилизации в градуированной шкале культуры, мы получим не просто их относительное положение на этой шкале, но и в какой-то мере историческую запись генетического развития культуры с самых ранних времен до наших дней. Поэтому изучение диких и варварских народов человечества имеет первостепенное значение для полного понимания религиозных, социальных, моральных и политических представлений и обычаев наиболее цивилизованных народов, в том числе нашего, поскольку практически несомненно, что значительная часть этих верований и обычаев зародилась у наших диких предков и была унаследована нами от них через поколения, с большими или меньшими изменениями.

Именно поэтому изучение современных аборигенов привлекает столь пристальное внимание цивилизованных людей. Если мы хотим понять не только историю, но и современность со всеми ее сложными и запутанными проблемами, мы должны начать с самого начала. Должны попробовать выяснить ментальность наших предков, которые оставили нам религиозные верования, законы и социальные институты, которыми мы до сих пор пользуемся. Сегодня все больше людей приходят к пониманию, что единственным доступным для нас способом эффективного решения этой задачи является изучение ментальности современных аборигенов. Последние по сей день находятся на стадии культуры, аналогичной той, на которой находились наши древние предки.

В результате контактов с цивилизацией современные аборигены быстро исчезают или, по крайней мере, утрачивают присущие им привычки и представления о мире, которые представляют для нас особую историческую ценность. Вот почему у нас есть все основания продолжать изучение первобытного сознания с усердием и старанием, пока не стало слишком поздно... Пока аборигены не исчезли навсегда... Мы подобны наследнику крупного состояния, чьи документы на право собственности должны были быть тщательно изучены, прежде чем он мог бы вступить во владение наследством. Но, представим, наследник обнаружил, что слова на бумаге столь выцвели и потускнели, что могут исчезнуть полностью, прежде чем наш герой сможет дочитать документ до конца. С каким тщанием и поспешностью попробует он разгадать быстро исчезающие знаки? С таким же тщанием и такой же поспешностью цивилизованные люди приступают к исследованию исчезающих аборигенов.

Таким образом, если мы хотим проследить исторически сложившееся представление человека о Боге до самых истоков, желательно, а точнее необходимо, чтобы мы начали с изучения самых примитивных представлений о Боге, которые нам доступны, а самыми примитивными представлениями, несомненно, являются представления первых людей. По этой же причине изучение неорганической химии естественным образом предшествует изучению органической, так как неорганические соединения гораздо проще и, следовательно, легче поддаются анализу и исследованию, чем органические. Так и с химией разума: мы должны разбирать сравнительно простые явления первобытного мышления на составляющие элементы, прежде чем пытаться проделать аналогичную операцию с более сложными современными явлениями.

LXXXIII. Начатки представлений о Боге у дикарей

Большинство споров о религии примитивных народов возникли из-за банального взаимного непонимания. Дикарь не понимает мышление цивилизованного человека, и лишь немногие цивилизованные люди способны воспринять мышление дикаря. Когда дикарь использует слово «бог», он имеет в виду существо определенного рода, когда цивилизованный человек использует слово

«бог», он имеет в виду существо совершенно иного рода; и если, как это обычно бывает, оба человека в равной степени не способны воспринять точку зрения друг друга, то ни к чему, кроме путаницы и ошибок, их беседа не приведет. Если мы, цивилизованные люди, настаиваем на том, чтобы ограничить имя Бога тем конкретным представлением о божественной природе, которое мы сами сформировали, то мы должны признать, что у дикаря вообще нет бога. Но мы будем более строго придерживаться исторических фактов, если допустим, что большинство «высших дикарей» хотя бы в зачаточном виде имеют представление о неких сверхъестественных сущностях, которых вполне можно назвать богами, хотя и не в том смысле, в каком мы употребляем это слово. Это зачаточное представление, по всей вероятности, представляет собой зародыш, из которого цивилизованные народы постепенно развили свои собственные высокие представления о божестве; и если бы мы могли проследить весь ход религиозного развития, то обнаружили бы, что цепь, связывающая наше представление о божестве с представлением дикарей, едина и непрерывна.

LXXXIV. Естественное богословие [\[93\]](#)

Если существует такое понятие, как естественная теология, то есть знание о Боге или богах, полученное исключительно за счет наших естественных способностей без помощи особого откровения, то из этого следует, что оно должно быть получено тем или иным способом, с помощью которого нам передается все наше естественное знание. По сути, этих способов два – интуиция и опыт.

Если мы спросим себя, знаем ли мы Бога интуитивно в том же смысле, в каком мы знаем наши собственные ощущения и простейшие истины математики, я думаю, большинство людей признает, что нет. Правда, согласно Беркли, мир существует только в том виде, в каком он воспринимается, а наши представления о нем порождаются непосредственным воздействием Бога на наш разум, так что все, что мы воспринимаем, может быть описано если не как замысел самого божества, то, по крайней мере, как прямая эманация от него. Согласно этой теории мы в некотором смысле обладаем непосредственным знанием о Боге. Но взгляды Беркли, насколько мне известно, не нашли

всеобщего признания даже среди философов; и даже если бы мы считали ее истинной, нам все равно пришлось бы признать, что знание Бога, им подразумеваемое, является скорее инференциальным, чем интуитивным в строгом смысле этого слова. Мы скорее делаем вывод о том, что Бог является первопричиной наших восприятий, нежели отождествляем его с самими восприятиями. В целом, таким образом, мы приходим к выводу, что человек, во всяком случае обычный человек, не имеет, собственно говоря, непосредственного или интуитивного знания о Боге. Если человек и получает без помощи откровения какое-либо знание о Нем, то только через другой естественный канал познания, то есть через опыт.

Опыт, в отличие от интуиции, заставляет нас идти отнюдь не путем простого созерцания конкретных ощущений, эмоций или идей, которые мы в данный момент осознаем, а непосредственно путем пробуждения в воображении и сравнения друг с другом наших воспоминаний о различных ощущениях, эмоциях или идеях, которые мы осознавали в прошлом, а также путем выделения или абстрагирования из сравниваемых мысленных образов тех моментов, в которых они похожи друг на друга. Выделенные таким образом или абстрагированные из ряда конкретных объектов точки сходства составляют то, что мы называем абстрактной или общей идеей, а из сравнения таких абстрактных или общих идей друг с другом мы получаем общие выводы, определяющие отношения идей друг к другу. Опыт в целом состоит из всей совокупности выводов, полученных из сравнения всех конкретных ощущений, эмоций и идей, составляющих сознательную жизнь человека. Следовательно, для того чтобы сформировать опыт, сознание должно выполнить более или менее сложный ряд операций, которые принято относить к определенным психическим способностям, таким как память, воображение, суждение. Этот анализ опыта не претендует на философскую полноту и точность, но, возможно, он достаточно точен для целей настоящего исследования, которое имеет не философскую, а историческую направленность.

Теперь опыт в самом широком смысле этого слова мы можем разделить на две составляющие: опыт нашего собственного сознания и опыт внешнего мира. Это различие, как и другие, которыми мы сейчас занимаемся, скорее обусловлено практически, нежели обосновано

теоретически. Конечно, с ним согласятся не все философы, поскольку многие из них считают, что мы не имеем и не можем с нашими нынешними способностями достичь какого-либо непосредственного знания или восприятия внешнего мира, а лишь выводим его существование из наших собственных ощущений, которые являются такой же частью нашего разума, как идеи и эмоции самой жизни или видения сна. По их мнению, существование материи или внешнего мира является для нас лишь гипотезой, придуманной для объяснения порядка наших ощущений. Это существование никогда не воспринимал ни один мужчина, женщина или ребенок, когда-либо живший на земле. И у нас нет и не может быть непосредственного знания или восприятия чего-либо, кроме состояний и действий нашего собственного разума. В рамках этой теории то, что мы называем миром, со всеми его предполагаемыми бесконечностями пространства и времени, системами солнц и планет, кажущимися бесконечными формами неорганической материи и органической жизни, при ближайшем рассмотрении оказывается мимолетным, сиюминутным плодом мысли. Он подобен стеклянной безделушке, переливающейся тысячью разнообразных и нежных оттенков, одного прикосновения к которой достаточно, чтобы она рассыпалась в пыль. Философу, как и волшебнику, достаточно взмахнуть волшебной палочкой:

...Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают, словно дым,
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь – о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.
Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь...

Обсуждение этих нестойких спекуляций выходит за рамки нашей компетенции, даже если бы это было в наших силах, и тем самым мы выходим на арену, где на протяжении многих веков диалектики

сражаются друг с другом по поводу реальности или ирреальности внешнего мира. Для нас же достаточно принять популярное и удобное различие между разумом и материей и, следовательно, разделить опыт на два вида: внутренний опыт действий и состояний нашего собственного разума и внешний опыт действий и состояний той физической, материальной Вселенной, которой мы, как кажется, окружены.

Если естественное познание Бога возможно только через опыт, то есть через процесс рассуждения, основанный на наблюдении, то отсюда следует, что такое познание может быть получено либо через внутренний, либо через внешний опыт, то есть оно может быть достигнуто либо путем размышления над процессами нашего собственного сознания, либо путем наблюдения за процессами внешней природы. На самом деле, если проследить историю развития мысли, то окажется, что человечество пришло к знанию или, во всяком случае, к представлению о божестве обоими путями. Позвольте теперь сказать несколько слов о двух путях, которые ведут или, как кажется, ведут человека к Богу.

Прежде всего, во разных странах в разные века люди испытывали некие выходящие за рамки «нормальности» эмоции или же людей посещали некие выходящие за рамки «нормальности» идеи. Люди, не имея возможности объяснить эти явления с помощью привычного опыта, относили их к прямому воздействию могущественного духа или божества, действующего на их разум и даже входящего в их тело и овладевающего им. В подобном возбужденном состоянии, поскольку сильное возбуждение для подобного характерно, человек верил, что обладает сверхъестественным знанием и сверхъестественной силой. Такой реальный или мнимый способ постижения божественного духа и вступления в общение с ним принято называть вдохновением. Феномен вдохновения хорошо знаком нам на примере древнееврейского народа, который верил, что его пророки были вдохновлены божеством, и что их священные книги неизменно составлялись за счет божественного откровения. Подобные представления, похоже, распространены по всему миру, поскольку трудно назвать хоть одну общность людей, у которых не было бы случаев такого «вдохновения»; и чем более невежественна и дика эта общность, тем более многочисленны, судя по сообщениям, случаи

вдохновения. Примерами можно было бы заполнить целые тома, но благодаря распространению знаний о примитивных народах в последние годы эта тема стала столь привычной, что нет необходимости специально останавливаться на этих примерах. Скажем лишь, что среди дикарей понятие «вдохновение», или «одержимость», обычно используется для объяснения всех ненормальных психических состояний, особенно безумия или граничащих с ним состояний психики. Именно по этой причине людей, в той или иной степени обезумевших, отходящих от «нормы» или эпилептических больных, считают теми, кому благоволят духи, и к таким людям обращаются как к оракулам, а их лишние всякого смысла слова выдают за откровения потусторонних сил. Под подобными потусторонними силами может подразумеваться как настоящее божество, так и попросту призрак. Важно здесь то, что силы потусторонние скрывают себя под плотной завесой темных и таинственных изречений. Нет нужды указывать на серьезные опасности, которые грозят обществу, где распространено подобное. Если решения всего общества в вопросах, имеющих первостепенное значение, будут зависеть от прихотей и капризов сумасшедших или полусумасшедших, то каковы будут последствия для общего благосостояния? Что, например, можно ожидать от войны, начатой под подобным предлогом? Разве скотоводство, земледелие, торговля – все, от чего зависит благосостояние народа, будут процветать, если ими будут руководить бредни эпилептика или вопли безумного? Поражение в битве, натиск врагов, смерть от голода и болезней – эти и еще тысяча других бед угрожают слепым людям, доверившимся таким же слепым поводырям. История диких или же аборигенных общностей, если бы мы могли проследить ее на протяжении всей истории, могла бы предоставить нам тысячу предупреждающих примеров фатальных последствий этого гипноза вдохновения. Если мы знаем таких случаев меньше, чем можно было бы ожидать, это, вероятно, связано с тем, что племена, которые последовательно действовали в соответствии с подобными убеждениями, тем самым стерли себя с лица земли. Они пали жертвами собственной глупости и не оставили после себя никаких источников. Я полагаю, что историки еще не в полной мере оценили то пагубное влияние, которое это поклонение безумию – а ведь зачастую это не что иное как именно «поклонение безумию», – оказало на

судьбы народов, на их развитие или упадок их социальных или экономических институций.

Однако в определенной степени это зло искоренило само себя. Люди с холодной головой и большими амбициями, наблюдая непомерную власть, которую вера во вдохновение отдает в руки слабоумных, часто притворялись такими же больными и, пользуясь своей репутацией неумных или скорее вдохновенных, приобретали власть над своими собратьями. Хотя подобной властью они часто злоупотребляли в личных, порой «вульгарных» целях, иногда использовали во благо, например, давая разумные советы по вопросам, представляющим общественный интерес, а именно: применяли целебные средства для лечения больных, раскрывали преступления, способствовали самосохранению общества, облегчению страданий и укреплению уважения к закону и порядку, которые необходимы для стабильности общества и без которых любое сообщество рассыпается как картонный домик. Этих людей в первобытном обществе называли знахарями, магами, колдунами, прорицателями и т. д. Иногда уважение, которого они добивались благодаря своей деятельности, приносило им как политическую, так и духовную власть; словом, из простых знахарей или колдунов они превращались в вождей и королей. Когда же такие люди, восседая на государственном троне, сохраняли прежнюю репутацию носителей божественного духа или вдохновения, им поклонялись равно как богам и царям. Таким образом, обладая двойной властью над умами и сердцами людей, они становились мощнейшим орудием улучшения или ухудшения благосостояния своих почитателей и подданных. Так прежнее древнее понятие «вдохновения», или «одержимости» постепенно переросло в доктрину божественного происхождения власти монарха, не до конца устаревшую даже сегодня. Однако «вдохновенные» люди отнюдь не обязаны играть главные роли в управлении государством. Подчас они могут, и часто так и происходит, быть почитаемы лишь узкой группой людей. Таким образом, некоторые необычные психические состояния, которые те, кто ими страдает, и те, кто их наблюдает, не могут объяснить никаким другим способом, часто объясняются предполагаемым вмешательством духа или божества. Таким образом, это одна из двух форм опыта, с помощью которого люди достигают (или воображают, что достигают) познания Бога и единения с ним. Это

то, что мы назвали путем внутреннего опыта. Теперь рассмотрим другую форму опыта, которая ведет или может вести к той же цели. Подобную форму полагаем возможным назвать «внешним опытом».

Когда мы наблюдаем бесконечно разнообразную череду событий в мире, который мы считаем реальным, то испытываем непреодолимое желание проследить между ними некоторую связь, обычно именуемую причинно-следственной. Тенденция к обнаружению причин происходящего, по-видимому, является для человека врожденной и необходимой для его существования. Эта тенденция помогает абсорбировать массу деталей, дрейфующих в потоке ощущений. Она является раствором, который скрепляет сыпучий песок изолированных восприятий в несокрушимое здание. В отсутствие этой тенденции мы были бы бессильны предвидеть последовательность явлений и приспособиться к ней. Были бы сбиты с толку кажущимся беспорядком и хаосом всего сущего, должны были метаться по морю без руля, блуждать в бесконечном лабиринте без подсказки, не находя выхода из него, или, проще говоря, не имея возможности избежать ни одной из опасностей, которые грозят нам на каждом шагу, мы неизбежно должны были бы погибнуть. Соответственно, склонность к поиску причин характерна для человека во все эпохи и на всех уровнях культуры, хотя, несомненно, в цивилизованных сообществах она развита гораздо сильнее, чем в дикарских. У дикарей она более или менее бессознательна и инстинктивна, у цивилизованных людей она сознательно культивируется и вознаграждается, по крайней мере, аплодисментами окружающих или, едва ли не более значимым вознаграждением, – образованностью. Действительно, по мере развития цивилизации выяснение причин поглощает все больше и больше интеллектуальной энергии народа, и все большее число людей, отказавшись от суеты, удовольствий и амбиций активной жизни, посвящает себя исключительно поиску абстрактной истины, ставит перед собой задачу выявить причины вещей, проследить закономерность и порядок, которые, как можно предположить, лежат в основе кажущейся нерегулярной, запутанной и произвольной последовательности явлений. Несомненно, своим прогрессом цивилизация во многом обязана неустанным усилиям таких людей, и если в последние годы и на нашей памяти темпы прогресса заметно ускорились, то, возможно, мы не ошибемся, предположив, что по

крайней мере часть этого ускорения объясняется увеличением числа ученых.

Анализируя концепцию причинности всего сущего, мы неизменно приходим к идее, которую некоторое время назад выделил Юм, а именно к идее неизменной последовательности. Когда мы говорим, что нечто является причиной чего-то, то на самом деле имеем в виду лишь то, что последнее неизменно предшествует первому. Также верно и то, что первое, называемое нами причиной, всякий раз предшествует последнему – следствию. Подобные умозаключения основаны на опыте: наблюдая определенные последовательности событий определенное количество раз, мы приходим к выводу, что эти события так связаны между собой, что последнее не может произойти без ему предшествующего первого. Единичный случай, когда два события следуют друг за другом, сам по себе не может свидетельствовать о том, что одно событие является причиной другого, поскольку в сознании необходимая связь между ними отсутствует. Последовательность должна повторяться более или менее часто, прежде чем мы сможем сделать вывод о причинной связи между двумя событиями. Этот вывод основывается на ассоциации идей, которая устанавливается в нашем сознании в результате продолжительного наблюдения за событиями или явлениями. Как только идеи прочно ассоциируются друг с другом, мы говорим, что события, обусловленные этими идеями, находятся друг с другом в отношениях причины и следствия. Иными словами, понятие причинности – это лишь один из частных случаев ассоциации идей. Таким образом, все рассуждения о причинах предполагают предшествующее наблюдение: мы рассуждаем от наблюдаемого к ненаблюдаемому, от известного к неизвестному, и чем шире диапазон наших наблюдений и знаний, тем больше вероятность того, что наши рассуждения окажутся верными.

Все это в равной степени относится как к дикарю, так и к цивилизованному человеку. Он тоже рассуждает и, более того, может рассуждать, опираясь на опыт, от известного к неизвестному, от наблюдаемого к гипотетическому. Но диапазон его опыта сравнительно узок, и, соответственно, выводы, которые он делает на его основе, цивилизованным людям, обладающим более обширными знаниями, часто кажутся явно ложными и абсурдными. В наибольшей степени это относится к наблюдению за природой. Хотя он часто знает

многое о тех природных объектах, будь то животные, растения или неодушевленные предметы, от которых непосредственно зависит его пропитание, территория страны, с которой он знаком, обычно невелика, и у него практически нет возможности скорректировать выводы, которые он делает на основе своих наблюдений, путем сравнения с другими частями света. Но если он мало знает о внешнем мире, то он обязательно несколько лучше знаком со своей внутренней жизнью, со своими ощущениями и представлениями, эмоциями, аппетитами и желаниями. Поэтому вполне естественно, что, пытаясь выяснить причины событий во внешнем мире, он, опираясь на опыт, должен представить, что эти события порождаются действиями невидимых существ, подобных ему самому, которые за завесой природы дергают за ниточки, приводящие в движение огромные механизмы. Например, он знает на собственном опыте, что может высечь искру, ударив два кремня друг о друга. Что может быть естественнее, чем представить, что огромные искры, которые мы называем молнией, создаются таким же образом кем-то сверху, и что, обнаружив на земле обломок кремня, он должен принять его за громовой камень, сброшенный создателем грома и молнии с облаков? Таким образом, исходя из своего ограниченного опыта, первобытный человек создает духов или богов по своему подобию, чтобы объяснить череду явлений в природе, истинные причины которых ему неизвестны. Иными словами, он одушевляет эти явления как могущественных антропоморфных духов и, считая себя в той или иной степени зависимым от их доброй воли, добивается их расположения молитвами и жертвоприношениями. Такая персонификация различных сторон природы является одним из источников политеизма. Подобные духи и боги могут быть названы духами и богами природы, чтобы отличить их от богов-людей, под которыми я понимаю мужчин и женщин, которые, по мнению их последователей, «вдохновлены» или одержимы божественным духом.

С течением времени люди все больше узнают о природе, и политеизм как способ объяснения мира их уже не устраивает. Они постепенно отказываются от него. На смену богам приходят абстрактные идеи эфиров, атомов, молекул и т. п., которые, хотя и столь же неосвязаемы для человеческих чувств как и их божественные предшественники, по мнению просвещенной части человечества, тем

не менее справляются со своими обязанностями с большим успехом. Таким образом, лишившись пантеона божеств, Вселенная представляется теперь абсолютно безмолвной и бесцветной пустыней. Смех друзей, гармонии музыки, стук дождя, рокот океана, серебряный блеск луны, розовые закаты, свежесть летнего леса, охристые оттенки осени – все это существует только в нашем сознании. Мир, воспринимаемый нами, – это одна большая иллюзия: если дать волю фантазии, можно было бы назвать его миражом, колдовством неведомого чародея, устроенным, чтобы сбить с толку невежественное человечество. За пределами нас самих со всех сторон простирается бесконечное пространство без звука, без света, без цвета, одиночество, пронизанное во всех направлениях лишь невообразимо сложной паутиной безмолвных и безличных сил. Такова, если наше понимание верно, общая концепция мира, которую современная наука замещает политеизмом.

Когда философия и наука общими усилиями сместили богов и богинь с их пьедесталов, следовало бы ожидать, что божества больше не понадобятся. Впрочем, эти ожидания не оправдались. Хотя ряд философов-атеистов полагает, что гипотеза божества как демиурга и хранителя Вселенной совершенно ошибочна, в целом эти они оказываются в меньшинстве. Общее мнение современных интеллектуальных элит: хотя в различных областях природы господствуют материальные силы, Вселенная была создана и продолжает существовать благодаря энергии, которую мы называем Богом. Таким образом, в Европе и в странах, ею колонизированных, центральная проблема естественного богословия сводится сегодня к вопросу: «Един ли Бог?» Однако этот вопрос скорее риторический, и мы признаем, что не способны на него ответить.

Предположим, что вышепредставленный беглый очерк истории богословия близок к истине, следовательно, человек исключительно с помощью своих естественных способностей, без помощи откровения, достиг понимания концепции Бога одним из двух способов: либо размышляя над устройством собственного разума, либо наблюдая за процессами природы. Иными словами, внутренний опыт и внешний опыт вели его разными путями к одной и той же цели. Так или иначе концепция Бога регулярно используется для объяснения причинно-следственной связи вещей, будь то идеи и эмоции самого человека или

изменения в окружающем его физическом мире. В свою очередь, Бог всегда играет роль причины; именно настоятельная потребность проследить причины событий побудила человека открыть или изобрести божество или божества. Таким образом, все причины можно разделить на две части в зависимости от того, воспринимаются они органами чувств или нет. Например, когда мы видим удар кия по бильярдному шару, за которым сразу же следует движение шара, мы считаем, что удар является причиной движения шара. В подобном случае мы явственно видим как причину, так и следствие. Но когда мы видим, как яблоко падает с дерева на землю, мы считаем, что причиной падения является сила тяготения, действующая со стороны большей массы Земли на меньшую массу яблока. В этом случае, хотя мы и воспринимаем следствие, мы не воспринимаем причину, а лишь догадываемся о ней путем рассуждений на основе полученных знаний. Подобные причины можно было бы назвать инференциальными, или гипотетическими, чтобы отличить их от непосредственно воспринимаемых. Из этих двух разновидностей причин божество в целом, если не во всем, относится к инференциальным, или гипотетическим, причинам, поскольку, как правило, его существование не воспринимается нашими органами чувств, а умозаключается разумом. Сказать, что он никогда не являлся людям в видимой и осязаемой форме, значит не ответить на вопрос; это значит сделать утверждение, которое невозможно доказать и которому противоречит множество противоположных утверждений, зафиксированных в преданиях или священных книгах многих народов. Таким образом, Бог является чисто умозрительной, или гипотетической причиной; к нему можно обращаться для объяснения либо наших собственных мыслей и чувств, импульсов и эмоций, либо процессов и явлений природы. Также концепция божественной природы порождает различные типы благочестия. Человеку, который ощущает на себе перст Божий, божество представляется гораздо более близким, чем тому, кто делает вывод о существовании Бога исключительно на основании удивительного порядка вещей, гармонии и красоты природы. Нам не приходится удивляться, что идущая от сердца вера первого отличается бóльшим фанатизмом, чем спокойная и рациональная вера второго. Можно предположить, что благочестие большинства великих реформаторов относилось скорее к первому, чем ко второму типу;

иными словами, они верили в Бога, потому что чувствовали или полагали, что чувствуют, Его в их собственных сердцах, а не потому что наблюдали в гармонии природы творение божественного мастера.

LXXXV. Век магии

Если в наиболее примитивных сообществах, известных нам в настоящее время, магия явно присутствует, а религия явно отсутствует, то не можем ли мы с полным основанием предположить, что цивилизованные расы в определенный период своей истории также прошли через аналогичную интеллектуальную фазу? А также что они пытались заставить силы природы исполнять их желания, прежде чем задумались о том, чтобы заручиться их благосклонностью с помощью подношений и молитв? Не логично ли допустить, что как в материальной стороне человеческой культуры повсюду был каменный век, так и в интеллектуальной стороне был век магии? Есть основания ответить на этот вопрос утвердительно. Рассматривая существующие народы от Гренландии до Огненной Земли или от Шотландии до Сингапура, мы замечаем, что они отличаются друг от друга большим разнообразием религий и верований. Эти различия пронизывают город, деревню и даже семью. Кажется, религиозными разногласиями проникнуты общества во всем мире. Однако подобные разногласия интересуют лишь наиболее образованные слои общества, а под ними мы обнаруживаем прочный пласт интеллектуального согласия между слабыми, невежественными и суеверными людьми, составляющими, к сожалению, большую часть человечества. Одним из величайших достижений XIX века было то, что в разных частях света удалось этот пласт обнаружить и определить. В Европе или в самом сердце австралийской пустыни – он есть везде. Эта универсальная вера, это истинно католическое^[94] вероучение – вера в действенность магии. Если религиозные системы различаются не только в разных странах, но и в одной и той же стране в различные эпохи, то система симпатической магии везде и во все времена остается практически одинаковой по своим принципам и практике. Среди необразованных и суеверных слоев населения современной Европы она схожа с той, что тысячи лет назад процветала в Египте и Индии, и с той, что сейчас мы можем встретить у самых отсталых сообществ в самых отдаленных

уголках планеты. Если бы основным критерием истины являлось количество ее последователей, то магия могла бы с гораздо большим основанием, чем католическая церковь, апеллировать к постулату *quod semper, quod ubique, quod ab omnibus* как к надежному и несомненному удостоверению собственной непогрешимости.

В наши задачи не входит рассмотрение вопроса о том, какое влияние на будущее человечества оказывает ограниченность некоторых слоев населения, которые не способны замечать изменения в религии и культуре. Беспристрастный наблюдатель едва ли может расценить существование подобных слоев населения иначе, как постоянную угрозу цивилизации. Кажется, что мы ходим по дну вулкана, который в любой момент может быть разбужен дремлющими подземными силами. Время от времени о том, что происходит у нас под ногами, говорит то гулкий рокот под землей, то внезапный выброс пламени в воздух. Время от времени цивилизованный мир поражается газетному сообщению, повествующему о том, как в Шотландии нашли изображение, утыканное булавами с целью убийства несносного лорда или министра, как в Ирландии медленно зажарили до смерти ведьму или как в России убили и расчленили девушку для изготовления свечей из человеческого сала, при свете которых воры надеялись вести свой полночный промысел. Возобладают ли в обществе убеждения, способствующие дальнейшему прогрессу, или одержат верх то, что грозит свести на нет уже достигнутое? Подобные вопросы скорее актуальны для философов или государственных деятелей, чем для скромного исследователя настоящего и прошлого. В данном случае нас интересует лишь вопрос, в какой степени универсальность магических представлений по сравнению с бесконечным разнообразием религиозных верований позволяет предположить, что магия представляет собой более грубую и раннюю фазу человеческой мысли, через которую прошли или проходят все народы на пути к религии и науке.

LXXXVI. Принципы магии

Если проанализировать принципы мышления, на которых зиждется магия, то, вероятно, окажется, что они сводятся к двум идеям. Во-первых, подобное порождает подобное, или следствие

напоминает причину этого самого следствия. Во-вторых, вещи, которые когда-то были друг с другом связаны, продолжают действовать друг на друга на расстоянии после разрыва физического контакта. Первый принцип можно назвать законом подобия, второй – законом соприкосновения, или заражения. Из первого из этих принципов, а именно из закона подобия, маг делает вывод, что может произвести любое желаемое воздействие, просто имитируя определенное действие. Из второго, что все, что он сделает с материальным объектом, одинаково повлияет на человека, с которым этот объект когда-то соприкасался, независимо от того, был он частью его тела или нет. Действия мага, основанные на законе подобия, можно назвать гомеопатической, или имитационной магией. Действия, основанные на законе соприкосновения, или заражения, можно назвать контагиозной магией. Для обозначения первой из этих ветвей магии термин «гомеопатическая», пожалуй, предпочтительнее, поскольку альтернативный термин «имитационная», или «миметическая» предполагает наличие сознательного действующего лица, что сужает область применения магии. Ведь те же принципы, которые маг применяет в своем искусстве, по его убеждению, регулируют процессы неживой природы. Иными словами, маг предполагает, что законы соприкосновения имеют универсальное применение и не ограничиваются человеческими действиями. Таким образом, магия – это не только ложная система естественных законов, но и ошибочное руководство к действию, это одновременно ложная наука и безрезультатное искусство. Если рассматривать ее как систему природных законов, то есть как изложение правил, определяющих последовательность событий в мире, ее можно назвать теоретической. Если рассматривать ее как набор предписаний, которые человек соблюдает для достижения своих целей, ее можно назвать практической. При этом следует иметь в виду, что первобытный маг знает магию только с ее практической стороны. Он никогда не анализирует психические процессы, на которых основана его практика, не задумывается над абстрактными принципами, заложенными в его действиях. Логика у него, как и у подавляющего большинства людей, не явная: он рассуждает так же, как переваривает пищу, решительно не понимая интеллектуальных и физиологических процессов, необходимых как для одной, так и для другой операции.

Короче говоря, для него магия – это всегда искусство, а не наука; сама идея науки отсутствует в его сознании. Именно ученый-философ должен проследить ход мыслей, который лежит в основе практики мага, распутать нити, из которых состоит запутанный клубок и отделить абстрактные принципы от их конкретного применения, словом, разглядеть за мнимым искусством ложную науку.

Если наше рассуждение о логике мага верно, то два ее принципа оказываются всего лишь двумя различными видами злоупотребления связью идей. Гомеопатическая магия основана на объединении идей по сходству, а контагиозная – по их смежности. Гомеопатическая магия ошибается, предполагая, что вещи, похожие друг на друга, одинаковы, а контагиозная магия идет по ложному пути, предполагая, что вещи, которые однажды соприкасались друг с другом, соприкасаются всегда. Однако на практике эти два направления часто совмещаются. Вернее, если гомеопатическая, или имитационная магия может практиковаться сама по себе, то контагиозная магия, как правило, предполагает применение гомеопатического или имитационного принципа. В общем виде эти два понятия могут быть несколько сложны для понимания, но они легко становятся понятными, если их пояснить конкретными примерами. Оба направления мысли на самом деле чрезвычайно просты. Иначе и быть не могло, ведь они знакомы в конкретном, хотя и не абстрактном виде, интеллекту не только дикаря, но и невежественных людей по всему миру. Обе ветви магии, гомеопатическую и контагиозную, удобно объединить под общим названием симпатической магии, поскольку обе предполагают, что вещи действуют друг на друга на расстоянии посредством тайного тяготения, причем импульс передается от одной к другой посредством того, что мы можем представить себе как некий невидимый эфир, не отличающийся от того, который постулируется современной наукой с точно такой же целью, а именно, чтобы объяснить, как вещи могут физически воздействовать друг на друга через пространство, которое кажется пустым.

Итак, можно распределить ветви магии по законам мышления следующим образом. Симпатическая магия (закон симпатии) делится на гомеопатическую магию (закон подобия) и контагиозную магию (закон соприкосновения).

LXXXVII. Отрицательная магия

Система симпатической магии состоит не только из положительных предписаний, но и из большого количества предписаний отрицательных, то есть запретов. Она предписывает не столько то, что делать необходимо, сколько то, что делать запрещено. Положительные предписания – это заклинания, а отрицательные – табу. По сути, вся доктрина табу, или, во всяком случае, значительная ее часть, представляется лишь особым применением симпатической магии с ее двумя великими законами – сходства и контакта. Хотя эти законы, разумеется, не формулируются в таких словах и даже не представляются дикарю в абстрактном виде, тем не менее он негласно полагает, что они регулируют ход природы совершенно независимо от воли человека. Он считает, что если он действует определенным образом, то в силу тех или иных законов неизбежно наступят определенные последствия. Если последствия какого-либо действия кажутся ему опасными, то он, естественно, старается не действовать так, чтобы не навлечь на себя эти последствия. Иными словами, он воздерживается от действий, которые, в соответствии с его ошибочными представлениями о причине и следствии могут нанести ему вред. Таким образом, он сам накладывает на себя табу. Табу – апофатическое применение практической магии. Положительная магия, или колдовство, говорит: «Сделай это, чтобы произошло то-то и то-то». Отрицательная магия или табу говорит: «Не делай этого, чтобы не случилось того-то и того-то». Цель положительной магии, или колдовства – произвести желаемое событие, цель отрицательной магии, или табу – избежать нежелательного. Но последствия, желаемое и нежелательное, должны наступать в соответствии с законами подобия и контакта. И так же, как желаемое последствие не достигается в действительности при соблюдении магического обряда, так и нежелательное последствие не возникает в действительности при нарушении табу. Если бы предполагаемое зло неизбежно наступало за нарушением табу, то табу было бы не табу, а предписанием морали или здравого смысла. Сказать: «Не суй руку в огонь» – это не табу, а правило здравого смысла, поскольку запретное действие влечет за собой реальное, а не воображаемое зло. Иными словами, те отрицательные предписания, которые мы обозначаем как табу, столь

же тщетны и бесполезны, как и те позитивные предписания, которые мы называем колдовством. Эти две вещи – всего лишь противоположные стороны или полюса одного большого катастрофического заблуждения, ошибочного представления о связи идей. В этом заблуждении колдовство является положительным, а табу – отрицательным полюсом. Если под общим названием «магия» понимать всю ошибочную систему, как теоретическую, так и практическую, то табу можно определить как отрицательную сторону практической магии. Таким образом, магия может быть теоретической (магия как лженаука) или практической (магия как псевдоискусство). Практическая магия может быть положительной (колдовство) или отрицательной (табу).

LXXXVIII. Магическая телепатия

Каковы бы ни были сомнения науки в возможности взаимодействия на расстоянии, у магии их нет. Вера в телепатию – один из ее основных принципов. Современному адепту теории воздействия разума на разум на расстоянии не составило бы труда убедить в этом дикаря. Дикарь давно поверил в это, и, более того, он действовал в соответствии со своей верой с такой логической последовательностью, какую, насколько мне кажется, его цивилизованный собрат по вере проявить не способен. Ведь дикарь убежден не только в том, что магические обряды влияют на людей и вещи, находящиеся на большом расстоянии, но и в том, что простые события повседневной жизни также могут оказывать подобное влияние. Поэтому в определенных случаях поведение друзей и родственников, находящихся на расстоянии, часто регулируется более или менее сложным сводом правил, пренебрежение которыми со стороны одного человека, как предполагается, повлечет за собой несчастье или даже смерть того, кто сейчас не рядом. В частности, когда группа мужчин отправляется на охоту или на войну, от их родственников, находящихся дома, часто требуется совершить определенные действия или воздержаться от их совершения, чтобы обеспечить безопасность и успех охотников или воинов.

LXXXIX. Запрет изображений у евреев^[95]

Можно предположить, что использование изображений магами для того, чтобы заставить изображенных на них существ, будь то животные, люди или боги, исполнять их волю, было реальной практикой, которую имел в виду еврейский пророк, когда излагал заповедь: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им...» Теория Ренана о том, что эта заповедь имеет под собой не более глубокое основание, чем нежелание племени кочевников-скотоводов обременять себя и своих животных бесполезным грузом идолов или божков во время скитаний, едва ли может служить достаточным объяснением. Зачем столь церемонно запрещать людям делать то, от чего они могли бы отказаться из соображений личного комфорта и удобства? С другой стороны, в древности маги действительно верили, что с помощью магических изображений, обрядов и заклинаний они могут заставить богов повиноваться им. В Древнем Египте, например, эта вера не оставалась простой теологической догмой, она логично осуществлялась на практике с целью отобрать у божества блага, которые оно могло дать только по принуждению. Эти темные искусства могущественных соседей, несомненно, были знакомы евреям и нашли у них немало подражателей. Но для умов глубоко религиозных, проникнутых глубоким чувством божественного величия и благости, эти попытки взять небо штурмом должны были казаться чистейшим богохульством и нарушением благочестия, и не приходится удивляться, что строгий запрет на подобные действия занял видное место в самом раннем древнееврейском кодексе.

XC. Рост числа магов

В первобытном обществе, где господствует единообразие занятий, а разделение общества на различные классы работников еще не началось, каждый человек в большей или меньшей степени сам себе маг. Он применяет чары и заклинания для своего блага и во вред врагам. Шаг вперед был сделан тогда, когда был учреждено

специальное сословие магов. Когда, другими словами, несколько человек были определены, чтобы приносить пользу всему обществу своим мастерством, будь то лечение болезней, предсказание будущего, управление погодой или любая другая общественно-полезная деятельность. Средства, используемые большинством из этих практиков для достижения своих целей, не должны ослеплять нас в отношении огромного значения самой институции. Перед нами группа людей, избавленных, по крайней мере, на высших стадиях первобытного общества, от необходимости зарабатывать средства к существованию тяжелым ручным трудом. Наоборот, им позволялось заниматься исследованием тайн природы. Их миссия заключалась в том, чтобы знать больше своих собратьев, узнавать все, что может помочь человеку в его нелегкой борьбе с природой, все, что может облегчить его страдания и продлить жизнь. Свойства снадобий и минералов, причины дождя и засухи, грома и молнии, смена времен года, фазы Луны, движение звезд, тайна жизни и тайна смерти... Все это, должно быть, вызывало удивление первых исследователей и заставляло искать решения тех задач, которые, несомненно, часто ставились перед ними в самой практической форме настойчивыми просителями, ожидавшими от них не столько изучения природы, сколько регулирования ее процессов на благо человека. Конечно, первые выстрелы в цель не попали, теории оказались ошибочными, однако бесконечное движение к истине заключается в постоянном формировании и проверке гипотез, принятии тех из них, которые на данный момент кажутся соответствующими фактам, и отсеивании остальных. Взгляды первобытного мага на естественную причинность, несомненно, кажутся нам абсурдными, но в свое время они были вполне естественными, хотя и не выдержали дальнейшей проверки временем. Высмеивать и порицать следует не тех, кто создавал подобные теории, а тех, кто упорно придерживался их после того, как были предложены лучшие. Разумеется, ни у кого не было больших стимулов искать истину, чем у первых магов. Сохранение хотя бы видимости обладания тайными знаниями было для них совершенно необходимо; одна ошибка могла стоить им жизни. Это, несомненно, заставляло их заниматься обманом, чтобы скрыть свое невежество в некоторых вопросах, но в то же время давало мощнейший стимул для замены мнимого знания подлинным, поскольку, если кто-либо хочет

казаться знающим истину, лучший способ – это знать ее на самом деле. Таким образом, как бы справедливо мы ни осуждали экстравагантные гипотезы магов и то, что они вводили других людей в заблуждение, нельзя не отметить, что их сословие принесло человечеству неизмеримое благо. Они были прямыми предшественниками не только современных врачей и хирургов, но и исследователей и первооткрывателей во всех областях естественных наук. Они начали труд, который в последующие века был доведен их преемниками до невероятных результатов. Разумеется, начальная стадия этого процесса была не лишена явных ошибок, однако это следует отнести скорее на счет неизбежных трудностей, стоящих на пути познания, чем на счет природной неспособности или преднамеренного мошенничества самих магов.

ХСІ. Развитие мага

На этом мы закончили рассмотрение общих принципов симпатической магии. Приведенные нами примеры были взяты в основном из так называемой частной магии, то есть из обрядов и заклинаний, совершаемых для пользы отдельных людей или во вред отдельным людям. Но в обществе дикарей обычно встречается и то, что мы можем назвать общественной магией, то есть магией, осуществляемой на благо всего сообщества. Там, где подобные обряды совершаются ради общего блага, очевидно, что маг перестает быть просто частным практиком и становится в какой-то степени общественным функционером. Развитие такого сословия должностных лиц имеет огромное значение как для политической, так и для религиозной эволюции. Ведь когда от исполнения магических обрядов зависит благополучие племени, маг становится крайне влиятельным и авторитетным представителем этого племени. Он может легко обрести власть авторитет уровня вождя или царя. Эта профессия привлекает в свои ряды самых способных и честолюбивых людей племени, поскольку открывает перед ними такие перспективы богатства и власти, какие вряд ли бы они отыскали в любой другой области. Умные люди понимают, как легко обмануть своего более невежественного собрата и сыграть на его суевериях в своих интересах. Не то чтобы колдун всегда был плутом и самозванцем, он

часто был искренне убежден, что действительно обладает теми чудесными способностями, которые ему приписывает легкое окружение. Но чем проницательнее человек, тем лучше он видит маску, которую навязывают ему окружающие. Вот почему наиболее способные представители профессии должны быть в той или иной степени сознательными обманщиками, и именно такие люди в силу своих способностей, как правило, завоевывают для себя самые высокие должности и достигают большего авторитета. Ловушек на пути профессионального колдуна много, и, как правило, только человек с холодной головой и острым умом сможет благополучно их обойти. Так, все утверждения, тезисы и теории, выдвигаемые магом, ложны, ни одна из них не может быть осуществлена без сознательного или непреднамеренного обмана. Поэтому маг, искренне верящий в свои выдающиеся способности, в отличие от обыкновенного авантюриста, подвергается гораздо большему риску и с куда большей вероятностью будет вынужден свое восхождение прервать. Честный маг ждет, что его чары и заклинания дадут предполагаемый эффект, и когда они не срабатывают, у него, в отличие от более коварного коллеги, нет готового благовидного объяснения причин неудачи, и, прежде чем он успеет его найти, разочарованные и разгневанные заказчики услуг уже вынесут ему незавидный приговор.

В результате на данном этапе общественно-социальной эволюции все ветви власти, как правило, оказываются в руках людей наиболее умных и одновременно беспринципных. Если бы мы могли сравнить вред, который они наносят обществу своими нездоровыми амбициями, и пользу, которую они приносят за счет уровня своего интеллекта, оказалось бы, что благо значительно перевешивает зло. Честные дураки, занимающие высокие посты, принесли миру, пожалуй, больше бед, чем умные негодяи. Когда проницательный мошенник уже удовлетворил свое честолюбие и перестал преследовать корыстные цели, он может, и часто так и поступает, обратить свои таланты и свой опыт на службу обществу. Многие люди, которые были наименее деликатны в поисках путей к власти, оказывались наиболее полезными в ее использовании, независимо от того, к чему они изначально стремились (богатство, политическое величие или что-либо еще). В сфере политики хитрый интриган или безжалостный воин может оказаться мудрым и великодушным правителем, которого

благословляют при жизни и оплакивают после смерти. Если вспомнить два наиболее ярких примера, то это были Юлий Цезарь и Октавиан Август. Ну, а дурак всегда остается дураком, и чем больше власти в его руках, тем губительнее будет ее применение. Самый тяжелый момент в истории Англии – разрыв с Америкой – мог бы и не произойти, не будь Георг Третий честным дураком.

Так или иначе, занятие общественной магией, как важная для общества профессия, влияло на устройство первобытного общества. Общество стремилось передать управление делами в руки наиболее способного человека: оно смещало баланс власти от многих к одному, от демократии к монархии, а скорее к власти группы старейшин, форме олигархии, поскольку в целом первобытная община управляется не всем взрослым мужским населением, а советом старейшин. Это изменение, какими бы причинами оно ни было вызвано и каков бы ни был склад ума первых правителей, в целом было очень благоприятным. Ведь возникновение монархии, по-видимому, является необходимым условием выхода человечества из первобытного строя. Никто так не скован обычаями и традициями так, как исповедующий демократию дикарь; и ни один другой политический строй общества так не тормозит прогресс. Препятствие представление о том, что дикарь – самый свободный из людей, не соответствует действительности. Он раб, и его хозяин – прошлое. Он раб духов своих умерших предков, которые преследуют его от рождения до смерти. То, что они делали, является образцом правильного поведения, неписанным законом, которому он слепо и беспрекословно повинует. Таким образом, талантливым людям предоставляется лишь минимальная возможность изменить старые обычаи к лучшему. Самого способного человека тянет вниз самый слабый и глупый, поскольку сам подняться не может. В таком обществе есть видимость равенства, однако это равенство мнимое, ложное – оно не способствует развитию общества. Из подобного периода застоя, который некоторые философы подчас неправильно принимают за золотой век человечества, был найден выход. Все, что способствует развитию общества, открывая дорогу выдающимся личностям, заслуживает одобрения тех, кто заботится об истинном благе своих собратьев. Как только талантливые люди начинают действовать, прогресс цивилизации набирает темп. Приход

выдающегося человека к власти позволяет ему за одну свою жизнь осуществить такие изменения, на которые раньше потребовалось бы несколько веков, и, если, как это часто случается, он обладает высоким интеллектом и сильной волей, он с готовностью воспользуется данной возможностью. Даже личные корыстные интересы тирана могут оказаться полезными для того, чтобы разорвать порочную цепь традиции обычаев, сковывающую обычного дикаря. И как только племя перестает подчиняться разобщенному совету старейшин и переходит под руководство одного сильного и решительного лидера, оно становится опасным для своих соседей и вступает на путь территориальной экспансии, которая на ранней стадии истории часто бывает весьма благоприятной для социального, экономического и интеллектуального прогресса. Расширяя область влияния, частично грубой силой, частично более мягкими методами, община вскоре приобретает богатство и рабов, которые, освобождая некоторые классы общества от физического труда и борьбы за пропитание, дают им возможность посвятить себя бескорыстному стремлению к знаниям, являющимся самым благородным и мощным инструментом улучшения положения человека на земле.

Интеллектуальный прогресс, проявляющийся в развитии искусства и науки, в распространении более либеральных взглядов, невозможно отделить от промышленного или экономического прогресса, который, в свою очередь, получает импульс от завоеваний. Неслучайно самые бурные всплески человеческой деятельности следовали за победами в завоеваниях, а великие народы завоевателей обычно больше всего способствовали росту и распространению цивилизации. Вавилоняне, греки, римляне, арабы – подобных примеров множество. Возможно, мы еще доживем до того момента, когда увидим подобный подъем в Японии. Неслучайно все шаги на пути к цивилизации были сделаны при деспотических и теократических режимах в таких державах, как Египет, Ассирия, Перу. Здесь верховный правитель требовал и получал рабскую преданность своих подданных, выступая в двойном качестве – царя и воплощения бога. Не лишним будет напомнить, что в эту эпоху деспотизм – лучший друг человечества и, как это ни парадоксально звучит, свободы. Ведь свобода слова и мысли лучше всего проявляется в абсолютной деспотии, самой жестокой тирании, чем при кажущейся

свободе дикарской жизни, где жребий человека с колыбели до могилы предопределен рамками наследственного обычая.

Таким образом, если занятие общественной магией было одним из путей, по которым самые способные шли к власти, то оно же способствовало освобождению человечества от пут традиций. Это отнюдь не малая заслуга перед человечеством. А если вспомнить, что магия также проложила дорогу науке, придется признать: это искусство принесло много зла, однако оно же стало источником развития прочих уже подлинных искусств; оно – дитя заблуждения, но оно же – мать свободы и истины.

ХСII. Подлинные правители человечества ^[96]

Если спросить, как получилось, что суеверия сохранились у народа, в целом достигшего более высокого уровня культуры, то ответ следует искать в естественном, всеобщем и неизбежном неравенстве людей. Не только различные народы отличаются друг от друга по уровню интеллекта, мужества, трудолюбия и т. д., но и внутри одной нации представители одного поколения сильно различаются по врожденным способностям и достоинствам. Идея о природном равенстве людей – самая лживая и вредная из всех возможных. Верно, что законодатель должен относиться к людям так, как будто они равны, поскольку законы носят общий характер и не могут быть составлены таким образом, чтобы соответствовать бесконечному разнообразию индивидуальных случаев. Но не следует думать, что раз люди равны перед законом, то они равны друг другу по своей сути. Реальная жизнь в достаточной мере опровергает подобные фантазии. В школе и в университете, на работе и в отпуске, в мирное время и на войне интеллектуальное и моральное неравенство людей слишком бросается в глаза, чтобы его можно было игнорировать или оспаривать. В целом люди, обладающие острым умом и сильным характером, ведут за собой остальных и совершенствуют формы, в которых отливается общество. Поскольку таких людей по сравнению с тем множеством, которым они руководят, всегда мало, то даже в тех странах, где власть номинально находится в руках численного большинства, в обществе реально господствует воля просвещенного меньшинства. Трудно скрывать, что управление человеческим обществом всегда и везде по

сути своей аристократично. Никакое жонглирование политической терминологией не поможет обойти этот закон природы. Невежественное большинство в конце концов следует за более интеллектуально развитым меньшинством. В этом его спасение и секрет прогресса. Люди с низким интеллектом оказываются в зависимости от людей с более высоким интеллектом, здесь есть подобие с тем, как интеллект человека дает ему власть над животными. Я не имею в виду, что руководство обществом принадлежит его номинальным правителям, королям, государственным деятелям, законодателям. Истинными правителями являются мыслители, которые обладают ценными знаниями. Человек властвует над остальным животным миром благодаря своему интеллекту, а не силе. Вот и среди самих людей именно интеллект в конечном итоге направляет и контролирует процессы внутри общества. Таким образом, обладатели более высокого интеллекта – это настоящие, хотя и некоронованные и непризнанные, кормчие; монархи, государственные деятели и законодатели – это лишь их представители, которые просто выполняют свою работу, воплощая в жизнь идеи великих умов. Чем больше мы изучаем внутреннюю структуру общества и прогресс цивилизации, тем яснее понимаем, что и общества, и цивилизации управляются идеями, которые, зародившись сначала неизвестно как и где, постепенно распространяются и служат благородному делу прогресса. Происхождение подобных новых идей так же неясно, как и происхождение тех физических мутаций, от которых, если верить биологам, зависит эволюция видов животных, а вместе с ней и возможность прогресса. Возможно, та же неизвестная причина, которая определяет одну группу мутаций, порождает и другую. Мы не можем этого знать наверняка. Единственное, что очевидно, – в любом конфликте побеждает сильнейший. И выживает сильнейший. В интеллектуальной сфере борьба за существование не менее ожесточенная, чем в животном мире. В результате борьбы остаются лишь те идеи, которые мы теперь считаем истинными. Сопrotивление прежних предрассудков, которое они встречают в момент возникновения, может замедлить их окончательный триумф, но ни в коем случае не предотвратить его. Толпа, как правило, сначала забивает камнями своих величайших благодетелей, а затем воздвигает

им бессмысленные памятники. Все, кто ставит перед собой задачу заменить древние заблуждения и суеверия истиной, при жизни получают позор и порицание, а после смерти – грандиозные мраморные надгробия.

ХСIII. Люди, которых почитают богами

В первобытных обществах часто встречаются люди, которым суеверие их собратьев приписывает возможность влиять на общий ход природных процессов. Таких людей, соответственно, почитают богами. Имеют ли подобные люди-боги власть над жизнью и судьбой своих почитателей, или же их функции исключительно духовные, иными словами, являются ли они обожествленными царями или просто царями, – это различие нас почти не касается. Их мнимая божественность – вот тот существенный факт, с которым нам приходится иметь дело. Они являются для своих почитателей залогом и гарантией непрерывной и упорядоченной закономерности тех физических явлений, от которых зависит существование человека. Естественно, что жизнь и здоровье подобного бога-человека вызывает тревогу у людей, чье благополучие и даже просто-напросто существование связано с его физическим благополучием. Разумеется, он вынужден подчиняться тем правилам, которые были придуманы первыми людьми для предотвращения опасностей, которым подвержена плоть, в том числе наиглавнейшей из них – смерти. Эти правила, по сути, не что иное, как максимы, которым, с точки зрения первобытного человека, должен следовать каждый благоразумный человек, если он хочет долго жить. Но если в случае с прочими людьми соблюдение этих правил оставлено на усмотрение их самих, то богочеловек обязан их соблюдать под страхом смерти. Дело в том, что его почитатели слишком сильно заинтересованы в его физическом существовании, чтобы позволить ему рисковать им. Поэтому все причудливые суеверия, старинные сентенции и приметы, которые старухи теперь пересказывают своим внукам зимними вечерами у каминов, – все это образовывало паутину в общественном сознании наших предков и оплетало ею богочеловека. А он, запутавшись в ней, как муха в паучьих тенетах, едва мог пошевелить конечностями, ибо путы обычая, «легкие, как воздух, но прочные, как железо»,

пересекающиеся и перекрещивающиеся в бесконечном лабиринте, сковывали его предписаниями, от которых его могла освободить только смерть или отречение от престола.

Вот почему для историков жизнь древних царей и жрецов полна поучительных моментов. Подобные жизнеописания – идеальный образец, по которому каждый человек стремился строить свою жизнь; безупречная модель, выстроенная по строгим лекалам, сообразным первобытной философии. Какими бы огрубленными и ложными ни казались нам подобные представления, было бы несправедливо отказывать им в логической последовательности. Исходя из представления о жизненной энергии как о душе, физически существующей в организме, но отдельной от него, для практического руководства жизнью выводится система правил, составляющие которых в целом хорошо согласуются между собой и образуют достаточно гармоничное целое. Недостаток (и фатальный) этой системы заключается не в ее аргументации, а в ее предпосылках; не в концепции природы жизни, а в неактуальности выводов, которые делаются из этой концепции. Впрочем, называть эти предпосылки нелепыми было бы не совсем правильно, поскольку нам, в отличие от наших предков, не составит труда обнаружить их ложность.

XCIV. Монаршие обязанности

Будучи обязательной традицией, во многих случаях наследование престола напоминает реальный обычай. Нам, черпающим свои представления о царской власти в наследственных монархиях цивилизованной Европы, мысль о том, что корона может достаться чужеземцу или человеку из народа, кажется фантастической и абсурдной. Однако лишь потому, что мы не понимаем, насколько сильно современный тип царствования отличается от древнего. В древние времена обязанности суверена были более очевидны, чем его привилегии. На определенном этапе развития вождь или царь являлся скорее министром или слугой, чем правителем своего народа. Сакральные функции, которые он должен выполнять, считаются необходимыми для благополучия и даже существования общества, поэтому отыскать того, кто будет их выполнять, было достаточно проблематично. Всевозможные обременения и ограничения, связанные

с царствованием в древности, таковы, что не только в народных сказаниях, но и в реальной практике, чтобы отыскать человека на роль царя, иногда приходилось прибегать к принуждению, а в других случаях из-за отсутствия кандидатов должность оказывалась не востребовавшейся или даже вовсе упразднялась. А в тех обществах, где смерть подстерегала незадачливого монарха в конце его короткого правления, длившегося несколько месяцев или дней, не приходится удивляться, что для поиска новой царственной особы приходилось открывать двери тюрем и выгребать оттуда отбросы общества.

И все же несомненной ошибкой было бы полагать, что при таких обстоятельствах не находились люди, готовые взвалить на себя бремя власти.

ХСV. Обожествление правителей

На определенном этапе развития общества царь или жрец часто считался наделенным сверхъестественными способностями или представлялся собственным подданным воплощением божества. В связи с этим предполагалось, что ход самой природы находится под его контролем и он несет ответственность за плохую погоду, неурожай и прочие бедствия. Считалось, что власть царя над природой, как и над подданными и рабами, осуществляется посредством определенных актов воли. Поэтому в случае засухи, голода, моровой язвы или бури народ винил в подобных несчастьях царя и мог отплатить ему низложением или смертью. Иногда, однако, предполагалось, что эти вещи зависят от воли царя лишь частично. Его личность рассматривалась, если можно так выразиться, как динамический центр Вселенной, от которого во все стороны неба расходились линии, так что любое его движение – поворот головы, поднятие руки мгновенно затрагивало и могло серьезно нарушить равновесие какой-либо части природы. Поэтому необходимо было проявлять максимальную заботу как о нем самом, так и о его жизни; вся его жизнь, вплоть до мельчайших деталей, должна быть так отрегулирована, чтобы ни одно его действие, вольное или невольное, не могло нарушить установленный порядок природы.

ХСVІ. Сходства магии и науки

Симпатическая магия в чистом виде предполагает, что в природе одно событие следует за другим обязательно и неизменно без вмешательства иных сил. Таким образом, ее основание в целом совпадает с концепцией современной науки; в основе всей системы лежит неявная, но реальная и твердая вера в порядок и единообразие природы. Маг не сомневается, что одни и те же причины всегда будут приводить к одним и тем же последствиям, что выполнение соответствующего обряда, сопровождаемое соответствующим заклинанием, неизбежно приведет к желаемому результату, если, конечно, его заклинаниям не помешают более мощные чары другого колдуна. Он не взывает к высшим силам, не просит благосклонности у трансцендентного, не преклоняется ни перед каким божеством. Однако его сила, какой бы великой он сам ни считал ее, отнюдь не безгранична. Он может распоряжаться ею лишь до тех пор, пока строго соблюдает правила своего искусства, так называемые законы природы в его понимании. Пренебрежение этими правилами, малейшее нарушение этих законов влечет за собой неудачу и даже может подвергнуть практикующего мага большой опасности. Если маг и претендует на власть над природой, то это власть строго ограниченная в своих рамках и осуществляемая в точном соответствии с древним обычаем. Таким образом, аналогия между магической и научной концепциями мира очень близкая. И там, и там последовательность событий совершенно закономерна и определена, а также обусловлена законами, действие которых можно предвидеть и точно рассчитать. Иными словами, элементы случайности в эту модель не вписываются. И магия, и наука открывают, казалось бы, безграничные возможности перед тем, кто знает причины вещей и может прикоснуться к пружинам, приводящим в движение огромный и сложный механизм существования Вселенной. Отсюда влияние, которое магия и наука в равной степени оказывают на человеческий разум. И магия, и наука дают человеку мощный стимул стремиться к знаниям. Обе заманивают искателя истины в пустыню разочарований бесконечными миражами и посулами будущего оазиса: они возносят его на вершину высочайшей горы и показывают ему за темными облаками и туманами небесный город, пусть далекий, но сияющий неземным великолепием.

Главный недостаток магии заключается не в общем допущении последовательности событий, определяемой законом, а в полном непонимании природы конкретных законов, которые управляют этой последовательностью. Если мы проанализируем различные случаи применения симпатической магии, то обнаружим, как я уже указывал, что все они представляют собой ошибочное применение того или иного из двух великих фундаментальных законов мышления, а именно: ассоциации идей по сходству и ассоциации идей по смежности в пространстве или времени. Ошибочная ассоциация сходных идей приводит к гомеопатической или имитационной магии, а ошибочная ассоциация смежных идей – к контагиозной магии. Принципы ассоциации сами по себе замечательны и, более того, абсолютно необходимы для работы человеческого разума. При правильном применении они рожают научные концепции, а при неправильном – магию, незаконнорожденную сестру науки. Поэтому тавтологией является утверждение, что всякая магия – это фальсификация истины. Если бы магия утверждала подлинную истину, то это была бы уже не магия, а наука. С древнейших времен человек занимался поиском общих законов и закономерностей, позволяющих обратить порядок природных явлений в свою пользу. В ходе продолжительных поисков он установил некоторое количество законов и последовательностей: истинные (которые составляют свод прикладных наук) мы называем искусствами, а ложные – магией.

XCVII. Обманчивость магии

У читателя может возникнуть резонный вопрос: «Как же так получилось, что разумные люди не распознали всю ложь и ошибочность магии раньше? Как они могли продолжать лелеять надежды, которые раз за разом разбивались? Почему они продолжали играть в игру, результат которой был известен заранее? Зачем бормотали высокопарную чепуху, которая ни к чему не приводила? Зачем цепляться за убеждения, которые опровергаются личным опытом? Зачем повторять эксперименты, которые так часто заканчиваются неудачей?» Ответ, по-видимому, заключается в том, что подобную ложь было не так легко распознать, а отсутствие результата применения магии не было столь очевидным, поскольку во многих,

возможно даже в большинстве, случаях желаемое событие действительно следовало за совершением обряда с большим или меньшим интервалом. Необходимо было обладать неординарным интеллектом, чтобы понять, что и в этих случаях обряд необязательно был причиной события. За обрядом, призванным вызвать ветер, дождь или смерть врага, рано или поздно всегда следовало некое событие, которое первобытный человек рассматривал в качестве прямого результата обряда и лучшего возможного доказательства его эффективности. К примеру, обряды, совершаемые утром для той цели, чтобы помочь солнцу взойти, и весной, чтобы пробудить от зимнего сна спящую землю, неизменно завершаются успехом, по крайней мере, в зонах умеренного климата; ведь в этих регионах солнце каждое утро встает на востоке, и из года в год весной земля вновь покрывается травой. Вот почему практичный первобытный дикарь в своем крайнем консерватизме вполне может оставаться глух к тонкостям теоретических сомнений интеллектуала, который осмелится намекнуть, что восход солнца и наступление весны не являются прямым следствием аккуратного выполнения определенных ежедневных или ежегодных церемоний и что солнце может продолжать восходить, а деревья цвести даже в случае, если эти церемонии время от времени прерываются или даже прекращаются вовсе. Эти сомнения, разумеется, были бы отвергнуты как опасные домыслы, разрушающие суть веры и явно противоречащие опыту. «Разве может быть что-то проще, – рассуждает приверженец традиций, – чем то, что я зажигаю свою копеечную свечу на земле, а солнце затем разжигает большой огонь в небе? Или, когда я весной надеваю свое зеленое одеяние, разве деревья после этого не делают то же самое? Это факты, доступные всем, и на них я опираюсь. Я – простой практик, я из ваших пустозвонов-теоретиков. Теории, домыслы и все подобное – это, может быть, и хорошо, и я не имею ни малейшего возражения против того, чтобы вы предавались им, если, конечно, вы не применяете их на практике. Но позвольте мне придерживаться реальных фактов». Ошибочность этого рассуждения очевидна, поскольку речь идет о фактах, относительно которых мы уже давно определились. Но если аргумент подобного уровня будет применен к вопросам, которые все еще обсуждались... Можно усомниться в том, что английская аудитория не будет аплодировать и

доверять оратору, прибегшему к подобному аргументу. Если подобного толка аргументы актуальны даже сегодня, стоит ли удивляться, что они давным-давно принимались на веру дикарями?

ХСVIII. Магия старше религии

На протяжении долгих веков в разных странах магия сливалась с религией, однако есть все основания полагать, что так не было с самого начала и что было время, когда человек в удовлетворении своих природных потребностей полагался исключительно на магию. Во-первых, рассмотрение фундаментальных понятий магии и религии может склонить нас к предположению, что магия старше религии. Мы видели, что, с одной стороны, магия не что иное, как ошибочное применение самых простых результатов деятельности разума, а именно ассоциации идей в силу сходства или смежности; с другой стороны, религия предполагает, что за кулисами природы действуют сознательные или личностные субъекты, превосходящие человека. Очевидно, что концепция личностных агентов более сложная, чем простое признание сходства или смежности идей; и теория, предполагающая, что ход вещей в природе определяется сознательными субъектами, является более сложной и требует более высокого уровня интеллекта. Даже животные ассоциируют представления о вещах, схожих друг с другом или знакомых им по личному опыту. Едва ли они сумели бы выжить хоть один день, не полагаясь на это. Но разве кто-либо приписывает животным веру в то, что явления природы создаются множеством невидимых животных или одним огромным и чрезвычайно сильным животным, стоящим за кулисами? Вероятно, не будет несправедливостью по отношению к животным предположить, что честь создания теории такого рода должна принадлежать человеческому разуму. Таким образом, если магия выводится непосредственно из элементарных процессов рассуждения и, по сути, является не более чем заблуждением, в которое разум впадает почти произвольно, то религия опирается на представления, постичь которые способен интеллект куда более искушенный. Становится очевидным, что в ходе эволюции нашего вида магия возникла раньше религии, а человек пытался силой заклинаний и чар принудить природу подчиняться себе, но лишь

только потом попытался уговорить и умиротворить хитрую, капризную и раздражительную богиню-природу с помощью молитв и жертвоприношений.

XCIX. От магии к религии

Если эпохе религии, как мы полагаем, во всем мире предшествовала эпоха магии, то вполне естественно, что следует задаться вопросом о том, какие причины заставили человечество, или скорее часть его, отказаться от магии и перейти к религии. Задумавшись о разнообразии фактов, требующих объяснения, а также о недостатке имеющихся в нашем распоряжении сведений, приходится признать, что на полное решение столь глубокой проблемы вряд ли стоит надеяться и что самое большее, что мы можем сделать в таком положении, – это рискнуть выдвинуть более или менее правдоподобное предположение. Поэтому со всей осторожностью я бы предположил, что запоздалое признание магии бесполезной со всех точек зрения заставило наиболее интеллектуально развитую часть человечества искать новые более разумные объяснения явлений природы и, следовательно, лучшие методы использования ресурсов этой самой природы. Более интеллектуально одаренные, по-видимому, со временем поняли, что магические обряды и заклинания на самом деле не дают тех результатов, на которые были рассчитаны. Это открытие неэффективности магии должно было произвести принципиально важный, хотя, возможно, и не самый быстрый и не самый очевидный переворот в сознании человека, который был бы способен это открытие совершить. Именно за счет этого открытия люди впервые осознали свою неспособность манипулировать по своему усмотрению некоторыми природными силами, которые, как они до сих пор считали, полностью были им подвластны. Это было признание человеческого невежества и слабости. Человек осознал, что принял за истинные причины явлений те, что таковыми не были, и что все его усилия повлиять на природу, опираясь на эти мнимые причины, были напрасны. Он дергал за нити, к которым ничего не было привязано; он шел, как ему казалось, прямо к цели, а на самом деле блуждал по кругу. Не в том дело, что, например, дожди, которые он так упорно пытался вызвать, перестали орошать жаждущую землю. Дожди

шли как раньше, но уже вследствие действий самого человека. Солнце по-прежнему совершало свой дневной круг, а Луна – ночной путь по небу; смена времен года по-прежнему происходила; люди по-прежнему рождались для труда и печали и по-прежнему после краткого пребывания здесь отправлялись к праотцам. Все шло своим чередом, но для того человека, с чьих глаз спала пелена, все уже казалось иным. Он больше не мог тешить себя приятной надеждой, что именно он управляет землей и небом и что времена года остановят свой бег, если он перестанет приносить жертвы. В смерти своих врагов и друзей он больше не видел доказательства силы своих или вражеских чар; теперь он знал, что и друзья, и враги покорились силе, превосходящей все его возможности, и подчинились судьбе, которой он бессилён управлять.

Оказавшись в море сомнений и неопределенности, утратив уверенность в себе и своих силах, наш первобытный философ, должно быть, пребывал в глубоком недоумении и волнении, пока не обрел новую гавань. Он обрел новую систему веры и практики, которая, казалось, предлагала решение мучивших его сомнений и решение проблемы суверенитета над природой, от которого он успел было отказаться. Если планета продолжает свой путь без помощи его и его собратьев, то это, несомненно, связано с тем, что существуют другие существа, подобные ему, но гораздо более сильные, которые, сами того не замечая, направляют ход истории и вызывают все те разнообразные события, которые, как он до сих пор считал, зависели от его собственных магических действий. Именно эти существа, как он теперь полагал, а не он сам, заставляли ветер дуть, молнию сверкать и греметь гром, ограничивали беспокойное море берегами, чтобы оно не могло разгуляться, заставляли звезды сиять, давали пищу птицам и диким зверям. Они повелели земле приносить плоды в изобилии, крутым холмам – покрываться лесами, бурлящим ручьям – обтачивать камни, пастбищам – зеленеть у тихих озер; они вдыхали жизнь в человека или, наоборот, подвергали его гибели от голода, недугов и войны. К этим могущественным существам, чей промысел человек теперь прослеживал во всем великолепии и разнообразии природы, он стал обращаться, признавая свою зависимость от их невидимой воли и умоляя их по милости их снабдить его всеми благами, защитить его от опасностей, которыми со всех сторон он был окружен, и, наконец,

перенести его бессмертный дух, освобожденный от бремени тела, в некий более счастливый мир, чуждый боли и печали, где он мог бы навечно упокоиться вместе с душами добрых людей в радости и счастье.

Можно предположить, что именно этим или подобным образом лучшие умы человечества совершили переход от магии к религии. Однако этот переход едва ли проходил быстро и безболезненно; наоборот, он потребовал достаточно долгого времени. Ведь осознание человеком своей неспособности влиять на бытие природы в масштабах планеты должно было происходить постепенно; он не мог в один момент лишиться всего своего воображаемого могущества. Шаг за шагом он принужден был отступать от своей прежней позиции; пядь за пядью уступать землю, которую когда-то считал своей. Ветер, дождь, солнечный свет, гром – он признавал себя неспособным распоряжаться ими по своему усмотрению; и по мере того как одни за другим явления природы выходили из-под его власти, а весь мир, который раньше казался царством человека, не превратился в его тюрьму, человек все глубже проникался чувством собственной беспомощности и все больше преклонялся перед могуществом невидимых существ, которыми он считал себя окруженным. Таким образом, религия, зародившись как частичное признание превосходства некоторых сил над человеком, через определенное время трансформировалась в исповедание полной и абсолютной зависимости человека от божественного; прежняя свобода воли человека сменяется покорностью перед таинственными невидимыми силами, а его высшей добродетелью становится подчинение их воле: *In la sua voluntade è nostra rase*. Но это укоренение религиозного чувства, это подчинение божественной воле во всем, затрагивает только те умы, которые обладают необходимой для этого широтой, достаточной для того, чтобы постичь необъятность Вселенной и ничтожность человека. Скучные умы неспособны постичь великих идей; в их узком понимании нет ничего по-настоящему большого и важного, кроме них самих. Подобные люди с трудом воспринимают религию. Они, правда, существуют во внешнем соответствии с ее заповедями и догматами, но в душе держатся за свои старые магические суеверия, которые можно отрицать и запрещать, но которые не могут быть искоренены религией, пока они глубоко укоренены в умах подавляющего большинства.

С. Зависимость веры в магию от климата ^[97]

Краткое размышление убедит нас, что чем более изменчивы явления природы в течение года, тем, вероятно, настойчивее будет стараться человек регулировать его в своих интересах и тем тверже будет его вера в то, что ему это удастся. Иными словами, чем заметнее смена времен года, тем большее распространение получает магия и вера в ее действенность, хотя, естественно, этой тенденции могут способствовать и другие причины. С другой стороны, если течение природы равномерно или мало изменяется из года в год, человек не захочет непременно изменять это течение с помощью магии (или любым иным способом) в угоду своего благополучия. Человек совершает магические обряды так же, как молится и приносит жертвы, чтобы получить то, чего у него нет; если же он уже обладает всем, что ему нужно, зачем ему так стараться? Именно в периоды бед и потрясений, а отнюдь не изобилия и процветания человек прибегает к магии и религии. Поэтому в некоторых тропических регионах, где царит вечное лето, где влажно, тепло и солнечно, где деревья всегда зеленые, а на ветвях висят плоды, где воды вечно кишат рыбой, а леса изобилуют животными, обряды по вызову дождя и солнца, по размножению съедобных зверей и растений по большей части отсутствуют или малозаметны. Например, мы почти ничего не знаем о подобных обрядах у индейцев, населяющих прекрасные леса Бразилии. Совсем иначе обстоит дело в странах, где короткое лето чередуется с прохладной весной, всегда разной осенью и долгой суровой зимой. В подобных условиях человек просто вынужден прикладывать все свои силы, чтобы выпросить у капризной природы различные блага. Соответственно, можно ожидать, что та отрасль магии, которая направлена на получение жизненно необходимых благ, будет наиболее процветать.

В целом распространенность применения магии для управления погодой будет увеличиваться в регионах с более изменчивым климатом и уменьшаться в более устойчивом климате. При этом ее распространенность будет все более заметна по мере удаления от экватора, где изменения климата в течение года гораздо менее заметны, чем в других местах. Это общее правило, несомненно, имеет множество исключений, зависящих от местных особенностей климата.

Там, где контраст между влажным и сухим сезоном выражен резко, как, например, на пути муссонов, вполне можно прибегнуть к помощи магии, чтобы устранить проблемы, связанные с обильными дождями или засухой. В целом этот вид магии, если бы ему не препятствовало развитие цивилизации или другие причины, естественно, достиг бы наибольшей популярности в умеренных и полярных зонах, а не в экваториальных регионах; с другой стороны, та часть магического искусства, которая имеет дело непосредственно с человеком, например, с лечением болезней, по понятным причинам имеет тенденцию к равномерному распространению по всему земному шару вне зависимости от широт. И те же причины, которые побуждают людей заниматься магией для управления природой, подтверждают их веру в эффективность такого рода магии. Дело в том, что те самые изменения в природе, которые маг стремится вызвать своими заклинаниями, происходят под действием естественных законов сами по себе, и поэтому очевидный успех его усилий значительно укрепляет уверенность чародея в своих воображаемых силах.

Нигде в мире, по-видимому, смена времен года не происходит так внезапно и контрасты между временами года не столь сильны, и, соответственно, нигде кажущийся успех магии не проявляется так ярко, как в пустынях Центральной Австралии. Резкие перемены, происходящие в природе после первых сезонных дождей, даже европейские исследователи сравнивали с волшебством; что же удивляться, что дикарь воспринимает их так, как воспринимает? Трудно даже представить себе контраст между пустынями Австралии в сухой и дождливый сезоны. В сухой сезон пейзаж представляет собой картину полного запустения. Жаркое солнце озаряет каменистые равнины или желтую песчаную почву. На ней разрозненно растут жилистые кустарники и небольшие соцветия травы, так что на любом участке можно по пальцам сосчитать количество этих самых растений. Резкие, тонкие тени от кустарников падают на сухую землю, на которой нет никаких признаков животного мира, кроме маленьких муравейников, тысячи обитателей которых хаотично снуют или складывают листья и семена в определенном порядке у входа в свое жилище. Здесь в течение нескольких недель не бывает облаков днем... Разве что акация дает кое-где скудную тень. Все меняется, когда идут проливные дожди и по недавно пересохшим руслам рек устремляются

потоки, унося с собой вырванные с корнем деревья и огромные селевые массы, затопляя равнинные земли на обоих берегах. Безводная пустыня внезапно превращается в бескрайнее море. Вскоре, однако, дождь прекращается, и наводнение быстро стихает. В течение нескольких дней ручьи пересыхают, и только в глубоких ямах то тут, то там сохраняется вода. Снова печет жаркое солнце, и во влажной земле прорастают семена, дремавшие месяцами, и, как по волшебству, пустыня покрывается пышной травой и пестреет цветами. Там, где еще недавно было сухо и тихо, можно увидеть и услышать птиц, лягушек, ящериц и всевозможных насекомых. И растения, и животные максимально используют то короткое время, в течение которого они могут расти и размножаться; борьба за существование становится еще острее, потому как отведенное ей время строго ограничено. Если молодое растение успеет пустить корни достаточно глубоко, чтобы достичь прохладной почвы под нагретой поверхностью, оно может выжить, если нет – погибнет. Или если молодое животное вырастает достаточно быстро, чтобы успеть зарыться в землю, пока берега водоема, в котором оно живет, еще влажные, у него тоже есть шанс выжить. Именно тогда, когда наступает благоприятный сезон, аборигены этих регионов особенно часто совершают магические обряды, способствующие умножению растений и животных, так как и тех и других они употребляют в пищу. Стоит ли удивляться, что скорое и эффективное исполнение их желаний кажется им убедительным доказательством действенности их собственных заклинаний? Сама природа способствует этому заблуждению.

СІ. Религия и магия времен года

Картины перемен, происходящих на Земле ежегодно, во все века впечатляли людей и заставляли их задумываться о причинах столь масштабных и удивительных преобразований. Их любопытство не было исключительно бескорыстным, ведь даже дикарь не может не понимать, как тесно связана его собственная жизнь с жизнью природы и как те же процессы, которые сковывают льдом ручьи и лишают землю растительности, угрожают ему самому смертью. На определенном этапе развития люди, по-видимому, вообразили, что средства предотвращения грозящей беды находятся в их собственных

руках и что они могут ускорить или замедлить бег времен года с помощью магического искусства. Поэтому они совершали обряды и читали заклинания, чтобы вызвать дождь, солнце, увеличение количества животных и рост плодов. Со временем процесс накопления знаний, развеявший столько иллюзий, убедил, по крайней мере, более вдумчивую часть человечества в том, что смена лета и зимы, весны и осени – не результат их магических обрядов, но результат действия неких более глубоких причин, неких могущественных сил, стоящих за сменой картин природы. Теперь они представляли себе рост и увядание растительности, рождение и смерть живых организмов как следствие увеличения или уменьшения силы божественных существ, богов и богинь, которые рождались и умирали, женились и рожали детей по образцу человеческой жизни.

Таким образом, старая магическая теория времен года была вытеснена, а точнее, дополнена религиозной теорией. И хотя теперь люди связывали годовой цикл перемен прежде всего с соответствующими изменениями в жизни своих божеств, они по-прежнему считали, что, совершая определенные магические обряды, могут помочь богу, жизненному началу, в его противостоянии смерти. Они представляли, что могут восстановить его иссякающие силы и даже воскресить из мертвых. Церемонии, которые они проводили с этой целью, были, по сути, визуализацией естественных процессов, которым они хотели способствовать, ведь, как известно, в магии существует принцип, согласно которому можно добиться любого желаемого эффекта, просто имитируя его. И поскольку колебания роста и упадка, размножения и распада они теперь объясняли браком, смертью, возрождением или оживлением богов, их религиозные или, скорее, магические представления в значительной степени распространялись на эти темы. В них рассказывалось о плодотворном союзе сил плодородия, о печальной участи одного из божественных партнеров и его радостном воскрешении. Таким образом, религиозная теория соединялась с магической практикой. Это сочетание хорошо знакомо истории. Немногим религиям удалось полностью освободиться от пут лежащей в их основе магии. Непоследовательность действий на основе двух противоположных принципов, как бы она ни терзала душу философа, редко беспокоит обычного человека; более того, он даже редко сознает ее. Его дело –

действовать, а не анализировать мотивы своих поступков. Если бы человечество всегда придерживалось принципов логики, история не представляла бы собой долгую летопись ошибок и преступлений.

Из всех изменений, которые приносят с собой смены времен года, в умеренном поясе наиболее ярко проявляются те, которые касаются растительности. Влияние смены времен года на животных хотя и велико, но не столь заметно. Поэтому вполне естественно, что в религиозных обрядах, призванных отогнать зиму и вернуть весну, акцент делался на растительности, и деревья и растения фигурируют в них чаще, чем звери и птицы. Однако в сознании участников обрядов не было разделения двух сторон жизни – растительной и животной. Более того, они считали, что связь между животным и растительным миром еще теснее, чем есть на самом деле, поэтому часто совмещали визуализацию процесса оживления растений с реальным или игровым половой связью, чтобы одновременно и одним и тем же действием способствовать размножению плодов, животных и людей. Для них принцип жизни и плодородия, будь то животный или растительный, был един. Жить и порождать жизнь – таковы были основные желания людей прошлого и таковы будут основные желания людей в будущем, пока существует мир. Можно бесконечно повышать уровень бытового комфорта и культуры, но если не удовлетворить первичные потребности, то человечество само по себе прекратит свое существование. Именно эти потребности люди в первую очередь пытались получить с помощью обрядов, позволяющих влиять на перемену погоды.

II. Смена времен года в греческой мифологии

Греку не нужно было отправляться в дальние страны, чтобы узнать о превратностях времен года, отметить мимолетную красоту дамасской розы, преходящее созревание золотой кукурузы, уходящее величие пурпурного винограда. Из года в год в своей прекрасной стране он с естественным сожалением наблюдал, как яркая пышность лета увядает во мраке и холоде зимы, и из года в год с естественным восторгом встречал вспышку новой жизни весной. Привыкший одушевлять силы природы, окрашивать ее холодные абстракции в теплые тона воображения, облачать ее обнаженную действительность

в роскошные драпировки мифологической фантазии, он создал целую плеяду богов и богинь, духов и других существ. Созерцая переменчивость времен года, он видел чередование веселья и уныния, радости и печали, что находило свое естественное выражение в чередовании обрядов смерти и воскрешения. Судьбы некоторых греческих божеств, которые умирали и воскресали из мертвых, дарят нам сюжеты, которые вполне можно поставить в один ряд с трагическими образами Адониса, Аттиса и Осириса.

СIII. Влияние природы на религию

Мы более чем когда-либо убеждены, что религия, как и все другие институции, подверглась глубокому влиянию окружающей физической среды и не может рассматриваться без определенной оценки тех аспектов природы, которые накладывают неизгладимый отпечаток на мысли, привычки, всю жизнь народа. К большому сожалению, мы не были на Востоке и не можем описать из личного опыта родину Адониса, Аттиса и Осириса. Но мы попытались восполнить этот недостаток, сравнивая описания очевидцев и восстанавливая на их основе картины некоторых мест, к которым нам довелось прикоснуться в ходе исследований. Мы позволим себе позаимствовать из авторитетных источников и донести до читателей хотя бы смутное представление о пейзажах, атмосфере и великолепном колорите Востока.

СIV. Сотворение мира

Первые мыслители, думавшие о происхождении вещей, возможно, представляли себе сотворение или эволюцию мира по аналогии с теми изменениями, которые ежегодно происходят в природе вне тропических широт. В этих изменениях нетрудно разглядеть состязание между двумя враждебными силами или принципами – принципом созидания, или жизни, и принципом разрушения, или смерти. В этой борьбе победа переходит то к одному, то к другому началу, когда зима сменяется весной или лето переходит в осень. Вполне естественно предположить, что те же соперники, которые и сейчас ведут войну друг с другом, вели ее с самого начала и что

рождение Вселенной в том виде, в котором она существует сейчас, произошло в результате их столкновения. Согласно этой модели, сотворение мира происходит каждую весну, а его распад каждой осенью: о первом возвещают благие вестники лета – распускающиеся цветы, о втором шепчут печальные предвестники зимы – пожелтевшие листья. Подобное находит отклик в этих строках:

Non alios prima crescentis origine mundi
Inluxisse dies aliumve habuisse tenorem
Crediderim: ver illud erat, ver magnus agebat
Orbis, ei hibernis parcebant flatibus Euri,
Cum primae lucem pecudes hausere, virumque
Ferre progenies duris caput extulit arvis,
Inmissaeque ferae silvis et sidera caelo^[98].

Таким образом, обряды, которые во многих странах совершались для того, чтобы ускорить уход зимы или задержать лето подольше, в некотором смысле являются попытками воссоздать мир заново, «переделать его в соответствии с желанием сердца». Однако если мы хотим понять точку зрения древних мудрецов, пришедших к подобном взгляду на мир, мы должны отрешиться от наших современных представлений о безмерности Вселенной, о ничтожности и незначительности места человека в ней. Мы должны представить себе, что бесконечность пространства сократилась до нескольких миль, а бесконечность времени – до нескольких поколений. Для первобытного человека горы, ограничивающие видимый горизонт, или море, расстилающееся перед ним, – это и есть границы мира. За эти тесные пределы он никогда не выходил, и даже его воображение не в состоянии было представить, что лежит за водной гладью или дальними сизыми холмами. О будущем он почти не думает, а о прошлом знает только то, что передается из уст в уста его соплеменниками. Предположить, что мир, ограниченный в пространстве и времени, был создан по воле существа, подобного ему, не составило большого труда, и он может легко вообразить, что и сам способен ежегодно повторять работу по воссозданию мира своей волей и заклинаниями. А если первобытные сообщества вводили магические

обряды, связанные с обновлением или сохранением всего сущего, то сила обычаев и традиций способствовала устойчивости этих обрядов еще долгое время после того, как прежние представления о мироздании были вытеснены более современным пониманием, а племена превратились в нации.

CV. Волшебная весна

Общее объяснение этих и многих других подобных действий сводится к тому, что они являются или изначально являлись магическими обрядами, призванными обеспечить возрождение природы весной. Средствами, с помощью которых, как предполагалось, достигалась эта цель, было подражание и сочувствие. Не понимая истинных причин происходящего, первобытный человек верил, что, для того чтобы вызвать к жизни явления природы, от которых зависела его жизнь, ему достаточно было подражать им, и что своего рода представление, разыгранное им на лесной поляне или в горной лощине, или на пустынной равнине, или на продуваемом ветрами берегу, будет воспринято этими самыми силами природы. Ему казалось, что, наряжаясь цветами и растениями, он помогает земле покрыться зеленью, что, разыгрывая постановку погребения зимы, он прогоняет это мрачное время года и расчищает путь для возвращающейся весны.

Если нам трудно даже в воображении погрузиться в то состояние ума, в котором подобные вещи кажутся возможными, попробуем представить себе первобытного человека, когда он впервые начал задумываться уже не об удовлетворении своих животных потребностей, а о первопричинах окружающих явлений, стал размышлять о том, что мы сегодня называем законами природы. У нас, знакомых с концепцией закономерности, с которой сменяют друг друга явления мироздания, почти нет поводов сомневаться, что причины, порождающие эти следствия, перестанут существовать, по крайней мере, в ближайшем будущем. Но эта уверенность в постоянстве природы порождается только опытом, который приходит в результате длительных наблюдений и традиций науки; а дикарь лишен тех элементов опыта, которые могли бы успокоить его перед лицом изменчивых и зачастую враждебных сторон природы. Неудивительно,

что затмение повергает его в панику, и он думает, что солнце или луна непременно погибнут, если он не поднимет шум и не пустит в воздух стрелы, чтобы защитить светила от чудовища, грозящего их поглотить. Неудивительно, что он приходит в ужас, когда в ночной темноте полоска неба вдруг озаряется вспышкой метеора или весь простор небесного свода озаряется мерцанием звезд.

Даже явления, повторяющиеся через фиксированные и равномерные промежутки времени, могут восприниматься человеком с опаской, прежде чем он сознает упорядоченность их повторения. Скорость осознания периодических или циклических изменений в природе во многом зависит от продолжительности конкретного цикла. Например, цикл дня и ночи везде, кроме полярных областей, столь короткий и, следовательно, многократно повторяющийся, что люди, вероятно, вскоре перестали всерьез задумываться о том, что он может не повториться, хотя древние египтяне ежедневно прибегали к определенным обрядам, чтобы утром вернуть на восток огненную сферу, которая вечером опускалась за багровый горизонт. Но с циклом времен года дело обстояло далеко не так. Для любого человека год – это значительный срок, ведь число отведенных нам лет ограничено. Для первобытного человека с его короткой памятью и несовершенными средствами фиксации времени год вполне мог быть столь длинным, что он вообще не сознавал его как цикл и с непременным удивлением наблюдал за сменой земных и небесных пейзажей, попеременно волнуясь и тревожась, радуясь и унывая, в зависимости от прихода света и тепла, дождя и засухи, перемен во флоре и фауне. Все подобные явления служили его утешению или угрожали его существованию. Осенью, когда увядшие листья кружились по лесу, а он смотрел на голые ветви, мог ли он быть уверен, что они когда-нибудь снова зазеленеют? Когда день за днем солнце опускалось все ниже и ниже, мог ли он быть уверен, что светило когда-нибудь вернется к прежнему небесному пути? Даже убывающая луна, чей бледный серп с каждой ночью становился все тоньше и тоньше, могла вызвать в его сознании страх, что когда-нибудь она навсегда бесследно исчезнет.

Эти и еще тысячи подобных опасений, возможно, будоражили воображение и тревожили покой человека, впервые начавшего задумываться над тайнами мира, в котором он жил, и задумываться о

более отдаленном будущем. Естественно, что с подобными мыслями и опасениями он должен был сделать все, что от него зависело, чтобы на ветвях снова зацвели цветы вместо увядших, чтобы низкое зимнее солнце вернулось на свое прежнее место летом и вернулась яркость серебристого светильника убывающей луны. Мы можем смеяться над его тщетными попытками, но, проведя ряд опытов, многие из которых были изначально обречены на неудачу, человек на собственном опыте убедился в тщетности одних и плодотворности других своих действий. Ведь магические обряды есть не что иное, как неудачные эксперименты, которые продолжали повторять только потому, что их исполнители не сознавали их несостоятельности. С развитием знаний эти обряды либо вообще предаются забвению, либо проводятся в силу привычки долгое время после того, как забываются смыслы, которые в них были заложены. Таким образом, утратив свое значение, перестав считаться торжественными обрядами, от точного исполнения которых зависит благополучие и само существование общества, они постепенно опускаются до уровня простых праздников и забав, пока на последней стадии вырождения не превращаются наконец в детскую игру. Именно на этой последней стадии устаревания и упадка сегодня находится большинство старых магических обрядов наших европейских предков. Тем не менее этот процесс продолжается, и прежние обряды и убеждения уносятся восходящим потоком тех многочисленных сил, моральных, интеллектуальных и социальных, которые ведут человечество вперед к новой и неизвестной цели. Мы можем испытывать некоторое естественное сожаление по поводу исчезновения причудливых обычаев и живописных церемоний, которые приносят в нашу эпоху, часто считающуюся скучной и прозаичной, что-то из колорита и свежести старого времени, однако мы не будем сожалеть, если вспомним, что эти милые представления, эти невинные ныне развлечения несут в своей основе невежество и суеверия. И если они являются свидетельством человеческой изобретательности, то они также являются памятником бесплодного труда и угасших тщетных надежд. При всей своей праздничной атрибутике – цветах, лентах и музыке – они имеют гораздо больше общего с трагедией, чем с фарсом.

Интерпретация, которую по стопам В. Маннхардта мы попытались дать этим церемониям, не в последнюю очередь

подтверждается одним из последних открытий. Оказывается, аборигены Центральной Австралии регулярно практикуют магические обряды с целью пробуждения дремлющей энергии природы перед наступлением австралийской весны. И как вера австралийского дикаря в действенность своих магических обрядов подтверждается тем, что за их исполнением неизменно рано или поздно следует тот рост растительной и животной жизни, который они призваны вызвать, так, надо полагать, было и у европейцев в прежние времена. Свежая зелень лесов, весенние цветы, распускающиеся на мшистых берегах, ласточки, прилетающие с юга, и солнце, с каждым днем поднимающееся все выше на небосводе, – все это воспринималось первыми людьми как множество видимых признаков того, что их заклинания действительно эффективны, и вселяло в них уверенность, в мире, который они изменяют в соответствии со своими желаниями, все идет хорошо. Лишь осенью, когда лето постепенно угасало, их уверенность вновь колебали сомнения и опасения, вызванные видимыми признаками упадка, которые свидетельствовали, насколько тщетны были все их попытки навсегда отсрочить наступление зимы и угасания жизни.

CVI. Беспорядочная стрельба [\[99\]](#)

Магические обряды можно сравнить с беспорядочными выстрелами в темноте, некоторые из которых случайно попадают в цель. В первом случае, если артиллерист научится отличать попадания от промахов, он станет стрелять точнее в нужном направлении и добьется цели. Во втором, если он не сможет отличить попадания от промахов, то продолжит вести беспорядочный огонь без надежды на желаемый результат. Ученый – это артиллерист первого типа, колдун – второго. В этом одно из различий между магией и наукой, между дикостью и цивилизацией.

CVII. Магические ритуалы селян [\[100\]](#)

Многие обряды, которые до сих пор интерпретировались как обряды почитания скота, в основе своей, если не всегда, были не чем

иным, как рядом мер предосторожности, основанных на теории симпатической магии, для защиты стада от опасностей, которые могут угрожать ему в результате беспорядочного использования его молока всеми вокруг: чистыми и нечистыми, друзьями и недругами. Дикарь, верящий в то, что он сам может быть уязвлен недоброжелателями, естественно, применяет те же соображения по отношению к своему скоту и предпринимает для его защиты те же меры, что и для себя. Если эта точка зрения верна, то суеверные ограничения, налагаемые кочевыми народами на употребление молока, аналогичны суеверным мерам предосторожности, таким как избавление от собственных остриженных волос, обрезанных ногтей и прочих отходов жизнедеятельности. По своей сути они носят не религиозный, а магический характер. Однако со временем такие табу вполне могут получить религиозное толкование и перерасти в настоящее поклонение скоту. Ведь если логическая грань между магией и религией остра как лезвие, то в историческом плане такой резкой и явной линии раздела между ними не существует. С характерной для первобытного мышления неопределенностью они постоянно сливаются друг с другом, как два потока, голубой и желтый, которые сливаются в единую реку, не являющуюся ни полностью желтой, ни полностью голубой. Однако смешение магии и религии не в большей степени освобождает мыслителя, изучающего развитие человеческой мысли, от необходимости расчленять это сочетание на составные части, чем встречаемость большинства химических элементов в определенной комбинации освобождает химика-аналитика от необходимости разделять и различать их. Разум имеет свою химию, так же как и тело. Его элементы могут быть более сложными, но даже здесь настоящий ученый уловит и отметит различия, которые могут ускользнуть от менее подготовленного взгляда.

CVIII. Религиозное или магическое происхождение театра

Театрализованные действия первобытных народов часто представляют собой религиозные или, возможно, еще чаще магические церемонии, а песни или тексты, заклинания или заговоры, сопровождающие их, хотя цивилизованный человек, привыкший воспринимать представление всего лишь как приятное

времяпрепровождение или, в лучшем случае, средство нравоучения, не замечает его истинного характера. Если проследить историю возникновения драмы у цивилизованных народов, можно обнаружить, что в ее основе лежат магические или религиозные представления, подобные тем, которые до сих пор вдохновляют танцы некоторых аборигенов. Безусловно, афиняне в период расцвета своей цивилизации не забывали религиозного значения драматических представлений, поскольку напрямую связывали их с поклонением богу вина Дионису и разрешали устраивать их только во время его праздников. В Индии драма также, по-видимому, возникла на основе религиозных танцев или пантомим, в которых актеры играли роли народных богов и героев. Поэтому, по крайней мере, правомерна гипотеза о том, что в Вавилоне преступник, переодевшийся царем и в этом образе умерщвленный на вакхическом празднике Сакеи, был лишь одним из труппы актеров, игравших в драматической постановке, содержание которой дошло до нас благодаря Книге Эсфирь.

С осознанием того, что боги и богини, герои и героини древних мифов были представлены в реальности живыми мужчинами и женщинами, носившими имена и выполнявшими роли мифических существ, становится возможным предложить условия мира двум соперничающим школам мифологов, которые на протяжении веков вели ожесточенную войну друг с другом. С одной стороны, утверждалось, что мифические существа – это не что иное, как одушевленные природные объекты и естественные процессы; с другой стороны, утверждалось, что подобные существа не что иное, как в прошлом выдающиеся люди, которые при жизни по тем или иным причинам произвели впечатление на своих собратьев и чьи деяния были искажены или преувеличены традицией. Эти две точки зрения, как теперь легко убедиться, не являются столь уж взаимоисключающими, как раньше представлялось их сторонникам. Персонажи, которых мы встречаем в мифах, могли быть реальными людьми, так утверждают эвгемеристы, и в то же время они могли быть олицетворениями природных объектов или процессов, так утверждают противники эвгемеризма. Доктрина воплощения – это недостающее звено, которое было необходимо для объединения двух, казалось бы, несовместимых теорий. Если силы природы представить

олицетворенными в божестве, а последнее может воплотиться в мужчине или женщине, то очевидно, что воплотившееся божество одновременно является и реальным человеком, и олицетворением природы. Так, например, Семирамида могла быть великой семитской богиней любви Иштар или Астартой, и в то же время можно предположить, что она воплотилась в женщине или даже в ряде реальных женщин, неважно – цариц или блудниц, память о которых сохранилась в древней истории. Сатурн был богом земледелия, и его представляла череда или династия священных царей, чья пышная, но короткая жизнь, возможно, способствовала созданию легенды о золотом веке. Чем длиннее ряд таких человеческих божеств, тем, очевидно, выше вероятность сохранения их мифа или легенды; кроме того, если божество одного типа было представлено под одним и тем же именем или без него на территории одной страны несколькими династиями обожествленных правителей, очевидно, что рассказы о нем будут иметь тенденцию сохраняться и уходить в народ.

Вывод, который мы сделали в отношении легенды о Семирамиде и ее любовниках, вероятно, относится ко всем аналогичным сказаниям, бытовавшим в древности на Востоке; можно предположить, что он применим к мифам об Афродите и Адонисе в Сирии, о Кибеле и Атгисе во Фригии, об Исиде и Осирисе в Египте. Если бы мы могли отыскать истоки подобных историй, то обнаружили бы, что в каждом случае человеческая пара из года в год исполняла роли любящей богини и умирающего бога. Мы знаем, что вплоть до периода существования римской цивилизации Атгис олицетворялся жрецами, носившими его имя; и если в течение того периода, о котором мы знаем, мертвый Атгис и мертвый Адонис были представлены исключительно идолами, то можно предположить, что так было не всегда и что в обоих случаях мертвый бог когда-то был представлен мертвым человеком. Кроме того, разрешение, данное мужчине, игравшему умирающего бога в Сакее, убедительно говорит в пользу гипотезы о том, что перед публичной смертью воплощенному божеству во всех случаях разрешалось, а точнее, от него требовалось насладиться объятиями женщины, игравшей роль богини любви. Причину подобного принудительного союза понять нетрудно. Если первобытный человек верит, что рост урожая может быть стимулирован соитием обычных мужчин и женщин, то каких даров он

ожидает от соития пары, которую его фантазия наделяет всеми достоинствами и силами божеств плодородия?

Таким образом, теория Моверса о том, что в Сакее человеческая жертва, так называемый зоган, представляла собой бога в паре с женщиной, олицетворявшей богиню, оказывается, покоится на более глубоких основаниях, чем предполагал этот выдающийся ученый. Он считал, что божественная пара, фигурировавшая в церемонии в качестве лиц, замещающих божества, – это Семирамида и Сандан или Сарданапал. Сегодня уже очевидно, что в отношении богини он был в основном прав, а вот в отношении бога нам еще предстоит разобраться. Не вызывает сомнений, что имя Сарданапала – это лишь греческий способ обозначения Ашшурбанапала, величайшего и одного из последних правителей Ассирии. Открывшиеся в последние годы сведения об историческом монархе слабо подтверждают легенды, связанные с его именем в классической традиции. Они доказывают, что он был далеко не таким безумным, каким казался грекам более позднего времени, а скорее воинственным и просвещенным монархом, который огнем и мечом способствовал развитию науки и литературы в родной Ассирии. И хотя реальная личность Ашшурбанапала известна не хуже Александра Македонского или Карла Великого, неудивительно, что мифы, словно тучи, сгустились вокруг его великой фигуры, которая символизирует яркий закат царства. В легендах о Сарданапале наиболее явно выделяются два момента: его экстравагантная развратность и насильственная смерть в пламени большого костра, на котором он сжег себя и своих наложниц, чтобы они не попали в руки врагов. Рассказывают, что царь с раскрашенным лицом в женских нарядах проводил дни в гареме, прят пурпурную шерсть с наложницами и предавался чувственным наслаждениям, а в эпитафии, высеченной на его могиле, записал, что все дни своей жизни он ел, пил и забавлялся, помня, что жизнь коротка и полна бед, что судьба неопределенна и что другие скоро будут наслаждаться тем, что он должен оставить после себя. Все это слабо коррелирует с портретом реального Ашшурбанапала. Совершив множество завоеваний как блестящий полководец, ассирийский правитель умер в преклонном возрасте, на пике человеческих амбиций, приобретя во всем мире военную славу, а в родной стране восхищение подданных. Но если традиционные характеристики Сарданапала слабо гармонируют с тем,

что мы знаем о реальном монархе с таким именем, то они достаточно хорошо согласуются со всем, что мы знаем или можем предположить о двойниках царей, которых приносили в жертвы. Последние проживали короткую жизнь и веселились во время празднеств Сакеи, восточного аналога Сатурналий. Едва ли стоит сомневаться, что в большинстве своем люди, которые через несколько дней должны были умереть, стремились заглушить страх, погружаясь во все мимолетные радости, которые могли найти под солнцем. Когда же краткие удовольствия и предсмертные страдания заканчивались, а их кости или прах смешивались с пылью, что может быть естественнее, чем высечь на их могилах – тех курганах, в которых люди не без основания видели могилы любовников Семирамиды, – строки, подобные тем, что традиция вложила в уста великого ассирийского царя, чтобы напомнить случайному прохожему о краткости и суетности жизни?

СІХ. Театральные представления как магические ритуалы

В большом святилище богини в Зеле, судя по всему, миф о ней регулярно воплощался в жизнь; история ее любви и смерти ее божественного возлюбленного из года в год разыгрывалась в виде мистерии мужчинами и женщинами, которые в течение определенного времени жили и умирали в образе тех существ, которых они олицетворяли в своих театральных представлениях. Смысл этих священных представлений, скорее всего, заключался не в развлечении и не в наставлении праздной публики и уж тем более не в удовлетворении тщеславия актеров. Это были торжественные обряды, изображавшие подвиги божественных существ, поскольку человек воображал, что, подражая им, он может присвоить себе божественные способности и пользоваться ими во благо своих собратьев. Действия природы, по его мнению, осуществлялись мифическими персонажами, чрезвычайно похожими на него самого, и если бы он только мог полностью уподобиться им, то смог бы овладеть всеми их силами. Таков, вероятно, первоначальный мотив большинства религиозных драм и мистерий у древних народов. Драммы и мистерии исполняются не для того, чтобы проиллюстрировать доктрины того или иного вероучения, и уж тем более не для того, чтобы развлечь зрителей, а для того, чтобы вызвать к жизни те природные явления, которые актеры

представляют в мифическом облике. Одним словом, это магические церемонии, и способ их действия – подражание, мимикрия, тайное действие. Вероятно, будет верным предположить, что многие мифы имеют свои истоки в магии. Мифы описывают в образной форме те события, которые в магии являлись результатами обрядов или ритуалов. Но обряды исчезают из памяти народов быстрее, чем мифы. Таким образом, мы можем отыскать отголоски ритуалов в известных нам мифах. Если, образно выражаясь, мифы есть тени человеческих действий, запечатленные в облаках, то мы видим эти тени и можем по ним составить какое-то представление о самих действиях, хотя самих людей уже давно не видно.

Принцип мимикрии столь глубоко заложен в человеческой природе и оказал столь далеко идущее влияние на развитие религии и искусства, что будет излишним, даже ценой небольшого отступления, проиллюстрировать на примерах то, как древний человек пытался пользоваться им в форме религиозных или магических представлений для удовлетворения своих потребностей. Ведь вполне вероятно, что танцы и церемонии, игравшие большую роль в общественной жизни первобытных людей во многих регионах мира, в первую очередь преследовали практические цели, а не просто будоражили чувства зрителей и позволяли им скоротать часы досуга. Актеры стремились привлечь благословение богов, подражая неким могущественным сверхчеловеческим существам и совершая в их образах чудеса, которые в качестве простых людей они, по их собственному признанию, были бы бессильны совершить. В сущности, целью этих представлений, ранних предвестников трагедии и комедии цивилизованных народов, было обретение сверхчеловеческих сил, чтобы затем использовать их на благо общества.

СХ. Древние Сатурналии

Существуют свидетельства, что праздники вроде Сатурналий, характеризующиеся инверсией социальных рангов и принесением в жертву человека в образе бога, в свое время проводились по всему древнему миру от Рима до Вавилона. Подобные праздники, по видимому, относятся к раннему периоду истории земледелия, когда люди жили небольшими общинами, во главе которых стояла

священная фигура царя, чьей главной обязанностью было следить за правильным чередованием времен года, плодородием земель и плодовитостью скота и женщин. С фигурой царя была связана его жена или другая женщина, с которой он совершал некоторые необходимые обряды и которая, таким образом, разделяла с ним его божественную природу. Первоначально срок правления царя ограничивался одним годом, по истечении которого его убивали, но со временем ему удавалось силой или хитростью продлить свое правление, а иногда и найти себе замену: того, кто после недолгого и скорее номинального пребывания на престоле умерщвлялся вместо него самого. Вначале заменой для царя был, вероятно, его сын, но затем это правило перестало действовать, а еще позже смягчение нравов в обществе потребовало, чтобы жертвой становился осужденный преступник. На этом этапе неудивительно, что изначальный замысел затмился и простые люди не могли разглядеть бога в преступнике. Однако оскудение облика божества на этом не заканчивается: даже преступник становится слишком хорошим, чтобы олицетворять бога на виселице или на костре, и тогда ничего не остается, как сделать из него убогое или гротескное чучело и повесить, сжечь или иным способом уничтожить бога в лице подобного его представителя. К этому моменту первоначальный замысел церемонии может быть столь бесповоротно забыт, что чучело принимают за некое историческое лицо, которое при жизни заслужило ненависть и презрение своих собратьев и память о котором с тех пор сохраняется путем ежегодного уничтожения его чучела. Фигуры Амана, карнавальные чучела, куклы Зимы или Смерти, которые ежегодно уничтожаются весной иудеями, жителями католических стран и Центральной Европы соответственно, являются, по-видимому, прямыми потомками тех воплощений сил природы, от жизненных циклов которых зависело благополучие человека. При этом из всех фигур только чучело Зимы или Смерти сохранило четкие следы своего первоначального назначения. В остальных случаях древнее значение магического обряда, призванного направлять ход природы, почти полностью затушевано густым налетом легенд и мифов. Причина такого различия заключается в том, что если обычай уничтожения чучела Зимы или Смерти передавался в сельской местности крестьянами с незапамятных времен от поколения к поколению, то

праздники Пурим и Карнавал, как и их вавилонские и италийские прототипы – Сакея и Сатурналии, веками праздновались в городах, где изначальный замысел неизбежно подтачивался измышлениями жрецов и государственных мужей, которые неизбежно заражают большие города, но оставляют нетронутыми чистые родники мифологического сознания в деревне.

СХІ. Песчаные замки

Вся суть древней мифологии столь далека от современного образа мышления, а относящиеся к ней свидетельства в большинстве своем столь фрагментарны, неясны и противоречивы, что, пытаясь собрать их воедино и интерпретировать, мы вряд ли можем надеяться прийти к выводам, которые полностью удовлетворят нас. Впрочем, судьба научных теорий – подобно детским песчаным замкам быть смытыми временем, и нам не стоит быть столь самонадеянными, чтобы ожидать или желать для себя освобождения от этого общего жребия. Стоит относиться к теориям легче и использовать их главным образом как удобное средство упорядочивания фактов. Мы полагаем, что, хотя одна научная теория обязательно заменит другую, факты имеют ценность вне времени. Если фиксировать факты подобно древним летописям, эта книга может сохранить свою ценность, даже когда сами теории окончательно устареют.

СХІІ. Сизифов труд

Чем дальше мы занимаемся задачами мифологии, тем больше возникает сомнений в возможности их решения. Посвящая годы поискам решения подобных задач, мы подобны Сизифу, вечно катящему свой камень в гору, чтобы затем в очередной раз увидеть, как этот же камень летит вниз. Или же мы подобны дочерям Даная, обреченным вечно наливать воду в дырявые кувшины. Если нас обвинят в том, что мы тратим жизнь на стремление узнать то, что никогда не будет известно, а если и будет, неизвестно, кому от этого польза, то что сказать в свое оправдание? Боюсь, аргументов крайне мало. Подобного рода занятия едва ли можно обосновать за счет разума. Мы не знаем, что, но что-то однозначно побуждает нас

атаковать нашего главного врага – невежество, где бы мы его ни встречали. И если мы потерпим в этой жестокой борьбе неудачу, то поражение наше не будет бесславленным, хотя сама борьба может оказаться бесполезной.

СХІІІ. Возвышение богов, упадок магии

Представление о богах как о сверхчеловеческих существах, наделенных силами, которых человек не имеет, на протяжении истории имело определенное развитие. У первобытных народов сверхъестественные сущности не рассматриваются как значительно превосходящие человека по способностям, поскольку человек мог запугать или принудить их к исполнению своих желаний. На этой стадии развития мысли мир рассматривается как великая демократия; предполагается, что все существа в нем, как реальные, так и сверхъестественные, находятся в условиях некоторого равенства. Но с ростом знаний человек все яснее сознает необъятность природы и свою ничтожность и бессилие перед ней. Признание собственной беспомощности перед лицом природы не влечет за собой, однако, соответствующей веры в бессилие тех сверхъестественных существ, которыми его воображение населяет Вселенную. Напротив, оно только усиливает веру в их могущество. Ведь представление о мире как о системе безличных сил, действующих по фиксированным и неизменным законам, еще не затмило его. Зародыш этой идеи у человека, уже, разумеется, есть, и он уже действует в соответствии с этой логикой не только в магическом искусстве, но и в повседневной жизни. Но эта идея только витает в воздухе, и пока человек представляет мир, в котором живет, как проявление сознательной воли той или сущности, а также своей собственной деятельности. Если же он считает себя таким хрупким и ничтожным, то какими огромными и могущественными должны казаться ему существа, управляющие механизмами природы! Таким образом, по мере того как постепенно исчезает его прежнее чувство равенства с богами, он одновременно отказывается от надежды направлять ход природы своими силами, то есть с помощью магии, и все больше и больше обращается к богам как к единственным обладателям тех сверхъестественных сил, на которые он когда-то претендовал. Поэтому с развитием знаний ведущее место в

религиозном ритуале занимают молитва и жертвоприношение, а магия, которая когда-то была с ними на равных, постепенно отходит на второй план и опускается до уровня темного ремесла. Теперь она рассматривается как посягательство, одновременно тщеславное и нечестивое, на владения богов, что встречает сопротивление жрецов, чья репутация и влияние утрачиваются. Поэтому, когда в более поздний период появляется различие между религией и суеверием, мы видим, что жертвоприношения и молитвы – отличительные черты благочестивой и просвещенной части общества, а магия – прибежище суеверных и невежественных слоев. В дальнейшем представление о силах природы как о личностных субъектах уступает место признанию естественного закона, магия, основанная на идее непреложной и неизменной последовательности причин и следствий, не зависящих от воли того или иного существа или личной воли самого человека, вновь выходит на сцену и подготавливает путь для науки. Алхимия ведет к химии.

CXIV. Религия и магия

Этот принципиальный конфликт между магией и религией в достаточной степени объясняет ту враждебность, с которой жрец или священник зачастую преследовал мага. Надменная самодостаточность мага, его высокомерное отношение к высшим силам, его нескрываемая претензия на власть, подобную их власти, не могли не возмущать священника, которому, при его ощущении божественного величия и смиренном преклонении перед ним, такие претензии и такое поведение должны были казаться нечестивой и кощунственной узурпацией прерогатив, принадлежащих одному Богу. А иногда, наверное, жрецы и священники руководствовались и более прозаичными мотивами. Они считали себя истинными посредниками между Богом и человеком, и, несомненно, их интересам противоречило само существование конкурентов, предлагавших куда более простые практические пути к счастью, чем извилистый и тернистый путь жреца и священника.

Однако этот привычный для нас антагонизм, по-видимому, возник в истории религии сравнительно поздно. На более раннем этапе функции жреца и мага часто совмещались или, правильнее сказать,

еще не отличались друг от друга. Для достижения своей цели человек заручался благосклонностью богов или духов с помощью молитв и жертвоприношений, одновременно прибегая к обрядам и словесным формам, которые, как он надеялся, сами по себе, без помощи бога или дьявола, приведут к желаемому результату. Короче говоря, он совершал религиозные и магические обряды одновременно, произносил молитвы и заклинания почти на одном дыхании, не сознавая теоретической несостоятельности своих действий.

СХV. Вера во всемогущество демонов

Воспитанные в идеологии, где природа лишена индивидуальности и сведена к неизвестной причине упорядоченного ряда впечатлений, производимых на наши органы чувств, мы с трудом можем поставить себя на место дикаря, которому те же самые впечатления представляются в облике духов или творений духов. Веками армия духов существовала бок о бок с людьми. Теперь волшебной палочкой науки эта армия изгнана и рассеяна. Изгнана с земли – из разрушенной кельи и увитой плющом башни, с таинственной поляны и вязкого болота, из черных туч, извергающих молнии, и из тех светлых облаков, что застилают серебряную луну или розовеют на закате. Духи покинули даже свой последний оплот – небеса, скрывающие от глаз смертных славу горнего мира. Только в мечтах поэтов или в страстных ораторских речах можно разглядеть последний отблеск штандартов уходящего в небытие воинства, услышать шелест невидимых крыльев, издевательский смех или затихающую вдали ангельскую музыку.

Совсем иначе обстоит дело в первобытных сообществах. В воображении туземцев мир по-прежнему кишит теми загадочными существами, позабытыми в более цивилизованных обществах. Феи и гоблины, призраки и демоны по-прежнему витают вокруг него, и когда он спит, и когда он бодрствует. Они преследуют его по пятам, ослепляют его чувства, входят в него, изводят, обманывают и мучают его тысячью причудливых и озорных способов. Все несчастья, которые с ним случаются, потери, боль, которые ему приходится терпеть, он обычно списывает если не на чары, наложенные его врагами, то на злобу, гнев или каприз духов. Их постоянное присутствие утомляет его, их бессонная злоба раздражает, он с невыразимой тоской мечтает

избавиться от них совсем, и время от времени, доведенный до бешенства, до полного истощения, он отчаянно пытается вовсе прогнать стаю своих преследователей с земли, очистить от них небеса, чтобы дышать свободнее и хотя бы какое-то время жить спокойно. Таким образом, стремление первобытных людей избавиться от всех бед обычно принимает форму грандиозной охоты на чертей или призраков. Первобытный человек уверен: если ему удастся избавиться от этих мучителей, то он сможет начать жизнь заново, счастливо и невинно. Сказки об Эдеме и вымышленном золотом веке снова станут явью.

CXVI. Защитные заклинания

Когда мы рассматриваем многочисленные формы заклинаний, которые были под запретом, нас не может не поразить количество случаев, когда в качестве причины воздержания в определенных обстоятельствах от употребления тех или иных слов называется страх перед духами или другими сущностями. Человек представляет себе, что его могут подслушать и понять духи, или животные, или другие существа, которых его фантазия наделяет человеческим разумом. Поэтому он избегает одних слов и заменяет их другими, либо из желания успокоить и умиловить этих существ, говоря о них хорошо, либо из опасения, что они могут понять его речь и узнать, о чем он говорит, когда он будет заниматься тем, что вызвало бы их гнев или страх. Таким образом, заменяемые термины делятся на два класса – комплиментарные и непонятные. Эти выражения используются в зависимости от обстоятельств по разным и даже противоположным причинам: первые будут услышаны и оценены, а вторые просто не будут восприняты.

Теперь понятно, почему люди, занимающиеся ловлей рыбы, охотой, добычей полезных ископаемых, жатвой, морскими путешествиями, должны воздерживаться от использования общепринятого языка и прятать смысл слов за определенными выражениями. Дело в том, что человек посягает на владения природы или некоторых сущностей. Эти сущности, видимые или невидимые, в чешуе или перьях, в дереве или камне, можно считать, имеют первоочередное право на те области суши, моря и неба, в которые

человек вторгается только для того, чтобы грабить и разрушать. Проникнувшись ощущением величия природы, человек на определенном этапе своего интеллектуального развития не может не испытывать страха или сожаления из-за охоты на диких птиц на Гебридских островах или ловли голубей в жарких зарослях Малайского полуострова. Охотится ли он на медведя в снегах Лапландии или на тигра в индийских джунглях, или тащит сеть, набитую серебристой сельдью у берегов Шотландии, ищет ли он кристаллы камфары в тени тропического леса, добывает ли красное золото в мрачном руднике, или укладывает серпом желтые колосья на поле – сожаления или страха быть не должно.

Во всех этих посягательствах на природу человек стремится, по-видимому, остаться незаметным или скрыться от внимания существ, которых он боится. Но если последнее не представляется возможным, он скрывает свои замыслы под благовидным предлогом, льстит животным, которых собирается убить, и так оберегает себя. Хотя подобный шифр достаточно хорошо понятен его товарищам, он совершенно непонятен его потенциальным жертвам. Иными словами, он выдает себя за того, кем не является. Например, он не охотник, ловящий голубей в лесу, а волшебный принц или сам царь Соломон, приглашающий прекрасных принцесс в свой дворец или зал из слоновой кости. Таких детских притворств достаточно, чтобы обмануть животных, которых затем человек собирается ограбить или убить. Возможно, он предполагает, что животные в некоторой степени будут не против умереть от его рук. Это одна из тех форм симпатической магии, когда первобытный человек стремится достичь своей цели, имитируя то, что ему нужно, или даже уподобляясь этому. Нам трудно представить себе психическое состояние малайского мага, маскирующегося перед дикими голубями в образе царя Соломона, но, возможно, подобное театральное представление, где актеры ежедневно забываются в страстном подражании царству фантазии, может дать нам некоторое представление о работе инстинкта подражания или мимикрии, заложенного в человеческом разуме.

СXVII. Аббат Рихальм о бесах

Один из первых греческих философов, Фалес, считал, что мир полон богов или духов; похожее примитивное вероучение излагал и один из последних языческих мыслителей древности. Порфирий утверждал, что демоны появляются в виде животных, что каждый дом и каждое тело кишит ими и что формы ритуального очищения, такие как сотрясение воздуха и т. п., не имеют иной цели, кроме как отгонять назойливые стаи этих невидимых, но опасных существ. Он утверждает, что злые духи любят пищу, особенно кровь и нечистоты, что они, как мухи, садятся на нас во время еды и что их можно удержать на расстоянии только с помощью обрядов, направленных не на ублажение божеств, а исключительно на защиту от демонов. Его теория религиозного очищения, по-видимому, точно отражает верования первобытных людей в этом вопросе, но философ, пожалуй, последний человек, от которого можно ожидать подобных умозаключений.

Впрочем, неудивительно встретить подобное суеверие в заметках средневекового аббата; ведь мы знаем, что вера в чертей санкционирована основателем христианства и самим церковным учением. Ни эскимос на ледяных берегах Лабрадора, ни индеец в джунглях Гайаны, ни индус в чащах Бенгалии не могли испытывать более постоянного и стойкого ощущения присутствия злобных демонов, чем аббат Рихальм, управлявший цистерцианским монастырем Шонталь в первой половине XIII века. В любопытном сочинении, получившем название «Откровения», он рассказал, как в него ежедневно и ежечасно вселялись бесы, которых он хотя и не видел, но слышал и которым приписывал все недуги своей плоти и все слабости своего духа. Если он чувствовал брезгливость, то был уверен, что это чувство вызвано бесами. Если на носу появлялся прыщик, если нижняя губа отвисала, то за это опять-таки должны были отвечать черти; кашель, простуда, хрипы и слюноотделение не могли не иметь сверхъестественного происхождения. Если солнечным осенним утром, прогуливаясь по своему саду, грузный аббат наклонялся, чтобы собрать упавшие ночью сочные плоды, то кровь, прилившая к его багровому лицу, – снова результат происков его невидимых врагов. Если аббат страдал бессонницей из-за блох, то... «паразиты, – говорил он многозначительно, – на самом деле не кусаются». Это все дело рук дьявола. Если монах храпел в общей келье, то шум исходил не от него,

а от демона, притаившегося в его горле. Особенно опасны были демоны опьянения. Эти неуловимые изверги обычно обитали в тавернах соседнего города, но в праздничные дни проникали за монастырские ворота и незаметно скользили среди монахов, сидящих за трапезным столом или собравшихся вокруг очага, когда в башнях аббатства свистел ветер, а в кувшинах искрилось вино. Если в такие моменты веселый, розовощекий брат говорил сбивчиво или шатался, будьте уверены, что этим набожным человеком двигал не дух алкоголя, а дух совсем иного порядка. При таких взглядах на источник всех телесных и душевных недугов вполне естественно, что аббат прописывал своим подопечным средства от демонов, которых нет ни в одной аптеке. В основном это были святая вода и крестное знамение; последнее он рекомендовал, в частности, как средство от укусов блох.

Легко предположить, что аббат был попросту нездоров, страдал от галлюцинаций и т. д. Возможно, так оно и было, но такой образ мыслей, как у него, слишком распространен во всем мире, и до такой степени, что мы едва ли могли бы списать состояние аббата исключительно на те или иные психические отклонения. В Средние века, когда общий уровень знаний не был высоким, представления, подобные представлениям Рихальма, нередко разделяли даже многие образованные люди, которые, однако, не оставили потомкам заметок, подобных тем, что оставил Рихальм. В настоящее время благодаря прогрессу и распространению знаний трудно найти здравомыслящего человека, придерживающегося мнения аббата о демонах; но в отдаленных частях Европы верования Порфирия и Рихальма до сих пор, с небольшими изменениями, сохраняются среди людей.

СXVIII. Колокола первосвященника

В Священническом кодексе предписывается, что одежда священника должна быть целиком фиолетовой, а полы должны быть украшены гранатами, выполненными из фиолетовой, пурпурной и червлёной ткани, с золотым колокольчиком между каждой парой гранатов. В эту великолепную одежду священник должен облачаться при служении в святилище, а золотые колокольчики должны были звенеть и при входе в святилище, и при выходе из него, иначе его ждала смерть.

Почему священник в фиолетовом одеянии и с парами гранатов у ног должен был опасаться смерти, если не было слышно звона золотых колокольчиков, как при входе, так и при выходе из святилища? Наиболее вероятным представляется ответ, что звон колокольчиков отгонял завистливых и злых духов, которые таились у дверей святилища, готовые наброситься на богато одетого священника и похитить его, когда он переступал порог, исполняя свой священный долг. По крайней мере, эта точка зрения, нашедшая поддержку у некоторых современных ученых, подкрепляется аналогией, поскольку со времен Античности и до наших дней распространено мнение, что демоны и призраки могут быть обращены в бегство звуком металла, будь то музыкальное звяканье маленьких колокольчиков, глубокомысленный звон больших колоколов, пронзительный звон тарелок, рокот гонгов или просто звон и лязг пластин из бронзы или железа, ударяемых молотками или палками либо друг о друга. Поэтому при обрядах экзорцизма часто бывает принято, чтобы священник либо звонил в колокольчик, который он держит в руке, либо надевал на какую-нибудь часть своего тела целую гроздь колокольчиков, которые звенели бы при каждом его движении...

Этих примеров достаточно, чтобы показать, насколько широко было распространено использование колоколов в магических и религиозных обрядах и насколько всеобщим было убеждение, что их звон способен изгонять демонов. Как следует из нескольких приведенных примеров, иногда предполагалось, что звук колоколов не столько отгоняет злых духов, сколько привлекает внимание добрых духов-покровителей, но в целом притягательная сила этих музыкальных инструментов в древнем ритуале гораздо менее заметна, чем отталкивающая. Использование колоколов для привлечения, а не для отталкивания, возможно, соответствует той более развитой стадии религиозного сознания, когда страх перед злом перевешивается доверием к добру, когда желание благочестивых сердец состоит не столько в том, чтобы убежать от дьявола, сколько в том, чтобы приблизиться к Богу. В той или иной мере известные нам обычаи и верования могут служить иллюстрацией и, возможно, объяснением еврейского обычая, с которого мы начали, вне зависимости от того, отражает ли нападение демонов священник в фиолетовом одеянии или привлекает внимание божества звоном золотых колокольчиков.

СХІХ. Звон церковных колоколов [\[101\]](#)

В знаменитом отрывке «Чистилица» Данте упоминает погребальный и вечерний колокольные звоны. Их слышат морские путешественники, будто звоны возвещают о завершении дня или о закате солнца, опускающегося за багровый горизонт. Не менее известна имитация Байроном этого отрывка:

О сладкий час раздумий и желаний!
В сердцах скитальцев пробуждаешь ты
Заветную печаль воспоминаний,
И образы любимых, и мечты;
Когда спокойно тающий в тумане
Вечерний звон плывет из темноты —
Что эта грусть неведомая значит?
Ничто не умерло, но что-то плачет! [\[102\]](#)

И эту же мысль не менее красиво выразил британский поэт Грей в образе последнего колокола перед комендантским часом, звучащего вечером среди великолепных тисов и вязов английского церковного двора:

Колокол поздний кончину отошедшего дня возвещает [\[103\]](#).

Действительно, в звуке церковных колоколов, раздающемся в такое время и в таком месте, есть что-то особенно торжественное и трогательное; он обрушивается на человека, по выражению Фруда, как эхо исчезнувшего мира. Это чувство хорошо выразил американский поэт Фрэнсис Брет Гарт, когда услышал или, скорее, вообразил, что услышал вечерний звон на месте давно заброшенной испанской миссии в Долорес в Калифорнии:

Колокола прошлого, ваша позабытая музыка
Еще наполняет простор,
И обыденный сумрак настоящего
Озарен романтическим светом!

Слышу ваш зов, вот солнце нисходит

На скалы, волны, песок,
А дальше вдоль берега голоса проповедников,
Сливаясь, опоясывают языческую землю.

И в круге ваших песнопений
Нет места тлену и распаду;
Ни вождение, ни гнев, ни прочие грехи
Не перейдут воздушного предела.

Ложась на ваши волны,
Я отправляюсь в прошлое,
Я вижу отблески испанской славы,
Огонь заката и последнюю мечту.

Колокола святые, ваша служба
Напоминает мне о вере древней,
О, звоны в сумраке!
Прибежище души.

Сходное ощущение возможности колокольного звона трогать сердце и настраивать ум на торжественные мысли передано в одном из характерных отрывков Ренана, где суровые убеждения религиозного скептика сглаживаются тонким восприятием художника. Протестуя против сухого рационализма немецкого теолога Фейербаха, он восклицает: «Если бы Господь позволил господину Фейербаху погрузиться в источники жизни, более богатые, чем источники его исключительного и надменного германизма! Ах! Если бы, сидя на развалинах Палатина или Коэлиевой горы, он услышал звон вечных колоколов, затихающих и умирающих над пустынными холмами, где когда-то был Рим; если бы с уединенного берега Лидо он услышал звон курантов Сан-Марко, истекающий через лагуны; если бы он увидел Ассизи с его мистическими чудесами, с его базиликой, вдохновился легендарными фресками Чимабуэ и Джотто; если бы он всмотрелся в сладкую даль Перуджино или в Сан-Доменико в Сиене, увидел Экстаз святой Екатерины... – нет, Фейербах не стал бы с таким

презрением относиться к поэзии и не кричал бы, как будто отгоняя от себя призрак Искарота!»

Подобные свидетельства эмоционального воздействия церковных колоколов на слушателя не чужды народному фольклору; мы не сможем осознать идеи народа, если не примем во внимание ту окраску, которую они принимают в восприятии, и уж тем более мы не сможем разделить мысли и чувства народа в сфере религии. Между представлениями разума, ощущениями тела и чувствами сердца нет непреодолимых барьеров; они склонны таять и сливаться друг с другом под воздействием чувственных волн, и мало что способно вызвать эти волны, кроме музыки. Изучение эмоциональной основы фольклора практически не предпринималось, исследователи ограничивались исключительно логическими и рациональными или, как некоторые выражаются, иррациональными элементами. Но, несомненно, в будущем можно ожидать больших открытий в изучении влияния абстрактных ощущений на формирование общественных институций человечества.

СХХ. Религия и музыка

В наши дни один великий религиозный писатель, сам глубоко восприимчивый к чарам музыки, пришел к выводу, что музыкальные ноты, при их возможностях воспламенять кровь и растапливать сердце, не могут быть просто звуками и только лишь звуками. Нет, ноты пришли к нам из какой-то высшей сферы, они – порождение вечной гармонии, голос ангелов, «магнификат» святых. Именно за счет музыки грубые фантазии примитивного человека преобразуются, а его слабый шепот преобразуется и отдается раскатистым эхом в музыкальной прозе Джона Генри Ньюмена. Действительно, влияние музыки на развитие религии – тема, которая заслуживает тщательного изучения. Мы не можем сомневаться в том, что это самое сокровенное и трогательное из всех искусств сделало для выражения религиозных чувств многое, тем самым изменив саму структуру веры, которую на первый взгляд оно только и обслуживает. Музыкант сыграл свою роль в становлении религии наравне с пророком и мыслителем. Каждому вероисповеданию соответствует своя музыка, и различие между верованиями можно в некоторых случаях выразить в нотной записи.

Например, интервал, отделяющий буйное веселье Кибелы от величественного ритуала католической церкви, измеряется пропастью, отделяющей диссонирующий звон кимвалов и бубнов от торжественных гармоний Палестрины и Генделя. В разной музыке разный дух.

СХХІ. Природа религии

Наверное, нет в мире другого вопроса, по которому мнения разошлись бы столь сильно, как по вопросу о природе религии. Даже сформулировать само определение религии, которое удовлетворило бы всех, очевидно, невозможно. Все, что может сделать автор, – это, во-первых, четко сформулировать, что он понимает под религией, а затем последовательно использовать эту формулировку на протяжении всей своей работы. Итак, под религией на этих страницах понимается умилоствление или примирение с высшими по отношению к человеку силами, которые, как считается, направляют и контролируют ход природы и человеческой жизни. В подобном контексте религия состоит из двух элементов – теоретического и практического. Под теоретическим мы понимаем саму веру в высшие силы, управляющие человеком, под практическим – попытки умилоствить эти силы или угодить им. Вера, безусловно, занимает в этой системе первое место, поскольку мы должны прежде всего верить в существование некоего божественного существа, прежде чем пытаться угодить ему. Однако если вера не заставляет человека предпринимать подобные попытки, то это не религия, а всего лишь богословие; вспомним слова апостола Иакова: «Вера без дел мертва». Иными словами, человек не является по-настоящему религиозным, если он не строит собственную модель поведения по отношению к окружающим на основе страха перед Богом или любви к Нему. С другой стороны, простое исполнение правил и догматов, лишённое истинной веры, также не является религией. Так, для примера, два человека могут вести себя совершенно одинаково, но один из них является абсолютно религиозным, а другой нет. Если один действует из любви или страха перед Богом – он религиозен; если другой действует из любви или страха перед человеком – он находится в уже строгих рамках человеческой морали, в зависимости от того, соответствует ли его поведение общему благу

или нет. Таким образом, вера и практика, или, говоря богословским языком, вера и мирская жизнь, имеют одинаковое значение для религии, которая не может существовать без них. Однако необязательно, чтобы религиозная практика имела форму ритуала, то есть она необязательно должна заключаться в принесении жертв, чтении молитв и других обрядах. Цель – угодить божеству, и если это божество приветствует милосердие больше, чем кровавые жертвы, песнопения и воскурения благовоний, то его последователи будут угождать ему не тем, что будут преклонять перед ним колени, воспевать его имя или наполнять его храмы дорогими дарами. Угождать божеству они будут как раз милосердием и любовью по отношению к другим людям, ибо в этом они будут подражать, насколько это позволяет их немощь, совершенству божественной природы. Именно эту этическую сторону религии не уставали пропагандировать еврейские пророки, вдохновленные идеалом Божьей благодати. Так, Михей говорит: «О, человек! сказано тебе, что – добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим». И в более позднее время энергия, с которой христианство покорило мир, во многом исходила из того же представления о нравственной природе Бога и возложенной на человека обязанности соответствовать ей. Святой Иаков говорит, что чистое и непорочное благочестие перед Богом, нашим Отцом, заключается в том, чтобы помогать сиротам и вдовам в их нуждах и хранить себя в чистоте от этого мира.

Но если религия предполагает, во-первых, веру в некие сущности, управляющие миром, и, во-вторых, попытку завоевать их расположение, то она также явно предполагает, что ход вещей в природе в какой-то степени может быть изменен. Так, мы можем убедить или побудить вышеупомянутых сущностей, управляющих ею, изменить в нашу пользу ее бытие. Подразумеваемая гибкость или изменчивость природы прямо противоречит принципам как магии, так и науки, которые предполагают, что природные процессы статичны. Различие между этими двумя противоречивыми взглядами на мироздание зависит от ответа на важнейший вопрос: являются ли силы, управляющие миром, сознательными и персонифицированными или бессознательными и безличными? Религия, как некий результат компромисса в восприятии человеком высших сил, предполагает

первый вариант. Ведь всякое согласие предполагает, что вступающая в диалог сущность имеет сознание, а ее поведение может быть изменено в желаемом направлении путем апелляции к ее интересам, желаниям или чувствам. Сама концепция согласия неприменима ни по отношению к предметам, которые считаются неодушевленными, ни по отношению к людям, поведение которых в конкретных обстоятельствах заведомо определено с абсолютной точностью. Таким образом, в той мере, в какой религия предполагает, что мир управляется сущностями, обладающими сознанием, она находится в фундаментальном антагонизме как с магией, так и с наукой, обе из которых считают самым собой разумеющимся, что ход природы определяется не капризами персонифицированных существ, а правилом неизменных законов, действующих объективно. В магии, правда, это предположение лишь подразумевается, а в науке оно выражено явно. Верно и то, что магия часто имеет дело с духами, которые являются личностными агентами того типа, который предполагается религией. Но всякий раз, когда магия вызывает их, она обращается с ними точно так же, как с неодушевленными агентами, то есть принуждает или заставляет что-то совершить, а не примиряет или умиливает их, как это делала бы религия. Таким образом, предполагается, что все персонифицированные сущности, как человеческие, так и божественные, в конечном счете подчинены тем безличным силам, которые управляют всем сущим, но способности которых тем не менее могут быть использованы тем, кто знает, как манипулировать ими с помощью соответствующих обрядов и заклинаний.

СХХII. Две формы естественной религии [\[104\]](#)

Если мы рассмотрим естественную религию первобытных народов во всех частях света, то, вероятно, обнаружим, что она везде принимает одну из двух форм, которые, не будучи абсолютно несовместимыми друг с другом, обычно принимаются верующими одинаково хорошо. Первая форма – поклонение природе, вторая – поклонение мертвым. Скажем несколько слов о каждой из них.

Во-первых, говоря о поклонении природе, мы имеем в виду поклонение природным явлениям, воспринимаемым как

одушевленные, наделенные способностями приносить пользу или вред человеку. При подобном восприятии они, естественно, являются объектами человеческого благоговения и источниками страха. Предполагается, что, если угодно, сознание природных явлений строго аналогично человеческому, что они подвержены тем же страстям и эмоциям и обладают способностями, которые, хотя и напоминают человеческие по виду, часто значительно их превосходят. Таким образом, в сознании первобытного человека природные явления приобретают характер грозных и опасных духов, гнева которых он хочет избежать, а благосклонности которых он заинтересован добиться. Для достижения этих целей он прибегает к тем же средствам, которые использует по отношению к людям, от благосклонности которых он зависит; он обращается к ним с просьбами, делает им подарки; иными словами, он молится и приносит им жертвы; так или иначе, он им поклоняется. Таким образом, то, что мы можем назвать поклонением природе, основано на персонификации природных явлений. Действуя ли сознательно, руководствуясь ли теорией, или, что более вероятно, инстинктивно, повинаясь импульсу своей природы, первобытный человек на определенной, необязательно самой ранней стадии своей интеллектуальной эволюции приписывает всем или, во всяком случае, наиболее ярким объектам природы, одушевленным или неодушевленным, которые его окружают, личность, сходную с его собственной. Этот процесс одушевления, по-видимому, является основной, хотя, возможно, и не единственной причиной поклонения природным явлениям у первых людей.

Другой формой естественной религии является поклонение мертвым. Хотя эта форма отличается от поклонения природе как сама по себе, так и по предпосылкам, на которые опирается, обе, пожалуй, в равной степени распространены были среди первых людей и, вероятно, оказали по меньшей мере равное влияние на развитие социально-общественных институций. Предпосылок, на которых зиждется поклонение мертвым, всего две: во-первых, считается, что мертвые способны сохранять сознание и личность, а во-вторых, что они могут влиять на судьбы живых как во благо, так и во зло. Иначе говоря, предполагается, что душа человека переживает смерть тела и в развоплощенном состоянии способна принести пользу или вред

людям. Таким образом, вера в бессмертие или, во всяком случае, в сохранение сознания и личности на неопределенное время после смерти является краеугольным камнем концепции поклонения мертвым, которая сыграла важнейшую роль в истории и привела к самым серьезным последствиям для всего человечества.

СХХІІІ. Анимизм [\[105\]](#)

Когда человек начинает всерьез задумываться о природе вещей, он почти неизбежно должен объяснять их по аналогии с тем, что знает лучше всего, то есть своими мыслями, чувствами и переживаниями. Поэтому дикарь был склонен приписывать всему, не только животным, но и растениям и неодушевленным предметам, некое жизненное начало, подобное тому, которое он сам осознавал и которое за неимением лучшего названия мы привыкли называть душой. Такое первобытное мирозерцание известно как анимизм. Это еще детская интерпретация Вселенной человеком. Была ли это самая ранняя попытка человека разгадать загадку Вселенной, мы точно сказать не можем. Хотя история пребывания человека на Земле и так представляется нам достаточно продолжительной, новые открытия в областях геологии и археологии каждый раз заставляют ее хронологические рамки сдвигаться все дальше в прошлое. Возможно, гипотеза анимизма – это лишь одна из многих попыток отыскать истину, которые человек последовательно предпринимал и отвергал одну за одной. Мы знаем только то, что мировоззрение анимизма нашло признание у многих народов вплоть до нашего времени.

СХХІV. Стратификация религии

Во избежание недоразумений следует добавить, что сказанное нами о трех основных типах религии или суеверий, соответствующих трем основным типам общества, не претендует на то, чтобы хотя бы в общих чертах иллюстрировать эволюцию религии в целом. Мы ни в коем случае не утверждаем, что почитание диких животных и растений, почитание домашнего скота и почитание растений – это единственные формы религии или суеверий, которые преобладают на

соответствующих этапах общественного развития. Мы утверждаем лишь то, что для этих этапов они характерны. Элементы, составляющие любую религиозную систему, слишком многочисленны, а их взаимодействие представляется слишком сложным, чтобы его можно было адекватно выразить в нескольких простых формулах. Упомянем лишь один фактор, который мы не учитывали, указывая на приблизительное соответствие между структурой религии и общества, – страх перед душами умерших, который был одним из мощнейших факторов, возможно, даже самым главным из всех, повлиявших на ход религиозной эволюции на всех стадиях общественного развития. Именно поэтому он не является специфическим или характерным для конкретного общества. И те три типа религии или суеверий, которые мы выделяем как характерные для трех стадий развития общества, далеко не всегда ограничены хронологическими рамками. Например, хотя тотемизм, или особый вид почитания группами людей диких животных и растений, вероятно, зародился на стадии охоты и собирательства, он отнюдь не ограничивался этой фазой, а часто переходил не только в пастушескую, но и в земледельческую стадии, как мы можем видеть на примере многих народов Африки, Индии и Америки. Представляется вероятным, что подобное имело место и в других случаях. Иными словами, нельзя разделить историю человечества на ряд четко ограниченных отрезков, каждый из которых строго отделен от остальных лишь ему присущей фактурой и цветом; теоретически это можно сделать для удобства изложения, но практически фактуры переплетаются, цвета переходят друг в друга почти неощутимыми нюансами оттенков. Абстрактные обобщения науки никогда не сумеют должным образом выразить все особенности истории и современности. Жизнь всегда будет шире узких рамок человеческих теорий.

СХХV. Тотемы превращаются в богов [\[106\]](#)

Когда в результате смены системы матрилинейного родства патрилинейным и расселения племен в постоянных местах обитания общество перестало представлять собой калейдоскоп кланов, или родов, а приобрело определенную стабильность и неизменность форм,

можно было бы ожидать, что при большей стабильности, сопровождающей развитие культуры, тотемы, обобщенные в более сильные божества, уже не уйдут в небытие, а сохранят свое положение в религиозной иерархии, а тотемы менее развитых племенных подразделений будут сгруппированы под их властью либо как подчиненные божества, либо будут восприниматься лишь как исполнители воли богов более высокого уровня. В подобном состоянии находился тотемизм в Полинезии, где географические условия благоприятствовали изоляции и, следовательно, неизменности состава и территориального статуса племенных групп, чего вряд ли могли достичь дикари на открытых равнинах Австралии или в прериях Америки. Поэтому именно в Полинезии мы находим, если можно так выразиться, тотемный Олимп. Дело в том, что на Самоа существовали как боги более высокого уровня, так и частные божества отдельных семей, причем одно и то же божество воплощалось в виде различных животных. Так, один бог воплощается в ящерице, сове и сороконожке; другой – в летучей мыши, домашней птице, голубе и колючем морском еже; третий – в летучей мыши, морском угре, каракатице, кефали и черепахе; еще один – в сове и кефали; очередной – в птице *Porphyris Samoensis*, голубе, еще одной местной птице семейства пастушковых и морском угре; следующий – в черепахе, морском угре, осьминоге и садовой ящерице. Представляется справедливым предположение, что подобные божества являются племенными, или фратриальными, тотемами, а тотемы племенных, или фратриальных, подразделений добавляются в качестве их воплощений. Поскольку приписывание тотему человеческих качеств составляет суть тотемизма, то очевидно, что божество, обобщающее в себе целый ряд животных или растений или включающее в себя ряд различных животных и растений, должно, поскольку его животные и растительные атрибуты противоречат друг другу, все более и более стремиться отбрасывать их и сохранять только те человеческие качества, которые, по разумению дикаря, являются общим элементом всех тотемов, составным продуктом которых он является. Иными словами, племенной тотем стремится превратиться в антропоморфного бога. И по мере того как он становится все более и более антропоморфным, подчиненные ему тотемы занимают все более скромные позиции до тех пор, пока нити, связывавшие их с богом, полностью не исчезают из памяти и не появляется поколение

мифологов, стремящихся восстановить разорванную связь дешевым методом символизма. Но символизм – это лишь чисто декоративная, хотя и вполне понятная завеса, которую старики любят накидывать на любые тезисы, чтобы скрыть свое невежество в отношении прошлого.

СХХVI. Сложная структура религии

Рассказав так много о призрачной славе, которую человеческое воображение приписывает природным явлениям, что влияют на обеспечение населения продуктами питания, не хотелось бы оставлять читателей под вполне естественным, но неверным впечатлением, что человек создал большинство своих богов исходя из потребностей в еде. Это не так, по крайней мере, что касается религии. Среди видимых, осязаемых элементов, которыми он окружен, и только о них мы говорим, есть и другие, помимо простой потребности в пище, которые оказали мощное влияние, затронув его воображение и стимулировав его энергию, и таким образом способствовали созданию сложной структуры религии. Для сохранения вида репродуктивные процессы не менее важны, чем пищеварительные, и здесь мы вступаем в совершенно иную сферу мыслей и чувств, а именно половые отношения, со всей глубиной нежности и всеми сложными проблемами, которые влечет за собой эта таинственная связь. Изучение различных форм – неосязаемых и ощутимых, тонких и неуловимых, в которых половой инстинкт формировал религиозное сознание нашего вида, – одна из самых интересных, а также одна из самых сложных и тонких задач, которые стоят перед будущим историком религии.

Но воздействие, которое оказывают друг на друга мужчины и женщины, сокровенное и глубокое, каким оно было и должно быть всегда, далеко не исчерпывает тех сил притяжения, которые связывают людей в обществе. Необходимость взаимной защиты, экономические преимущества сотрудничества, передача знаний, великие идеи, генерируемые великими умами, рассекающими тьму невежества подобно лучам света с высоких башен, – все это и многое другое объединяет людей в сообщества и заставляет маршировать по дороге прогресса с удвоенной силой, которой не могут противостоять отряды первобытной анархии. Вот почему, если мы представим, насколько

тесно человек зависит от общества, мы, вероятно, признаем, что из всех известных нам сил, определяющих судьбу человека, влияние человека на человека является, безусловно, наибольшей. Если это так, по-видимому, следует, что среди реальных или воображаемых существ, которых религиозное воображение наделило атрибутами божественности, духи людей, скорее всего, будут играть более важную роль, чем духи растений, животных или неодушевленных предметов. Мы полагаем, что тщательное изучение фактов, которое еще предстоит провести, подтвердит этот вывод; и если бы мы могли строго допросить фантомы, которые человеческий разум извлек из глубин собственного бездонного невежества, назвал их богами и поселил в храмах, мы бы обнаружили, что большинство из них были не чем иным, как призраками умерших людей. Но сказать это – значит предвосхитить результат будущих исследований.

СХХVII. От анимизма к монотеизму^[107]

Процесс деспиритуализации Вселенной, если можно так выразиться, был чрезвычайно медленным и постепенным. После того как люди заселили духами каждую скалу и холмик, каждое дерево и цветок, каждый ручей и речку, каждый порыв ветра и каждое облако, они, в силу того, что можно назвать ресурсом восприятия, начали ограничивать число духов. Вместо отдельного духа для каждого дерева они стали представлять себе бога леса вообще – Сильвануса и т. п.; вместо того чтобы воспринимать все порывы ветра как отдельных богов, каждого со своим характером и особенностями, они создали себе единого бога ветров – Эола. Последний держал все остальные ветра в мешках и мог выпустить их по желанию, чтобы устроить бурю. Иначе говоря, несчетное множество духов или демонов было обобщено и сведено к сравнительно небольшому числу божеств; на смену анимизму пришел политеизм. Теперь считалось, что миром управляет пантеон богов и богинь, обладающих индивидуальными характерами, силами и функциями, в силу которых им вверялось управление теми или иными явлениями природы или человеческой жизни. В результате подобного обобщения инстинктивное стремление разума к упрощению и унификации представлений было удовлетворено, но удовлетворение это было частичным и временным.

Разум не мог окончательно смириться с представлением о нескольких отдельных и более или менее независимых божествах, склонности и деятельность которых постоянно противоречили друг другу.

Тот же процесс абстрагирования и обобщения, то же стремление к упрощению и унификации, которое послужило развитию политеизма из анимизма, привело к образованию монотеизма из политеизма; множество богов, которые долгое время делили между собой власть над миром, были вынуждены отдать свою власть в руки одного-единственного божества – Творца всего сущего. Сначала этот единый Бог представлялся, например, иудеям, как управляющий всей природой путем произвольных волевых актов и способный изменять собственное целенаправленное действие путем обращения к своему Я, то есть собственным страстям или интересам. Однако с течением времени, когда единообразие и неизменность законов природы были признаны в результате прогресса науки, стало необходимым или целесообразным освободить божество от его обязанностей непосредственного вдохновителя всех событий в нашем мире и возвести его, если можно так выразиться, в более высокий ранг в качестве творца или архитектора Вселенной. Одновременно управление менее значимыми делами было возложено на подчиненных ему ангелов. Последние представляют собой вполне реальные физические силы, которые современная наука, если мы правильно ее понимаем, сводит к гравитации и электричеству, или, возможно, только к электричеству. Таким образом, спиритуалистическая теория мира претерпела процесс упрощения и унификации, аналогичный тому, который претерпела материалистическая теория: как материалистическая гипотеза свела множество форм материи к одному элементу – водороду, так и спиритуалистическая гипотеза объединила множество божеств в личности одного Бога.

СХХVIII. Исида и Мадонна

В Древней Греции Исиду представляли как богиню плодородия. Ее отождествляли с Деметрой. В греческой эпиграмме она названа «родившей плоды земли» и «матерью пшеничных колосьев», а в гимне, сложенном в ее честь, она названа «царицей пшеничного поля» и «поручена заботам о богатом пшеницей пути плодородной борозды».

Соответственно, греческие и римские художники часто изображали ее с колосьями на голове или в руке.

Можно предположить, что именно такой была Исида в древности, сельская мать-пшеница, которую египетские крестьяне почитали, исполняя первобытные обряды. Но изначальные черты этой богини едва ли можно проследить в том облагороженном, святом облике, который, одухотворенный веками религиозной эволюции, предстал перед ее адептами в наши дни в образе истинной жены, нежной матери, благодетельной царицы природы, озаренной нимбом нравственной чистоты, вечной и таинственной святости. В этом образе она покорила многие сердца далеко за пределами своей родины. В том многообразии религий, которое сопровождало упадок социальной жизни в античности, поклонение ей было одним из самых популярных в Риме и во всей империи. Некоторые римские императоры сами открыто почитали ее. И хотя религия Исиды, как и любая другая, часто служила подобием маскировочной одежды мужчинам и женщинам, ведущим разгульный образ жизни, в целом ее обряды отличались благородством и спокойствием, торжественностью и благопристойностью, способными успокоить беспокойный ум и облегчить отягощенное сердце. Поэтому они привлекали нежные души, и прежде всего женщин, которых кровавые и развратные обряды других восточных богинь только шокировали и отталкивали. Поэтому не приходится удивляться, что в эпоху упадка, когда пошатнулись традиционные верования, когда умы людей были встревожены, когда сама ткань империи, некогда считавшаяся вечной, начала давать зловещие прорехи и трещины, безмятежная фигура Исиды с ее духовным спокойствием, с ее благодатным обещанием бессмертия должна была показаться многим звездой на темном небе и вызвать в их груди восторг преданности, не похожий на тот, который в Средние века воздавали Деве Марии. Действительно, ее величественный ритуал: жрецы с тонзурами, утренняя и вечерняя службы, звонкая музыка, погружение и окропление святой водой, торжественные процессии, украшенные изображениями Божьей Матери, имел много общего с помпезностью и пышностью католицизма. Сходство это вряд ли случайное. Древний Египет мог внести свою лепту как в великолепную символику католической церкви, так и в бледные абстракции ее богословия. Конечно, в искусстве фигура Исиды,

кормящей Младенца Гора, так похожа на фигуру Мадонны с Младенцем, что порой вызывала обожание у невежественных христиан. А Исиде в ее более позднем образе покровительницы мореплавателей Дева Мария, возможно, обязана своим прекрасным эпитетом *Stella Maris*, Звезда моря, под которым ее почитают закаленные бурями моряки. Атрибуты морского божества, возможно, были дарованы Исиде мореплавателями из Александрии. Они совершенно чужды ее первоначальному характеру и привычкам египтян, которые не любили моря. По этой гипотезе Сириус, яркая звезда Исиды, которая июльскими утрами поднимается над гладью волн Восточного Средиземноморья, предвещая мореплавателям прекрасную погоду, был истинной *Stella Maris*.

СХХІХ. Благодетельность табу

По-видимому, святость, магическая добродетель табу, или как бы мы ни называли то таинственное качество, которое, как предполагается, присуще святым или табуированные личности, представляется примитивному мыслителю физической субстанцией или жидкостью, которой священный человек заряжен так же, как лейденская банка заряжена электричеством. И как электричество в банке может быть разряжено при контакте с хорошим проводником, так и святость или магическая добродетель в человеке может быть разряжена и истощена при контакте с землей, которая, согласно этой мировоззренческой модели, служит прекрасным проводником для магического флюида. Следовательно, чтобы заряд не пропал даром, священному или табуированному человеку необходимо тщательно препятствовать соприкосновению с землей; говоря языком электриков, его необходимо изолировать, иначе он утратит драгоценную субстанцию или жидкость, которой он, как флакон, наполнен до краев. И во многих случаях изоляция табуированного человека рекомендуется в качестве меры предосторожности не только ради него самого, но и ради других людей; поскольку добродетель святости или табу – это, так сказать, мощная взрывчатка, которая может сдетонировать от малейшего прикосновения, то в интересах общей безопасности необходимо держать ее в особых условиях, чтобы,

вырвавшись наружу, она не взорвалась, не повредила и не уничтожила все, что окажется рядом.

Но и вещи, и люди часто наделяются таинственным свойством святости или табу; поэтому часто возникает необходимость по тем же причинам оградить их от соприкосновения с землей, чтобы они не лишились своих ценных свойств и не превратились в обычные материальные объекты, в пустую шелуху, из которой удалено доброе зерно.

СXXX. Исповедание грехов

Представляется вероятным, что первоначально нарушение табу, иначе говоря, грех, представлялся как нечто почти физическое, некая болезненная субстанция, таящаяся в теле грешника, из которой она может быть изгнана исповедью, как неким духовным очищением или вытравливанием. Это подтверждается формой исповеди, которую практикуют люди кикуйю в Кении (Восточная Африка). Среди них, как нам говорят, «грех, по сути, можно искупить, достаточно лишь признаться в нем». Обычно это делается с помощью колдуна, который изгоняет грех во время церемонии, главным обрядом которой является использование слабительного: *kotahikio*, происходящее от *tahika* – «стошнить». Таким образом, среди этих дикарей исповедь и отпущение грехов – это, так сказать, чисто физический процесс освобождения страдальца от бремени, которое тяжелым грузом лежит на его желудке, а не на совести. Это подтверждается и тем, что те же кикуйю прибегают к другому физическому способу изгнания греха из грешника, а именно к использованию козла отпущения, который у них, как и у евреев и многих других народов, используется в качестве транспортного средства для вывоза морального мусора и выбрасывания его в другое место. Например, если мужчина из племени кикуйю совершил инцест, что, естественно, повлекло бы за собой его смерть, он изготавливает заменитель в виде козла, на которого с помощью неблагородной процедуры перекладывает свою вину. Затем животному перерезают горло, и человек очищается от греха, искупленного страданиями и смертью козла.

Таким образом, на ранней стадии развития культуры исповедь в грехах представляет собой скорее телесный, чем моральный и

духовный аспект очищения. Это больше магический, чем религиозный обряд, и как таковой он напоминает обряды мытья, чистки, окуливания и т. д., которые так же применяются многими примитивными народами для очищения от того, что мы рассматриваем как моральную вину, но что они рассматривают скорее как телесное загрязнение или инфекцию, которая может быть удалена физическими средствами – огнем, водой, голодом, применением слабительного, нанесением садин, скарификацией и т. д. Но когда бремя греха перестает рассматриваться как нечто материальное, как некий привязчивый пар смерти, а воспринимается как нарушение воли мудрого и благого Бога, то очевидно, что соблюдение этих внешних обрядов очищения становится излишним и нелепым, показным действием, не способным умиротворить гнев оскорбленного божества. Единственным средством отвращения его гнева и предотвращения роковых последствий греха теперь считается смиренная исповедь и истинное покаяние грешника. На этом этапе этической эволюции исповедь теряет свой прежний магический характер телесного очищения и приобретает новый облик чисто религиозного ритуала, умиловления великого сверхприродного и высоконравственного существа, которое простым словом может простить проступок и вернуть грешника к состоянию первозданной невинности. Эта удобная доктрина учит нас, что, для того чтобы уничтожить последствия наших проступков, нам достаточно признать и исповедовать их со смиренным и покаянным сердцем и тогда милосердный Бог милостиво простит наш грех и освободит от его последствий. Для всего мира было бы хорошо, если бы мы могли так легко исправить прошлое, если бы мы могли вспомнить неправильно сказанные слова, если бы мы могли отсечь длинный шлейф, который, как орда мстительных фурий, следует за каждым злым поступком. Но это невозможно. Наши слова и поступки, хорошие и плохие, имеют свои естественные, неизбежные последствия. Бог может простить грех, но природа – нет.

СXXXI. Постоянство суеверий [\[108\]](#)

Если проанализировать суеверные представления, которых молчаливо, но твердо придерживаются многие наши соотечественники, то, возможно, к своему удивлению, мы обнаружим,

что именно самые древние и грубые суеверия наиболее живучи, а взгляды, хотя и ошибочные, но более современные и утонченные, быстро исчезают из народной памяти. Например, верховные боги Египта и Вавилона, Греции и Рима уже давно забыты народом и сохранились только в ученых книгах, но крестьяне, никогда не слышавшие об Исиде и Осирисе, Аполлоне и Артемиде, Юпитере и Юноне, по сей день сохраняют твердую веру в ведьм и фей, в призраков и хобгоблинов, в те низшие мифические существа, в которые их отцы верили задолго до появления великих божеств древнего мира и в которые, судя по всему, их потомки будут верить еще долго после того, как великие божества современности отправятся в забвение вслед за предшественниками. Причина, по которой высшие формы суеверий или религии (ибо религия одного поколения склонна становиться суеверием следующего) менее постоянны, чем низшие, заключается в том, что высшие верования, будучи порождением высшего разума, мало задерживаются в сознании простых людей, которые номинально исповедуют их некоторое время в соответствии с волей своих ставленников, но легко забывают их, как только эти верования выходят из моды среди образованных классов. Но если они безропотно отбрасывают те предметы веры, которые лишь поверхностно запечатлелись в их сознании под влиянием культурного окружения, то невежественные и глупые люди с угрюмой решимостью держатся за гораздо более грубые убеждения, которые действительно отвечают более грубой структуре их интеллекта. Таким образом, в то время как декларируемое вероучение просвещенного меньшинства постоянно меняется под влиянием достижений мысли, реальное, хотя и не декларируемое, вероучение основной массы человечества представляется почти неизменным, и причина его незначительных изменений заключается в том, что у большинства людей, будь то дикари или внешне цивилизованные сообщества, интеллектуальный прогресс идет столь медленно, что едва уловим. Поверхность общества, как и море, находится в вечном движении, а его глубины, подобно океанским, остаются почти неподвижными.

СXXXII. Древние арии

Вряд ли стоит повторять, поскольку это еще не получило всеобщего признания, что народные суеверия и обычаи крестьянства, несмотря на их фрагментарный характер, являются наиболее полным и достоверным свидетельством древней религии ариев, которым мы располагаем. Действительно, древние арии, во всем, что касается их психики и структуры, не вымерли. Они живут среди нас и по сей день. Великие интеллектуальные и нравственные силы, которые произвели революцию в образованном мире, почти не затронули крестьянина. По своим внутренним убеждениям он такой же, каким были его предки в те времена, когда еще росли леса и белки резвились на земле, где сейчас стоят Рим и Лондон.

Поэтому любое исследование древней религии ариев должно либо начинаться с суеверных верований и обычаев крестьянства, либо, по крайней мере, постоянно проверяться и контролироваться путем обращения к ним. По сравнению с данными живой традиции свидетельства древних книг о ранней религии мало что значат. Ведь литература подталкивает развитие мысли с такой скоростью, что медленное распространение мнений из уст в уста остается далеко позади. Два-три поколения литературы могут сделать больше для изменения мысли, чем две-три тысячи лет традиционной жизни. Но масса людей, не читающих книг, остается незатронутой революцией в сознании, произведенной литературой, и поэтому в Европе в настоящее время суеверные верования и обычаи, передаваемые из уст в уста, как правило, гораздо более архаичны, чем религия, запечатленная в древнейшей литературе арийской расы.

СХХХІІІ. Угроза суеверий[\[109\]](#)

В цивилизованном обществе большинство образованных людей даже не подозревают о том, какие образцы дикарского невежества до сих пор процветают у их дверей. Об их распространенности стало известно лишь в прошлом веке, в основном благодаря исследованиям братьев Гримм в Германии. С тех пор систематические исследования, проводимые среди малообразованных слоев населения и особенно среди крестьянства Европы, выявили поразительную, а может быть, и тревожную истину, что масса, если не большинство, людей в каждой цивилизованной стране все еще живет в состоянии интеллектуальной

дикости, что, по сути, гладкая поверхность культурного общества скрывает неприглядные подземелья суеверий. Только те, кто изучал этот вопрос, сознают, насколько глубоко под нашими ногами все набито гнездами, сотами и берлогами невидимых сил. Кажется, что мы стоим на вулкане, который в любой момент может начать куриться, а затем извергнет огонь и разнесет в пух и прах сады и дворцы древней культуры, созданные трудом многих поколений. Посмотрев на разрушенные греческие храмы Пестума и сравнив их с убожеством и дикостью итальянского крестьянства, Ренан сказал: «Я содрогнулся от тревоги за цивилизацию, видя, что она столь ограничена, построена на столь слабом фундаменте, опирается на столь малое число людей даже в той стране, где она преобладает».

СXXXIV. Вера европейцев в колдовство

Мы обманемся, если подумаем, что вера в колдовство в массе людей уже умерла; напротив, существует множество доказательств того, что она лишь впала в спячку под охлаждающим влиянием рационализма и начнет активно оживать, если это влияние достаточно ослабеет. Истина, по-видимому, заключается в том, что крестьянин и по сей день остается в душе язычником и дикарем, а его цивилизация – лишь тонкий слой шпона, который под воздействием непростых условий жизни вскоре истончается и стирается, обнажая твердую сердцевину язычества и дикости. Опасность, которую создает бездна невежества и суеверий под штукатуркой цивилизованного общества, уменьшается не только из-за естественной косности и инертности буколического сознания, но и благодаря постепенному сокращению сельского населения по сравнению с городским в современных государствах; я полагаю, что ремесленники, которые сосредоточены в городах, гораздо меньше сохраняют примитивные формы мышления, чем их деревенские собратья. Во все века города были центрами и как бы маяками, от которых идеи излучались в окружающую тьму, разжигаемые трением одних умов о другие в густонаселенных местах обитания людей; и вполне естественно, что в этих цитаделях света разума все должны в той или иной степени участвовать в общем противодействии тьме. Несомненно, умственное брожение и беспорядок в больших городах имеют как темную, так и светлую

сторону, но среди бед, которые можно от них ожидать, едва ли стоит выделять вероятность возрождения язычества.

СXXXV. Сицилия. Святые и вызов дождя

Читатель может с улыбкой отнестись к метеорологии Дальнего Востока, но к точно таким же способам вызова дождя прибегали в христианской Европе еще при нашей жизни. К концу апреля 1893 года на Сицилии наблюдалось большое бедствие из-за отсутствия воды. Засуха продолжалась уже шесть месяцев. Каждый день солнце всходило и заходило на безоблачном голубом небе. Сады Конка-д-Оро, окаймляющие Палермо великолепным зеленым поясом, иссыхали. Продовольствие становилось все скуднее. Народ был в большой тревоге. Были испробованы все самые эффективные способы вызвать дождь. Крестные ходы проходили по улицам и полям. Мужчины, женщины и дети, позвякивая четками, целыми ночами молились перед святыми образами. В церквях день и ночь горели освященные свечи. На деревьях висели пальмовые ветви, освященные в Вербное воскресенье. В Солапаруте, по чрезвычайно древнему обычаю, пыль, выметенную из церквей в Вербное воскресенье, развеивали в полях. В обычные годы эти действия сохраняют урожай, но в тот год, если уважаемый читатель нам верит, они не оказали никакого влияния. В Никосии жители, босые и с непокрытыми головами, пронесли распятия по всем частям города и бичевали друг друга железными плетями. Все было напрасно. Даже сам великий святой Франциск из Паолы, который ежегодно совершает чудо дождя и которого каждую весну проносят по сельскохозяйственным угодьям, не смог или не захотел помочь. Мессы, вечерни, представления, иллюминация, фейерверки – ничто не могло растрогать его. Наконец крестьяне начали терять терпение. Большинство святых были развенчаны. В Палермо люд бросил святого Иосифа в сад, чтобы он сам увидел, как обстоят дела, и поклялись оставить его там на солнце до тех пор, пока не пойдет дождь. Других святых, как непослушных детей, ставили лицом к стене. Третью, сорвав с них прекрасные одеяния, ссылали далеко от их приходов, угрожали, грубо оскорбляли, бросали в пруды для скотины. В Кальтанисетте от Михаила Архангела оторвали его золотые крылья, а вместо них налепили картонные; с него сняли

пурпурную мантию и надели на него клобук. В Ликате покровителю города, святому Ангелу, пришлось еще хуже: его оставили вообще без одежды, поносили, заковывали в кандалы, угрожали утопить или повесить. «Дождь или веревка!» – кричали ему разъяренные люди, потрясая кулаками пред его лицом.

CXXXVI. Скоротечность высших религий

Причудливые обряды, до сих пор практикуемые крестьянами в разных концах Европы при пахоте и севе, несомненно, восходят к чрезвычайно раннему периоду истории земледелия. Вероятно, они гораздо старше христианства, старше даже тех высокоразвитых форм греческой религии, с которыми нас познакомили древние писатели и художники, но которые на протяжении многих веков оставались в прошлом. Таким образом, получается, что в то время как прекрасный цветок религиозного сознания в мифе, ритуале и искусстве хрупок и жизнь его скоротечна, его более простые формы относительно устойчивы и постоянны, укоренены в тех принципах обыденного сознания, которые способны пережить все великолепные, но преходящие творения гения. Может быть, сложным теологическим идеям, торжественным обрядам, величественным храмам, которые теперь вызывают благоговение или удивление человечества, суждено уйти в прошлое, подобно угасшему пантеону Олимпа, а простые люди будут по-прежнему хранить простые верования своих безымянных и незапамятных предков, будут по-прежнему верить в ведьм и фей, в призраков и гоблинов, будут бормотать старые заклинания и совершать старые магические пассы, когда муэдзин перестанет призывать верующих к молитве с минаретов Святой Софии, а Нотр-Дам и собор Святого Петра опустеют.

CXXXVII. Народная религия

В Индии с древнейших времен и до наших дней настоящей религией простого народа, по-видимому, всегда была вера в огромное количество духов, многие из которых, если не большинство, являются злыми и вредными. Как в Европе под поверхностным слоем христианства всегда сохранялась и даже процветала среди

непросвещенных людей вера в магию и колдовство, в привидений и гоблинов, так было и есть на Востоке. Брахманизм, буддизм, ислам могут приходить и уходить, но вера в магию и демонов остается непоколебимой во всех них и, если мы можем судить о будущем по прошлому, скорее всего, переживет взлет и падение других исторических религий. Ибо великие религии мира, в той мере, в какой они являются результатом высокого интеллекта, чистой нравственности, необычайной пылкости стремления к идеалу, не способны тронуть и изменить простого человека. Они предъявляют требования к его интеллекту и сердцу, на которые ни то ни другое не в состоянии ответить. Философия, которую они несут в себе, слишком абстрактна, мораль, которую они прививают, слишком возвышенна для него. Более острый ум принимает новую философию, более щедрый дух воспламеняется новой моралью; и поскольку такие люди стоят у руля общества, их вера рано или поздно распространяется в толпе. Однако на простое стадо, составляющее основную массу людей, новая религия воздействует лишь поверхностно, поскольку она внушается им их лидерами, за которыми они, естественно, не могут не следовать. Они бездумно соглашаются с ней устами, но в глубине души не отказываются от старых суеверий; в них они лелеют такую веру, какой не может быть в вероучении, которое они номинально исповедуют; к ним они прибегают в жизненных испытаниях и в годину тягот, как к безошибочному средству, когда посулы высшей веры их не удовлетворяют, а бывает так нередко.

СXXXVII. Восточные религии на Западе

Поклонение Великой Матери богов и ее возлюбленному или сыну было чрезвычайно популярно в эпоху Римской империи. Надписи свидетельствуют о том, что религиозные почести им воздавались по отдельности или вместе не только в Италии, особенно в Риме, но и в других провинциях, в частности на территории Африки, Испании, Португалии, Франции, Германии и Болгарии. Этот культ сохранился и после принятия Константином христианства, так как Симмах отмечает повторение праздника Великой Матери, а во времена Августина ее женоподобные жрецы все еще шествовали по улицам и площадям Карфагена с выбеленными лицами, надушенными волосами и

негнущейся походкой, прося милостыню у прохожих, подобно монахам-подвижникам средневековья. В Греции же кровавые оргии азиатской богини и ее супруга, судя по всему, не нашли отклика. Варварский и жестокий характер культа с его невероятными излишествами, несомненно, был противен хорошему вкусу и гуманности греков, которые, по-видимому, предпочитали похожие, но более мягкие обряды культа Адониса. Однако те же черты, которые шокировали и отталкивали греков, могли положительно привлекать менее утонченных римлян и варваров Запада. Экстатические безумства, которые принимались за божественное вдохновение, изувечивание тела, идея нового рождения и отпущения грехов через пролитие крови – все это берет свое начало в дикости и, естественно, привлекает народы, в которых еще сильны дикарские инстинкты. Их истинный характер действительно часто скрывался под благопристойной завесой аллегорических или философских толкований, которых, вероятно, было достаточно для того, чтобы многое внушить восторженным приверженцам культа и примирить даже самых культурных из них с вещами, которые в противном случае должны были бы вызывать у них ужас и отвращение.

Религия Великой Матери, в которой причудливо сочетались грубая дикость и духовные устремления, была лишь одной из множества подобных восточных верований, которые в поздний период язычества распространились по Римской империи и, насыщая европейские народы чуждыми идеалами, постепенно подрывали всю ткань античной цивилизации. Греческое и римское общество было построено на концепции подчинения человека обществу, гражданина государству; благополучие общества как высшая цель деятельности ставилась выше благополучия отдельного человека как в этом мире, так и в мире грядущем. Воспитанные с младенчества на этом бескорыстном идеале, граждане посвящали свою жизнь служению обществу и были готовы отдать ее за общее благо; а если они и уклонялись от высшей жертвы, то, предпочитая личное существование интересам страны, они не могли думать об этом иначе как о подлом поступке. Все изменилось с распространением восточных религий, которые проповедовали единение души с Богом и ее вечное спасение как единственные цели, ради которых стоит жить, по сравнению с которыми благополучие и даже существование государства теряют

значимость. Неизбежным результатом этой эгоистической и безнравственной доктрины было все большее отстранение верующего от общественного служения, сосредоточение его мыслей на собственных душевных переживаниях и воспитание в нем презрения к этой мирской жизни, которую он рассматривал лишь как испытательный срок для лучшей и вечной. Святой и отшельник, презревший землю и погрузившийся в медитативное созерцание неба, стал в народном сознании высшим идеалом человечества, вытеснив старый идеал патриота и героя, который, забыв о себе, живет и готов умереть ради блага своей страны. Земной город казался бедным и презренным людям, перед глазами которых стоял Град Божий, грядущий на облаках небесных. Таким образом, центр тяжести был перенесен, так сказать, с настоящей жизни на обетованную будущую, и сколько бы ни приобрел другой мир, можно не сомневаться, что мир настоящий сильно потерял от такой перемены. Наступила общая дезинтеграция политического тела. Ослабли государственные и семейные узы, структура общества стремилась распасться на отдельные элементы и тем самым скатиться к варварству, ведь цивилизация возможна только при активном сотрудничестве граждан и их готовности подчинить свои частные интересы общему благу. Люди отказывались защищать свою страну и даже продолжать свой род. В стремлении спасти свою душу и души других людей они были готовы оставить материальный мир, который они отождествляли со злым началом, гибнуть. Эта одержимость продолжалась тысячу лет. Возрождение римского права, аристотелевской философии, античного искусства и литературы на исходе Средневековья ознаменовало возвращение Европы к исконным идеалам жизни и поведения, к более здоровому и мужественному взгляду на мир. Длительная остановка в движении цивилизации закончилась. Волна восточного нашествия наконец повернула вспять. Сейчас она ослабевает и дальше.

Среди богов восточного происхождения, которые в период упадка античного мира боролись друг с другом за души Запада, было и древнеперсидское божество Митра. Об огромной популярности его культа свидетельствуют памятники, встречающиеся по всей территории бывшей Римской империи. В отношении доктрин и обрядов культ Митры, по-видимому, имел много общего не только с религией Матери Богов, но и с христианством. Это сходство поразило

самых христианских мыслителей и было объяснено ими как происки дьявола, стремящегося ложным и коварным подражанием совратить души людей с пути истинной веры. Так и испанским завоевателям Мексики и Перу многие языческие обряды казались дьявольскими подражаниями христианским таинствам. Современный исследователь сравнительного религиоведения с большей долей вероятности объясняет подобные сходства сходной и независимой работой человеческого разума в его искренних, хотя и грубых, попытках постичь тайну вселенной и приспособить свою маленькую жизнь к ее страшным загадкам. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что митраистская религия была грозным соперником христианства, сочетая в себе торжественный ритуал, стремление к нравственной чистоте и чаяния бессмертия. Симптоматичное свидетельство этой долгой борьбы сохранилось в нашем празднике Рождества, который Церковь, похоже, напрямую позаимствовала у своего языческого соперника. В юлианском календаре 25 декабря считалось зимним солнцестоянием и рождеством солнца, так как с этого переломного момента года день начинает удлиняться, а сила солнца возрастает. Ритуал празднования в Сирии и Египте был весьма примечателен. Празднующие удалялись в специальные внутренние святилища, из которых в полночь выходили с громким возгласом: «Дева родила! Свет сияет ярче!» Египтяне даже представляли новорожденное солнце в виде младенца, которого в день его рождения, в день зимнего солнцестояния, выносили на свет и демонстрировали собравшимся. Несомненно, Дева, зачавшая и родившая сына 25 декабря, была великой восточной богиней, которую семиты называли Небесной Девой или просто Небесной Богиней; в семитских странах она была разновидностью Астарты. Митра же регулярно отождествлялся своими приверженцами с Солнцем, Непобедимым Солнцем, как они его называли, и поэтому его рождение также приходилось на 25 декабря. В Евангелиях ничего не говорится о дне рождения Христа, и, соответственно, ранняя церковь его не праздновала. Однако со временем христиане Египта стали считать днем Рождества Христова 6 января, и обычай праздновать Рождение Спасителя в этот день постепенно распространился, пока к IV веку не стал повсеместным на Востоке. Но в конце III – начале IV века Западная церковь, никогда не признававшая 6 января днем Рождества Христова, утвердила 25

декабря, а со временем это решение было принято и Восточной церковью. В Антиохии это изменение было введено лишь около 375 года н. э.

Какие соображения побудили церковные власти ввести праздник Рождества? Мотивы этого нововведения с большой откровенностью излагает сирийский писатель-христианин: «Причина, – говорит он, – по которой отцы перенесли празднование 6 января на 25 декабря, такова. У язычников был обычай отмечать в тот же день 25 декабря день рождения солнца, в который они зажигали огни в знак торжества. В этих торжествах и празднествах принимали участие и христиане. Поэтому, когда Отцы Церкви увидели, что христиане склоняются к этому празднику, они посоветовались и постановили, что истинное Рождество Христово должно совершаться в этот день, а праздник Богоявления – 6 января. Соответственно, вместе с этим обычаем возобладала практика разжигать костры до 6 числа». На языческое происхождение Рождества явно намекает, если не прямо указывает, Августин, призывая братьев-христиан не праздновать этот торжественный день, как язычники, в честь солнца, а в честь того, кто создал солнце. Подобным образом Лев Великий обличал вредное мнение о том, что Рождество празднуется в связи с рождением нового солнца, как его называли, а не в связи с рождением собственно Христа.

Таким образом, получается, что христианская церковь решила праздновать день рождения своего основателя 25 декабря, чтобы поклонение язычников сместилось с солнца на Того, кто назывался Солнцем Праведности. Если это так, то нет ничего невероятного в предположении, что те же самые мотивы могли побудить церковные власти перенести пасхальный праздник крестной смерти и воскресения Господа на праздник смерти и воскресения другого азиатского бога, который приходился на то же время года. Пасхальные обряды, до сих пор совершаемые в Греции, Южной Италии, на Сицилии и в некоторых отношениях имеют поразительное сходство с обрядами Адониса, и, возможно, церковь сознательно адаптировала новый праздник к его языческому предшественнику ради привлечения душ ко Христу. Но эта адаптация, скорее всего, произошла в грекоязычной, а не в латиноязычной части древнего мира, поскольку поклонение Адонису, хотя и процветало у греков, но, судя по всему, не

произвело большого впечатления на Рим и Запад. Конечно, оно никогда не было частью официальной римской религии. Место, которое он мог бы занять в привязанностях простых людей, уже было занято аналогичным, но более варварским поклонением Аттису и Великой Матери. Смерть и воскрешение Аттиса официально праздновались в Риме 24 и 25 марта, причем последний день считался днем весеннего равноденствия, а значит, наиболее подходящим для возрождения бога растительности, который всю зиму был мертв или спал. Но согласно древнему и широко распространенному преданию, Христос был распят именно 25 марта, и, соответственно, некоторые христиане регулярно праздновали именно этот день, не обращая внимания на фазу Луны. Этот обычай, безусловно, соблюдался во Фригии, Каппадокии и Галлии, и есть некоторые основания полагать, что в свое время его придерживались и в Риме. Таким образом, традиция, приурочившая смерть Христа к 25 марта, была древней и имела глубокие корни. Она тем более примечательна, что астрономические соображения доказывают, что она не могла иметь под собой никакой исторической основы. Напрашивается неизбежный вывод, что Страсти Христовы были произвольно отнесены к этой дате, чтобы согласовать ее с более древним праздником весеннего равноденствия. Такого мнения придерживается известный церковный историк Дюшен, указывающий, что смерть Спасителя была отнесена к тому самому дню, в который, по широко распространенному мнению, был сотворен мир. А вот воскрешение Аттиса, соединившего в себе образы Божественного Отца и Божественного Сына, официально праздновалось в Риме в тот же день. Следует также вспомнить, что праздник Георгия в апреле пришел на смену древнему языческому празднику Парилий; что день Иоанна Крестителя в июне пришел на смену языческому празднику воды в середине лета; что день Успения Богородицы в августе вытеснил прежний праздник Дианы; что праздник Всех усопших верных в ноябре является продолжением старого языческого дня мертвых и что Рождество самого Христа было назначено на зимнее солнцестояние в декабре, поскольку этот день в то время считался рождеством солнца. Вряд ли можно посчитать опрометчивым или необоснованным предположение, что другой основополагающий праздник христианской церкви, Пасха, мог быть подобным образом и из тех же проповеднических побуждений

приурочен к аналогичному празднованию фригийского бога Аттиса в день весеннего равноденствия.

По крайней мере, это замечательное совпадение, если не сказать больше, что христианские и языческие праздники смерти и воскресения должны были отмечаться в одно и то же время и в одних и тех же местах. Ведь местами, где праздновали Воскресение Христово в день весеннего равноденствия, были Фригия, Галлия и, по видимому, Рим, то есть те самые регионы, где поклонение Аттису либо зародилось, либо пустило глубокие корни. Трудно считать такое совпадение случайным. Если весеннее равноденствие – время, когда в умеренных широтах вся природа свидетельствует о новом всплеске жизненной энергии, – издревле рассматривалось как время, когда мир ежегодно создавался заново в результате воскресения бога, то не может быть ничего более естественного, чем поместить воскресение нового верховного божества в ту же точку года. Заметим лишь, что если смерть Христа датируется 25 марта, то его воскресение, согласно христианской традиции, должно было произойти 27 марта, то есть всего на два дня позже весеннего равноденствия по юлианскому календарю и воскресения Аттиса. Аналогичное смещение на два дня при согласовании христианских и языческих праздников происходит в праздниках Георгия Победоносца и Успения Богородицы. Однако другая христианская традиция, которой следовал Лактанций и, возможно, практика галльской церкви, относила смерть Христа к 23, а его воскресение к 25 марта. Если это так, то его воскресение точно совпадает с воскресением Аттиса.

На самом деле, из свидетельства анонимного христианина, писавшего в IV веке н. э., следует, что и христиане, и язычники были поражены удивительным совпадением между смертью и воскресением их божеств. И это совпадение стало предметом ожесточенных споров между приверженцами враждующих религий: язычники утверждали, что Воскресение Христа было подделкой воскресения Аттиса, а христиане с такой же горячностью утверждали, что воскресение Аттиса было дьявольской подделкой Воскресения Христа. В этих непристойных препирательствах язычники, как может показаться поверхностному наблюдателю, опирались на то, что их бог старше и, следовательно, является оригиналом, а не подделкой, поскольку, как правило, оригинал старше своей копии. Этот слабый аргумент

христиане легко опровергли. Они, правда, признали, что по времени Христос был младшим божеством, но с триумфом продемонстрировали его реальное старшинство, ссылаясь на хитрость сатаны, который в столь важном случае превзошел самого себя, перевернув привычный порядок природы.

В целом совпадения христианских и языческих праздников слишком явны и многочисленны, чтобы быть случайными. Они свидетельствуют об обещании, которое Церковь в час своего триумфа была вынуждена дать побежденным, но все еще опасным соперникам. Несгибаемая ригористичность ранних миссионеров с их пламенными обличениями язычества сменилась более мягкой политикой, относительной терпимостью, всеобъемлющим милосердием проникательных церковников, ясно понимавших, что если христианство хочет завоевать мир, то сделать это можно, лишь смягчив слишком жесткие принципы своего Основателя, немного расширив узкие врата, ведущие к спасению. В этом отношении можно провести поучительную параллель между историей христианства и историей буддизма. Обе системы в своей основе были этическими реформами, порожденными высокими стремлениями и сердечным состраданием их благородных основателей, двух воплощений духов, которые в редкие промежутки времени появляются на земле как существа, пришедшие из лучшего мира, чтобы поддержать и направить слабых и склонных к ошибкам людей. Оба проповедовали нравственную добродетель как средство достижения того, что считали высшей целью жизни, – вечного спасения души, хотя по любопытной антитезе один искал это спасение в блаженной вечности, другой – в окончательном избавлении от страданий, в уничтожении. Но насаждаемые ими строгие идеалы святости слишком глубоко противоречили не только слабостям, но и природным инстинктам человечества, их могли осуществить на практике разве что немногочисленные адепты, последовательно отказывавшиеся от семейных и государственных уз ради собственного спасения в тихом уединении монастыря. Чтобы такие верования были номинально приняты целыми народами или даже всем миром, их необходимо было сначала модифицировать или трансформировать, чтобы они не столь остро противоречили предрассудкам, страстям, суевериям простых людей. В последующие эпохи этот процесс аккомодации

осуществлялся последователями, которые, будучи уже не столь аскетично-бесплотными, как их наставники, по этой причине были лучше приспособлены для посредничества между ними и обыкновенной паствой. Таким образом, с течением времени обе религии пропорционально росту их популярности, вбирали в себя все больше и больше тех низменных элементов, для искоренения которых они были созданы. Такой духовный упадок неизбежен. Мир не может жить на уровне великих людей. Однако было бы несправедливо по отношению ко всему нашему роду приписывать постепенное отклонение буддизма и христианства от их первоначальных образцов исключительно их интеллектуальной и нравственной слабости. Ведь нельзя забывать, что, прославляя бедность и безбрачие, обе эти религии нанесли прямой удар по корням не только гражданского общества, но и всего человеческого бытия. Удар был смягчен мудростью (или глупостью) подавляющего большинства человечества, отказавшегося приобрести возможность спасения души ценой пресечения рода.

СXXXIX. Пьета Микеланджело

Размышляя о том, как часто церкви удавалось в полной мере насадить семена новой веры на старую почву язычества, мы можем предположить, что пасхальное празднование Воскресения Христова было привито к аналогичному празднованию Адониса, которое, по видимому, отмечалось в Сирии в то же время. Созданный греческими художниками образ скорбящей богини с умирающим возлюбленным на руках, возможно, послужил образцом для Пьеты христианства – Богородицы с мертвым телом Ее Божественного Сына на коленях, наиболее известным образцом которой является скульптура Микеланджело в соборе Святого Петра. Это благородное изваяние, в котором живая скорбь матери так удивительно контрастирует со смертной тоской сына, является одной из лучших композиций в мраморе. Древнегреческое искусство оставило нам в наследство совсем немного столь прекрасных произведений, а по силе чувства и вовсе не сравнится.

CXL. Историческое изучение религии [\[110\]](#)

То, что историческое изучение религиозных верований, вне зависимости от вопроса об их истинности или ложности, интересно и поучительно, вряд ли сможет отрицать разумный и вдумчивый исследователь. Независимо от того, были ли они обоснованы или нет, эти верования оказали глубокое влияние на ход истории человечества; они послужили одними из самых мощных, стойких и далеко идущих мотивов действий; они преобразовали народы и изменили облик земного шара. Ни один человек, желающий охватить общую историю человечества, не может позволить себе пренебречь летописью религии. Если он пойдет на это, то неизбежно впадет в серьезнейшие заблуждения даже при изучении тех областей человеческой деятельности, которые на первый взгляд кажутся совершенно далекими от религиозных соображений.

Поэтому изучение развития теологических и вообще религиозных идей сквозь призму всего многообразия влияний, которые они оказывали на судьбы рода человеческого, до их истоков, всегда должно быть предметом первостепенной важности для историка, какой бы точки зрения он ни придерживался относительно их умозрительной истинности или этической ценности. Очевидно, что мы не можем оценить их этическую ценность до тех пор, пока не узнаем, каким образом они определяли поведение человека во благо или во зло: другими словами, мы не можем судить о нравственности религиозных верований, пока не изучим их историю. Факты должны быть известны, прежде чем выносить о них суждение: работа историка должна предшествовать работе моралиста. Даже вопрос о достоверности или истинности религиозных верований, пожалуй, не может быть полностью отделен от вопроса об их происхождении. Если, например, мы узнаем, что доктрины, которые мы приняли на веру из области традиции и предания, имеют близкие аналоги в варварских суевериях невежественных дикарей, мы не можем не подозревать, что наши собственные заветные доктрины могли возникнуть в аналогичных суевериях наших грубых предков; и это подозрение неизбежно подрывает доверие, с которым мы до сих пор относились к основам нашей веры. Сомнение, которое возникает в отношении нашего старого верования, возможно, нелогично, поскольку даже если мы

обнаружим, что вероучение действительно возникло на основе суеверия (другими словами, что основания, на которых оно было впервые принято, были ложными и абсурдными), это открытие не опровергнет само верование, поскольку вполне возможно, что верование это может быть истинным, хотя основания, приводимые в его пользу, ложны и нелепы. Действительно, мы можем с большой долей вероятности утверждать, что множество человеческих убеждений, истинных самих по себе, принимались и защищались миллионами людей на основаниях, которые не выдерживают никакой научной критики. Например, если примитивные фантазии и жестокие обычаи дикарей, касающиеся жизни после смерти, заставят поверить в бессмертие, то мы, приверженцы этой веры, можем утешить себя тем, что вера не обязательно ложна, несмотря на то что некоторые из доводов, приводимых в ее пользу, несостоятельны, и поддерживалась она иногда отвратительными уловками самого пошлого самозванства, а практика, к которой она приводила, часто была в высшей степени не только нелепой, но и пагубной.

Таким образом, историческое исследование происхождения религиозных верований, строго говоря, не может признать недействительными, а тем более опровергнуть сами вероучения, хотя и может, и часто ослабляет доверие к ним. Ослабление религиозной веры в результате более пристального изучения ее истоков, несомненно, имеет большое значение для общества, поскольку оно построено и сцементировано в значительной степени на религиозном фундаменте, и невозможно ослабить цемент и поколебать фундамент, не подвергая опасности все здание. Добросовестный историк религии не будет скрывать опасности, связанной с его исследованиями, но тем не менее его долг – неуклонно продолжать научный труд. Что бы ни случилось, он должен установить факты, насколько это возможно; сделав это, он может оставить другим обременительную и деликатную задачу приведения новых знаний в соответствие с практическими потребностями человечества. Узкий путь к истине часто кажется темным и угрожающим, а силы путника имеют предел; но даже в самые темные и тяжелые времена он будет идти вперед, веря, если не зная, что этот путь приведет, наконец, к свету и покою; проще говоря, что между добром и истиной нет окончательной несовместимости.

CXLI. Движение мысли

Если теперь мы рассмотрим, с одной стороны, существенное сходство основных потребностей человека везде и во все времена, а с другой – большое различие между средствами, которые он использовал для их удовлетворения в разные эпохи, то, возможно, придем к выводу, что движение высшей мысли, насколько мы можем его проследить, в целом шло от магии через религию к науке. В магии человек полагается на свои силы, чтобы справиться с трудностями и опасностями, которые подстерегают его со всех сторон. Он верит в некий установленный порядок природы, на который он может рассчитывать и которым он может манипулировать в своих целях. Когда же он обнаруживает свою ошибку, когда он с горечью понимает, что и тот порядок природы, который он предполагал, и тот контроль, который, как он считал, он осуществляет над ней, были чисто воображаемыми, он перестает полагаться на свой разум и на свои собственные усилия, и смиренно отдает свою судьбу на милость неких великих невидимых существ за завесой природы, которым он теперь приписывает все те безграничные силы, которые он когда-то присваивал себе. Таким образом, в сознании людей магия постепенно вытесняется религией, которая объясняет последовательность природных явлений как регулируемую волей, страстью или капризом духовных существ, подобных человеку по образу, но значительно превосходящих его в силе.

Но с течением времени такое объяснение оказывается неудовлетворительным. Ведь оно предполагает, что последовательность природных событий не определяется неизменными законами, а в какой-то мере изменчива и нерегулярна, и это предположение не подтверждается более пристальным наблюдением. Напротив, чем внимательнее мы изучаем эту последовательность, тем больше поражаемся жесткому единообразию, строгой точности, с которой, где бы мы ни наблюдали за ними, происходят природные процессы. С каждым новым шагом в познании расширялось понимание вселенского порядка и соответственно ограничивалось количество кажущегося беспорядка в мире, и теперь мы готовы предвидеть, что даже там, где, казалось бы, еще царят случайность и неразбериха, более глубокое познание повсюду сведет

мнимый хаос к реальному космосу. Таким образом, более зоркие умы, все еще стремящиеся к более глубокому раскрытию тайн мироздания, отказываются от религиозной теории природы как несостоятельной и возвращаются в определенной степени к более старой точке зрения магии, постулируя в явном виде то, что в магии предполагалось лишь косвенно, а именно: непреложную закономерность в порядке природных событий, которая, при внимательном наблюдении, позволяет нам с уверенностью предвидеть их ход и действовать в соответствии с ним. Одним словом, религия, рассматриваемая как объяснение природы, вытесняется наукой.

Но если науку с магией объединяет то, что обе они опираются на веру в порядок как основополагающий принцип всего сущего, то читателям данной работы вряд ли нужно напоминать, что порядок, предполагаемый магией, существенно отличается от того, который лежит в основе науки. Это различие естественно вытекает из различий в способах достижения этих двух порядков. Если порядок, на который опирается магия, является лишь продолжением, по ложной аналогии, того порядка, в котором идеи предстают перед нашим сознанием, то порядок, установленный наукой, вытекает из терпеливого и точного наблюдения за самими явлениями. Обилие, прочность и великолепие результатов, уже достигнутых наукой, вполне способны внушить нам оптимистичную уверенность в правильности ее метода. Наконец-то, после бесчисленных веков блужданий в потемках человек нашел выход из лабиринта, нашел золотой ключик, открывающий множество дверей в сокровищнице природы. Наверное, не будет лишним сказать, что надежда на нравственный и интеллектуальный, а также материальный прогресс в будущем связана с судьбами науки, и что любое препятствие на пути научных открытий есть несправедливость по отношению к человечеству.

Однако история мысли должна предостеречь нас от вывода о том, что если научная теория мира является лучшей из тех, что были сформулированы до сих пор, то она обязательно является полной и окончательной. Следует помнить, что в основе научных обобщений или, как принято говорить, законов природы лежат лишь гипотезы, придуманные для объяснения той постоянно меняющейся фантазмагии мысли, которую мы называем благозвучными именами «мир» и «вселенная». В конечном счете и магия, и религия, и наука не

что иное, как различные способы мышления; и как наука вытеснила своих предшественников, так и она сама может быть вытеснена какой-нибудь более совершенной идейной моделью, возможно, каким-то совершенно иным способом рассмотреть и истолковать явления – движения теней на стене пещеры – таким способом, о котором мы, нынешнее поколение, не можем составить никакого представления. Прогресс знаний – это бесконечное движение к цели, которая вечно удаляется. Не стоит сетовать на то, что этот путь бесконечен:

Fatti non foste a viver come bruti
Ma per seguir virtute e conoscenza^[111].

Это стремление принесет нам великие плоды, хотя нам самим, возможно, и не суждено вкусить их. Для какого-нибудь путешественника будущего – великого Улисса из царства мысли – взойдут более яркие звезды, чем для нас. Мечты о магии могут однажды стать реальностью науки. Но на дальних подступах к этой прекрасной перспективе лежит мрачная тень. Ибо каким бы огромным ни был рост знаний и могущества, который может ожидать человека в будущем, он вряд ли может надеяться остановить натиск тех великих сил, которые, кажется, безмолвно, но неумолимо стремятся уничтожить всю эту звездную Вселенную, в которой наша Земля не более чем соринка. В грядущих веках человек, возможно, будет способен предсказывать погоду, а может быть, и управлять порывами ветра и движением облаков, но вряд ли его слабые руки смогут ускорить движение по орбите нашей неповоротливой планеты или вновь разжечь угасающий огонь солнца. И все же философ, содрогающийся при мысли о столь отдаленных катастрофах, может утешить себя тем, что эти мрачные предчувствия, как и сами Земля и Солнце, – лишь фрагменты того бесплотного мира, который мысль вызвала из пустоты, и что фантомы, которые сегодня сотворяет умелая чаровница, завтра она может развеять. Они то же, как и многое другое, что для обычного глаза кажется незыблемым, могут растаять в воздухе или в безвоздушном небытии.

Не заглядывая так далеко в будущее, мы можем уподобить ход мысли паутине, сотканной из трех различных нитей: черной нити

магии, красной нити религии и белой нити науки, если под наукой мы будем понимать те простые истины, полученные из наблюдений за природой, которыми люди во все века владели. Если бы мы окинули взглядом паутину мысли с самого начала, то, вероятно, увидели бы, что вначале она была черно-белой, рябой, состоящей из истинных и ложных представлений, еще не тронутых красной нитью религии. Но проведите взглядом дальше, и вы заметите, что, хотя черно-белое полотно все еще остается основным, в средней его части, где религия наиболее глубоко вошла в его структуру, остается темно-малиновое пятно, которое незаметно переходит в более светлый оттенок по мере того, как белая нить науки все больше и больше вплетается в ткань. С таким полотном, испещренным нитями разных оттенков, но постепенно меняющим цвет по мере разворачивания, можно сравнить состояние современной мысли со всеми ее разнонаправленными целями и противоречивыми тяготениями. Продолжится ли в ближайшем будущем то великое движение, которое на протяжении веков медленно меняло цвет мысли? Или наступит реакция, способная остановить прогресс и даже свести на нет многое из того, что было сделано? Развивая эту метафору, скажем, какого цвета будет паутина, которую судьбы сейчас ткут на гудящем станке времени: белая или красная? Трудно сказать. Слабый, тусклый свет освещает нижнюю часть полотна. Облака и густая тьма скрывают то, что дальше.

Часть IV

Человек и бессмертие

СХLII. Вера в бессмертие [\[112\]](#)

Из всех многочисленных форм, которые принимала естественная религия, ни одна, вероятно, не оказала столь глубокого и устойчивого влияния на человеческую жизнь, как вера в бессмертие и культ мертвых. Исторический обзор этого важнейшего мировоззренческого феномена и практических последствий, вытекающих из него, не может не быть поучительным и впечатляющим, независимо от того, рассматриваем ли мы его как благородное свидетельство гения человека, претендующего пережить Солнце и звезды, или с жалостью, как меланхолический памятник бесплодного труда и бесплодной изобретательности, потраченных на то, чтобы разобраться в той великой тайне, о которой глупцы заявляют, что она им ясна, а мудрецы признаются в своем невежестве.

СХLIII. Феномен смерти [\[113\]](#)

Феномен смерти, разумеется, волновал умы людей во все века. В отличие от многих проблем, которые интересуют лишь немногих одиночных мыслителей, эта касается всех нас в равной степени, поскольку умирать приходится как простакам, так и мудрецам, и даже самые простодушные и легкомысленные люди не могут не задаваться иногда вопросом о том, что будет после смерти. Не приходится удивляться тому, что за долгую историю человеческого мышления некоторые из самых просвещенных интеллектуалов занимались им и пытались найти ответ. Некоторые из их решений этой проблемы, хотя и облечены во все красоты изысканного языка и поэтической образности, удивительно напоминают примитивные догадки дикарей. Видимо, природные способности даже самых великих умов лишь в малой степени способны преодолеть непрозрачную завесу, скрывающую конец жизни. Говоря о том, что эта проблема стоит перед

всеми нами, я не имею в виду, что все люди постоянно размышляют о природе и происхождении смерти. Это далеко не так. Мало кто задумывается над этим или каким-либо другим чисто абстрактным вопросом: обычный человек, пожалуй, не дал бы и ломаного гроша за ответ на него. Его интересует, как и всех нас, вопрос о том, является ли смерть концом всего сущего для человека, погибает ли наша сознательная личность вместе с телом, выживает ли она на время или навечно. Это загадка, поставленная перед каждым, родившимся на свет, это дверь, в которую тщетно стучались многие искатели истины. В таком ограниченном виде эта проблема действительно представляет всеобщий интерес: нам не известно ни одного народа, ни одного племени, которые не размышляли бы над этой загадкой и не пришли бы к определенным выводам, которых они более или менее стойко придерживаются. Не то чтобы все народы уделяли ей одинаковое внимание. Для одних она имеет гораздо большее значение, чем для других. Если одни народы, как и отдельные люди, относятся к смерти почти несерьезно и слишком заняты конкретными заботами повседневности, чтобы думать о неопределенном мире грядущего, то умы других сосредоточены на перспективах загробной жизни, пока мысль о ней не становится для них страстью, почти одержимостью, и не порождает презрение к мимолетным радостям нынешнего преходящего существования, ничтожного по сравнению с надеждой на блаженство вечной жизни в будущем. Скептику, рассматривающему доказательства бессмертия в холодном свете разума, может показаться, что такие народы и такие люди жертвуют существом ради тени: если воспользоваться простым сравнением, они подобны собаке из басни, которая выронила из пасти настоящий бараний окорок, чтобы схватить зубами его отражение в воде. Как бы то ни было, но там, где подобные убеждения и надежды преисполнены силы, вся активность ума и вся энергия тела направлены на подготовку к блаженной или, во всяком случае, безмятежной вечности, а жизнь становится, говоря языком Платона, осмыслением или переживанием смерти. Эта чрезмерная озабоченность неясным будущим стала плодотворным источником самых фатальных отклонений как для государств, так и для отдельных людей. В погоне за этими эфемерными целями были потеряны годы человеческих жизней, растрачивались богатства, кровь лилась рекой,

подавлялись естественные привязанности, а жизнерадостное спокойствие разума сменилось меланхоличным мраком безумия.

Угрозы ада и надежды рая!
Одно лишь ясно: эта жизнь – мгновенье.
Лишь в этом смысл, иное – заблужденье.
Цветок, что раз отцвел, навеки умирает.

На вопрос о том, сохраняется ли наше сознание после смерти, почти все народы отвечают утвердительно. В этом дискурсе практически, если не полностью, отсутствуют скептики или агностики. Соответственно, если бы абстрактные истины, как и самые серьезные вопросы национальной политики, можно было определять поднятием рук или подсчетом голов, то идея бессмертия человека или, по крайней мере, жизни после смерти заслуживала бы звания одной из наиболее твердо установленных истин; ведь если бы этот вопрос был поставлен на голосование всего человечества, то можно не сомневаться, что за было бы отдано подавляющее большинство голосов. Немногочисленные голоса несогласных потонули бы во всеобщем реве. Ведь несогласные есть даже среди дикарей. Тонганцы, например, считали, что спасаются только души знатных людей, остальные погибают в момент телесной смерти. Однако эта аристократическая точка зрения никогда не была особенно распространенной и вряд ли найдет поддержку в наш демократический век.

CXLIV. Примитивные взгляды на смерть [\[114\]](#)

Многие дикие народы не только верят в жизнь после смерти, но даже считают, что они вообще никогда бы не умерли, если бы не злые промыслы колдунов и ведьм, которые преждевременно обрывают жизненную нить. Иными словами, они не верят в то, что мы называем естественной смертью; они считают, что все люди от природы бессмертны в этой жизни и что любая смерть, которая происходит, на самом деле является насильственной смертью от руки врага рода человеческого, хотя во многих или в большинстве случаев этот враг

невидим и делает свое черное дело не мечом или копьем, а колдовством... Не углубляясь в эту тему, предположим, можно считать общим правилом, что на определенном этапе социальной и интеллектуальной эволюции люди считали себя от природы бессмертными и рассматривали смерть от болезни или даже от несчастного случая или насилия как противоестественное событие, которое было вызвано колдовством и должно быть отомщено смертью колдуна или ведьмы. Если это так, то напрашивается вывод, что вера в колдовство и чародейство оказала сильнейшее влияние на снижение численности диких племен, поскольку, как правило, каждая естественная смерть влекла за собой по меньшей мере одну, чаще несколько, иногда много жертв. Это может помочь нам понять, какой огромной силой зла была для людей всемирная вера во вредоносную магию. Но даже дикари со временем приходят к пониманию того, что смерть иногда наступает не от колдовства, а от других причин. Некоторые из них признают в качестве причин смерти, не зависящих от колдовства, глубокую старость, несчастные случаи, насилие. Признание этих исключений из общего правила, безусловно, знаменует собой этап интеллектуального прогресса...

Меланезийцы и южноафриканские кафры, два совершенно разных и удаленных друг от друга народа, сходятся в признании по крайней мере трех различных причин того, что мы называем естественной смертью. Этими тремя причинами являются, во-первых, колдовство, во-вторых, призраки или духи и, в-третьих, болезнь. То, что признание болезни самой по себе, помимо колдовства, причиной смерти, является интеллектуальным прогрессом, никто не оспаривает. Не так очевидно, хотя по нашему мнению не менее верно, что прогрессом является также и признание призраков или духов в качестве причины болезни, помимо колдовства. Во-первых, признается, что эффекты, которые раньше приписывались человеку, происходят от сверхчеловеческих причин. Это признание существования сил во вселенной, превосходящих человека, является не только интеллектуальным приобретением, но и фактором нравственной дисциплины: оно преподает важный урок смирения. Во-вторых, когда вина за смерть возлагается на привидение или дух, а не на колдуна, за смерть не нужно мстить, убивая человека, предполагаемого виновника несчастья. Таким образом, признание призраков или духов в качестве источников

болезни и смерти имеет своим непосредственным следствием избавление от огромного количества загубленных человеческих жизней, которые в противном случае должны были бы погибнуть насильственной смертью, чтобы искупить свое мнимое преступление. То, что это большое благо для общества, очевидно: оно значительно повышает безопасность человеческой жизни, устраняя одну из самых частых причин покушения на нее. Однако следует признать, что выгода не всегда столь велика, как можно было бы ожидать: социальные преимущества веры в призраков и духов сопряжены со многими серьезными недостатками. Ведь если призраки и духи обычно, хотя и не всегда, считаются недостижимыми для человеческого возмездия, то они, как правило, вполне доступны для человеческого убеждения, лести и подкупа; иными словами, люди думают, что могут умиротворить и умилоствовать их молитвой и жертвой; и если молитва не стоит дорого, то жертва может быть очень дорогой, поскольку она может (часто так и происходит) привести к уничтожению огромного количества ценного имущества и, опять же, огромному количеству человеческих жертв. Но если бы мы могли подсчитать миллионы людей, принесенных в жертву духам и богам, то, вероятно, эти цифры не дотянули бы до несметного количества людей, погибших якобы от рук колдунов и ведьм. Ведь если человеческие жертвоприношения в честь божеств или умерших были по большей части исключительными, а не регулярными случаями и только великие боги и прославленные покойники считались достойными столь дорогостоящих жертвоприношений, то истребление колдунов и магов, по крайней мере теоретически, неизбежно следовало за каждой естественной смертью среди людей, приписывавших все эти смерти колдовству. Таким образом, если естественную религию определить приблизительно как веру в сверхчеловеческие духовные существа и возможность умилоствовать их, то можно сказать, что если естественная религия убила тысячи, то магия – десятки тысяч. Есть серьезные основания предполагать, что в истории общества эпоха магии предшествовала эпохе религии. Если это так, то мы можем сделать вывод, что появление религии ознаменовало собой большой социальный и интеллектуальный прогресс по сравнению с предшествующей эпохой магии: она открыла эру, которую можно

назвать более милосердной по сравнению с безжалостной и суровой предшественницей.

CXLV. Страх смерти

В силу целого ряда причин современные народы Западной Европы придают человеческой жизни – своей и других людей – более высокую ценность, чем это принято у многих других народов. Результатом этого является страх смерти, который, конечно же, не разделяется в той же степени некоторыми народами, которые мы в своем самодовольстве привыкли считать ниже себя. К числу причин, объясняющих эту трусость перед лицом смерти, можно отнести распространение роскоши и мрачных идей богословия, которое, провозглашая вечное проклятие и муки, уготованные подавляющему большинству человечества, неизмеримо усилило страх и ужас перед смертью. Рост более гуманных настроений, который нередко приводит к соответствующему смягчению характера даже самих богов, заставил многих протестантских богословов в последние годы смягчить суровость божественного правосудия более милосердной позицией, отодвинув адское пламя на второй план или даже вовсе погасив его. Однако в более консервативном богословии католической церкви эти беспощадные языки пламени пылают так же яростно, как и прежде.

CXLVI. Презрение к смерти

Мы совершим грубую ошибку, если будем судить о жизнелюбии всех людей по себе и считать, что другим жизнь так же дорога, как нам. Мы никогда не поймем закономерностей человеческой истории, если будем продолжать измерять человечество во все века и во всех странах по возможно, правильным, но, безусловно, узким меркам современного английского среднего класса с его любовью к материальному комфорту и страстной, всепоглощающей, почти кровожадной привязанностью к жизни. Этот класс, ничтожной частью которого, говоря словами Мэтью Арнольда, является автор этих строк, несомненно, обладает многими достойными внимания качествами, но вряд ли к ним можно отнести редкий и тонкий дар исторического воображения, способность проникнуть в мысли и чувства людей

других эпох и других стран, понять, что они могут регулировать свою жизнь по принципам, отличным от наших, и посвящать ее целям, которые нам могут показаться возмутительно неразумными.

CXLVII. Грехопадение человека [\[115\]](#)

Проводя аналогию с луной или животными, сбрасывающими шкуры, древнейший мыслитель делал вывод, что вначале вечная молодость была либо дарована людям благосклонным высшим существом, либо действительно была их природным свойством, и что, если бы не преступление, случайность или ошибка, они бы довольствовались этим благом вечно. Люди, связывающие свою веру в бессмертие со сбрасываемыми покровами змей, ящериц, жуков и т. п., естественно, смотрят на этих животных как на ненавистных соперников, лишивших нас наследства, которое боги или природа предназначили нам; поэтому они рассказывают истории, объясняющие, как так получилось, что столь низкие существа сумели отнять у нас это бесценное владение. Подобные истории широко распространены по всему миру, и нет ничего удивительного в том, что они встречаются, например, у семитов. История грехопадения человека, изложенная в третьей главе Бытия, является, по-видимому, сокращенным вариантом этого мифа. Он не так уж далек от аналогичных легенд, которые до сих пор бытуют у разнообразных племен во многих частях света. Главным и почти единственным упущением является умолчание рассказчика о вкушении змием плодов с древа жизни и последующем обретении этой рептилией бессмертия. Объяснить этот пробел нелегко. Рационализм, свойственный древнееврейскому повествованию о сотворении мира и лишивший его многих гротескных черт, украшающих или уродующих соответствующую вавилонскую мифологическую традицию, не мог не найти камня преткновения в виде предполагаемого бессмертия змей. Повествователь этой истории в ее окончательном виде просто убрал этот камень преткновения с пути верующих, вычеркнув данный сюжет. Однако зияющий пробел, оставленный им, не ускользнул от комментаторов, которые тщетно ищут ту роль, которую должно было сыграть в повествовании древо жизни. Если наша интерпретация сюжета верна, то сравнительному методу остается лишь спустя тысячи

лет заполнить пустоту на древнем полотне и восстановить во всей их первобытной грубости яркие варварские краски, которые искусная рука древнееврейского повествователя смягчила или вовсе стерла.

CXLVIII. Смерть, признанная лишней^[116]

Таковы ранние версии происхождения смерти. Все они подразумевают веру в то, что смерть не является необходимой частью природного порядка, а происходит от ошибки или проступка, и что все мы должны были бы жить счастливо и бесконечно, если бы не эта пагубная ошибка или преступление. В сказках отражен образ мыслей многих дикарей, которые и по сей день считают, что все люди от природы бессмертны, а смерть не что иное, как результат колдовства. Независимо от того, как дикарь относится к смерти в настоящее время или как он представляет себе ее происхождение в далеком прошлом, мы должны сделать вывод, что первобытный человек не может примириться с представлением о смерти как о естественном и необходимом событии, он продолжает считать ее случайным и излишним нарушением правильного порядка природы. Возможно, в этих рассуждениях он в какой-то мере предвосхитил некоторые взгляды современной биологии. Так, немецкий зоолог и эволюционист Август Вейсманн утверждает, что смерть не является естественной необходимостью, что многие из низших видов живых животных действительно живут вечно, а у высших животных обычай умирать был заведен в ходе эволюции с целью сокращения популяции и предотвращения вырождения вида, которое в противном случае произошло бы в результате постепенной и неизбежной деградации бессмертных особей, которые, хотя и не умирают сами, но могут получить значительные телесные повреждения в хаосе вечного существования на земле. Аналогичное предположение о том, что смерть – это не природная необходимость, а новшество, введенное для блага породы, высказал и выдающийся английский биолог Альфред Рассел Уоллес. Получается, что два самых выдающихся биолога современности согласны с дикарями в том, что смерть отнюдь не является естественной для всех живых существ. Они расходятся лишь в том, что если дикари смотрят на смерть как на результат прискорбной случайности, то наши ученые считают ее благотворной

реформой, заложенной природой как средство приведения численности живых существ в соответствие с количеством пищи и потому способствующей усовершенствованию, а значит – и счастью всего вида.

CXLIX. Примитивное представление о душе

Как дикарь обычно объясняет процессы неживой природы, предполагая, что они производятся живыми существами, так он объясняет и явления самой жизни. Если животное живет и двигается, то, по его мнению, только потому, что внутри него есть маленькое животное, которое им движет; если человек живет и двигается, то только потому, что внутри него есть маленький человек или животное. Животное внутри животного, человек внутри человека – это и есть душа. И как активность животного или человека объясняется наличием души, так и покой сна или смерти объясняется ее отсутствием: сон или транс – это временное отсутствие души, а смерть – постоянное. Следовательно, способ защиты от смерти заключается либо в том, чтобы не дать душе покинуть тело, либо, если она все-таки покинула его, обеспечить ее возвращение. Меры предосторожности, принимаемые дикарями для обеспечения либо первой, либо второй цели, принимают форму определенных запретов или табу, которые представляют собой ни что иное, как правила, призванные обеспечить либо постоянное присутствие, либо возвращение души. Короче говоря, они являются хранителями или защитниками жизни.

CL. Душа, представляемая как тень

Часто дикарь считает свою тень или отражение своей душой, или, во всяком случае, жизненно важной частью себя, и в этом качестве она неизбежно является для него источником опасности. Ведь если ее растоптать, ударить или проткнуть, он почувствует травму, как если бы она была нанесена ему самому; а если она будет полностью отделена от него (в его представлении), он умрет.

Если тень считается столь тесно связанной с жизнью человека, что ее потеря влечет за собой упадок сил или смерть, то естественно ожидать, что ее уменьшение будет восприниматься с тревогой и

опасением, как означающее соответствующее снижение жизненных сил ее обладателя. Изящный греческий писатель сравнил человека, живущего только ради славы, с тем, кто всем сердцем устремляется к своей тени, надувается и хвастается, когда она удлиняется; печалится и унывает, когда она укорачивается; растрачивается и тоскует, когда она сходит на нет. Дух такого человека, продолжает он, должен быть непостоянным, поскольку с каждым часом дня он то нарастает, то готов исчезнуть. Утром, когда в лучах солнца, только что поднявшегося над восточным горизонтом, человек отбрасывает тени огромной длины, сравнимые с тенями, отбрасываемыми кипарисами и башнями городских стен, как он веселится и ликует, воображая, что по росту сравнялся с гигантами древности; с каким важным видом он тогда вышагивает и красуется на улицах, на рынке и повсюду, где собираются люди, чтобы его видели и им восхищались. Но день продолжается, настроение его меняется, и он с опечаленным видом возвращается домой. В полдень, когда его некогда бесконечная тень уменьшается до пятнышка у самых ног, он замыкается в себе и не выходит на улицу, стыдясь смотреть в глаза своим согражданам. После полудня он оживляется, и по мере того как день угасает, его радость и гордость вновь прирастают вместе с длиной вечерних теней. Писатель, задумавший таким образом разоблачить тщету славы как предмета человеческих амбиций, уподобив ее вечно меняющейся тени, не подозревал, что в реальной жизни есть люди, которые дорожат своими тенями почти так же, как и тот простофиля, которого он выдумал с назидательной целью. Как трудно бывает расправленным крыльям воображения превзойти человеческую глупость!

СЛІ. Вера во внешнюю душу

Не имея возможности абстрактно представить себе жизнь как постоянную вероятность ощущений или непрерывное приспособление внутренних механизмов к внешним отношениям», дикарь думает о ней как о конкретном материальном предмете определенной массы, который можно видеть и обрабатывать, хранить в ящике или сосуде и подвергать ударам, ломать или разбивать на куски. Необязательно, чтобы жизнь, понимаемая таким образом, находилась в человеке; она может отсутствовать в его теле и все равно продолжать одушевлять его

в силу своего рода симпатии или действия на расстоянии. Пока этот объект, который он называет своей жизнью или душой, остается невредимым, человек здоров; если он поврежден, он страдает; если он разрушен, он умирает. Или, говоря иначе, когда человек болен или умирает, этот факт объясняется тем, что материальный объект, называемый его жизнью или душой, будь он в теле или вне его, либо получил повреждения, либо был уничтожен. Но могут возникнуть обстоятельства, при которых, если жизнь или душа остается в человеке, она имеет больше шансов пострадать, чем если бы она была спрятана в каком-нибудь надежном потайном месте. Соответственно, в таких обстоятельствах первобытный человек вынимает свою душу из тела и помещает ее для безопасности в какое-нибудь укромное место, намереваясь вернуть ее в тело, когда опасность минует. Или же, если он обнаружит некое абсолютно безопасное место, он может довольствоваться тем, что оставит там свою душу навсегда. Преимущество этого способа заключается в том, что пока душа остается невредимой в том месте, где она была помещена, сам человек бессмертен; ничто не может уничтожить его тело, поскольку его жизнь не находится в нем.

Свидетельством этой первобытной идеи является целый ряд народных сказок, среди которых норвежская сказка «Великан, у которого не было сердца» является, пожалуй, самым известным примером. Подобные истории широко распространены по всему миру, и по их количеству, разнообразию событий и деталей, в которых выражается главная идея, можно сделать вывод, что концепция внешней души была сильна в сознании людей на ранних этапах истории. Ведь народные сказки – это прямое отражение мира, каким он представлялся первобытному уму, и мы можем быть уверены, что любая идея, которая часто встречается в них, какой бы странной она нам ни казалась, должна была когда-то быть обычным предметом верования. Эта уверенность, в той мере, в какой она касается предполагаемой способности отделять душу от тела на более или менее длительное время, убедительно подтверждается сравнением рассматриваемых народных сказок с реальными верованиями и обычаями дикарей.

СЛII. Ритуал смерти и воскресения

У многих диких племен, особенно у тех, которые исповедуют тотемизм, принято, чтобы мальчики, достигшие половой зрелости, проходили определенные обряды инициации, одним из самых распространенных из которых является притворное убийство мальчика и возвращение его к жизни. Такие обряды становятся понятными, если предположить, что их суть заключается в извлечении души юноши с целью передачи ее тотему. Ведь извлечение души, естественно, должно было бы убить юношу или, по крайней мере, ввести его в состояние, подобное смерти, которое дикарь с трудом отличает от смерти. Его выздоровление объясняется либо постепенным восстановлением организма после сильного потрясения, либо, что более вероятно, вливанием в него свежей жизни, полученной от тотема. Таким образом, суть этих инициационных обрядов, если они сводятся к имитации смерти и воскресения, сводится к обмену жизнями или душами между человеком и его тотемом. Первобытная вера в возможность такого обмена душами ярко проявляется в истории с баскским охотником, который утверждал, что был убит медведем, но тот, убив его, вдохнул в него свою душу, так что тело медведя теперь мертво, а сам он – медведь, существующий в теле охотника. Это оживление мертвого охотника в виде медведя в точности аналогично тому, что, согласно рассматриваемой теории, должно происходить в церемонии умерщвления мальчика в период полового созревания и возвращения его к жизни. Юноша умирает как человек и оживает как животное; душа животного теперь в нем, а его человеческая душа – в животном. Поэтому он с полным правом может называть себя медведем, волком или кем-либо еще, в соответствии со своим тотемом, и с полным правом может относиться к медведям, волкам или кому-либо еще как к своим братьям, поскольку в этих животных обитают души его самого и его сородичей^[117].

СЛIII. Причина помещения души вне тела

Везде, где существует тотемизм и где принято при инициации убивать и возвращать к жизни, может существовать (или существовала) не только вера в возможность навсегда поселить душу в каком-либо внешнем объекте – животном, растении и т. д., но и реальное намерение сделать это. Если спросить, почему люди хотят

поместить свою жизнь вне тела, то ответ может быть только таким: как великан в сказке, они считают, что так будет безопаснее, чем носить ее с собой – так же, как люди кладут деньги в банк, а не держат их при себе. В критические моменты жизнь или душу иногда временно убирают в безопасное место, пока не минует опасность. Но такие мировоззренческие системы как тотемизм нужны не только в особых случаях опасности; это системы, в которых каждый человек или, по крайней мере, каждый мужчина обязан пройти инициацию в определенный период жизни. Так вот, период жизни, в который происходит инициация, – это половое созревание, и этот факт позволяет предположить, что особая опасность, которую тотемизм и подобные ему системы призваны предотвратить, не возникает до достижения половой зрелости, то есть считается, что таковая опасность связана со взаимоотношениями полов. Можно было бы легко доказать, опираясь на множество фактов, что сексуальные отношения ассоциируются в первобытном сознании со многими серьезными опасностями, но точная природа этой опасности пока остается неясной. Остается надеяться, что более обширное знакомство с образом мышления дикарей со временем раскроет эту тайну первобытного общества и тем самым даст ключ не только к пониманию тотемизма, но и к разгадке происхождения брачной системы.

CLIV. Дикарские представления о душах животных

Объяснение тайны жизни идеей о живущей внутри и практически бессмертной душе дикарь не ограничивает человеком, а распространяет на весь одушевленный мир в целом. При этом он более почитателен к животным и, возможно, более логичен, чем цивилизованный человек, обычно отказывающий животным в той привилегии бессмертия, которую он требует для себя. Дикарь не столь горд, он обычно верит, что животные наделены чувствами и разумом, как и люди, и что, как и люди, они обладают душами, которые после смерти тела либо блуждают в виде бесплотных духов, либо рождаются вновь в животной форме.

<...>

Тот же мотив, который заставляет первобытного земледельца поклоняться зерну или корням, побуждает первобытного охотника, птицелова, рыболова или скотовода почитать зверей, птиц или рыб, дающих ему средства к существованию. Естественно, что представление о смерти этих существ возникает у него с необычайной вынятностью и отчетливостью, поскольку не фигуральная или аллегорическая смерть, не пустая метафора, а реальная смерть постоянно и настойчиво требует его внимания. И как ни странно для нас, представление о бессмертии и даже воскрешении низших животных оказывается для дикаря почти столь же привычным и принимается им почти с такой же непоколебимой верой, как и очевидный факт их смерти и уничтожения. Как правило, он считает само собой разумеющимся, что души умерших животных продолжают жить после их смерти, поэтому большая часть мыслей дикаря-охотника посвящена проблеме того, как лучше всего успокоить разгневанных духов своих жертв, чтобы они не причинили ему вреда. Этот отказ дикаря признавать в смерти окончательное прекращение жизненного процесса, эта беспрекословная вера в непрерывность жизни – факт, который еще не получил достаточно глубокого рассмотрения, которого он явно заслуживает как со стороны исследователей строения человеческого разума, так и со стороны историков религии.

<...>

Так, для дикаря, рассматривающего всех живых существ практически на равных с человеком, акт убийства и поедания животного должен иметь совершенно иное значение, чем для нас, считающих интеллект животных намного ниже нашего и отрицающих наличие у них бессмертной души. Поэтому, исходя из принципов своей грубой философии, первобытный охотник, убивший животное, считает себя уязвимым для мести либо его бесплотного духа, либо всех остальных животных того же вида, которые, как и люди, связаны между собой родственными узами и обязательствами кровной мести, а значит обязаны возмутиться нанесенной одному из них обиде. Поэтому дикарь берет за правило щадить тех животных, которых ему незачем убивать, по крайней мере, таких свирепых и опасных, которые могут жестоко отомстить за убийство одного из своих сородичей.

CLV. Сны как источник веры в бессмертие

Рассмотрение обычаев дикарей, связанных с сосуществованием и размножением животных, на которых они охотятся и которых убивают, способно удивить нас непреложной верой первобытного человека в бессмертие низших существ. Он, по-видимому, принимает как данность, слишком очевидную, чтобы ее оспаривать, что звери, птицы и рыбы имеют душу, подобную его собственной, которая переживает смерть своего тела и может возродиться в другом теле, чтобы снова быть убитой и съеденной охотником. Целый ряд обычаев, причудливых и нелепых на взгляд цивилизованного человека, зиждутся на этом основополагающем суждении. Их изучение заставляет усомниться в том, что существующее объяснение веры дикарей в бессмертие человека в достаточной степени соответствует всем фактам. Эта вера обычно разъясняется на основе примитивной теории сновидений. Дикарь, дескать, не в состоянии отличить сновидение от реальности жизни наяву, и поэтому, увидев во сне своих умерших друзей, он неизбежно приходит к выводу, что они не умерли полностью, но их духи продолжают существовать в каком-то месте и в какой-то форме, хотя в обычном ходе событий они ускользают от чувственного восприятия. В соответствии с этим мнением представления, грубые или утонченные, отталкивающие или привлекательные, которые дикари и, возможно, цивилизованные люди сформировали о состоянии ушедших в мир иной, представляются не более чем гипотезами, построенными для объяснения явлений во сне. Эти возвышающиеся сооружения, при всем их сияющем и торжественном величии, при всей массивности и прочности, с которыми они предстают перед воображением многих, при ближайшем рассмотрении могут оказаться всего лишь воздушными замками, которые растают от одного лишь дуновения разумной мысли.

Но даже если допустить, что эта теория дает готовое объяснение широко распространенной вере в бессмертие человека, не так легко понять, как она объясняет соответствующую веру многих народов в бессмертие животных. В своих снах дикарь узнает образы ушедших друзей по тем знакомым чертам лица, голоса и жестов, которые характеризовали их при жизни. Но можно ли предположить, что он так же узнает умерших зверей, птиц и рыб? Что их образы предстают

перед ним во сне со всеми теми особенностями, теми мельчайшими индивидуальными различиями, которые отличали их при жизни от их собратьев, так что, увидев их, он может сказать себе, например, что это тот самый тигр, которого он вчера убил, его туша мертва, но дух его, должно быть, еще жив; или что это тот самый лосось, которого он поймал и съел утром: он, конечно, убил тело рыбы, но, очевидно, не уничтожил его душу. Возможно, дикарь пришел к своей теории бессмертия животных путем подобных рассуждений, но такое предположение представляется по меньшей мере более надуманным и неправдоподобным, чем в случае с бессмертием человека. И если мы признаем недостаточность объяснения в одном случае, то, по-видимому, должны признать ее, хотя, возможно, и в меньшей степени, и в другом. Короче говоря, мы приходим к выводу, что примитивная теория сновидений сама по себе едва ли достаточна для объяснения широко распространенной веры в бессмертие людей и животных; сны, вероятно, немало значили для утверждения этой веры, но достаточно ли их для ее возникновения? Мы можем в этом обоснованно сомневаться.

CLVI. Жизнь как неуничтожимая энергия

Дикарю смерть представляется не естественной необходимостью, а досадной случайностью или преступлением, обрывающими существование, которое, если бы не смерть, могло продолжаться вечно. Таким образом, исходя, видимо, из собственных ощущений, он представляет себе жизнь как неразрушимую энергию, которая, исчезая в одной форме, обязательно появляется в другой, хотя в новой форме, она не должна быть сразу же ощутима нами; иными словами, он делает вывод, что смерть не уничтожает ни жизненное начало, ни даже сознательную личность, а лишь преобразует их в другие формы, которые не менее реальны, хотя обычно ускользают от восприятия наших органов чувств. По нашему мнению, дикарский взгляд на природу жизни удивительно напоминает современный закон сохранения энергии. Согласно ему, никакая материальная энергия никогда не исчезает и даже не уменьшается; когда кажется, что она уменьшается или исчезает, оказывается, что часть или вся она перешла в другие формы, которые хотя качественно и отличаются от нее, но

количественно равноценны энергии в ее первоначальной форме. Если прислушаться к голосу науки, то в физическом мире ничто не исчезает, а только постоянно видоизменяется: сумма энергии во вселенной постоянна и неизменна, хотя и претерпевает постоянные превращения. Аналогичная теория неуничтожимости энергии подспудно применяется дикарем для объяснения феноменов жизни и смерти, причем логично, что он не ограничивается человеком, а распространяет ее и на животных. В этом он показывает себя более рассудительным, чем его цивилизованный собрат, который обычно с жадностью принимает доктрину бессмертия человека, но с презрением отвергает, как унижающую человеческое достоинство, мысль о том, что и животные обладают бессмертной душой. И когда он пытается подтвердить свою заветную веру в жизнь после смерти, апеллируя к аналогичным верованиям туземцев и выводя из них природный инстинкт бессмертия, нелишне напомнить ему, что, если он придерживается этого призыва, он должен, подобно дикарю, последовательно распространять привилегию бессмертия на презренных животных. Не следует выбирать доказательства в соответствии со своими предпочтениями, принимая те части мировоззрения дикарей, которые совпадают с нашими собственными и, отвергая те, которые не совпадают. В соответствии с логическими и научными основаниями он, по-видимому, обязан верить либо в большее, либо в меньшее, или считать, что люди и животные одинаково бессмертны, верить или что ни те ни другие не имеют такой привилегии.

CLVII. Эмпедокл, Герберт Спенсер и Дарвин

Насколько мы можем судить о реальных взглядах Пифагора и Эмпедокла по классической истории одного из них и донельзя искаженным сочинениям другого, они, как и Будда, с кем у них было немало общего, использовали древнюю идею о переселении душ в основном как инструмент, с помощью которого внушали своим последователям необходимость вести в этом мире невинную, чистую и даже аскетичную жизнь в качестве единственного средства обеспечить себе блаженную или, во всяком случае, безмятежную вечность в мире грядущем. По крайней мере, это с достаточной уверенностью можно

сказать об Эмпедокле, чьи взгляды сравнительно хорошо известны нам по фрагментам его философских сочинений. Из тех его высказываний, подлинность которых не вызывает сомнений, мы узнаем, что психология Эмпедокла представляла собой любопытную смесь первобытных представлений и мистицизма. Воплощение человеческой души в каком-либо теле он рассматривал как наказание за грех, как деградацию, как низвержение с небес, как отлучение от божественного начала, как изгнание из мира блаженства в мир скорби. Он описывает землю как пещеру, безрадостное место, кишачее злом, где люди блуждают во тьме, становясь жертвой убийств и мести, изнурительных болезней и всяческого разложения. Он с досадой и презрением говорит о жизни смертных как об убогом и жалком существовании, порожденном распрями и скорбью и продленном в наказание за грехи через ряд перевоплощений, пока, благодаря добродетели, они не переродятся в пророков, поэтов, врачей, аристократов и не вернуться, наконец, к общению с богами, чтобы жить отныне без боли и печали, бессмертными, нетленными, божественными. Такой взгляд на человеческую судьбу, страстное презрение к дольному миру, экстатическое стремление к блаженной вечности, к награде за добродетель в грядущем мире очень чужды жизнерадостной безмятежности, спокойному рационализму обычного отношения греков к земному существованию. В том, насколько он был убежден в многообразии страданий, неотделимых от земной жизни, в своем стремлении сбросить бремя тела, или, как он его называет, «одежду плоти», в своей нежности к животным и сильном чувстве родства с ними Эмпедокл напоминает Будду, весь образ мыслей которого, однако, был окрашен еще более глубоким оттенком меланхолии и еще более безнадежным взглядом на будущее. И все же сходство между ними в некоторых отношениях столь близкое, что можно было бы предположить прямое влияние буддизма на Эмпедокла, если бы время жизни двух великих мыслителей, насколько они могут быть установлены, не исключали такое предположение.

Но если с этической стороны учение Эмпедокла можно назвать почти буддизмом, освобожденным от его темной стороны, то с научной точки зрения оно предвосхитило некоторые учения, глубоко взволновавшие европейский ум в наши дни и во времена наших отцов. Ведь к своей психологии и религиозному мистицизму Эмпедокл

добавил всеобъемлющую и грандиозную теорию материальной вселенной, которая аналогична теории Герберта Спенсера. Научная доктрина сохранения энергии или, как он предпочитал ее называть, постоянства силы, которую Спенсер сделал краеугольным камнем своей системы, имеет аналогию в эмпедокловской идее сохранения, или неуничтожимости материи, сумма которой, по его словам, остается всегда постоянной, не увеличиваясь и не уменьшаясь. Поэтому все изменения, происходящие в физическом мире, по Эмпедоклу, сводятся к синтезу и распаду материи, к синтезу и распаду тел под действием двух антагонистических сил – притяжения и отталкивания, которые на языке мифа он называл любовью и ненавистью. И подобно тому, как все конкретные объекты образуются под действием силы притяжения и распадаются под действием силы отталкивания (причем состояние концентрации, или агрегации в отдельном человеке постоянно чередуется с состоянием диффузии или сегрегации), так же происходит и с материальной Вселенной в целом. Она тоже попеременно сжимается и расширяется в зависимости от преобладания сил притяжения и отталкивания. Эмпедокл считал, что длительный, возможно, неизмеримо длительный период времени, в течение которого сила притяжения преобладает над силой отталкивания, сменяется столь же длительным периодом, в течение которого сила отталкивания преобладает над силой притяжения, причем каждый период длится до тех пор, пока преобладающая сила не израсходуется, ее действие не будет сначала замедлено, а затем обращено вспять противоположной силой. Таким образом, материальная Вселенная совершает периодическое и ритмичное движение попеременного сжатия и расширения, которое никогда не прекращается, за исключением тех моментов, когда две противоположные силы, точно уравновешивая друг друга, на некоторое время приводят все вещи в состояние покоя и равновесия, но при обратном движении космического маятника возвращаются в свое прежнее состояние либо уплотнения, либо рассеяния. Таким образом, под влиянием притяжения и отталкивания материя постоянно колеблется туда и обратно: в конце периода сжатия она собирается в твердый шар, в конце периода расширения она рассеивается по пространству в агрегатном состоянии, которое теперь мы можем назвать газообразным. И это гигантское колебательное движение

Вселенной продолжалось вечно и будет продолжаться до бесконечности.

Внушительное обобщение, сформулированное Эмпедоклом в V веке до н. э., было независимо от него сформулировано в XIX веке нашей эры Гербертом Спенсером. Как и его греческий предшественник, английский философ считал, что материальная Вселенная проходит через периоды концентрации и рассеяния, строительства и распада, в зависимости от того, как попеременно преобладают силы притяжения и отталкивания. Термины, в которых он излагает свои общие выводы, можно было бы почти без изменений использовать для описания выводов Эмпедокла. Для сравнения можно привести следующий отрывок. Он звучит так: «Таким образом, мы приходим к выводу, что все процессы, наблюдаемые в совокупности видимой Вселенной, аналогичны процессам, наблюдаемым в мельчайших ее частях.

Движение, как и материя, имеет неизменное количество, поэтому, казалось бы, изменение в распределении материи, которое производит движение, доходит до предела, в каком бы направлении оно ни осуществлялось, после чего неуничтожимое движение вызывает необходимость обратного распределения. По-видимому, универсально сосуществующие силы притяжения и отталкивания, которые, как мы видели, обуславливают ритм во всех незначительных изменениях во Вселенной и во всей совокупности ее изменений, обуславливают и тот неизмеримый период, в течение которого преобладают силы притяжения, вызывающие то всеобщую концентрацию, и тот неизмеримый период, в течение которого преобладают силы отталкивания, вызывающие всеобщее рассеяние – чередуются эпохи эволюции и распада. Таким образом, возникает концепция прошлого, в течение которого происходили последовательные эволюции, аналогичные той, что происходит сейчас, и будущего, в течение которого могут происходить последовательные другие подобные эволюции – всегда одинаковые в принципе, но никогда не одинаковые в конкретном результате».

Последние исследования в области физики, по-видимому, скорее подтверждают, чем опровергают эти общие взгляды на природу Вселенной; ведь если современные физики правы, считая структуру материи по сути электрической, то антагонистические силы

притяжения и отталкивания, постулированные Эмпедоклом и Спенсером, должны были бы превратиться в положительные и отрицательные заряды электричества. С другой стороны, атомный распад, который, как известно, происходит в некоторых химических элементах, в частности в уране и радии, и, вероятно, происходит во всех остальных элементах, заставляет нас усомниться в том, что вселенная действительно, как предполагал Спенсер, находится в процессе интеграции и эволюции, а не в процессе дезинтеграции и растворения. Или, может быть, видимая эволюция органического мира не сопровождается одновременным распадом неорганического, так что ткань Вселенной будет представлять собой нечто вроде пряжи Пенелопы, которую великая искусница одновременно тклет и распускает. С такими серьезными сомнениями, заставляющими задумываться о будущем, можно, пожалуй, сказать, что Эмпедокл был мудрее Герберта Спенсера, оставив, как он, видимо, и сделал, открытым вопрос о том, преобладала ли в течение эпохи человеческих наблюдений сила притяжения или сила отталкивания, и, следовательно, происходит ли интеграция или дезинтеграция материи в целом, постепенно ли все вещи развиваются в более сложные и концентрированные формы или постепенно растворяются и исчезают, превращаясь в более и более простые формы, в рассеянную неустойчивость своих первоначальных составляющих.

Как в своих взглядах на устройство и историю физической Вселенной Эмпедокл в какой-то мере предвосхитил теорию Спенсера, так и в своих взглядах на развитие живых существ он в какой-то мере предвосхитил теорию Дарвина; он считал, что существующие виды животных произошли из неорганической материи через промежуточные виды нескладных существ, которые, будучи неприспособленными к выживанию, постепенно погибли и были истреблены в борьбе за существование. Невозможно утверждать с уверенностью, что Эмпедокл впервые сформулировал принцип выживания наиболее приспособленных видов и эволюционное учение, но во всяком случае показательно, что Аристотель, впервые сформулировав принцип выживания сильнейших, иллюстрирует его ссылкой на теорию Эмпедокла о вымирании неудачных форм в прошлом, то есть можно допустить, что он понимал, что эта теория подразумевает данный принцип.

Это замечательный пример странной сложности и кажущейся противоречивости человеческой природы, когда человек, в чьем емком уме рождались столь масштабные и плодотворные идеи, должен был предстать перед современниками в образе пророка или даже бога, шествовать по улицам родного города, украшенного гирляндами и лентами, за которым следовали послушные толпы мужчин и женщин, поклонявшихся ему и моливших его открыть им лучший путь, дать им прорицания и исцелить их недуги. В характере Эмпедокла, как и в характере другого предтечи науки, Парацельса, безупречные качества истинного ученика, казалось бы, должны были быть приправлены хвастовством и бахвальством. Но дерзость, которую мы можем обнаружить в его сочинении, скорее помогла, чем помешала ему на время завоевать расположение и внимание толпы, всегда готовой броситься по пятам за любым шарлатаном, рекламирующим свои товары громким ревом медных труб. При таком количестве претендентов на восхищение мудрых и преклонение глупых можно только удивляться, что Эмпедокл не стал основателем новой религии. Конечно, другие человеческие божества, обладая интеллектом, значительно уступающим сицилийскому философу, создавались и процветали на практике. Возможно, Эмпедоклу не хватало той безупречной искренности веры в собственные силы, без которой, по-видимому, трудно или невозможно постоянно заставлять человечество себе верить. Чтобы успешно обманывать других, желательно, если не абсолютно необходимо, начать с обмана самого себя, а сицилийский мудрец, вероятно, был слишком проникательным человеком, чтобы чувствовать себя совершенно спокойно в образе бога.

Старая идея о переселении душ, которую Эмпедокл переиначил и передал своим ученикам в качестве философского догмата, была впоследствии поддержана, если не прямо подтверждена, другим греческим философом совершенно иного склада, соединившим в себе, как никто другой, высочайшую способность к абстрактному мышлению с самым изысканным литературным гением. Но если он заимствовал эту доктрину у дикарской древности, то Платон, как и два его предшественника, отделил ее от грубой первоначальной оболочки и вписал в назидательную моральную схему возмездия. Он считал, что переселение человеческих душ после смерти в тела животных – это наказание или унижение, налагаемое на души за слабости, которым

они были подвержены, или пороки, к которым они пристрастились при жизни, и что вид животного, в которое переселяется провинившаяся душа, соответствует степени и характеру ее слабости или вины. Так, например, души обжор, пьяниц и развратников переходят в тела ослов; души грабителей и тиранов перерождаются в волков и ястребов; души трезвых спокойных людей, не тронутые философией, оживают в виде пчел и муравьев; плохой поэт может превратиться после смерти в лебедя или соловья, а плохой шут – в обезьяну. Ничто, кроме неукоснительной практики высшей добродетели и беззаветной преданности абстрактной истине, не поможет вернуть таким униженным душам человеческое достоинство и, наконец, вознести их к общению с богами. Несмотря на то что отрывки, в которых излагаются эти взгляды, имеют мифическую окраску и, как и все сочинения Платона, облечены в драматическую форму и вложены в уста других людей, не приходится сомневаться в том, что они отражают подлинное мнение самого философа. Интересно и поучительно встретить в философской системе великого греческого мыслителя старую теорию переселения душ, притаившуюся под драпировкой морализаторства и сверкающую жемчужинами аттического красноречия. Так любопытно совпадают решения, которые предлагают самые высокие и самые примитивные умы для тех глубоких задач, которые во все века разжигали любопытство человека и бросали вызов его изобретательности.

CLVIII. Мир призраков

Круг человеческого знания, освещенный бледным холодным светом разума, так бесконечно мал, а темные области человеческого невежества, лежащие за этим кругом, так неизмеримо огромны, что воображение не решается подойти к пограничной черте и направить в темноту теплые, разноцветные лучи своего сказочного фонаря; и, взглядываясь во мрак, оно склонно принимать подобные теням отражения собственной фигуры за реальные существа, движущиеся в бездне. Мало кто ощущает резкую грань, отделяющую известное от неизвестного; для большинства людей это туманная пограничная полоса, где восприятие и иллюзия сливаются в одно неразделимое целое. Поэтому для дикаря призраки мертвых животных и людей,

которыми его воображение наполняет пустоту, едва ли менее реальны, чем твердые формы, в которых живые животные и люди представляются его восприятию, и его мысли и деятельность почти в равной степени поглощены и тем и другим. О нем можно сказать, пожалуй, даже с большей убежденностью, чем о его цивилизованном собрате: «Мы тени и за теньями гонимся».

CLIX. Страх перед призраками^[118]

Страх перед привидениями широко распространен (вероятно даже повсеместен) среди дикарей; едва ли он исчез и меж нас. Если бы он ушел, некоторым научным обществам следовало бы упраздниться. Страх перед призраками, конечно, не был благом. Действительно, можно с некоторым основанием утверждать, что ни одна вера не сделала столько для замедления экономического и, следовательно, социального прогресса человечества, как вера в бессмертие усопших; ибо эта вера заставляла расу за расой, поколение за поколением жертвовать реальными потребностями живых ради воображаемых потребностей мертвых. Растраты и разрушения жизни и имущества, которые повлекла за собой эта вера, неисчислимы. Но я не буду рассматривать здесь катастрофические и плачевные последствия, невыразимые глупости, преступления и страдания, которые на практике вытекают из теории загробной жизни. Сейчас я занимаюсь более светлой стороной мрачной темы, полезным, хотя и беспочвенным ужасом, который призраки, явления и призраки вселяют в грудь отчаянных преступников. Если такие люди вообще размышляют и регулируют свои страсти по велению благоразумия, то кажется очевидным, что страх перед призрачным возмездием, перед гневным духом своей жертвы, должен действовать как спасительный ограничитель их необузданных порывов; ему следует усиливать страх перед чисто мирским наказанием и снабжать холериков и злобных людей новым мотивом для того, чтобы остановиться перед тем, как обагрить свои руки кровью.

CLX. Благотворное влияние страха перед призраками^[119]

В то время как страх перед призраком, таким образом, действовал непосредственно, для укрепления незыблемости человеческой жизни, удерживая жестоких, страстных и злобных от пролития крови, он действовал также косвенно, приводя к тому же благотворному результату. Ибо не только сам одержимый ведьмой убийца боится призрака своей жертвы, но и вся община, как мы видели, также боится его и считает, что присутствие убийцы угрожает ей, поскольку преследующий его гневный дух может обратиться на других людей и растерзать их. Следовательно, у общества есть сильный мотив для изоляции, изгнания или уничтожения преступника, чтобы освободиться от того, что оно считает неминуемой опасностью, опасным загрязнением, заразой смерти. Иными словами, общество заинтересовано в наказании за убийство. Нельзя сказать, что обращение с убийцами со стороны племени или государства изначально задумывалось как наказание, налагаемое на них, скорее оно рассматривалось как мера самообороны, моральный карантин, процесс духовного очищения и дезинфекции, изгнание нечистой силы. Это был способ очищения людей в целом, а иногда и самого убийцы от призрачной инфекции, которая для примитивного ума представляется чем-то материальным и осязаемым, чем-то, что можно буквально смыть водой, свиной кровью, овечьей кровью или другими моющими средствами. Но когда это очищение принимало форму заключения убийцы под стражу, изгнания его из страны или предания смерти, чтобы успокоить дух его жертвы, это было фактически неотличимо от наказания, и страх перед ним действовал как сдерживающий фактор так же верно, как если бы он это было задумано как наказание и ничего больше. Когда человека собираются повесить, для него мало утешения, когда ему говорят, что повешение – не наказание, а очищение. Но изначальная концепция легко и почти незаметно меняется; так что то, что сначала было религиозным обрядом, торжественным посвящением или жертвоприношением, со временем становится чисто гражданской функцией, наказанием, которое общество налагает на тех, кто причинил ему вред: жертвоприношение становится казнью, священник отступает, а палач выходит вперед. Таким образом, уголовное правосудие, вероятно, в значительной степени основывалось на грубой форме суеверия задолго до того, как тонкие умы юристов и философов логически вывели его, в

соответствии с их различными пристрастиями, из жесткой теории праведного возмездия, дальновидной политики превращения закона в ужас для злодеев или в благожелательное желание изменить характер преступника и спасти его душу в другом мире. Если эти выводы лишь претендуют на то, чтобы теоретически оправдать практику наказания, они могут считаться хорошо или плохо обоснованными; но если они претендуют на объяснение историческое, то они, безусловно, ложны. Таким образом, вы не можете реконструировать прошлое, перенося в одну эпоху идеи другой, толкуя самые ранние из них с точки зрения последних достижений эволюции разума. Так можно совершать революции, но нельзя писать историю.

Если эти взгляды верны, то страх перед призраком действовал двояким образом, защищая человеческую жизнь. С одной стороны, люди ради собственного блага с большей неохотой стали убивать своих собратьев, а с другой стороны, это побудило всю общину наказать убийцу. У вспыльчивых и бессердечных был двойной мотив воздержаться от последнего рокового шага: им приходилось бояться духа своей жертвы, с одной стороны, и плети закона – с другой: они оказались зажаты между молотом и наковальней, между призраком и виселицей. И когда с развитием мысли тень призрака исчезает, мрачная тень виселицы остается, чтобы защитить общество, оставшееся без помощи суеверных страхов. Обычай часто переживает мотив, его породивший. Если только институция хороша на практике, она будет стоять твердо и после того, как ее старая теоретическая основа будет разрушена: будет обнаружен новый и более прочный, ибо более верный фундамент, на который она сможет опереться. С течением времени мораль все больше и больше смещает свою почву с песков суеверий на скалу разума, от воображаемого к реальному, от сверхъестественного к естественному. Государство не перестало защищать жизни своих граждан, когда вера в призраков пошатнулась. Оно нашло более вескую причину, чем бабушкины басни, для того чтобы охранять пламенным мечом Справедливости подход к дереву жизни.

Судя по свидетельствам не только диких и варварских племен, но и некоторых высокоцивилизованных народов, культ мертвых был одной из наиболее распространенных и влиятельных форм религии, возможно, даже самой распространенной и влиятельной из всех. Очевидно, что в его основе лежит предположение о том, что человеческая личность в той или иной форме, будь то душа, дух, призрак или что-то еще, может пережить смерть и впоследствии еще долгое или короткое время оказывать огромное влияние на судьбы живых людей, которые, заботясь о своей безопасности и благополучии, вынуждены искать милости теней умерших. Эта вера в существование человеческого духа после смерти распространена по всему миру, она встречается у людей всех ступеней культуры, от самых низких до самых высоких. Несомненно, степень внимания к призракам не одинакова во всех случаях; она зависит от конкретной степени силы, приписываемой каждому из них; духи людей, которых по каким-либо причинам сильно боялись при жизни, например, могучих воинов, вождей и королей, более почитаемы и получают гораздо больше знаков уважения, чем духи простых людей; и только когда это почитание и уважение доходят до чрезвычайно высокого уровня, их правильно назвать обожествлением мертвых. Но то, что во многих странах мертвые люди возводились в ранг божеств, подтверждается многочисленными свидетельствами. И если не считать поклонения духам, которые, по словам их почитателей, некогда одушевляли тела живых людей, то есть все основания подозревать, что многие боги, причисляемые к чисто мифическим существам, когда-то были людьми из плоти и крови, хотя их подлинная история ушла из памяти или, скорее, превратилась в миф, который в общем скрывает реальный характер воображаемого божества. Идея, согласно которой большинство или все боги возникли подобным образом, иными словами, поклонение богам есть не что иное, как поклонение мертвецам, известна как эвгемеризм, по имени древнегреческого писателя Эвгемера, который ее выдвинул. Если рассматривать это как универсальное объяснение веры в богов, то оно, безусловно, ложно; если рассматривать его как частичное объяснение, то оно, несомненно, истинно; и мы можем даже пойти дальше и сказать, что чем больше мы проникаем в глубину истории естественной религии, тем более значительным становится элемент истины, содержащийся в

эвгемеризме. Ведь чем пристальнее мы вглядываемся во многие божества естественной религии, тем отчетливее видим под причудливой пеленой, которой мифическая фантазия окутала их величественные фигуры, знакомые черты реальных людей, когда-то разделявших общие радости и общие горести человечества, шедших по общей дороге жизни к общему концу.

Когда мы задаемся вопросом, как получилось, что умерших людей так часто возводили в ранг божеств, то первое, на что следует обратить внимание, – это то, что все подобные обожествления должны следовать из опыта того или иного рода; они должны быть версиями, придуманными для объяснения несознаваемых причин определенных явлений, будь то человеческий разум или внешняя природа. Все они, как мы уже отмечали, предполагают веру в то, что сознательная человеческая личность, называемая душой, духом или как угодно еще, может пережить тело и продолжать существовать в развоплощенном состоянии с неизменными или даже значительно возросшими способностями к добрым или злым делам. Эту веру в сохранение личности после смерти можно для краткости назвать верой в бессмертие, хотя термин «бессмертие» не совсем корректен, так как он предполагает вечную жизнь, а идея вечности едва ли понятна многим примитивным народам, которые тем не менее твердо верят в продолжение существования человеческого духа на более или менее длительный срок после распада тела. Вера в бессмертие души, или, правильнее сказать, в продолжение существования сознательной человеческой личности после смерти, чрезвычайно распространена среди людей на всех уровнях интеллектуальной эволюции – от самых низких до самых высоких. Конечно, распространенность веры в бессмертие души не ограничивается приверженцами высших религий, потому что ее придерживается как непреложной истины, по крайней мере, подавляющее большинство диких и варварских народов, о представлениях которых мы располагаем точными сведениями; действительно, трудно назвать хоть одно племя людей, пусть даже дикое, о котором можно было бы с уверенностью сказать, что они совершенно не верят в так называемое бессмертие души.

Поэтому, если мы хотим объяснить обожествление мертвецов, мы должны сначала объяснить широко распространенную веру в бессмертие; мы должны ответить на вопрос, как так получилось, что

столь многие люди во всех странах и на всех уровнях невежества или просвещенности полагают, что после смерти их сознание будет сохраняться в течение неопределенного времени после распада тела. Ответ на этот вопрос является одной из фундаментальных задач естественной теологии, правда, не в полном смысле слова теологии, если мы ограничиваем этот термин только обоснованным знанием о Боге; ведь пример буддизма доказывает, что вера в существование человеческой души после смерти вполне совместима с отсутствием веры в божество. Но если мы можем использовать словосочетание «естественная теология» в расширенном смысле, чтобы охватить идеи, которые, хотя сами по себе и не утверждают существование Бога, тем не менее являются одним из самых глубоких и плодотворных источников веры в его реальность, то мы с полным правом можем сказать, что концепция человеческого бессмертия действительно входит в сферу естественной теологии. Каково же ее происхождение? Как получилось, что люди столь склонны считать себя бессмертными?

Если существует какое-либо естественное знание о бессмертии человека, то оно должно быть получено либо интуицией, либо опытом, другого пути нет. Трудно сказать, откуда у людей берется вера в свое бессмертие: интуитивна ли она, или это результат наблюдения за своей природой. Но на свой счет автор этих строк может с уверенностью сказать, что у него нет ровно никакой интуиции относительно своего бессмертия, и что если он будет опираться только на свои природные способности, то едва ли сможет считать существование своей личности после смерти более вероятным, чем существование личности Бога. Можно смело предположить, что если бы люди могли проанализировать свои собственные идеи, то они, как правило, оказались бы в таком же затруднительном положении в отношении обеих этих глубоких тем. Поэтому мы склонны верить утверждению, что люди, как правило, не имеют интуитивного знания о собственном бессмертии, и что если и существует какое-либо естественное знание об этом, то оно может быть получено только в процессе рассуждений на основе опыта.

Что же тогда считать опытом, из которого выводится бессмертие человека? Это опыт деятельности нашего собственного разума? Или опыт взаимодействия с внешней природой? Исторический факт (а мы рассматриваем этот вопрос исключительно с исторической точки

зрения) свидетельствует о том, что люди делали выводы о сохранении своей личности после смерти как из одного вида опыта, так и из другого, то есть как из явлений своей внутренней жизни, так и из явлений окружающей среды, того, что мы условно называем внешним миром. Так, дикарь находит косвенное подтверждение бессмертия в сновидениях, это несомненно часть его внутренней жизни, хотя в своем невежестве он обычно не отличает их от того, что мы привыкли называть явью. Поэтому, когда во сне ему являются образы людей, о которых он знает, что они умерли, он, естественно, делает вывод, что эти люди все еще существуют где-то и как-то отдельно от их тел, гибель которых он мог наблюдать наяву. Как, спрашивается, он может видеть умерших людей, если их не существует? Утверждать, что они погибли, как и их тела, значит, противоречить очевидным свидетельствам его чувств, ведь для дикаря еще больше, чем для цивилизованного человека, видеть – значит верить; то, что он видит мертвых только во сне, не колеблет его уверенности, поскольку он считает явления сна столь же реальными, как и явления бодрствования. И если он таким образом убедился в том, что мертвые живут и способны помогать или вредить ему, как это представляется во сне, то для него естественно и необходимо распространить эту мысль на повседневную жизнь, которую он не отличает от видений во сне. Теперь он объясняет многие из этих явлений и многие природные процессы непосредственным вмешательством духов; он прослеживает их невидимую руку во многих несчастьях и в некоторых благодеяниях, постигших его; ведь это общая черта веры в призраков, что они обычно злобны и деструктивны или, по крайней мере, раздражительны и мелочны, склонны скорее вредить, чем приносить пользу оставшимся в живых. В этом они напоминают олицетворенных духов природы, которые, по мнению большинства дикарей, в большинстве случаев представляются коварными и злобными существами, чей гнев опасен, а благосклонность заслуживается со страхом и трепетом. Таким образом, даже без дополнительного подтверждения, которое дают рассказы о привидениях и призраках, первобытный человек со временем может представить окружающий мир более или менее густонаселенным, подверженным влиянию и даже господству бесчисленного множества духов, среди которых тени прошлых поколений людей занимают весьма заметное, а часто и, по-видимому,

ведущее место. Этих духов, способных помочь или навредить, он стремится либо просто отстранить, если считает их вредными, либо умиротворить и задобрить, если полагает, что они достаточно добродушны, чтобы ответить на его инициативы. Таким образом, отталкиваясь от реальных, но, как нам кажется, неверно истолкованных явлений сновидений, дикарь может прийти к учению о бессмертии человека, а от него – к поклонению мертвым.

Это объяснение веры дикарей в бессмертие не отличается ни новизной, ни оригинальностью: напротив, оно, пожалуй, самое распространенное и знакомое из всех, которые были предложены до сих пор. Если оно и не объясняет всех фактов, то, вероятно, объясняет многие из них. В то же время мы не сомневаемся, что многие другие умозаключения, сделанные на основе опыта разного рода, закрепились, даже если изначально не предполагали, устойчивую веру человека в свое бессмертие. Приведем лишь один пример: сходство детей с умершими родственниками, по-видимому, породило в сознании многих дикарей представление о том, что души этих умерших родственников возродились в их потомках. На основании нескольких объясненных случаев сходства легко прийти к общей теории, согласно которой все живые люди одушевлены душами умерших; другими словами, человеческий дух переживает смерть на неопределенное время, если не на вечность, в течение которой он претерпевает ряд перерождений или реинкарнаций. Как бы ни было, учение о переселении или перевоплощении души встречается у многих племен дикарей, и, исходя из того, что нам известно по этому вопросу, мы вправе предположить, что на определенных этапах психической и социальной эволюции вера в метемпсихоз была гораздо более распространена и оказывала гораздо более глубокое влияние на жизнь и институции первобытного человека, чем позволяют утверждать имеющиеся у нас теперь фактические данные.

CLXII. Обожествление мертвых [\[121\]](#)

Можно, пожалуй, считать общим местом, что поклонение мертвым постоянно ущемляет поклонение верховным богам, которые все больше оттесняются на задний план появлением их более молодых соперников. Это вполне естественно. Привязанность к добродетели,

благоговение и трепет, внушаемые великими талантами и сильными личностями, сохраняются еще долго после того, как объекты нашей любви и восхищения покинули землю, и мы теперь отдаем памяти о них то почтение, которое отдавали, а может быть, и не отдавали, самим людям при их жизни. Для нас они как бы продолжают существовать; их черты, их характерные обороты мысли и речи еще свежи в памяти, и мы с трудом заставляем себя поверить, что они полностью перестали существовать, что от них не осталось ничего, кроме безжизненного праха, который предан земле. В сердце все еще теплится если не вера, то надежда, что где-то за гранью нашего понимания любимые и покинувшие нас воссоединились с родными духами, ушедшими в неведомую страну, где в свое время мы встретимся с ними вновь. И как в случае с привязанностью, так и в случае с благоговением и страхом, они также являются мощными стимулами для этой инстинктивной веры в продолжение загробного существования умерших. Напряженный мозг, исследовавший высоты и глубины загадочной Вселенной, пылающее воображение, рождавшее видения красоты, созданной, как нам кажется, для бессмертия, устремленная ввысь душа и размах дерзновений, основывавшие или свергавшие империи и сотрясавшие мир, – неужели они теперь не более чем груда истлевших костей или горстка пепла под их мраморными памятниками? Разум большинства людей восстает против вывода, столь унижающего достоинство человеческой природы, и поэтому, чтобы удовлетворить одновременно порывы воображения и сердца, люди постепенно возводят своих умерших в ранг святых и героев, которые со временем могут легко, почти неощутимо перейти на высшую ступень, обретая статус божеств. Таким образом, практически на всем протяжении развития человеческого разума человек постоянно создает богов по своему подобию.

CLXIII. Эвгемеризм [\[122\]](#)

Как бы мы ни относились к эвгемеризму в качестве универсального объяснения богов, несомненно, что во многих странах ряды небесной иерархии в значительной степени пополнялись призраками людей из плоти и крови. Но, по-видимому, существует общая тенденция отводить происхождение человеческих богов на

второй план и путать их с истинными изначальными божествами, которые с самого начала не были ничем иным. Иногда эта тенденция усиливается намеренным желанием сделать более незаметным скромное рождение и относительно скромную биографию этих ныне почитаемых существ; но, скорее всего, стирание различий между двумя классами божеств обычно является простым результатом забвения и течения времени. Как только человек умирает, его фигура, столь масштабная и ясная для современников, начинает блекнуть и таять, превращаясь в нечто смутное и неясное, пока, если он не был масштабной личностью, его не забывают совсем; если же он был тем, чьи поступки или мысли сильно повлияли на его соплеменников во благо или во зло, память о нем остается в последующих поколениях, и личность со временем эта видится тем более масштабной, чем меньше деталей остаются четкими: так вечерний туман визуально увеличивает сферу заходящего солнца. Так, естественно и неощутимо с течением времени наша смертная природа меркнет или проясняется, становясь бессмертной и божественной.

CLXIV. Великие люди как основатели религий

Если Осирис и Христос вызывали одинаковое поклонение и преданность, то, возможно, за этим стоят схожие причины? Если Христос прожил жизнь и умер земной смертью человека, то, может быть, и Осирис прошел такой путь? Огромная и непреходящая популярность его культа говорит в пользу этого предположения; ведь все другие великие религиозные или полурелигиозные системы, занявшие постоянное место в привязанностях человечества, были основаны отдельными великими людьми, которые своей личной жизнью и примером оказывали на умы и сердца человечества такое воздействие, какое не могли оказать никакие холодные абстракции, никакие бесцветные творения коллективной мудрости (или глупости). Так было с буддизмом, с конфуцианством, с христианством, с магометанством; так, возможно, было и с религией Осириса. Конечно, мы меньше согрешим против доказательств, если примем сторону традиции Древнего Египта в этом вопросе, чем если будем относиться к фигуре Осириса как к простому мифу. А если учесть, что с древнейших до новейших времен египетским царям поклонялись как

богам и при жизни, и после смерти, то нет ничего странного или невероятного в том, что один из них своими личными качествами вызывал большую, чем обычно, степень преданности при жизни и вспоминался с большей любовью и с более глубоким почтением после смерти, пока со временем его память, преображенная и окруженная ореолом славы в тумане времени, не превратилась в преобладающую религию его народа. По крайней мере, это предположение достаточно разумно и заслуживает серьезного рассмотрения. Если принять его, то можно далее предположить, что мифические черты, которые традиция, несомненно, приписывает Осирису, были более поздними вкраплениями, которые собрались вокруг его памяти, как плющ на руинах. В таком предположении нет ничего невероятного, напротив, принцип аналогии говорит в его пользу, ведь нет ничего более достоверного, чем то, что мифы растут, как сорняки или цветы вокруг великих исторических личностей прошлого.

CLXV. Деметра и бессмертие

Обобщив некоторые факты, мы можем сказать, что из мифа о Деметре и Персефоне, из их ритуала, из их изображений в искусстве, из титулов, которые они носили, из подношений им первых плодов и из названий злаков мы имеем полное право заключить, что в сознании рядового грека эти две богини были, по существу, олицетворением зерна, и что в этом все многоцветие их религии находит свое косвенное объяснение. Но утверждать это – не значит отрицать, что в ходе длительной религиозной эволюции на этот простой первоначальный материал были привиты высокие нравственные и духовные представления, которые расцвели более яркими цветами, чем ячмень и пшеница. Прежде всего мысль о семени, зарытом в землю, чтобы взойти к новой и высшей жизни, легко наводила на сравнение с человеческой судьбой и укрепляла надежду на то, что и для человека могила может быть лишь началом лучшего и счастливого существования в каком-то неведомом светлом мире. Это простое и естественное размышление кажется вполне достаточным для того, чтобы объяснить ассоциацию богини плодородия в Элевсине с тайной смерти и надеждой на блаженное бессмертие. О том, что древние рассматривали посвящение в элевсинские мистерии как ключ,

отпирающий врата рая, свидетельствуют упоминания о счастье, которое ожидает посвященных в будущем, у различных хорошо осведомленных писателей. Несомненно, легко заметить шаткость логического фундамента, на котором строились такие большие надежды. Но утопающие хватаются за соломинку, и нам не приходится удивляться, что греки, как и мы, имея перед собой смерть и великую любовь к жизни в сердце, не могли останавливаться, чтобы тщательно взвесить аргументы, которые говорили за и против перспективы человеческого бессмертия. Доводы, которые удовлетворили святого Павла и утешили несметные тысячи скорбящих христиан, стоящих у смертного одра или отверстых могил своих близких, были вполне приемлемы и для древних язычников, когда они тоже склоняли головы под бременем скорби и с горящим в глазах огнем жизни смотрели вперед, во тьму неизвестности. Поэтому мы ничуть не преуменьшаем смысл мифа о Деметре и Персефоне – одного из немногих мифов, в котором солнечный свет и ясность греческого гения пересекаются с тенью и тайной смерти, – когда начинаем вести его происхождение от некоторых из наиболее знакомых, но вечно волнующих сторон природы, от меланхолического мрака и упадка осени и свежести, яркости и зелени весны.

CLXVI. Смерть и розы

Смерть Адониса интерпретируется не как естественное увядание растительности в целом под воздействием летнего зноя или зимнего холода, а как насильственное уничтожение зерна человеком, который срезает колос в поле, отделяет зерна молотьюбой и перемалывает в муку на мельнице. Можно признать, что именно так Адонис представал перед земледельческими народами Леванта в более поздние времена, но трудно поверить, что с самого начала он был зерном и ничем иным. Возможно, в более ранний период он был для пастуха прежде всего нежной травой, прорастающей после дождя и дающей богатое пастбище для тощего и голодного скота. Еще раньше он мог олицетворять дух орехов и ягод, которые осенний лес дает дикому охотнику и его жене. И как земледелец должен умиловить дух зерна, которое он потребляет, так и пастух должен умиротворить дух травы и листьев, которые ест его скот, а охотник-собирающий –

успокоить дух корней, которые он выкапывает, и плодов, которые он собирает с ветвей. Во всех случаях умилоствление обиженного и разгневанного духа, естественно, сводилось к подробным оправданиям и извинениям, сопровождалось громкими причитаниями по поводу его кончины, если по какой-то прискорбной случайности он оказывался убитым или ограбленным. Следует только иметь в виду, что дикари-охотники и скотоводы тех далеких времен, вероятно, еще не имели абстрактного представления о растительности в целом, и поэтому, если Адонис вообще существовал для них, он должен был быть повелителем каждого отдельного дерева и растения, а не олицетворением растительного мира в целом. Таким образом, Адонисов было столько же, сколько деревьев и кустарников, и каждый из них мог рассчитывать на удовлетворение за ущерб, нанесенный его личности или имуществу. И год за годом, когда деревья снова зеленеют, каждый Адонис как будто истекает кровью вместе с красной листвой осени и оживает вновь со свежей зеленью весны.

Есть основания полагать, что в ранние времена Адонис иногда олицетворялся с живым человеком, который умирал насильственной смертью в образе бога. Кроме того, есть основания полагать, что у земледельческих народов Восточного Средиземноморья дух плодородия, под каким бы именем он ни был известен, нередко был представлен ежегодными человеческими жертвоприношениями в поле. Если это так, то представляется вероятным, что умилоствление духа зерна должно было в какой-то степени слиться с поклонением мертвым. Ведь души жертв могли вернуться к жизни в колосьях, которые они напитали своей кровью, и умереть второй смертью во время жатвы. А призраки погибших от насилия людей мрачны и при всякой возможности готовы отомстить своим убийцам. Поэтому попытка успокоить души убитых жертв, по крайней мере в народном представлении, естественным образом сочеталась с попыткой умиротворить убитого духа зерна. Мертвые возвращались в прорастающие злаки, и можно считать, что они возвращались в весенние цветы, пробужденные от долгого сна мягким весенним ветерком. Они покоились под дерном. Что может быть естественнее, чем представить, что фиалки и гиацинты, розы и ветреницы возникли из их праха, были одушевлены или оплодотворены их кровью и содержали в себе часть их духа?

Я думаю, что роза всех красней,
Поскольку царских напилась кровей,
А гиацинт цветет, припоминая,
Как рос на чьей-то чудной голове.

Раз хлеб насущный богом предопределен —
Не может быть ни сокращен, ни приращен.
Тужить бессмысленно о том, что не досталось,
И будь свободен от того, чем наделен.

Летом после сражения при Ландене, самого кровопролитного сражения XVII века в Европе, земля, пропитанная кровью 20 тыс. убитых, распустилась миллионами маков, и путешественнику, проезжавшему по этому огромному алому полю, могло показаться, что земля действительно отдала своих мертвецов. В Афинах великое поминовение усопших приходится на весну, примерно на середину марта, когда распускаются ранние цветы. Считалось, что тогда мертвецы встают из могил и ходят по улицам, тщетно пытаясь проникнуть в храмы и жилища, которые отгораживались от этих беспокойных духов веревками, облепихой и смолой. Название праздника, согласно наиболее очевидному и естественному толкованию, означает «праздник цветов», и это название вполне соответствовало бы сути церемоний, если бы в это время действительно считалось, что несчастные призраки выползают из тесного гроба с раскрывающимися цветами. Поэтому, возможно, есть доля истины во взглядах Ренана, который видел в поклонении Адонису мечтательно-сладострастный культ смерти, представляемой не в качестве властелина темных сид, а коварного чародея, который заманивает к себе жертву и убаюкивает ее вечным сном. Бесконечное очарование природы Ливана, считал он, располагает к религиозным эмоциям чувственного, визионерского рода, неопределенно витающим между болью и наслаждением, между дремотой и слезами. Было бы, разумеется, ошибкой приписывать сирийским крестьянам поклонение такому чисто абстрактному понятию, как смерть вообще. Но, возможно, в их простодушном сознании мысль об оживающем духе растительности сочеталась с вполне конкретным представлением о

призраках умерших, которые оживают в весенние дни вместе с ранними цветами, нежной зеленью злаков и многоцветьем деревьев. Таким образом, их представления о смерти и воскресении природы были окрашены их представлениями о смерти и воскресении человека, их личными горестями, надеждами и страхами. Не приходится сомневаться, что и ренановская теория Адониса была окрашена яркими воспоминаниями, воспоминаниями о смертной дремоте, которая застилала его глаза на склонах Ливана, воспоминаниями о сестре, которая спит в стране Адониса, чтобы никогда больше не проснуться вместе с анемонами и розами.

CLXVII. Смертность богов

На ранней стадии своего интеллектуального развития человек считает себя от природы бессмертным и воображает, что если бы не злые промыслы колдунов, преждевременно обрывающих жизненную нить, то он жил бы вечно. Эта иллюзия, столь лестная для человеческих желаний и надежд, бытует среди многих диких племен и по сей день, и можно предположить, что она была широко распространена в эпоху магии, которая, судя по всему, повсеместно предшествовала эпохе религии. Но со временем печальная истина открылась первобытным мыслителям с силой, которой не могли противостоять никакие предрассудки и никакая софистика. Среди множества влияний, которые в совокупности заставили его неохотно согласиться с неизбежностью смерти, следует назвать и растущее влияние религии, которая, разоблачая тщету магии и всех построенных на ней чрезмерных притязаний, постепенно приземляла гордое и вызывающее отношение человека к природе и приучала его верить, что во вселенной есть тайны, что его слабому интеллекту не постичь, и силы, с которыми его ничтожным рукам не совладать. Так он все больше и больше учился смиряться перед неизбежным и утешать себя в земной жизни надеждой на вечное блаженство в будущем. Но если он неохотно признавал существование существ одновременно сверхчеловеческих и сверхъестественных, то еще не подозревал о ширине и глубине пропасти, отделявшей его от них. Боги, которыми его воображение теперь наполняло тьму неведомого, действительно признавались им выше его самого по знанию и могуществу, по

радостному великолепию жизни и ее продолжительности. Но, хотя он и не знал этого, эти великие и ужасные существа были лишь, подобно Броккенскому призраку, отражениями его собственной ничтожной личности, преувеличенной до гигантских размеров расстоянием, туманами и облаками невежества, на которые они отбрасывались. Человек, по сути, создавал богов по своему подобию и, будучи сам смертным, естественно, предполагал, что его создания находятся в таком же печальном положении.

CLXVIII. Уничтожение бога-человека

Обычай предавать смерти божественных людей и особенно божественных царей, по-видимому, был распространен на определенном этапе развития общества и религии. Это была попытка освободить бессмертный дух от его смертной оболочки, остановить процессы упадка в природе, безжалостно пресекая начатки зловещих симптомы. Мы можем с улыбкой смотреть на тщетность этих и подобных им попыток остановить неумолимое вращение великого колеса времени, сохранить навеки свежесть и красоту недолговечных роз юности. Но, возможно, несмотря на все разочарования, созерцая, казалось бы, бесконечные просторы знания, открывшиеся даже перед нашим поколением, многие из нас в глубине души лелеют надежду, что все-таки можно найти какую-то лазейку для выхода из стен тюрьмы, которая грозит закрыть и раздавить нас; что, блуждая в потемках, человечество все же сможет отыскать золотой ключик от дворца вечности и таким образом перейти из этого мира тьмы и печалей в мир света и радости. Если это и сон, то, несомненно, счастливый и невинный, и тем, кто хочет пробудить нас от него, мы можем напомнить слова Микеланджело: «Отрадно спать, отрадней камнем быть!»

CLXIX. Поедание бога

Теперь легко понять, почему дикарь желает полакомиться плотью животного или человека, которого он считает божественным. Съев тело бога, он приобщается к его атрибутам и силе. Если бог – бог хлеба, то хлеб – его тело; если бог винограда, то сок винограда – его

кровь; поэтому, съедая хлеб и выпивая вино, поклоняющийся приобщается к реальному телу и крови своего бога. Таким образом, употребление вина в обрядах такого бога винограда, как Дионис, не является просто весельем, а представляет собой торжественное таинство. Однако наступает время, когда здравомыслящим людям трудно уяснить, как кто-то в здравом уме может считать, что, съев хлеб или выпив вино, он принимает в себя тело или кровь божества. «Когда мы называем хлеб Церерой, а вино – Вакхом, – говорит Цицерон, – мы используем обыкновенную фигуру речи; но неужели вы думаете, что кто-то столь безумен, чтобы верить, что то, что он вкушает, и есть бог?» Пишущий так римский философ не предвидел, что и в самом Риме, и в странах, получивших от него свое вероучение, вера, которую он здесь клеймит как безумную, сохранится на тысячи лет в качестве основной у народов, гордящихся своей религиозной просвещенностью по сравнению со слепыми суевериями языческой древности. Даже величайшие умы одного поколения едва ли могут предвидеть, по какому извилистому пути пойдет религиозная вера человечества в последующие века.

CLXX. Умиравший бог как искупитель

Умиравший бог иногда использовался в качестве козла отпущения, чтобы избавить своих почитателей от всевозможных бед, с которыми сопряжена земная жизнь. Мы попытались проследить этот любопытный феномен до его истоков, разложить идею божественного козла отпущения на элементы, из которых она, как представляется, состоит. Если наши выводы верны, то эта идея сводится к простой путанице между материальным и нематериальным, между реальной возможностью переложить физический груз на чужие плечи и предполагаемой возможностью переложить наши телесные и душевные недуги на другого, который будет нести их за нас. Рассматривая историю этого жалкого заблуждения от его зарождения во времена древней дикости до полного развития в теологии цивилизованных народов, нельзя не удивляться необыкновенной способности человеческого разума превращать свинцовую окалину суеверий в сверкающее подобие золота. Конечно, ни в чем эта алхимия мысли не проявляется так ярко, как в процессе, который превратил

низменный и примитивный обычай козла отпущения в возвышенную концепцию бога, который умирает, чтобы взять на себя грехи мира.

CLXXI. Понятие деицида

Именно в религиозном ритуале ацтеков теория умирающего бога нашла свое наиболее систематическое и трагическое выражение. Насколько мне известно, нет свидетельств в пользу того, что мужчины и женщины, погибшие в Мексике жестокой смертью в образе богов и богинь, рассматривались их адептами и палачами как козлы отпущения; скорее всего, их убивали с целью усилить рекой человеческой крови прилив жизни, которая могла застояться и заглохнуть в жилах божеств. Таким образом, ритуал ацтеков, предписывающий зарезать, зажарить живьем и распластать мужчин и женщин, чтобы боги оставались вечно молодыми и сильными, соответствует предложенной нами общей теории деицида. По этой теории смерть – это врата, через которые должны пройти и боги, и люди, чтобы избежать дряхлости возраста и обрести бодрость вечной молодости. Можно утверждать, что кульминацией этой концепции является брахманическая доктрина, согласно которой в ежедневном жертвоприношении тело творца заново разрушается ради спасения мира.

CLXXII. Жертва бога ради спасения мира

Не исключено, что жертвоприношения обожествленных людей, совершаемые ради спасения мира, могли способствовать возникновению представления о том, что вселенная или ее часть изначально была создана из тел богов, принесенных в жертву. Любопытно, что подобные представления встречаются именно в тех частях света, где такие жертвоприношения, судя по всему, совершались регулярно. По некоторым свидетельствам, в Древней Мексике, где жертвоприношение людей в образе богов составляло характерную черту национальной религии, считалось, что, когда еще не было света, боги создали солнце, чтобы осветить землю: добровольно сгорели в огне, прыгнув, один за другим в пламя огромной печи. В вавилонском Бытии великий бог Бел сотворил мир,

расчленив женщину-чудовище Тиафнат на две части и из половин ее тела создал небо и землю. Затем, увидев, что земля пуста, он приказал одному из богов отрубить ему, творцу, голову, а из вытекшей крови, смешанной с глиной, сделал смесь, из которой вылепил людей и животных. Аналогичным образом в одном из гимнов Ригведы рассказывается, как боги создали мир из расчлененного тела великого первобытного гиганта Пурушу. Небо было создано из его головы, земля – из его ног, солнце – из глаз, а луна – из его ума; животные и люди были также порождены из его внутренностей или конечностей, а великие боги Индра и Агни появились из его рта. Древний, а может быть, доисторический рассказ поэта о сотворении мира был сохранен брахманскими жрецами более позднего времени и доработан ими до более продуманной теории жертвоприношения в целом. По их мнению, мир не только был создан в начале жертвенной смертью творца Праджапати, Владыки существ, но и по сей день обновляется и сохраняется исключительно благодаря повторению этого мистического события в ежедневном жертвенном ритуале, совершаемом брахманами. Каждый день тело творца и спасителя разрушается заново, и каждый день оно собирается воедино для восстановления и сохранения вселенной, которая в противном случае должна была бы распасться и разлететься на осколки. Таким образом, мир постоянно создается заново благодаря самопожертвованию божества, и, что удивительно, жрец, приносящий жертву, отождествляет себя с творцом, а значит, самим актом жертвоприношения обновляет вселенную и поддерживает непрерывный круговорот времени и материи. Все зависит от его благотворной и, сверх того, божественной деятельности. От неба над головой до земли под ногами, от величайшего бога до самого ничтожного червя, от солнца и луны до самой скромной травинки и мельчайшей частицы пыли. К счастью, эта грандиозная теория жертвоприношения как процесса, необходимого для спасения мира, не обязывает священника подражать своему славному прототипу, расчлняя собственное тело и проливая кровь на алтарь; напротив, удобное следствие этой теории открывает перед ним приятную перспективу прожить на несказанное благо общества до глубокой старости, растянуть краткий срок человеческого существования до ста лет. Хорошо не только для священника, но и для всего человечества, когда с медленным развитием цивилизации

жестокий ритуал смягчается и сопутствующие ему понятия размываются до туманных абстракций мистического богословия.

CLXXIII. Вопрос о бессмертии[\[123\]](#)

Невозможно не поразиться силе и, можно сказать, универсальности естественной веры в бессмертие у диких народов человечества. Для них жизнь после смерти не является предметом догадок и предположений, надежд и страхов; это практическая уверенность, в которой человек не может усомниться, как не сомневается в реальности своего сознательного существования. Он принимает ее без вопросов и действует в соответствии с ней без колебаний, как если бы это была одна из наиболее достоверных истин в пределах человеческого опыта. Вера влияет на его отношение к высшим силам, на его повседневную жизнь, на его поведение по отношению к окружающим; более того, она в значительной степени регулирует отношения независимых сообществ друг с другом. Состояние войны, в котором обычно находятся многие, если не большинство, соседних дикарских племен, в значительной степени напрямую обусловлено верой в бессмертие, поскольку одним из наиболее распространенных мотивов вражды является желание успокоить разгневанные призраки друзей, которые, как считается, погибли от злодейского колдовства другого племени. Если не отомстить их реальным или воображаемым убийцам, они обрушат свой гнев на непокорных соплеменников. Таким образом, вера в бессмертие не просто окрашивала мировоззрение отдельного человека; она оказывала глубокое влияние на социальные и политические отношения человечества во все века; ведь религиозные войны и гонения, раздиравшие и опустошавшие Европу на протяжении веков, были лишь более цивилизованными эквивалентами столкновений и убийств, которые страх перед потусторонним вызывал почти у всех диких народов, о которых мы имеем сведения. С этой точки зрения вера в загробную жизнь была посеяна на земле, как зубы дракона, и породила новые и новые множества вооруженных людей, которые обращали свои мечи друг против друга. А если учесть еще и расточительное уничтожение имущества и пренебрежение ценностью жизни, которое влечет за собой жертвоприношение, то придется

признать, что при всех своих преимуществах вера в бессмертие обернулась большими экономическими потерями для тех народов (а это практически все народы мира), которые предали этой дорогостоящей роскоши. Не нам оценивать масштабы и тяжесть моральных, социальных, политических и экономических последствий, которые непосредственно вытекают из веры в бессмертие. Можно лишь указать на некоторые из них и предложить обратить на них серьезное внимание историков и экономистов, а также специалистов области морали и теологии.

Но даже если мы не принимаем во внимание практические последствия данных убеждений, перед нами все равно встает вопрос об их истинности или ложности. Мы предоставим другим непростую задачу оценки доказательств первого или второго, чтобы они решили, склоняют ли эти доказательства чашу весов в пользу или против истинности этого важного верования, которое так сильно повлияло на историю человечества, как во благо, так и во вред. В любом исследовании многое зависит от того, с какой точки зрения исследователь подходит к своему предмету; он видит его в разных соотношениях и в разном свете в зависимости от того, под каким углом и с какого расстояния он на него смотрит. В данном случае речь идет о человеческой природе, а как известно, люди по-разному оценивают себя и свой род. С одной стороны, есть те, кто любит рассуждать о величии и достоинстве человека, кто раздувается от гордости при созерцании побед, достигнутых его гением как в фантастическом мире воображения, так и в царстве природы. Конечно, говорят они, такое славное создание было рождено не для смертной жизни, не для того, чтобы погаснуть, как свеча, увянуть, как цветок, угаснуть, как дыхание. Неужели весь этот пронизательный интеллект, творческая фантазия, непомерное тщеславие, благородные страсти, далеко идущие надежды должны свестись к нулю, обратиться в ничто? Нет, этого не может быть. Человек – цветок этого мира, цель творения, венец и завершение всего сущего, и было бы неправильно по отношению к нему и его создателю думать, что могила – это конец всего. Для тех, кто придерживается такого возвышенного взгляда на человеческую природу, легко и очевидно найти в аналогичных верованиях дикарей желанное подтверждение своей собственной заветной веры и настаивать на том, что столь широко

распространенное и столь твердое убеждение должно основываться на каком-то принципе, называемом инстинктом, интуицией или как угодно, который не может быть опровергнут рассуждениями.

С другой стороны, есть и те, кто смотрит на человеческую природу иначе и находит в рассуждениях о ней источник не гордости, а смирения. Они напоминают нам, как слаб и невежествен человек, как коротка и хрупка его жизнь, как немощны его дерзновения, как ослеплен он знанием, как подвержен он боли и страданиям, болезням, терзающим тело и разрушающим разум. Они напоминают, что если немногочисленные годы жизни человека не проходят в праздности и пороке, то они в большинстве своем проходят в постоянном круговороте унылых мелочей, в удовлетворении чисто животных потребностей, в еде, питье и сне. Если посмотреть на историю человечества в целом, то она окажется запятнанной глупостью и преступлениями, крушением веры, безрассудными амбициями, необдуманной агрессией, несправедливостью, жестокостью и похотью, и лишь изредка озаряется мягким сиянием мудрости и добродетели. А когда они обращают свой взор от самого человека к тому месту, которое он занимает во Вселенной, как их ошеломляет ощущение его ничтожности! Они видят, как Земля, населенная человечеством, уменьшается до крохи в невообразимой бесконечности пространства, а краткий срок его существования сжимается до мгновения в немислимой бесконечности времени. И спрашивают: неужели столь ничтожное и слабое существо может претендовать на вечную жизнь, на то, чтобы пережить не только нынешнюю звездную систему, но и все остальные, которые, когда Земля, Солнце и звезды рассыплются в прах, будут построены на их руинах в далеком будущем? Это не так, этого не может быть. Это утверждение не что иное, как результат завышенной самооценки, раздутого тщеславия; это утверждение мотылька, тлеющего в пламени свечи, что он переживет солнце, утверждение червяка, что он переживет землю, в которую он зарылся. Те, кто придерживается такого взгляда на ничтожность и преходящесть человека по сравнению с необъятностью и постоянством вселенной, не находят в верованиях дикарей особых оснований, чтобы изменить свое мнение. В дикарских представлениях о душе и ее судьбе они видят не более чем порождение детского невежества, галлюцинацию, бред сумасшедшего или даже умышленное мошенничество. Они отвергают

все эти измышления как набор надуманных фантазий и лжи, недостойных серьезного внимания рационального ума; и говорят, что если подобные измышления и не опровергают веру в бессмертие (и, впрочем, и не могут опровергнуть), то, по крайней мере, придают ее высокопарным притязаниям атмосферу смехотворной нелепости.

Таковы два противоположных взгляда, которые, как я полагаю, можно иметь в виду в отношении представлений дикарей о сохранении нашей сознательной личности после смерти. Мы не склонны высказываться в поддержку той или другой точки зрения и предоставляем читателю делать свои собственные выводы.

CLXXIV. Предположение о существовании внешнего мира [\[124\]](#)

Человеческий разум отказывается принимать на веру чувственное восприятие. Инстинктивный, непреодолимый импульс побуждает его искать нечто запредельное, нечто, что он считает более реальным и неизменным, чем изменчивая фантазмагория этого чувственного мира. Этот поиск не свойствен одним только философам, но в той или иной степени присущ всем людям, рожденным на свет. Возьмем, к примеру, пахаря. Он просыпается с петухами и готовится приступить к привычной работе. Он видит, как жена разжигает огонь в доме и готовит завтрак, как дети в ожидании собираются за столом, слышит потрескивание огня в очаге, мычание коров, отдаленное блеяние овец и лай собак. Видя и слыша все это, наш пахарь более или менее явно представляет себе виды, ожидающие его в поле и на пути к нему. Вот деревенская церковь и церковный двор с его почтенными тисами и травянистыми курганами, дремлющими в лучах утреннего солнца. Вот поворот дороги, а за ним излучина реки и далекие синие холмы. Калитка ведет в поле, где ему предстоит трудиться до вечера, ступая за плугом, запряженным терпеливыми лошадьми, вверх и вниз по длинным бороздам взрыхленной бурой земли. Он не размышляет об этих вещах, но и не сомневается в их реальности. Он предполагает, что они существуют где-то вне и независимо от него, что другие глаза увидят старые знакомые сцены и другие уши услышат старые

знакомые звуки, когда его собственные навсегда останутся в земле церковного двора.

Точно так же каждый из нас постоянно, ежечасно конструирует чисто воображаемый мир, стоящий за непосредственными ощущениями света и цвета, осязания, слуха и обоняния. Эти ощущения и есть то, что мы действительно воспринимаем. Как ни странно, именно воображенный мир, порождение мысли, мы называем реальным миром в отличие от мимолетных чувств. При таком рассмотрении разум человека можно уподобить чародею, который с помощью духовных сущностей или взмаха волшебной палочки вызывает к жизни видения, которые, сам обманутый совершенством своего искусства, принимает за действительность. Только при внимательном рассмотрении можно понять, насколько эфемерна структура так называемой материальной вселенной, только лишь кажущаяся устойчивой. В буквальном понимании этого слова она состоит из того же, из чего состоят сны. Единственное отличие видений сна от тех видений, которые мы видим наяву в реальной жизни, заключается в большей упорядоченности вторых. Их череда столь закономерна, что мы в значительной степени можем уверенно предсказать ее, а опыт ежедневно и ежечасно подтверждает это предсказание. Например, мы предвидим, что встретится нам, когда мы выйдем в сад или на соседнюю улицу, и это предвидение неизменно сбывается. Это бесчисленное повторение ожиданий является, пожалуй, главной причиной и, конечно, лучшим оправданием нашей инстинктивной веры в реальность внешнего мира. Именно эта закономерность в череде явлений порождает в нашем сознании представление о причине; в конечном счете причина – это просто строгая закономерность. Наблюдение таких закономерностей необходимо для поддержания и вообще для существования жизни не только у человека, но и у животных; с его помощью мы можем предвидеть будущее и приспособливаться к нему; без него не была бы возможна сама жизнь.

Но хотя человечество в целом негласно допускает, что за ощущениями органов чувств скрывается реальный мир, имеющий более существенную и неизменную природу, есть люди, которые по своему пристрастию занимаются исследованием этого предполагаемого внешнего мира. Они спрашивают: существует ли на

самом деле такой мир, скрытый за завесой чувственных явлений, и если да, то каковы его происхождение и природа, каким законам он подчиняется, если таковые имеются? Люди, задающие эти вопросы об окончательной реальности мира, являются философами в самом широком смысле этого слова, и, грубо говоря, их ответы делятся на два типа, в зависимости от того, где они находят эту предельную действительность – в материи или в разуме. В первом случае она мертва, лишена сознания, нечеловечна; во втором случае она живая, сознательная, более или менее аналогичная человеческим чувствам и интеллекту. С одной стороны, сначала существовала материя, а потом из нее развился разум; с другой – разум существовал раньше материи и создал, или, во всяком случае, упорядочил, царство материального. С одной стороны, мир по сути своей материален, с другой – духовен. В целом наука принимает первую точку зрения, по крайней мере, в качестве рабочей гипотезы, религия же безоговорочно придерживается второй.

CLXXV. Неспособность разума постичь бесконечное [\[125\]](#)

Мысль постоянно опережает чувство как в бесконечно малом, так и в бесконечно большом; как бы далеко мы ни расширили поле зрения, будь то невообразимо далекие звезды или бесконечно малые частицы, мысль все равно выходит за их пределы в бесконечном поиске реального, невидимого, вечного. Мы стоим как бы в точке между двумя бесконечностями, ни одной из которых мы не можем надеяться достичь, но обе они под действием какой-то неизвестной силы постоянно побуждают нас стремиться к ним. Мысль стоит на острие ножа между двумя безднами, в непостижимые глубины которых она вечно заглядывает, пока ее зрение не потускнеет, а мозг не остановится в попытке пробиться сквозь густой мрак, закрывающий обзор с обеих сторон. И все же мы преуменьшаем значение тайны, окутывающей нашу маленькую жизнь, когда говорим о ней так, будто она состоит только из двух частей – тайны бесконечно большого и тайны бесконечно малого пространства, ибо разве не существует также двойная тайна времени – тайна бесконечно отдаленного прошлого и тайна бесконечно отдаленного будущего? Таким образом, наша метафора мысли, находящейся между двумя безднами, нуждается в

корректировке и расширении. Не две, а четыре бесконечности, четыре пропасти, четыре бездонные пропасти зияют у ее ног; и в них нашу мысль ведет некий искуситель (или светлый ангел?). Шепчет на ухо, вечно манит окунуться в эти глубины, биться и трепетать слабыми крыльями в непроглядной тьме. Но даже здесь, не удивляясь кажущейся неразрешимости загадки, человеческий разум отказывается примириться с этими многообразными противоречиями. В последнее время, если мы правильно понимаем, философия или наука (в фундаментальных вопросах это две сестры), пройдя круг человеческого знания в противоположных направлениях, имеют возможность встретиться и наконец-то обняться. Философия и наука в последнее время работают над решением принципиальных задач, сводя, казалось бы, несводимые друг к другу принципы пространства и времени к единой реальности. Не нам высказывать свое мнение по поводу этого смелого обобщения. Мы рассматриваем его лишь как, возможно, последнюю попытку философского или научного разума объединить и гармонизировать, казалось бы, разнородные и противоположные составляющие Вселенной.

CLXXVI. Материализм и спиритуализм [\[126\]](#)

Обе теории имеют целью установление и определение конечной реальности: одна обнаруживает ее в водороде и электричестве, другая – в божестве. Насколько они дополняют друг друга или противоречат друг другу – вопрос интересный, но для его взвешенного обсуждения потребуется сочетание философских и научных достижений, на которые мы не претендуем. Хотелось бы лишь отметить, что обе гипотезы направлены на объяснение и обоснование нашей инстинктивной веры в реальность мира, лежащего за пределами непосредственных чувственных ощущений. Это не в меньшей степени относится к материалистической, чем к спиритуалистической гипотезе, поскольку мы должны постоянно помнить, что атомы и электроны, на которые современная наука расчленяет материальный мир, так же недоступны нашим чувствам, как гномы, феи и любые другие духовные существа. Правда, мы можем иметь гораздо больше оснований верить в существование атомов и электронов, чем в существование привидений и гоблинов; но сами по себе атомы и

электроны, привидения и гоблины – одинаково гипотетические вещи и, следовательно, в строгом смысле слова воображаемые существа, придуманные для объяснения осязаемых явлений. Следствия предполагаемого существования тех и других мы можем воспринимать, но не их самих. Мы видим, например, травянистое кольцо, которое, как говорят, создано ногами фей, танцующих при лунном свете на зеленом поле, но самих фей мы не видим. Мы можем увидеть яркую линию, которая, как говорят, является светящимся следом атома гелия, вылетающего из затемненной камеры; но сам атом ускользает от нашего ограниченного зрения так же, как и феи.

Даже если благодаря какому-то пока еще несбыточному усовершенствованию наших научных приборов, атомы и электроны окажутся в поле зрения наших органов чувств, можно ли сомневаться, что наука сразу же начнет делить атомы и электроны на более мелкие и более трудноуловимые частицы материи, и так далее до бесконечности? Уже сейчас наука считает, что каждый атом – это как бы маленькое солнце с планетами в виде электронов, вращающихся вокруг него. Не может ли быть так, что каждое из этих крошечных солнц включает в себя еще более крошечное солнце, или, скорее, неисчислимое множество таких солнц в форме атомов... И что в каждом из этих атомов солнечная система, а может быть, и целая звездная вселенная, миниатюрная копия нашей вселенной, со всем богатством растительной и животной жизни, находится, как и наша, в процессе эволюции или упадка? И наоборот, мы можем представить себе, что наша Вселенная, которая кажется нам такой невообразимо огромной, – это не более чем атом, вибрирующий в более огромной Вселенной, и так до бесконечности.

CLXXVII. Бесконечный поиск [\[127\]](#)

Принять можно любую из этих гипотез, но в любом случае разум, повинувшись фундаментальным законам, стремится сформировать представление, упрощающее и, по возможности, объединяющее многочисленные и, казалось бы, разнородные явления природы. Так, древнегреческие философы, исходя из материалистической гипотезы, пытались свести кажущееся множество и разнообразие вещей к одной стихии, будь то вода, огонь или что-либо другое. Другие, возможно

менее смелые мыслители, довольствовались утверждением существования четырех различных и несводимых друг к другу стихий – огня, воздуха, земли и воды. В течение длительного времени современная химия продолжала умножать количество различных уникальных элементов, из которых, как утверждалось, состоит материальная Вселенная, и вот их число не достигло 88. Но, как заметил один из выдающихся философов нашего времени, наука не могла удовлетвориться теорией, согласно которой Вселенная состоит всего лишь ровно из 88 элементов; ограничение числа элементов 88 представлялось столь же произвольным, как и ограничение числа основных религиозных истин 39. В обоих случаях разум, естественно, стремится либо к большему, либо к меньшему; и ради единства и простоты он предпочитает меньшее, а не большее. В науке это стремление в последние годы было удовлетворено более или менее вероятным сведением всех старых химических элементов к единственному элементу водороду, от которого остальные, как представляется, являются лишь производными. Точно так же и в биологии теория эволюции сводит к единству бесчисленные виды растений и животных, выводя их из одного простого типа живых организмов.

Таким образом, в отношении органического и неорганического мира современная наука достигла того единства и простоты представлений, которые настоятельно требуются человеческому интеллекту, если он хочет хоть в какой-то мере постичь бесконечную сложность единого мира, вернее, его теней, отраженных на освещенном экране разума. Но как бесконечна эта сложность, так, вероятно, бесконечен и поиск конечного единства. Ведь можно заподозрить, что окончательность, которой, казалось бы, увенчаны крупномасштабные обобщения науки, в конечном счете, лишь иллюзорна, а заманчивые единство и простота, которые они предлагают утомленному разуму, – не цель, а лишь остановка в бесконечном шествии. Слишком часто кажущиеся плоды познания оказываются яблоками Содома. Более внимательное изучение простого на первый взгляд результата может открыть в нем новую, еще не описанную сложность, которая, в свою очередь, может оказаться отправной точкой другого поиска, более длительного и трудного, чем тот, который дал уму краткий и преходящий покой. Для мыслителя не

существует постоянного места отдыха. Он должен вечно двигаться вперед, как ночной пилигрим, вечно стремящийся к слабому и тусклому свету, который оказывается тем дальше, чем ближе мы к нему подходим... И вторит Одиссею наш странник-мыслитель:

Но пережитый опыт – только арка,
Через нее непройденное светит,
И край того нетронутого мира,
Чем дальше путь держу, тем дальше тает^[128].

Приложение

Труд Психеи. Слово о влиянии суеверий на развитие институций

Добро и зло, как мы знаем, растут в этом мире вместе и почти неразлучно; познание добра тесно связано и переплетено с познанием зла, и вследствие обманчивого сходства различить их друг от друга бывает так же трудно, как те смешанные семена, которые должна была в непрерывном труде разбирать и разделять по сортам Психея.

Мильтон, «Ареопагитика»

Не должно, однако, думать, что одно дурное начало влечет за собой радикальную порчу институции и что оно действительно причиняет все то зло, которое носит в самом себе. Ничто так не извращает истории, как логика: ум человеческий, остановившись на одной идее, извлекает из нее все возможные последствия, заставляет ее произвести все зависящие от нее действия и в этом виде вносит ее в историю. На самом деле бывает совсем не то: события не так скоры в своих выводах, как ум человеческий. Во всем и везде существует такая глубокая, неизбежная смесь добра и зла, что куда бы мы ни проникли, во всех самых сокровенных элементах общества или души человеческой мы найдем одновременное существование, одновременное развитие этих двух фактов, борющихся между собою, но не исключаящих друг друга. Человеческая природа никогда не доходит до последних пределов добра или зла; она беспрерывно переходит от одного к другому, восставая в ту

минуту, когда, по-видимому, она всегда ближе была к падению, ослабевая, когда, по-видимому, шла самыми твердыми стопами.

Гизо, «История цивилизации в Европе»

Предисловие

*Всем, кто трудится, разбирая семена на
добрые и дурные, я посвящаю эту работу*

Нижеизложенные рассуждения были недавно читаны на вечернем собрании Королевского института в Лондоне, а затем основная их часть была представлена в виде лекций моим студентам в Ливерпуле. Теперь труд печатается в надежде на то, что внимание почтенной публики будет привлечено к забытой стороне суеверия. Пусть он также вдохновит исследователей заняться ранней историей тех великих институций, которые до сих пор составляют основу современного общества. Впрочем, если окажется, что институции эти порой зиждились на худом основании, то будет безрассудно делать скорый вывод, что все они должны рухнуть. Человек – животное весьма любопытное, и чем больше мы узнаем о его привычках, тем более любопытным он нам представляется. Возможно, он самая разумная из тварей, но уж наверняка и самая нелепая. Даже угрюмому остроумию Свифта, не знавшего ничего о дикарях, не удалось предельно точно обрисовать человеческое чудачество. Однако странно то, что, несмотря на все нелепости, а может быть, и в силу их человек неуклонно движется вверх; чем больше мы узнаем о его прошлой истории, тем более беспочвенной выглядит старая теория о его вырождении. Из ложных предпосылок он часто приходит к здравым выводам: из химерической теории он выводит спасительный способ действовать. Данное рассуждение послужит полезной цели, если проиллюстрирует несколько способов, с помощью которых чудачество таинственным образом обращается в мудрость, а добро выходит из зла. Это всего лишь набросок обширнейшей темы. Закрашу ли я когда-либо эти смелые контуры густыми штрихами, время покажет. Материалов для такой картины существует в изобилии; и, если краски темны, они все же освещаются, как я пытался указать в этом очерке, лучом надежды и утешения.

Дж. Фрэнгер

Кембридж, февраль 1909 г.

I. Введение

Мы склонны относиться к суеверию как к чему-то безусловно дурному, ложному в сути и вредоносному в последствиях. Отрицать то, что суеверие принесло миру много зла, ни в коем случае нельзя. Во имя него были принесены в жертву многие жизни, растрочены многие богатства, целые народы приходили в смятение, друзей оно забирало, супругов, детей и родителей разлучало, вонзая между ними меч, а иногда и нечто страшнее. Суеверие наполняло и продолжает наполнять казематы и дома умалишенных. Оно разбивает сердца, калечит целые жизни, но, не довольствуясь живыми, влезает и в могилы, любуясь оттуда сотворенной им фантасмагорией и продолжая мучить уцелевших. Да, это и многое другое – плоды его деятельности. Впрочем, не может ли предстать дело суеверия, подобно делу мистера Пиквика после откровений несчастного мистера Уинкля, в лучшем свете? Не примеривая на себя костюма адвоката дьявола, не желая являться перед взором читателя в языках голубого пламени и серном чаду, я все-таки намереваюсь подать, так сказать, прошение в защиту столь сомнительного подсудимого. Я хочу доказать или, по крайней мере, показать на примерах из жизни отдельных рас и народов, что некоторые общественные институты, которые по общему согласию считаются полезными, зиждутся на суеверии. Говорить я буду об институтах исключительно светских и гражданских. И ни слова – о церковных. Вероятно, можно было бы показать, что и религия всецело не избавилась от налета суеверия, но теперь мне хотелось бы ограничить себя рассмотрением тех гражданских институций, которые, по мнению уважаемой публики, зиждутся единственно на твердыне здравого смысла и естественном ходе вещей. Да, институты, о которых пойдет речь, прошли отбор историей и сегодня полновесно присутствуют в жизни нашего общества, а значит, на их стороне доводы самые веские, но и у дикарей и даже у тех народов, что стоят ступенью выше, аналогичные институты произошли от верований, которые мы теперь безоговорочно назвали бы суеверием, если не полной нелепицей. Я попытаюсь обосновать свою мысль на примере четырех из них. Рассмотрим *правление, частную*

собственность, брак и почитание человеческой жизни. Суть моих построений можно сформулировать в следующих четырех утверждениях:

I. У некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание органов правления, особенно монархического, совершая вклад в учреждение и поддержание общественного порядка.

II. У некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание частной собственности, совершая вклад в дело ее неприкосновенности.

III. У некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание брака, совершая вклад в дело строгого соблюдения правил половой морали как среди женатых и замужних, так и среди тех, кто в браке еще не состоит.

IV. У некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание человеческой жизни, совершая вклад в дело ее неприкосновенности.

Рассмотрению всех утверждений по отдельности следует предпослать два замечания, которые я настоятельно попрошу в дальнейшем держать в уме. Во-первых, подчеркну, что я ограничиваюсь рассмотрением лишь некоторых народов и некоторых исторических периодов, ибо ни времени, ни познаний не хватит на то, чтобы осветить вопрос исчерпывающе. Насколько приведенных примеров довольно для того, чтобы делать общие выводы, решать будущим поколениям ученых. Таково первое замечание. Далее, если будет доказано, что у некоторых народов и в некоторые времена озвученные институты отчасти зиждились на суеверии, то это вовсе не будет означать, что они не могли зиждиться на чем-то ином. Напротив, коль скоро описываемые мною институты доказали свою прочность и незыблемость, то есть основания полагать, что зиждутся они на чем-то более крепком, чем суеверие. Ни одна институция, стоящая единственно на суеверии, то есть на ложном основании, незыблемой быть не может. Не отвечая неким действительным человеческим потребностям, не будучи укорененной в природу вещей, она обречена на гибель, и чем более скорую, тем лучше. Таково второе замечание.

II. Правление

И вот, сделав два предварительных замечания, я приступаю к первому утверждению: у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание органов правления, особенно монархического, совершая вклад в учреждение и поддержание общественного порядка.

В истории многих народов задачи органов правления значительно упрощались благодаря суеверию, согласно которому сами правители являются существами высшего порядка, обладают некими сверхъестественными или магическими силами – неоспоримыми и непреодолимыми. Так, по свидетельству д-ра Кодрингтона, у меланезийцев «власть вождей покоилась на вере в их сверхъестественные силы, полученные от духов, с которыми они общаются. При утрате этой веры положение вождя становится зыбким, как это, например, случилось недавно на островах Банкс. А теперь, когда подобные верования уже не бытуют почти нигде, нужен новый род вождя, иначе наступит безвластие» ^[129]. По словам одного меланезийца, власть вождей покоится на вере в то что они общаются с могущественными духами и потому обладают «маной», сверхъестественной силой. И если вождь, скажем, просит народ платить ему, то люди подчиняются, ибо верят, что он способен наслать на непокорного беду или болезнь. Но как только значительное число соплеменников начало сомневаться в способности вождя общаться с духами, право взимать пеню было поправлено ^[130]. Таким вот образом религиозные сомнения среди меланезийцев способны поколебать основы общественного порядка.

Схожим образом, как пишет Бэзил Томсон, «одна из основ меланезийской системы правления – почитание предков. Каждый поступок фиджиец совершает с оглядкой на Незримые силы, и таким же образом всякую власть он почитает религиозной». Считалось, что умерший вождь продолжает надзирать за своим племенем, при необходимости наказывая людей голодом, грозой или затоплением. Например, если народ забывает сделать приношение к его могиле и умиловить его дух. Его же преемник – живой вождь – считается

фигурой священной. С ним связано множество различных табу, и одно прикосновение к нему способно навлечь гнев Незримых сил. «Первый удар по власти вождей был по нечаянности нанесен миссионерами. Ни они, ни сами вожди не подозревали, насколько тесно правители фиджийцев были связаны с религиозными представлениями. Стоило миссионеру ступить на территорию деревни, и бытующие там табу были обречены, а на них в значительной степени покоилось почитание власти. Впрочем, табу отмирали в борьбе, как и подобает укоренившимся институциям. Вождям продолжали отдавать первые плоды, но в святилище – для поднесения предкам – их уже не несли. Лишившись поддержки жрецов, вождь влачил жалкое существование...» Ведь на Фиджи, как и везде, если вождем и жрецом был не один человек, то оба лили воду на мельницу друг другу, сознавая важность взаимной помощи ^[131].

Ровно таким же образом дела обстояли и в Полинезии, где власть вождей зиждилась на вере в их сверхъестественные способности и связь с духами предков. Были и табу, буквально пронизывающие личность вождя и выстраивающие между ним и простыми соплеменниками незримую, но прочную стену, пересечение которой означало смерть. В Новой Зеландии народ маори считал своих вождей живыми воплощениями богов, *атуа*. Так, преподобный Ричард Тейлор, работавший в миссии в Новой Зеландии более тридцати лет, рассказывает, что, обращаясь к людям, вождь маори «заговаривал неестественно, будто бы особым языком. Держался на расстоянии от подчиненных, ел отдельно. Вождь был священной фигурой, собеседником богов, ибо считался богом сам. Он распоряжался *тану*, и именно поэтому мог управлять людьми и их благами. Для получения этого звания не гнушались ничем. Значимость человека связывалась с его размерами, и у сыновей вождя было по несколько кормилиц. Так, женщины обделяли собственных детей, чтобы по сравнению с ними отпрыски вождя смотрелись более здоровыми и крепкими. Но относилось это не только к телу. Вождь считался *атуа*, но были боги могущественные и боги немощные, и всякий, естественно, стремился принадлежать к первым. В соответствии с этим стремились слить чужих духов со своими собственными. Убив вождя, воин немедленно выкалывал ему глаза и проглатывал их: предполагалось, что в этом органе обитает божество, *атуа тонга*. Таким образом, он не только

убивал тело, но и овладевал душой своего врага, и, следовательно, чем больше вождей он убивал, тем прочнее утверждалась его божественность... Иной замечательной приметой вождя было ораторское искусство. Хорошего оратора сравнивали с *коримако*, самой сладкой певчей птицей Новой Зеландии; и юного вождя кормили мясом этой птицы, чтобы он лучше усвоил ее качества, а красноречивого оратора называли *коримако*» [132]. Другой же автор пишет, что к словам вождей маори «относились с особым почтением, ибо через человека, как считалось, держало речь божество. Внешнего великолепия не было, но сама личность считалась священной... Многие из них считали себя боговдохновенными: так, великий вождь и жрец таупо по имени Те-Хеу-Хеу незадолго до своей смерти во время обвала в горах сказал европейскому миссионеру: “Не думайте, что я человек, что происхождение мое от земли. Я пришел с небес; мои предки все там; они боги, и к ним я вернусь”» [133]. Сама личность вождя маори была настолько священной, что его нельзя было касаться, даже ради спасения его жизни. Один вождь задыхался, поперхнувшись рыбьей костью, и все же его соплеменники, рыдая по нему, не осмелились не только его коснуться, но даже подойти, ибо это стоило бы им жизни. На помощь пришел оказавшийся рядом миссионер: он спас жизнь вождю, вытащив кость. Как только последний обрел дар речи, а произошло это не ранее чем через полчаса, то первым делом потребовал, чтобы хирургические инструменты, с помощью которых кость была извлечена, были отданы ему как возмездие за урон, нанесенный в результате кровопускания и прикосновения к его священной голове [134].

Не одна лишь личность вождя маори, но и все, что с ней соприкасалось, считалось священным и, по мнению маори, губительным для всякого святотатца, кто осмеливался соваться не в свое дело. Известны случаи, когда маори умирали от страха, узнав, что невольно съели остатки ужина вождя или взяли в руки что-то ему принадлежавшее. Так, одной женщине, отведавшей из корзины спелых персиков, сказали, что они привезены из запретного места. Тут же корзина выпала из ее рук, и она в ужасе воскликнула, что оскверненная ею *атуа*, божественная сущность вождя, не промедлит с наказанием. Это случилось вечером, а на следующий день в двенадцать часов дня она была найдена мертвой [135]. Схожим образом

для нескольких мужчин смертельно опасным оказалось найденное ими огниво: они прикурили от него свои трубки, но затем, узнав, кому оно принадлежит, от ужаса буквально окаменели [136]. Оттого особенно чуткие вожди выбрасывали свою одежду или, скажем, циновку для отдыха в таких местах, где их соплеменникам будет трудно их обнаружить. По той же причине они никогда не раздували огня ртом, ибо священное дыхание их передавало святость огню, а огонь мог передать ее мясу, которое на нем готовилось и, будучи съеденным, погубило бы едока [137]. Стало быть, божественная сущность, огораживающая вождя маори, была сродни всепожирающему пламени, поглощавшему все, к чему прикасалось. Не приходится изумляться, что таким людям беспрекословно повиновались.

В остальной Полинезии дела обстояли ровно так же. Например, туземцы тонга подобным же образом верили, что, если кто поест из своих рук после прикосновения к священной особе вождя, тот тут же распухнет и умрет; святость вождя, подобно сильному яду, заражала руки подчиненного и, попадая через них в пищу, оказывалась губительной для едока, если только он не обеззараживал себя, коснувшись ног вождя особым образом [138]. При вступлении в должность правителя Таити опоясывали священным поясом из красных перьев, который не только возводил его на высшую земную ступень, но и причислял к богам [139]. Отныне «все, что пусть в самой малой степени связано с царем или царицею – одежда, которую они носили; дома, в которых они жили; каноэ, на которых они плавали; люди, которые их носили во время прогулок, – становилось священными, и даже звуки в языке, составляющие их имена, теряли всегдашнее свое значение... Священной становилась земля, по которой они пусть даже случайно ступали, а владельцы жилища, в котором они находили приют, должны были навсегда покинуть его. Место это с той поры становилось прибежищем единственно священных персон. Никому не разрешалось прикасаться к телу короля или королевы, а каждый, кто оказывался выше них или проводил рукой над их головами, карался за святотатство смертью. Именно ввиду этой допускаемой святости они не могли входить ни в какие жилища, кроме разве тех, что были нарочно предназначены для них и запрещены для всех остальных; они также не могли ступать по земле ни в одной части острова, кроме доставшихся им по наследству участков» [140].

Подобным образом представители народа казембе в Анголе считали своего правителя настолько священным, что никто не мог прикоснуться к нему, не погибнув от магической силы, исходящей от его священной персоны; однако всякий, кто случайно или по необходимости вступал в личные сношения с его величеством, мог смерти избежать, прикоснувшись к его рукам особым образом [141]. Схожие верования распространены в Малайзии, где представление о правителе как о Божественном человеке, согласно сведениям, едва ли не крепче, чем в любой иной части света. «Не только личность правителя почитается священной, но полагают, что святость его тела передается и всем ритуальным предметам, а также убивает тех, кто нарушает табу. Тем самым твердо верят, что всякий, кто совершит какой-либо проступок в отношении правителя, кто коснется его (даже на мгновение) или подделает (даже с разрешения правителя) ритуальные предметы, или кто ненадлежащим образом распорядится монаршей символикой, окажется *кена даулат*, то есть пораженным насмерть квази-электрическим разрядом той Божественной силы, которая, как полагают малайцы, обитает в личности короля и которая зовется *даулат*, или Монаршая святость» [142]. Паче того, малайцы твердо верят, что король обладает личным влиянием на отправления природы, такие как рост урожая и плодоношение фруктовых деревьев [143]. Некоторые из горных даяков Саравака приносили посевной рис радже Бруку, чтобы он его оплодотворил; и однажды, когда посевы риса в одном племени были скудными, вождь заметил, что иначе и быть не может, поскольку раджа еще к ним не приезжал [144]. Так и в Африке обычно считается, что правители наделены магической силой, благодаря которой идет дождь и растут урожаи: засуха и голод объясняются слабостью или дурной волей правителя, и тогда его наказывают, свергают или предают смерти [145]. Приведем два или три примера из множества. Вот что рассказывает один писатель XVIII века о государстве Лоанго в Западной Африке: «Правление у этого народа решительно деспотическое. Они говорят, что их жизнь и имущество принадлежат царю; что он может распоряжаться ими, как ему заблагорассудится, без всякого разбирательства и без возможности жаловаться. В его присутствии они выказывают знаки уважения и даже поклонения. Люди низших классов убеждены, что власть царя не ограничивается землей и что у него довольно полномочий, чтобы

заставить дождь падать с небес; оттого они не перестают во время долгой и опасной засухи увещевать его, что, если он не позаботится о поливе земель, они умрут от голода и не смогут делать ему привычных подношений. Царь, стремясь удовлетворить народ, но не ставя себя под удар перед небесами, поручает это дело одному из своих служителей, которому отдает приказ без промедления вызвать на равнины столько дождя, сколько требуется для их удобрения. И вот служитель, увидев тучу, которая, по его предположению, должна пролиться дождем, появляется на людях, как бы исполняя приказ правителя. Женщины и дети бегают вокруг него, крича изо всех сил: «Дай нам дождя, дай нам дождя», и он обещает им его» [146].

Правитель Лоанго, сообщает другой писатель, «почитаются среди них как бог: его называют *Самби* и *Панго*, что означает 'Бог'. Они верят, что он может дать им дождь, когда захочет; и раз в год, в декабре, желая дождя, люди приходят умолять его; по этому случаю они делают ему подношения, никто не является с пустыми руками». В назначенный день вожди со своими воинами собирались в боевом строю, били в барабаны и трубили в рога, а царь пускал в воздух стрелы, что, как считалось, должно было вызвать дождь [147].

В другой части Африки о сходном положении дел сообщал португальский историк Душ Сантуш. Он писал: «Правитель всех этих внутренних земель и реки Софала – кудрявый кафр, дикарь, который не почитает никого и ничего и не ведаёт о Боге; напротив, он считает себя богом всех своих земель, и так же на него смотрят его подданные... Испытывая нужду или нехватку чего бы то ни было, они прибегают к помощи правителя, твердо веря, что он может дать им все, чего они желают или в чем нуждаются. Получает он все от своих сгинувших предместников, с которыми, как они верят, он имеет сношения. Оттого они просят правителя дать им дождь или иную благоприятную погоду для урожая, а приходя просить, они приносят ценные дары, которые правитель принимает, обещая исполнить все просьбы. Дикие они настолько, что, даже сознавая, как часто правитель не даёт им обещанного, они не разуверяются, а делают ему ещё большие подношения, и многие дни проходят в приемах, пока погода не сменяется дождем. Кафры радуются, полагая, что правитель наконец удовлетворил их просьбу, потому что они его надлежащим манером умилостивили. Так говорит он сам, дабы держать их в заблуждении»

[148]. Впрочем, «среди правителей тех земель бытовал обычай кончать с собою, употребив яд, если их одолевал недуг – половое бессилие, заразная болезнь, даже уродующее их выпадение передних зубов или иная напасть. Дабы покончить с недугом, они убивают себя, утверждая, что правителю не должно быть запятнанным никаким пороком или изъяном». Во времена Душ Сантуша, однако, правитель Софалы, поправ обычаи, продолжал здравствовать и править, несмотря на потерю переднего зуба. Он даже зашел так далеко, что обвинил своих царственных предшественников в глупости за то, что они покончили с собой из-за такой мелочи, как испорченный зуб или седые волосы, заявив о своем твердом намерении прожить столько, сколько сможет, на благо своих верных подданных [149]. В наши времена главный знахарь племени нанди, живущего в британской Восточной Африке, равно является верховным вождем всего народа. Он прорицатель и предсказывает будущее: он наделяет женщин и скот способностью плодиться, а во время засухи вызывает дождь либо самолично, либо обращаясь к заклинателям дождя. Нанди безоговорочно верят в эти чудесные способности своего вождя. Его личность обычно считают безусловно священной. Никто не имеет права приближаться к нему с оружием в руках или говорить в его присутствии; и считается чрезвычайно важным, чтобы никто не прикасался к голове вождя, иначе его способности к прорицанию его покинут [150]. Данное расхожее в Африке представление о божественности царей достигло кульминации в Древнем Египте, где цари считались богами как при жизни, так и после смерти, а для поклонения им возводились храмы и назначались жрецы [151]. А когда урожая не было, древние египтяне, подобно современным неграм, возлагали вину за неудачу на действующего правителя [152].

Ореол суеверного почитания также окружал правящий класс в древнем Перу. Так, писатель и историк рубежа XVI–XVII столетий Гарсиласо де ла Вега, сам сын принцессы инков, пишет: «Не было обнаружено, или они скрывают, что какой-либо инка королевской крови подвергался бы наказанию по крайней мере публично: индейцы говорят, что [инки] никогда не совершали преступлений, которые заслуживали бы публичного и примерного наказания, ибо учение их отцов и пример их старших и всеобщая молва (*voz común*) о том, что они были сыновьями Солнца, рожденными для того, чтобы обучать и

приносить добро остальным [людям], держали их в такой сдержанности и добропорядочности, что они скорее были примером для государства, нежели [поводом] для скандала; они также говорили, что у них не было [побудительных] причин, которые обычно являются основаниями для преступлений, как-то: страсть к женщинам, или алчность к богатствам, или желание мести, ибо, если они желали красивых женщин, им было дозволено иметь их столько, сколько они хотели, и любая красивая девушка, которую они пожелали бы и попросили бы ее отца прислать ее, инка знал, что в этом не только не откажут, а что ее должны отдать ему с огромным проявлением благодарности за то, что он пожелал снизить, чтобы взять ее в наложницы или служанки. То же самое имело место с богатствами, ибо у [инков] никогда не было в них недостатка, чтобы брать чужие, или позволить подкупить себя из-за необходимости, потому что всюду, где они пребывали с правительственными поручениями или без них, в их распоряжении находились все богатства Солнца и инки, как их губернаторов. А если требовалось, то губернаторы и [представители] правосудия были обязаны дать им из одного или другого [богатства] все, в чем они нуждались, ибо они говорили, что они, будучи сыновьями Солнца и братьями инки, владели (*tenían*) частью того богатства, в которой нуждались. У них также не было случая, чтобы они убили или ранили кого-либо по причине мести или негодования, ибо никто не мог оскорбить их, так как им скорее поклонялись, поскольку они стояли на втором месте после королевской особы, а если кто-либо, каким бы великим сеньором он ни был, вызывал гнев какого-нибудь инки, это являлось святотатством и оскорблением самой королевской персоны, за что он подвергался очень тяжелым наказаниям. Однако можно также утверждать, что неизвестны случаи наказания индейцев за нанесение оскорбления чести или богатству лично какому-нибудь инке, ибо такого не случалось, потому что они считали их богами...» [\[153\]](#)

Подобные суеверия не были присущи лишь дикарям и народам других рас, живущим в отдаленных частях света. Похоже, что их разделяли предки всех арийских народов от Индии до Ирландии. Так, в древнеиндийском своде законов, называемом «Законы Ману», читаем:

<...>

Так как царь был создан из частиц этих лучших из богов, он блеском превосходит все живые существа.

Как солнце, он жжет глаза и сердца, и никто на земле не может даже смотреть на него.

По могуществу он – Агни и Вайю, он – Солнце, Сома он – царь дхармы, он – Кувера, он – Варуна, он – великий Индра.

Даже [если] царь – ребенок, он не должен быть презираем [думающими, что он только] человек, так как он – великое божество с телом человека [154].

И в том же своде законов последствия правления доброго короля описаны следующим образом:

Где царь избегает присвоения имущества преступников, там со временем рождаются люди, живущие долго,

и зерна земледельцев произрастают каждое как было посеяно, и дети не умирают, и [потомство] не рождается обезображенным [155].

Схожим образом в Греции времен Гомера царей почитали священными и называли богоравными. Священными считались их жилища и их колесницы [156]. Народ также верил, что в годину правления доброго царя черная земля приносит пшеницу и ячмень, деревья плодоносят, стада умножаются, а море дает рыбу. В годину неурожая бургунды возлагали вину на своих королей и свергали их [157]. Шведы же всегда объясняли обилие или скудость урожая добротой или злобой своих королей, а во время неурожая приносили их в жертву богам ради получения хорошего урожая [158]. В древней Ирландии верили, что если короли почитали обычаи предков, то погода была благоприятной, урожай обильным, скот плодовитым, воды изобиловали рыбой, а садовые деревья гнулись от тяжести плодов. В каноне, приписываемом Святому Патрику, дается свод благ, сопутствующих правлению справедливого короля: «Хорошая погода, спокойное море, обильный урожай и обремененные плодами деревья» [159]. Суеверия такого рода, которые были распространены меж ирландских кельтов много столетий назад, вероятно, сохранились среди кельтов Шотландии вплоть до времен почтенного Сэмюэла

Джонсона. И вот, когда он странствовал по острову Скай, все еще считалось, что возвращение главы клана Маклаудов в Данвеган после долгого отсутствия приносит обильный улов сельди [\[160\]](#). А в еще более недавнее время, после неурожая картофеля, представители клана Маклауд пожелали развернуть некое волшебное знамя, хранящееся у их главы [\[161\]](#), очевидно, полагая, что для получения хорошего урожая картофеля этого будет достаточно.

Пожалуй, последним пережитком подобных суеверий, сохранившимся в отношении наших английских королей, было представление о том, что они способны исцелить золотуху своим прикосновением. Болезнь эта была известна как «королевское зло» [\[162\]](#). И по образцу полинезийских суеверий, которые я уже означил, мы в состоянии домыслить, что кожная болезнь скрофула первоначально должна как вызываться, так и излечиваться прикосновением правителя. Точно известно, что на Тонга некоторые формы скрофулы, а также воспаления печени, которым очень подвержены туземцы, считались следствием прикосновения к вождю и излечивались, согласно гомеопатическим принципам, таким же образом [\[163\]](#). Точно так же в Лоанго королевской болезнью называют паралич, ибо негры считают его карой небес за предательство, замышляемое против царя [\[164\]](#). В Англии вера в то, что король способен своим прикосновением исцелить золотуху, сохранилась вплоть до XVIII века. Доктора Джонсона в детстве от золотухи вылечила королева Анна [\[165\]](#). Любопытно, что такой яркий образчик здравого смысла, как доктор Джонсон, в детстве и старости соприкоснулся с этими древними суевериями о королевской власти как в Англии, так и в Шотландии.

Вышеприведенных свидетельств, пусть и кратких, достаточно, чтобы доказать, что многие народы относились к своим правителям, будь то вожди или цари, с суеверным благоговением, как к существам высшего порядка и наделенным более могущественной силой, чем простые люди. Проникнутые таким глубоким почитанием своих правителей и таким преувеличенным представлением об их могуществе, они беспрекословно им повиновались, не ведая, что перед ними такие же люди, как и они сами. Итак, я, смею надеяться, вправе провозгласить, что доказал первое утверждение, согласно которому у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие

укрепляло почитание органов правления, особенно монархического, совершая вклад в учреждение и поддержание общественного порядка.

III. Частная собственность

Перейдем теперь ко второму утверждению, гласящему, что у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание частной собственности, совершая вклад в дело ее неприкосновенности.

Нигде, пожалуй, это не прослеживается так явно, как в Полинезии, где система табу достигла величайшей высоты. Само табуирование, по мнению местных жителей обладало сверхъестественной, магической энергией, и предмет запрета становился неприкосновенным. Так табу превратилось в мощное средство укрепления или – говоря языком наших друзей социалистов – закрепощения частной собственности. Так, те, кто жил в Полинезии, подтвердят, что табу имело именно такое применение, и никакое иное. Вот о чем свидетельствует ирландец, живший среди маори как один из них и пристально изучивший их обычаи: «Первой целью обычного *тапу*, вероятно, было сохранение собственности. Таковым по преимуществу было обычное личное *тапу*. Данная форма тапу была неизменной и содержала в себе некую священную сущность, которая прилеплялась к личности вождя и всегда была при нем. Оно было его правом по рождению, частью его самого, которой он не мог лишиться и которую явственно сознавали и признавали во все времена как нечто неопровержимо данное. Воины и мелкие вожди, а также все те, кто мог притязать на то, чтобы именоваться *рангатира*. Слово это в том смысле, в котором я сейчас его употребляю, означает человека благородного, и в той или иной степени обладает налетом тайны. Оно распространялось на все их движимое имущество, особенно одежду, оружие, украшения, орудия и вообще на все, к чему они прикасались. Таким образом, их имущество не могло быть украдено, утеряно, испорчено детьми, использовано каким-либо образом другими людьми. А поскольку в старые времена, как я уже говорил, всякая собственность такого рода была ценной вследствие огромного труда и времени, которые, за неимением железных орудий, обязательно затрачивались на ее изготовление, такая форма тапу была, конечно, до крайности полезна. Нарушение ее навлекало на провинившегося

всякого рода жуткие мнимые наказания, одним из которых был смертельный недуг». Виновный также подлежал тому, что можно было бы описать как гражданский иск, который сводился к ограблению и избиению; но писатель, чьи слова я только что привел, рассказывает нам, что худшей частью наказания за нарушение табу была мнимая часть, поскольку даже когда преступление было совершено неумышленно, преступник, узнав о содеянном, умирал от испуга [166]. Схожим образом другой писатель, рассказывая о маори, отмечает, что «нарушителей *тапу* наказывали боги, равно как и люди. Первые насылали болезнь и смерть; вторые карали смертью, потерей имущества и изгнанием из общества. *Тапу* зиждилось на страхе перед богами, а не перед людьми. Можно обмануть глаза человека, но не богов» [167]. «Вожди, как можно ожидать, вполне сознают преимущества *тапу*, находя, что оно наделяет их в известной степени правом давать законы, а суеверие, на котором *тапу* зиждется, обеспечивает их соблюдение. Того, кто преступит *тапу*, будет убит *аттуа* (Божеством), и вера в это столь всеобъемлетна, что теперь можно или, скорее, ранее очень редко можно было встретить человека, осмелившегося совершить святотатство. Дабы это влияние всецело удерживалось среди людей, от природы столь пронизательных и умных, необходимо, несомненно, проявить большую осторожность. Иное привело бы к частому нарушению правил, а стало быть, и к потере их влияния. До того, как туземцы вступили в сношения с европейцами, *тапу*, вероятно, действовал с наибольшим успехом; ибо ходило убеждение, что всякое пренебрежение им непременно обречет нарушителя на гнев *аттуа*, и следствием будет гибель. Впрочем, вопреки подпитке суеверными страхами людей, в *тапу*, как и в большинстве других законов, заложен призыв к физической силе в случае необходимости. Провинившегося, если его раскроют, лишат всего, чем он владеет, а если он раб, то, по всей вероятности, предадут смерти, и такие случаи действительно имели место. Суеверное чувство это столь крепко, что рабы не решаются есть ту же пищу, что их хозяин, или даже готовить на том же огне, полагая, что *аттуа* убьет их и за это. Все, что связано с вождем или принадлежит ему, рабы считают священным. Какой бы сильной ни была их любовь к табаку, он в совершенной сохранности, если был оставлен на крыше дома вождя. Никто не осмелится к нему притронуться» [168].

Стало быть, верно сказано, что «данная форма тапу была превосходным способом охранения собственности. Обыкновенно самые ценные вещи могли быть оставлены в отсутствие владельцев на любой срок» [169]. Если кто-то хотел сохранить урожай, дом, одежду или что-либо еще, ему довольно было наложить на эту собственность табу, и оно оказывалось в безопасности. Утверждением табу был особый знак. Так, если человек хотел использовать определенное дерево в лесу для изготовления каноэ, он привязывал к стволу пучок травы; если он хотел присвоить участок камыша на болоте, то втыкал в него шест с пучком травы на конце; если же он оставлял свой дом со всеми ценностями, то подпираал дверь куском льна, и место сразу становилось неприкосновенным, никто туда не лез [170].

Поэтому, хотя ограничения, налагаемые табу, часто были неудобными и нелепыми, а вся система порой осуждалась европейцами как вредное суеверие, те, кто заглядывал немного глубже, справедливо отмечали, что его действие, подкрепленное всего более воображаемыми, но все-таки могущественными мерами, оказывалось благотворным. «Новозеландцы, – рассказывает один из авторов, – не могли бы управляться без свода законов, подобного тапу. Воины, которые бы с презрением отвергли приказы людей, подчинялись предполагаемым волеизъявлениям богов, и во всяком случае лучше, когда народом управляет суеверие, нежели грубая сила» [171]. Еще один многоопытный миссионер, хорошо знающий народ маори, пишет: «обычай тапу во многом был благотворным. В свете отсутствия законов, особого состояния общества, свирепого характера людей обычай этот оказался хорошей заменой твердой формы правления, став лекалом для организованного устройства общества» [172].

В других частях Полинезии система табу с сопутствующими выгодами и недостатками, употреблением во благо и во зло была без малого такой же, и всюду, как и в Новой Зеландии, она скрепляла во благо или во зло узы частной собственности. В этом, пожалуй, самое явное действие данной институции. Рассказывают, что на Маркизских островах табу было наделено божественным содержанием как выражение воли богов, явленной жрецам; как таковое оно устанавливало границы вредным излишества, предотвращало грабежи и сплачивало народ. Замечательно, что благодаря табу табуированные привилегированные классы становились

землевладельцами; земля принадлежала только им и их наследникам; простой народ жил ремеслами и рыболовством. Табу было оплотом землевладельцев; оно возвышало их по некоему божественному праву над толпой; оно обеспечивало их безопасность и защищало от посягательств бедных и завистливых соседей. «Без сомнения, – отмечают писатели, у которых я почерпнул эти наблюдения, – первая задача табу заключалась в том, чтобы утвердить собственность в качестве основы всего общества» [173].

Важную роль в укреплении частной собственности суеверие играло и на Самоа. О том свидетельствует миссионер, доктор Джордж Тернер, который долгие годы жил среди самоанцев и оставил нам весьма ценный отчет об их обычаях. Он пишет: «Я спешу отметить вторую особенность, которая, как я уже указывал, служила вспомогательным средством для поддержания мира и порядка на Самоа, а именно суеверный страх. Если вождь и главы семейств при рассмотрении в суде какого-либо дела о краже затруднялись определить виновного, они принуждали всех причастных поклясться, что они невиновны. Во время клятвы перед вождями подозреваемые клали горсть некоей травы на камень, представлявший божество их деревни, и, положив поверх руку, произносили: “В присутствии наших вождей, собравшихся здесь, я возлагаю руку на этот камень. Если я украд, пусть меня ждет скорая смерть”. Таков был обычный способ клятвы. Трава была еще одной безмолвной клятвой, означая, что вся семья может умереть и что потом трава вырастет над их жилищем. Если все поклялись, а виновник так и не был обнаружен, вожди заканчивали дело, передавая дело деревенскому богу и торжественно призывая его отметить злоумышленника. Впрочем, вместо того чтобы обращаться к вождям и призывать к всеобщей клятве, для запугивания воров многие использовали свои особые клятвы. Завидев, что у него украли несколько кокосов или гроздь бананов, хозяин участка вставал и кричал во весь голос два или три раза: “Пусть огонь выжжет глаза тому, кто украд мои бананы! Пусть опричь его глаз огонь сожжет и глаза его бога!” Крик этот разносился по соседним плантациям, заставляя вора трепетать. Люди боялись таких клятв... Но был и иной, более обширный род проклятий, которых тоже боялись и которые служили мощным средством против воровства, особенно плодов

фруктовых деревьев, а именно безмолвное иероглифическое табу, или *тапу*, как они его зовут. Их было великое множество» [174].

Среди самоанских табу, служивших для защиты собственности, бытовали следующие:

1. Табу барракуды. Дабы предотвратить кражу плодов хлебного дерева, человек выплетал из листьев кокоса барракуду и вешал одно или несколько таких изображений на деревья, которые хотел защитить. И всякий обычный вор боялся прикоснуться к дереву, охраняемому таким образом, так как знал, что если он украдет плод, то барракуда смертельно ранит его, стоит ему оказаться в море.

2. Табу белой акулы. Человек плел из листьев кокоса чучело акулы и вешал ее на дерево. Это означало: своровавший с того дерева будет съеден акулой в следующий раз, как пойдет ловить рыбу.

3. Табу поперечной палки. На дерево горизонтально вешалась палка. Она означала, что тот, кто украдет плод с дерева, будет поражен болячкой, проходящей по всему телу и в конце концов приводящей к смерти.

4. Табу язвы. В землю закапывали несколько кусков раковины моллюска и устанавливали на том месте немного тростника, связанного в пучок, подобно голове человека. Это означало, что вор весь покроется язвами. Если после этого вора действительно беспокоили язвы, он признавал вину и посылал хозяину земли подарок, который в ответ посылал особую траву – и как лекарство, и как залог прощения.

5. Табу грома. Человек сплетал листочки кокоса в форму маленькой квадратной циновки и подвешивал ее на дерево, добавляя несколько белых лент из туземной ткани. Вор верил, что за посягательство на такое дерево он или его дети могут быть поражены молнией, или может случиться, что молния ударит в его собственные деревья. «Из этих нескольких иллюстраций, – пишет доктор Тернер в заключение, – видно, что Самоа не являет собою исключения из на удивление широко ходячей системы суеверных табу; и можно легко представить себе, в какой степени она помогала блюсти честность и порядок среди дикого народа» [175].

В Тонга говорили, что человек, повинный в краже или ином преступлении, нарушил табу, а значит, он особенно подвержен укусам акул. Всех, на кого падало подозрение, принуждали войти в воду там,

где часто видели акул: тот, кого покусали или съели, и считался виновным [\[176\]](#).

В Меланезии также бытует система табу (*тамбу, тафиу*). Это «запрет с выраженным или подразумеваемым проклятием», проистекающий из веры в то, что вождь или иное лицо, налагающее табу, пользуется поддержкой могущественного призрака или духа (*тиндало*). Если обычный человек брался наложить на что-то табу, люди всегда наблюдали за тем, не заболит ли нарушитель данного табу; если заболел, то это являлось свидетельством поддержки человека, наложившего табу, могущественным призраком, и его репутация сообразно росла. Каждый призрак воздействовал на определенный сорт листьев, который и считался знаком табу [\[177\]](#). В Новой Британии плантации кокосовых пальм и другое имущество защищают от воров прикрепленными к ним знаками табу, и считается, что того, кто табу нарушит, постигнет болезнь или другое несчастье. Род болезни или несчастья зависит от знака или магического предмета, воплощающего мистическую силу табу. От одного растения, используемого для этой цели, у вора будет болеть голова, от другого – опухнут бедра, от третьего – сломаются ноги и так далее. Считается, что даже произнесение заклинания над забором есть гарантия того, что у вора, посягнувшего на штакетины, распухнет голова [\[178\]](#). На Фиджи табу был тайным инструментом власти, подкрепляя деспотическое правление. Оно распространялось чудесным образом, воздействуя на большие и малые вещи. Тут оно следило за выводком цыплят, а там направляло энергию целого королевства. Обычай этот был в чести у вождей, ибо они могли пользоваться его с наибольшей выгодой для себя. Благодаря ему они приобретали влияние, обеспечивали свои нужды и командовали по своему усмотрению подчиненными. При наложении табу вождь должен был руководствоваться только древним прецедентом. Простые же люди пытались с помощью системы табу оградить свои ямсовые грядки и банановые деланки [\[179\]](#).

Система табу, основанная на суеверии, царит на всех островах Малайского архипелага, где его принято называть *памали, помали* или *пемали*, хотя в иных уголках используются такие слова, как *посо, поту* или *бобосо* [\[180\]](#). В этом обширном регионе суеверие, связанное с табу, также служит могущественным инструментом для обеспечения прав частной собственности. Так, на острове Тимор «распространен обычай

памали, который в точности равнозначен табу жителей тихоокеанских островов и пользуется таким же почитанием. Он используется в самых обычных случаях, и несколько пальмовых листьев, воткнутых рядом с садом, сохранят его от воров так же надежно, как обычные для наших широт предупреждения о ловушках, пружинных ружьях или злой собаке» [181]. На острове Амбон употребляют слово *памали*. Человек, желающий защитить свои фруктовые деревья или иное имущество от кражи, может добиться этого несколькими путями. Например, он может сделать белый крест на горшке и повесить горшок на плодовое дерево; тогда вор, укравший плоды с того дерева, станет прокаженным. Или под дерево кладут чучело мыши; тогда у вора на носу и ушах останутся следы, как будто их прогрызла мышь. Или он может сплести сухие листья саго в два круглых диска и привязать их к дереву; тогда тело вора раздуется и лопнет [182]. Схожие методы находим у жителей острова Серам. Например, в ветвях своего фруктового дерева человек пристраивает свиную челюсть; после этого всякий, кто осмелится украсть с того дерева плод, будет разорван на куски диким кабаном. Не менее действенным считалось изображение крокодила с ниткой красного хлопка, повязанной вокруг шеи; вор будет съеден крокодилом. Если поставить деревянное чучело змеи, виновник будет ужален змеей. Фигурка кошки с красной полосой на шее вызовет у всех, кто приблизится к дереву с дурными намерениями, мучительные боли в животе, будто кошка когтями дерет их внутренности [183]. Если изобразить ласточку, вор будет испытывать страдания, будто ласточка выклеывает ему глаза; ветка с шипами и красный губчатый камень причиняют колющие боли, так что все его тело становится красным и испещренным мельчайшими отверстиями; выжженное клеймо приведет к тому, что его дом загорится без всякой видимой причины, и тому подобное [184]. Точно так же на островах в море Серам человек защищает свои кокосовые деревья или пальмы саго, размещая у их подножия зачарованные предметы. Например, он ставит под дерево чучело рыбы и произносит следующее: «Дедушка рыба, сделай так, чтобы тот, кто украдет мои кокосы, заболел и его стошнило». У виновного, соответственно, начинаются боли в животе, и облегчить их может только хозяин кокосовых орехов, который плюет соком плода арековой пальмы на больное место и дует в ухо страдальцу, говоря: «Дедушка-рыба, возвращайся в море. Там у тебя довольно места, там

большие коралловые скалы, где ты можешь плавать». Или еще делают миниатюрный гроб и ставят его на землю под деревом; тогда вор будет страдать от одышки и удушья, будто его действительно закрыли в гробу. Есть и много других способов, с помощью которых на этих островах владельцы фруктовых деревьев защищают плоды от хищения. В каждом случае у подножия дерева кладется магический предмет, который, как считается, наделен сверхъестественной силой, а затем его призывают на помощь для охраны собственности [185].

На Мадагаскаре существует сложная система табу, известная как *фади* [186]. Она была тщательно описана в монографии г-на А. ван Геннепа [187], который утверждает, что первоначально вся собственность зиждилась на религиозном миропонимании и что метки собственности были, по сути, метками табу [188]. Однако, насколько нам позволяют судить факты, не похоже, чтобы система эта использовалась малагасийцами для защиты собственности в той же степени, что и полинезийцами, меланезийцами и индонезийцами. При этом мы слышали о малагасийских амулетах, размещенных на полях, при помощи которых можно поразить проказой и другими недугами воров [189]. Рассказывают также, что некоторые примеры *фади* «вероятно, предполагают любопытную основу для морального кодекса в отношении прав собственности среди последнего поколения малагасийцев. По всей видимости, воровство как таковое *фади* не подвергалось, но были определены некоторые предметы, за кражу которых полагались различные наказания. Так, кража яйца должна была вызвать у вора проказу; кража шелка (местной разновидности) вызывала слепоту или другие недуги. К телесному недугу приводила и кража железа» [190]. Дабы возвратить украденное имущество, малагасийцы прибегали к помощи божества по имени Раманандроани. Владелец брал остаток похищенной вещи и, идя с ним к идолу, произносил: «Что до того, кто украл наше добро, о Раманандроани, убей его днем, уничтожь его ночью и задуши его / Да не будет меж людей такого, как он / Да не сможет он приумножить богатств, но пусть подбирает себе пропитание, как курица клюет рисовые зерна / Пусть глаза его перестанут зрить, а колени распухнут, о Раманандроани». Считалось, что все это с вором обязательно произойдет [191].

Подобные способы обеспечения прав частной собственности с опорой на суеверные страхи были приняты во многих других частях света. Богатые иллюстрации находим у д-ра Эдварда Вестермарка в его весьма содержательной работе о происхождении и развитии моральных представлений [192]. Здесь я могу привести лишь несколько случаев из многих. На Цейлоне, когда человек хочет защитить свои фруктовые деревья от воров, он вывешивает вокруг сада страшные фигуры. После этого ни один туземец не посмеет прикоснуться к плодам; даже сам хозяин не решится воспользоваться ими, пока жрец не снимет с них чары, за что, естественно, получит часть плодов [193]. Индейцы Куманы в Южной Америке окружали свои плантации хлопковой нитью, и того было довольно для надежной защиты, ибо считалось, что преступивший границу скоро умрет. Бразильские индейцы жури используют схожим образом свои заборы [194]. В Африке суеверие также могущественный союзник прав частной собственности. Так, балондо размещают ульи на высоких деревьях в лесу и защищают их от воров, привязывая к стволам деревьев амулет или «лекарство». Такой защиты им довольно. «Туземцы, – пишет Ливингстон, – редко грабят друг друга, ибо все верят в то, что определенные лекарства могут вызвать болезнь и смерть; и хотя они считают, что известны они лишь немногим, но действуют по принципу: береженого бог бережет. Укрепляет суеверные чувства людей Мрачность тамошних лесов. В иных районах, где они не подвержены такому влиянию, я слышал, как вожди делали заявления о том, что в некоторых садах, откуда были похищены продукты, были разложены настоящие колдовские лекарства» [195].

Среди нанди Британской Восточной Африки никто не смеет украсть что-либо у кузнеца, иначе кузнец раскалит свою печь, и когда он будет дуть в мехи, чтобы пламя ревело, он проклянет вора так, что тот умрет. И точно так же среди этого народа, у которого гончары – женщины, никто не смеет украсть что-либо у гончара, ибо, когда она нагреет свои изделия, то проклянет вора, произнеся слова: «Лопни как горшок, и пусть дом твой станет красным» [196]. В Лоанго, когда человек собирается отлучиться из дома на длительное время, он защищает свою хижину, ставя перед ней амулет или фетиш, представляющий собою ветку с кусочками разбитых горшков или подобного рода мусором; рассказывают, что переступить порог,

защищенный этими таинственными знаками, не осмелится даже самый решительный грабитель [197]. На побережье Гвинеи фетиши иногда создаются с целью выявления и наказания за некоторые виды краж; и не только сам преступник, но и любой человек, знающий о его преступлении и не давший информации, может быть наказан. Когда такой фетиш создается, о нем предупреждают всю общину, чтобы тот, кто в дальнейшем не передумает воровать, делал это на свой страх и риск. Например, фетиш был установлен для предотвращения кражи овец, и люди были предупреждены. Вскоре после этого раб, не слыхавший об этом, украл овцу и предложил другу разделить ее с ним. Друг и раньше часто участвовал с ним в подобных предприятиях, но страх перед фетишем оказался слишком сильным, и он донес на вора, который был привлечен к ответственности и вскоре умер от затяжной и мучительной болезни. Никто в стране никогда не сомневался, что погубил его именно фетиш [198]. Представители племен Эве с Невольничьего Берега Западной Африки дома и домашнее имущество охраняют особыми амулетами, которые обретают свою силу, будучи освященными или потому, что принадлежат богам. Делянки на укромных лесных полянах также оставляют под защитой подобных амулетов, обычно прикрепленных к длинным палкам на видном месте. На обочинах тропинок можно увидеть еду и пальмовое вино, выставленные на продажу и не защищенные ничем, кроме амулета. Несколько раковин каури, положенных на каждый товар, указывают его цену. Однако ни один туземец не осмелится взять еду или вино, не заплатив за них; ведь он боится неведомого зла, которое бог, владеющий амулетом, навлечет на него за воровство [199]. В Сьерра-Леоне амулеты, называемые *григри*, часто размещают на плантациях, чтобы отвести людей от воровства: «несколько старых тряпок, положенных на апельсиновое дерево, обычно, хотя и не всегда, защищают плоды так же надежно, как если бы их охранял дракон Гесперид. Когда некто заболевает, если по прошествии нескольких месяцев он вспоминает, что украл фрукты и т. д. или, как они это называют, «едва взял» их, он немедленно предполагает, что Вангка поймал его, и чтобы вылечиться, он должен пойти или послать к человеку, чью собственность он взял, и уплатить ему любое возмещение, которое тот потребует» [200]. Суеверия того же рода были перенесены неграми в Вест-Индию, где магия называется «оби» или

«обеах». Там, как нам сообщают исследователи, самые крепкие сердцем негры «дрожат при виде потрепанного свертка, бутылки или яичной скорлупы, которые засовывают в солому или вешают над дверью хижины или на ветку подорожника... Когда у негра похищают птицу или свинью, он обращается непосредственно к колдуну. И вскоре среди людей начинают поговаривать, что вора преследует обеах. Как только последний слышит страшную новость, его испуганное воображение начинает его мучить, и не остается ничего иного, кроме как надеяться на мастерство какого-нибудь более выдающегося колдуна по соседству, который сможет противостоять магическим действиям первого. Но если ему продолжает казаться, что чары действуют на него, он вскоре заболевает. Малейшее болезненное ощущение в голове, кишечнике или любой другой части тела, всякая случайная потеря или повреждение подтверждают его опасения, и он считает себя жертвой невидимых сил. Сон, аппетит и бодрость покидают его, силы убывают, беспокойное воображение преследует его, черты лица носят беспримесный мрак уныния; грязь становится его единственной пищей; он приобретает болезненную привычку тела и постепенно сходит в могилу» ^[201]. Суеверие делает свое дело.

Подобных свидетельств, несомненно, можно было бы привести множество, но и вышеописанных случаев довольно, чтобы показать, что среди многих народов и во многих частях света суеверный страх действует как могущественный мотив, удерживающий человека от воровства. Если это так, то мое второе утверждение можно считать доказанным: у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание частной собственности, совершая вклад в дело ее неприкосновенности.

IV. Брак

Перейдем к третьему утверждению, гласящему, что у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание брака, совершая вклад в дело строгого соблюдения правил половой морали как среди женатых и замужних, так и среди тех, кто в браке еще не состоит. Последующими примерами мы попробуем это обосновать.

Среди каренов Бирмы «считается, что прелюбодеяние, или блуд, оказывает могущественное влияние на урожай. Стало быть, если в деревне в течение года или двух был неурожай, а дождей не было, причину пытаются отыскать в тайных грехах такого характера, и они говорят, что Бог неба и земли разгневан на них из-за этого; и все жители деревни объединяются, чтобы сделать подношение богу. умиловить его». Когда случай прелюбодеяния или блуда обнаруживают, «старейшины объявляют, что преступники должны купить свинью и убить ее. Затем женщина берет одну ногу свиньи, а мужчина – другую, и они каждой ногой выкапывают в земле борозды, которые заполняют кровью свиньи. Затем они скребут землю руками и молятся: 'Боже неба и земли, Боже гор и холмов, я изнурил плодovitую нашу землю. Не гневайся на меня, не отвращайся от меня; но помилуй меня и имей ко мне сострадание. Теперь я восстанавливаю горы, теперь я исцеляю холмы, ручьи и земли. Пусть в моей стране не будет неурожая, пусть не будет безуспешных трудов. Да рассеются они до самого окоема. Сделай поле плодородным, а рис обильным. Сделайте так, чтобы плодов было в избытке.' После того как оба произнесут молитву, они возвращаются домой, и им говорят, что они наладили землю» [\[202\]](#). Так, карены верят, что прелюбодеяние и блуд суть не просто нравственные преступления, которые не касаются никого, кроме преступников и их семей, но грехи, физически влияющее на ход природы. Стало быть, они преступления общественные и угрожают самому существованию всего народа. Но физический ущерб, который они наносят почве, может быть восполнен путем насыщения ее свиной кровью.

Некоторые племена Ассама сходным образом прозревают связь между урожаем и поведением людей обоих полов, ибо они верят, что до тех пор, пока урожай не убран, малейшая невоздержанность может погубить все [203]. Жители холмов близ Раджамахала в Бенгалии воображают, что прелюбодеяние, не замеченное и не раскрытое, приводит к тому, что жителей деревни поражает чума или что на них нападают тигры. Дабы искупить порок, прелюбодеица сначала моет грудь. Затем ее любовник приводит свинью, и оба они окропляются ее кровью, которая, как предполагается, смывает грех и отвлечет божественный гнев. Когда деревня страдает от чумы или нашествия диких зверей, люди свято верят, что бедствие является наказанием за сокрытое прелюбодеяние, и они прибегают к особой форме гадания, чтобы обнаружить виновных [204]. Ассамские кхаси разделены на несколько кланов, которые являются экзогамными, то есть ни один мужчина не может жениться на женщине своего клана. Если обнаруживается, что мужчина сожительствует с женщиной из своего клана, это рассматривается как кровосмешение. Это чревато большими бедствиями; люди будут поражены молнией или убиты тиграми, женщины умрут, рожая детей, и так далее. Члены клана отводят провинившуюся пару к жрецу и заставляют принести в жертву свинью и козу; после этого они становятся изгоями, ибо их проступок неискупим [205]. Оранг-глаи, дикое племя в горах Аннама, аналогичным образом полагают, что незаконная любовь наказывается тиграми, которые пожирают грешников. Если обнаруживается, что девушка беременна, ее семья устраивает пир из свиней, домашней птицы и вина, чтобы умиловить оскорбленных духов [206].

Батаки с Суматры подобным же образом полагают, что, если незамужняя женщина ждет ребенка, ее нужно немедленно выдать замуж, даже за мужчину более низкого ранга; иначе на деревню нападут тигры, а урожай на полях не будет обильным. Они верят, что прелюбодеяние замужних женщин вызывает нашествие тигров, крокодилов или других диких зверей. Преступление кровосмешения, по их мнению, уничтожит весь урожай, если вовремя не искупить содеянное. Эпидемии и другие бедствия, которые затрагивают весь народ, почти всегда объясняются кровосмешением, под которым следует понимать любой брак, противоречащий их обычаям [207].

Подобные взгляды преобладают среди многих племен Борнео. Так, описывая ибанов, или морских даяков, отец Перхам замечает: «Предполагается, что безнравственность среди неженатых принесет на землю чуму дождя в качестве наказания, налагаемого *Петарой*. Преступление должно быть искуплено жертвой и взысканием. Проводится особого рода церемония. Призывается *Петара*, нарушители изгоняются из своего дома, и дурная погода прекращается. Считается, что каждый край, по которому проходит прелюбодей, проклят богами до тех пор, пока не будет принесена надлежащая жертва» [208]. Когда изо дня в день льет дождь, а на полях гниет урожай, даяки приходят к выводу, что некоторые люди тайно предавались плотским похотям; старейшины выносят решения по всем случаям кровосмешения и двоеженства и очищают землю кровью свиней, которая кажется этим дикарям, как овечья кровь – древним евреям, обладающей ценным свойством искупления нравственной вины. Еще не так давно преступники, чье распутство подвергало опасности всю страну, наказывались смертью или рабством. Даяк не может жениться на своей двоюродной сестре, не проведя сначала особую церемонию, называемую *берганут*. Пара идет к воде, наполняет небольшой кувшин своими личными украшениями и опускает его в реку; или вместо кувшина они бросают в воду колун и тарелку. Затем на берегу приносят в жертву свинью, и ее тушу, очищенную от крови, бросают вслед за кувшином. Затем пару толкают в воду их друзья и приказывают им купаться вместе. Наконец, бамбук наполняют свиной кровью, и пара обходит всю страну и окрестные деревни, окропляя кровью землю. После этого они могут вступить в брак. Это делается, как пишут, ради всей страны, чтобы от союза двоюродных брата и сестры рис не погиб [209]. Известно также, что сибую, род даяков в Сараваке, очень заботятся о чести своих дочерей, ибо считают, что, если незамужняя девушка оказывается с ребенком, это оскорбляет высшие силы, которые, вместо того чтобы наказать виновных, наказывают все племя. Поэтому, выявив такое преступление, они взимают плату с любовников и приносят в жертву свинью, чтобы умиротворить разгневанные силы и предотвратить болезни или другие бедствия. Кроме того, они взимают плату с семьи супругов за любой несчастный случай или смерть от утопления, которые происходят в любое время в течение месяца до совершения

религиозного искупления; они считают семьи виновных ответственными за эти несчастья. Взыскания, налагаемые за серьезные или смертельные несчастные случаи, очень велики. Под страхом этих взысканий родители следят за поведением своих дочерей. Среди даяков реки Лупар целомудрие незамужних девушек охраняется не так строго; но в уважаемых семьях, когда дочь оказывается слабой до страстей, приносят в жертву свинью и окропляют ее кровью двери, чтобы смыть грех [\[210\]](#). Горные даяки Борнео кровосмешение запрещают и не допускают браков между двоюродными братьями и сестрами. В 1846 году баддатские даяки пожаловались Хью Лоу, что один из их вождей нарушил мир и процветание деревни, женившись на собственной внучке. После этого катастрофического события, по их словам, ни один светлый день не благословил их территорию; только дождь и тьма царили повсюду. Старого греховодника сместили с должности, но, по-видимому, позволили ему сохранить жену; а домашние ссоры между этой дурно воспитанной парой доставляли немало страданий добродетельным жителям деревни [\[211\]](#).

Бахау, другое племя, обитающее во внутренних районах Борнео, верит, что прелюбодеяние наказывается духами, которые обрекают все племя на неурожай и другие несчастья. Поэтому, чтобы предотвратить эти дурные последствия для невинных членов племени, обоих виновников со всем их имуществом сначала помещают на гравийную насыпь посреди реки, чтобы отгородить или, говоря языком электриков, изолировать их и таким образом предотвратить распространение моральной или, скорее, физической заразы. Затем убивают свиней и птиц, и кровью жрицы обмазывают имущество виновной пары, чтобы обеззаразить его. Наконец, обоих сажают на плот с шестнадцатью яйцами и пускают по течению. Они могут спастись, прыгнув в воду и выплыв на берег; но это, возможно, смягчение более древнего приговора – смерти через утопление, поскольку молодые люди все еще бросают длинные стебли травы, изображающие копья, в пристыженную пару [\[212\]](#). Точно известно, что некоторые племена даяков наказывали за кровосмешение, закрепив мужчину и женщину в отдельных корзинах, нагруженных камнями, и утопляя их в реке. Под кровосмешением они понимали сожительство родителей с детьми, братьев с сестрами, дядей и тетей с племянниками и племянницами. Один живущий в тех местах голландец с большим

трудом спас жизнь дяде и племяннице, которые женились друг на друге; в конце концов он добился их изгнания в отдаленную часть Борнео [213]. Кайяны, еще одно племя, живущее во внутренних районах Борнео, верят, что связь между неженатыми парами наказывается духами неудачей в урожае, рыбалке и охоте. Поэтому согрешившие должны умиротворить гнев духов, принеся в жертву свинью и определенное количество риса [214]. В Пасире, районе Восточного Борнео, считается, что кровосмешение приносит засуху, эпидемии и всевозможные несчастья [215]. На острове Серам человек, осужденный за прелюбодеяние, должен вымазать все дома в деревне кровью свиньи и птицы: предполагается, что это сотрет его вину и отгонит несчастья от деревни [216].

Среди макасаров и бугисов в Южной Сулавеси кровосмешение является смертным преступлением, но кровь виновной пары не должна проливаться, поскольку люди считают, что если бы земля была загрязнена кровью таких преступников, то реки пересохли бы и запасы рыбы были бы скудными, сады стали бы безурожайными, съедобные фрукты не уродились бы, болезни были бы распространены среди скота и лошадей, начались бы беспорядки, и страна страдала бы от других бедствий. Поэтому виновных наказывают так, чтобы избежать пролития их крови: обычно их сажают в мешок и бросают в море. Тем не менее, в дорогу к вечности им дают необходимую провизию, состоящую из мешка риса, соли, сушеной рыбы, кокосов и других припасов, включая три фунта бетеля [217]. Теперь мы, вероятно, лучше понимаем, почему римляне зашивали отцеубийцу в мешок вместе с собакой, петухом, гадюкой и обезьяной и бросали его в море. Вероятно, они боялись осквернить землю Италии, пролив на нее кровь такого злодея [218]. Среди томори Центральной Сулавеси человека, виновного в кровосмешении, удавляют; ни одна капля его крови не должна пасть на землю, ибо, если бы это произошло, рис никогда бы не вырос снова. Союз дяди с племянницей рассматривается этими людьми как кровосмешение, но его можно искупить с помощью жертвоприношения. Одежда мужчины и женщины кладется на медный сосуд; кровь жертвенного животного, козла или птицы, капает на одежду, а затем сосуд с содержимым пускается в плавание по реке [219]. Среди тололаки, другого племени Центральной Сулавеси, людей,

осквернивших себя кровосмешением, закрывают в корзине и топят. Ни одна капля их крови не должна быть пролита на землю, так как это помешает земле когда-либо снова приносить плоды ^[220]. Когда идет проливной дождь, жители Хальмахеры, другого крупного острова Восточной Индии, говорят, что брат и сестра, или отец и дочь, или, короче говоря, несколько близких родственников вступают в незаконные отношения друг с другом и что каждый человек должен быть извещен об этом, ибо только тогда дождь перестанет идти. Это суеверие не раз приводило к тому, что кровных родственников обвиняли, справедливо или нет, в кровосмешении. Кроме того, люди считают, что грозные природные явления, такие как сильное землетрясение или извержение вулкана, вызваны преступлениями того же рода. Лиц, обвиненных в таких преступлениях, привозят в Тернате; говорят, что раньше их часто топили по дороге или, когда их привозили, приговаривали к тому, чтобы бросить в вулкан ^[221]. На архипелаге Банггай, к востоку от Сулавеси, землетрясения объясняются как наказание злых духов за потворство незаконной любви ^[222].

В некоторых частях Африки также считают, что нарушение половой морали нарушает ход природы, в частности, портит плоды земли; и, вероятно, такие взгляды гораздо более широко распространены на этом континенте, чем можно предположить по имеющимся в нашем распоряжении скудным и отрывочным свидетельствам. Так, негры Лоанго в Западной Африке считают, что отношения мужчины с незрелой девушкой наказываются Богом засухой и последующим голодом, пока преступники не искупают свой грех, танцуя обнаженными перед королем и собранием народа, который бросает в пару раскаленный гравий и кусочки стекла. Дожди в этой стране должны выпадать в сентябре, но в 1898 году была долгая засуха, и когда уже почти миновал декабрь, выжженные солнцем колоски маиса раскачивались на ветру, бобы лежали сморщенными и черными на покрасневшей земле, а побеги сладкого картофеля давно отцвели и засохли. Народ возроптал против своих правителей за пренебрежение долгом перед первобытными силами земли; жрецы священных роц прибегли к гаданиям и узнали, что Бог разгневался на землю из-за безнравственности некоторых людей, которые не соблюдали традиции и законы своего Бога и страны. Старый

немогущий король бежал, но раб, исполнявший вместо него обязанности правителя, передал вождям, что в их городах есть люди, которые являются причиной Божьего гнева. Итак, вождь созвал своих подданных и приказал провести расследование, и тогда было обнаружено, что три девушки нарушили обычаи своей страны, поскольку они были беременны до того, как прошли через так называемую покраску, то есть до того, как их покрасили в красный цвет и отгородили на некоторое время от всех в знак того, что они достигли возраста половой зрелости. Люди пришли в ярость и попытались наказать или даже убить трех девушек; англичанин, который описал этот случай, счел нужным добавить, что в то самое утро, когда виновные предстали перед судьей, шел дождь [223]. Среди бавили Лоанго, которые разделены на тотемические кланы, ни одному мужчине не разрешается жениться на женщине из клана его матери; и считается, что Бог наказывает преступление этого закона о браке, удерживая дожди [224]. Сходные представления о пагубном влиянии половых преступлений, по-видимому, разделяют нанди из британской Восточной Африки; ибо нам рассказывают, что, когда от воина понесла юница, преступница «наказывается тем, что ее подвергают остракизму, и никому из подруг не разрешается разговаривать с ней или смотреть на нее, пока ребенок не родится и не будет похоронен. К ней также относятся с презрением до конца ее жизни, и ей запрещено заглядывать в зернохранилище, ибо она может испортить зерно» [225]. Подобным же образом у басуто, «пока зерно выставлено на всеобщее обозрение, все оскверненные люди тщательно оберегаются от него. Если помощь такого человека необходима для того, чтобы отнести домой урожай, он остается на некотором расстоянии, пока мешки наполняются, и подходит только для того, чтобы взвалить их на тягловых волов. Он уходит, едва только груз помещается в жилище, и ни под каким предлогом не может помочь высыпать зерно в корзину для хранения» [226]. Природа осквернения, которое, таким образом, лишает человека права обращаться с зерном, не описана, но мы можем предположить, что прелюбодеяние подпадает под эту общую категорию. Ибо у басуто после рождения ребенка новый огонь должен быть зажжен в жилище трением дерева, и это должен делать целомудренный молодой человек; считается, что безвременная смерть

ожидает того, кто осмелится исполнять эту святую обязанность, до того потеряв невинность [\[227\]](#).

Данных примеров довольно, чтобы доказать, что у многих диких народов считается, что нарушение законов о браке навлекает на общество общественные бедствия самого серьезного характера, что, в частности, считается, что они уничтожают плоды земли из-за чрезмерного дождя или сильной засухи. Следы подобных верований, возможно, можно обнаружить у цивилизованных рас древности. Так, у древних евреев мы читаем, как Иов, страстно протестуя против своей невинности перед Богом, заявляет, что он не прелюбодей: «потому что это – преступление, это – беззаконие, подлежащее суду; это – огонь, поядающий до истребления, который искоренил бы все доброе» [\[228\]](#). В этом отрывке еврейское слово, переведенное как «добро», буквально означает «плоды земли» [\[229\]](#); и если мы приведем слово в его обычном смысле здесь, то Иов утверждает, что прелюбодеяние губительно для плодов земли, и это именно то, во что до сих пор верят многие дикари. Такое перетолкование его слов убедительно подтверждается двумя повествованиями из Книги бытия, где мы читаем, как Сара, жена Авраама, была взята в дом фараона и как после этого Бог наказал фараона и его семью «тяжкими ударами», в частности бесплодив утробы его жены и наложниц. Только после того как фараон обнаружил и исповедал свой грех, а Авраам помолился Богу простить его, женщины фараоновы снова стали плодовитыми [\[230\]](#). Эти истории, по-видимому, подразумевают, что прелюбодеяние, даже когда оно совершается по незнанию, является причиной чумы и особенно бесплодия среди женщин. Опять же, в книге Левит после длинного свода половых преступлений мы читаем: «Не оскверняйте себя ничем этим, ибо всем этим осквернили себя народы, которых Я прогоняю от вас: и осквернилась земля, и я воззрел на беззаконие ее, и свергнула с себя земля живущих на ней» [\[231\]](#). Этот отрывок подразумевает, что сама земля каким-то образом физически пострадала от половых преступлений таким образом, что она больше не могла поддерживать людей. Очевидно, древние греки придерживались схожего взгляда на разрушительное действие инцеста, ибо, согласно Софоклу, земля Фив страдала от мора и бесплодия как женщин, так и скота во время правления Эдипа, который невольно убил своего отца и женился на своей матери; страна лишилась многих

своих жителей, и дельфийский оракул объявил, что единственный способ восстановить процветание – изгнать грешника [232]. Без сомнения, поэт и его слушатели приписывали эти общественные бедствия отчасти вине отцеубийства, которая лежала на Эдипе; но, вероятно, они также возлагали большую часть зла на кровосмешение, которое он совершил со своей матерью. В царствование императора Клавдия одного патриция обвинили в кровосмешении со своей сестрой. Он покончил с собой, его сестра была изгнана, и император приказал провести некоторые древние церемонии еще из законов Сервия Туллия, и чтобы понтифики совершили искупление в священной роще Дианы [233]. Поскольку Диана полагалась богиней плодородия в целом и плодovitости женщин в частности [234], искупление за кровосмешение, предлагаемое в ее святилище, возможно, является свидетельством того, что римляне, как и другие народы, приписывали половой распущенности способность уничтожать плоды как земли, так и материнской утробы. Согласно древней ирландской легенде, в третьем веке нашей эры Мюнстер был поражен неурожаем и другими несчастьями. Когда дворяне занялись этим вопросом, они узнали, что бедствия были результатом кровосмешения, которое король совершил со своей сестрой. Дабы положить конец злу, они потребовали от короля двух его сыновей, плодов этого нечестивого союза. Их следовало сжечь, а пепел бросить в бурный поток [235].

Таким образом, оказывается, что, по мнению многих народов, половые преступления, будь то в браке или нет, не рассматриваются просто как нравственные проступки, которые касаются только отдельных лиц; но считается, что они вовлекают весь народ в опасность и бедствие либо непосредственно из-за особого рода магического влияния, либо косвенно, вызывая гнев богов, для которых эти действия оскорбительны. Более того, часто предполагается, что они наносят удар по самой жизни народа, уничтожая плоды земли. Где бы ни преобладали эти суеверия, очевидно, что общественное мнение и общественное правосудие будут относиться к половым преступлениям с гораздо большей суровостью, чем к ним относятся народы, которые, как и большинство цивилизованных наций, рассматривают такие проступки как вопросы частного, а не общественного значения, как грехи, а не преступления, которые,

возможно, могут повлиять на благополучие отдельного грешника в загробной жизни, но которые никоим образом не ставят под угрозу временное благополучие общины в целом. И напротив, везде, где мы обнаруживаем, что к инцесту, прелюбодеянию и блуду общество относится с крайней строгостью, мы можем разумно заключить, что первоначальным мотивом было супружество. Иными словами, везде, где племя или народ наказывали провинившихся с особой суровостью, причиной этого, вероятно, была вера в то, что результатом подобных проступков является нарушение хода природы и тем самым подвергают опасности весь народ, который соответственно должен защищать себя путем укрощения и при необходимости даже уничтожения преступников. Так можно объяснить, например, почему индийские законы Ману предписывали, чтобы прелюбодеица была съедена собаками в общественном месте, а прелюбодей должен быть зажарен до смерти на раскаленной железной кровати; [236] почему вавилонский кодекс Хаммурапи приговаривал согрешившую пару к удушению и бросанию в реку; почему тот же кодекс наказывал кровосмешение с матерью сожжением обоих виновников [237]; почему закон Моисея приговаривал прелюбодеицу и ее любовника к смерти [238]; и почему у саксов вплоть до дней Св. Бонифация девица, обесчестившая дом своего отца, или прелюбодеица, была принуждена повеситься, а ее любовник должен был быть повешен над пеплом от ее сожженного тела, или ее били плетью или резали на куски ножами все женщины деревни, пока она не умирала [239]. Среди нанди Британской Восточной Африки «инцест, совокупление с мачехой, падчерицей, двоюродной сестрой или другим близким родственником влечет за собой особого рода наказание, именуемое *инджокет*. Толпа людей собирается у дома преступника, которого вытаскивают наружу, и наказание осуществляют женщины; все они, как молодые, так и старые, раздеваются по этому случаю. Этого человека высекают, его дома и посеы уничтожаются, а часть его скота отбирают» [240]. Среди баганда прелюбодеяние неизменно наказывалось смертью обоих преступников: сначала их подвергали ужасным пыткам, чтобы выбить из любовников признание. Затем их убивали [241]. «Готтентоты, – утверждает один из писателей прошлых столетий, – не допускают браков между двоюродными братьями и сестрами. У них есть традиционный закон, который предписывает, что мужчина и женщина,

столь близкие друг другу по крови, которые будут уличены в соединении либо в браке, либо в прелюбодеянии, должны быть забиты дубинками до смерти. Этот закон, по их словам, господствовал во все времена; и они исполняют его сразу, не оглядываясь на богатство, власть или родство» [242]. Трудно поверить, что в этих и подобных случаях члены общины применяли бы такое суровое наказание за половые преступления, если бы не считали, что это ставит под угрозу всеобщую судьбу, а не только интересы нескольких человек.

Если теперь мы спросим, почему незаконные отношения между полами должны нарушать равновесие природы и, в частности, уничтожать плоды земли, можно предположительно дать частичный ответ. Едва ли довольно сказать, что такие отношения неуютны богам, которые наказывают все общество без разбора за грехи немногих. Ведь нам должно помнить, что боги – это творения человеческой фантазии; человек создает их по подобию своему и наделяет их вкусами и мнениями, которые являются лишь пространственными проекциями его собственных. Поэтому утверждать, что нечто является грехом, потому что Бог так решил, значит лишь отодвинуть исследование на одну ступень назад и поставить вопрос, почему Бог не любит и наказывает именно эти действия. В случае, который мы рассматриваем, причина того, почему многие дикарские боги запрещают прелюбодеяние, блуд и кровосмешение под страхом своего сурового неодобрения, может быть найдена в аналогии, которую многие дикари проводят между воспроизводством человеческого вида и воспроизводством животных и растений. Аналогия эта не есть просто причуда – напротив, она реальна и жизненно важна; но первобытные народы придали ей ложное значение в тщетной попытке своей применить ее на практике для увеличения запасов пищи. Они воображали, что, совершая определенные половые акты или воздерживаясь от них, они тем самым непосредственно способствуют размножению животных и размножению растений [243]. Все эти действия и воздержания, очевидно, суть суеверия и не дают желаемого результата. Они не религиозные, но магические, то есть достигают своей цели не путем обращения к богам, а посредством манипулирования природными силами в соответствии с определенными ложными представлениями о физической причинности. В данном случае принцип, по которому дикари пытаются размножить животных и растения, – это принцип

магической симпатии или имитации: они воображают, что помогают репродуктивному процессу в природе, имитируя или исполняя его между собой. В эволюции общества такие попытки контролировать ход природы непосредственно с помощью магических обрядов, по-видимому, предшествовали попыткам контролировать ее косвенно, обращаясь к тщеславию и скупости, добродушию и жалости богов; короче говоря, магия, похоже, старше религии [244]. Для большинства рас эпоха неискаженной магии, магии, не подкрепленной религией, относится к столь отдаленному прошлому, что ее существование, как и существование наших обезьяноподобных предков, может быть лишь предметом умозрения; почти везде в истории и в мире мы находим магию и религию бок о бок, в одно время союзниками, в иное – врагами, то играющих на руку друг другу, то проклинающих и тщетно пытающихся истребить друг друга. В целом разум человека простого крепко, хотя и тайно держится за магию, в то время как более разумные существа осознали тщетность ее притязаний и обратились к религии. В результате верования и обряды, которые были сугубо магическими по своему происхождению, со временем приобретают религиозный характер; они изменяются в соответствии с прогрессом мысли. Они перетолковываются на язык богов и духов, будь то добрых и благодетельных или злых и вредоносных. Мы можем предположить, хотя и не можем доказать, что подобные изменения произошли в сознании многих рас в отношении половой морали. В какое-то старопрежнее время, возможно, слишком сильно растягивая аналогию, они верили, что те отношения между человеческими полами, которые по какой-либо причине они считали правильными и естественными, имели тенденцию способствовать симпатически распространению животных и растений и тем самым обеспечивать снабжение продовольствием общества; в то время как, напротив, они могли воображать, что те отношения между человеческими полами, которые по какой-либо причине они считали неправильными и неестественными, закономерно препятствовали распространению животных и растений и тем самым уменьшали общее благосостояние. Такая вера, очевидно, служит достаточным мотивом для строгого запрета отношений между мужчинами и женщинами, которые считаются неправильными. Ведь если неправильные отношения между полами мешают животным и растениям размножаться, они

наносят смертельный удар по существованию племени. Неудивительно поэтому, что везде, где преобладали подобные суеверия, вся община, считая, что само ее существование находится под угрозой из-за половой безнравственности, должна была жестоко расправиться с виновниками, избивать их, жечь, топить или иным образом уничтожать. И когда с преумножением знаний люди начали понимать, какую ошибку они совершили, вообразив, что сношения между полами могут влиять на размножение животных и растений, они все равно по многолетней привычке настолько приучили себя к мысли о порочности определенных половых отношений, что не могли выбросить ее из головы, даже убедившись в ошибочности рассуждений. Поэтому старая практика оставалась в силе, даром что старая теория потерпела крах: старые правила половой морали продолжали соблюдаться, но для того чтобы они сохранили уважение общества, необходимо было перенести их на новую теоретическую основу. Такой основой, в соответствии с общим развитием мысли стала религия. Половые сношения, которые раньше осуждались как неправильные и противоестественные, поскольку предполагалось, что они препятствуют естественному размножению животных и растений и тем самым уменьшают запасы продовольствия, теперь осуждались, поскольку считалось, что они неуютны богам или духам – этим ширмам, за которыми дикий человек скрывал древние верования своих предков. Нравственные принципы, таким образом, оставались прежними, хотя их теоретическая основа была перенесена от магии к религии. Таким или подобным образом мы можем предположить, что карены, даяки и другие дикари достигли тех любопытных представлений о половой безнравственности и ее последствиях, которые мы рассмотрели. Но по природе дела развитие теории нравственности, которое я набросал, является чисто гипотетическим и вряд ли допускает проверку.

Однако, даже если мы на мгновение предположим, что дикари, о которых идет речь, пришли к своему нынешнему взгляду на половую безнравственность таким образом, как я предположил, за всем этим остается вопрос: как они изначально пришли к тому, чтобы считать определенные отношения между мужчинами и женщинами безнравственными? Ведь очевидно, что представление о том, что такая безнравственность вмешивается в ход природы, должно было быть

вторичным и производным: люди должны были на независимых основаниях прийти к выводу, что определенные сношения между мужчинами и женщинами неправильны и вредны, прежде чем они распространили этот вывод по ложной аналогии на природу. Этот вопрос ставит нас лицом к лицу с самым глубоким и мрачным вопросом в истории общества – вопросом происхождения законов, которые до сих пор регулируют брак и отношения полов среди цивилизованных народов; ведь в целом фундаментальные законы, которые мы признаем в этих вопросах, признаются и дикарями, с той лишь разницей, что у многих дикарей запреты гораздо многочисленнее, ужас, вызываемый их нарушением, гораздо глубже, а наказания, налагаемые на нарушителей, гораздо суровее, чем у нас. На вопрос этот многие искали ответов, но задача так и не была решена. Возможно, ей суждено, как и многим загадкам того сфинкса, которого мы именуем природой, навсегда остаться неразрешимой. Все одно, данный вопрос уже выступает за пределы наших рассуждений. Я возвращаюсь к своей непосредственной теме.

По мнению многих дикарей, следствием половой безнравственности является не только прямое или косвенное нарушение хода природы, вызывающее гибель урожая, землетрясение, извержение огня вулканами и тому подобное: предполагается, что сами преступники, их потомство или невинные супруги страдают за совершенный грех. Так, баганда из Центральной Африки верят, что, если жена, которая ждет ребенка от своего мужа, совершит прелюбодеяние, она либо умрет во время родов, либо сойдет с ума и попытается убить и пожрать свое потомство. Кроме того, они верят, что, если после рождения ребенка и до того, как ему дадут имя, муж или жена изменят друг другу, их ребенок умрет, если только знахарь не спасет ему жизнь, проведя магическую церемонию. Поскольку смерть при родах рассматривается этим народом как верное доказательство того, что женщина была виновна в прелюбодеянии, несчастный муж, который таким образом теряет свою жену, платит ее семье за свою преступную небрежность, позволившую ей сбиться с пути с другим мужчиной и таким образом, навлечь на себя фатальные последствия ее греха ^[245]. Опять же, у дикарей, по-видимому, распространено мнение, что неверность жены мешает ее мужу убивать дичь и даже подвергает его неминуемому риску быть убитым или раненым дикими зверями.

Эту веру исповедуют вагого и другие народы Восточной Африки, боливийские индейцы моксос и алеутские охотники на каланов. В таких случаях любое несчастье, постигшее мужа во время охоты, он относит на счет дурного поведения своей жены дома; он возвращается в гневе и обрушивает свой гнев на зачастую невинного человека, иногда даже доводя дело до убийства [246]. Когда мексиканские индейцы уичоли отправляются на поиски особого вида кактуса, который они считают священным, их женщины дома обязаны хранить целомудрие; в противном случае, по их мнению, провинившихся поразит болезнь и поставит под угрозу успех экспедиции [247]. Один путешественник прошлых столетий, бывавший на Мадагаскаре, рассказывает нам, что, хотя малагасийские женщины сладострастны, они не позволяют втянуть себя в прелюбодеяние, пока их мужья отсутствуют на войне, поскольку они считают, что неверность в такое время может привести к ранению или гибели отсутствующего супруга [248]. Если бы только царь Давид придерживался этого убеждения, ему не нужно было бы приказывать поставить раненого мужа в авангард битвы [249]. Зулусы воображают, что неверная жена, которая прикасается к вещам мужа, не съев предварительно определенных трав, вызывает у него приступ кашля, от которого он вскоре умирает. Более того, у зулусов «мужчине, вступившему в преступную связь с женой больного, запрещено посещать палату больного; и, если больной человек – женщина, всякая иная женщина, совершившая прелюбодеяние со своим мужем, не должна навещать ее. Они говорят, что, если эти визиты когда-либо происходят, больная покрывается холодным потом и умирает. Считалось, что этот запрет должен был выявить неверность женщин и заставить бояться разоблачения» [250]. По той же причине, по-видимому, во время болезни вождя кафров его племя было обязано соблюдать строгое воздержание под страхом смерти [251]. Идея, вероятно, заключалась в том, что всякий акт невоздержанности симпатически окажется фатальным для больного вождя. Сходным образом в королевстве Конго, когда верховный жрец, называемый Читоме, совершал обход по всей стране, все его подданные должны были вести строго целомудренный образ жизни, и всякий человек, уличенный в невоздержанности в такие дни, безжалостно предавался смерти. Они считали, что всеобщее целомудрие необходимо для сохранения жизни жреца, которого они

почитали как главу своей религии и своего общего отца. Соответственно, когда он был в чужих землях, он позаботился о том, чтобы предупредить своих верных подданных с помощью глашатая, чтобы никто не мог сослаться на незнание в качестве оправдания нарушения закона [252].

Говоря о том же регионе Западной Африки, один писатель прежних времен рассказывает нам, что «супружеское целомудрие особенно уважается среди этих людей; прелюбодеяние внесено в свод величайших преступлений. Согласно общепринятому мнению, женщины убеждены, что, если бы они признали себя виновными в неверности, их постигли бы величайшие несчастья, если бы они не предотвратили их, признавшись своим мужьям и получив их прощение за вред, который они могли нанести» [253]. Среди сулка Новой Британии считается, что неженатые люди, виновные в прелюбодеянии, заражаются таким образом смертельным загрязнением (*сле*), от которого они умрут, если не признают свою вину и не пройдут публичную церемонию очищения. Таких людей избегают: никто ничего не возьмет у них из рук; родители указывают на них своим детям и предупреждают, чтобы они не подходили к ним близко. Зараза, которую они, как предполагается, распространяют, по-видимому, скорее физическая, чем моральная по своей природе; поскольку считается, что присутствие этих людей портит краску на инструментах. Мужчины, заразившиеся этой опасной болезнью, избавляются от нее, выпивая морскую воду, смешанную с измельченным кокосом и имбирем. Затем человека бросают в море. Выйдя из воды, он снимает промокшую одежду, которую носил во время осквернения, и выбрасывает ее. Считается, что это очищение спасает жизнь [254].

Данных примеров быть может довольно, чтобы показать, что среди многих рас считается, что половая безнравственность, будь то в форме прелюбодеяния, блуда или кровосмешения, сама по себе влечет за собой, естественно и неизбежно, без вмешательства общества самые серьезные последствия не только для самих преступников, но и для общества, часто действительно поставив под угрозу само существование всего народа, уничтожая запасы продовольствия. Едва ли мне следует напоминать вам, что все верования эти совершенно беспочвенны; подобные действия не приводят к описанным

последствиям; короче говоря, рассматриваемые представления – чистое суеверие. И все же мы не можем сомневаться в том, что где бы ни существовало это суеверие, оно должно было служить мощным мотивом, удерживающим мужчин от прелюбодеяния, блуда и кровосмешения. Если это так, то я думаю, что доказал свое третье предположение, согласно которому у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание брака, совершая вклад в дело строгого соблюдения правил половой морали как среди женатых и замужних, так и среди тех, кто в браке еще не состоит.

V. Почитание человеческой жизни

Перейдем к четвертому утверждению, гласящему, что у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание человеческой жизни, совершая вклад в дело ее неприкосновенности.

Особое суеверие, оказавшее такое благотворное воздействие, – это страх перед привидениями, особенно перед призраками убитых. Страх перед привидениями широко распространен (вероятно даже повсеместен) среди дикарей; едва ли он исчез и меж нас. Если бы он ушел, некоторым научным обществам следовало бы упраздниться. Страх перед призраками, конечно, не был благом. Действительно, можно с некоторым основанием утверждать, что ни одна вера не сделала столько для замедления экономического и, следовательно, социального прогресса человечества, как вера в бессмертие усопших; ибо эта вера заставляла расу за расой, поколение за поколением жертвовать реальными потребностями живых ради воображаемых потребностей мертвых. Растраты и разрушения жизни и имущества, которые повлекла за собой эта вера, неисчислимы. Но я не буду рассматривать здесь катастрофические и плачевные последствия, невыразимые глупости, преступления и страдания, которые на практике вытекают из теории загробной жизни. Сейчас я занимаюсь более светлой стороной мрачной темы, полезным, хотя и беспочвенным ужасом, который призраки, явления и призраки вселяют в грудь отчаянных преступников. Если такие люди вообще размышляют и регулируют свои страсти по велению благоразумия, то кажется очевидным, что страх перед призрачным возмездием, перед гневным духом своей жертвы должен действовать как спасительный ограничитель их необузданных порывов; ему следует усиливать страх перед чисто мирским наказанием и снабжать холериков и злобных людей новым мотивом для того, чтобы остановиться перед тем, как обогреть свои руки кровью. Это настолько очевидно, а страх перед призраками настолько общеизвестен, что и то и другое можно принять как должное, особенно в этот поздний час. Но для полноты картины я приведу несколько показательных фактов, взяв их почти наугад из

быта далеких народов, чтобы показать широкое распространение этого особого суеверия. Я постараюсь показать, что, хотя боятся всех призраков, призраки убитых людей особенно страшны для тех, кто их погубил.

Древние греки верили, что душа только что убиенного гневается на своего убийцу и тревожит его; поэтому даже невольный убийца должен был уехать из своей страны на год, пока гнев мертвеца не остынет; убийца не мог вернуться, пока не принесет жертву и не совершит обряд очищения. Если его жертвой становился иностранец, убийца должен был избегать как страны умершего, так и своей собственной [255]. Легенда об отцеубийце Оресте, о том, как он, обезумевший, скитался, будучи преследуем призраком убитой матери, точно отражает древнегреческое представление об уделе, который постигает убийцу [256].

Но важно заметить, что не только убийца в ужасе от призрака своей жертвы; он сам становится предметом страха и отвращения для всего общества из-за злобного и опасного духа, который преследует его. Вероятно, аттический закон заставлял убийцу покинуть страну скорее в целях самообороны, чем из соображений заботы о нем. Это ясно следует из положений закона. Во-первых, отправляясь в изгнание, убийца должен был следовать предписанному пути: [257] очевидно, что было бы опасно позволить ему блуждать по стране с разгневанным призраком по пятам. Во-вторых, если против изгнанного убийцы выдвигалось другое обвинение, ему разрешалось вернуться в Аттику, чтобы выступить в свою защиту, но он не мог ступить на сушу; он должен был говорить с корабля, и даже корабль не мог бросить якоря. Судьи избегали любой связи с преступником и судили дело на берегу [258]. Очевидно, что смысл данного правила был буквально в том, чтобы защититься от убийцы, чтобы, коснувшись аттической земли даже косвенно, через якорь, он не поразил ее, как мы могли бы сказать, электрическим разрядом; хотя греки, несомненно, сказали бы, что порча приходит от связи с призраком, своего рода изливанием смерти. По этой же причине, если такой человек, плавая по морю, терпел крушение на побережье страны, где было совершено его преступление, ему разрешалось разбить лагерь на берегу, пока не приплывет корабль, чтобы забрать его, но он должен был все время держать ноги в морской воде [259], очевидно, чтобы уничтожить призрачную заразу и

не дать ей распространиться на почву. По той же причине, когда буйные жители Кинеты в Аркадии устроили особенно жестокую резню и отправили посланников в Спарту, все аркадские государства, через которые проходил путь посланников, приказали им покинуть страну; а после их отъезда мантинейцы очистили себя и свое имущество, принеся жертвы и обнеся ими город и всю свою землю [260]. Узнав о резне в Аргосе, афиняне устроили очистительные жертвоприношения вокруг общественного собрания [261].

Несомненно, в основе всех подобных обрядов лежал страх перед опасным призраком, который преследует убийцу и которого следует остерегаться всему обществу. Греческая традиция в этом отношении четко отражена в легенде об Оресте, ибо говорится, что жители Тризина не принимали его в своих домах, пока он не очистился от своей вины [262], то есть пока не избавился от призрака матери. Греческий способ очищения убийства состоял в том, что убивали поросенка-сосунка и омывали руки виновного в его крови: пока эта церемония не была выполнена, убийце не разрешалось говорить [263]. Среди горных племен Раджамахала в Бенгалии принято следующее: если двое мужчин ссорятся и проливается кровь, с того, кто ранил другого, взыскивается свинья или птица, «кровь которой окропляется над раненым, чтобы очистить его и предотвратить его одержимость дьяволом» [264]. В этом случае окропление кровью явно предназначено для того, чтобы человека не преследовал дух; только не злоумышленника, а его жертву, которая, как предполагается, находится в опасности и поэтому нуждается в очищении. Мы видели, что среди этих и других диких племен свиная кровь окропляется на людей и вещи как способ очистить их от загрязнения половыми преступлениями [265]. Среди негров Камеруна в Западной Африке случайное убийство может быть искуплено кровью животного. Родственники убийцы и убитого собираются вместе. Убивают животное, и каждый присутствующий мажет его кровью лицо и грудь. Они считают, что таким образом искупается вина за убийство человека, и никакое наказание не настигнет убийцу [266]. В Кар-Никобаре человека, одержимого дьяволами, очищают от них, натирая его свиной кровью и избивая листьями. Предполагается, что таким образом дьяволы, как мухи, слетают с тела человека на листья,

которые затем сворачивают и крепко связывают специальной веревкой. Избиением занимается нарочно обученный экзорцист, и при каждом ударе листьями он падает лицом на пол и кричит писклявым голосом: «Се дьявол!». Данная церемония проводится ночью, а перед рассветом все листья выбрасываются в море ^[267]. Греки также использовали лавровые листья и свиную кровь в очистительных церемониях ^[268]. Во всех этих случаях мы можем предположить, что очищение изначально задумывалось как физическое, а не моральное, как своего рода моющее средство, которое смывало, сметало или соскабливало призрачную или демоническую грязь с лица человека, преследуемого призраками или одержимого бесами. Мотив использования крови в этих обрядах очищения неясен. Возможно, приписываемая ей очистительная сила зиждилась на представлении о том, что оскорбленный дух принимает кровь в качестве замены крови мужчины или женщины ^[269]. Однако сомнительно, что это объяснение может охватить все случаи, когда кровь использовалась как способ очищения. Разумеется, странно, как еще давно заметил мудрец Гераклит, что пятна крови счищают кровью, как если бы человек, обмазанный грязью, думал очиститься, обмазавшись еще больше грязью ^[270]. Но пути человека удивительны и иногда не поддаются разгадке.

Существует любопытная история о том, что после того как Орест сошел с ума, убив свою мать, он вернул себе рассудок, откусив один из собственных пальцев; фурии его убитой матери, которые до этого казались ему черными, стали белыми, как только он изуродовал себя таким образом: как будто вкуса его собственной крови было довольно, чтобы отвратить или обезоружить гневный призрак ^[271]. Намек на то, каким образом кровь могла привести к такому результату, можно найти в практике некоторых дикарей. Индейцы Гвианы считают, что кровный мститель, убивший своего человека, сойдет с ума, если не отведаст крови своей жертвы; очевидно, имеется в виду, что призрак сводит его с ума, так же как призрак Клитемнестры свел с ума Ореста, который, напомним, тоже был кровным мстителем. Чтобы предотвратить это последствие, убийца на третью ночь приходит к могиле своей жертвы, протыкает труп палкой с острым концом и, вынув ее, высасывает кровь убитого. После этого он идет домой со спокойной душой, довольный тем, что выполнил свой долг и что ему больше нечего бояться призрака ^[272]. Схожий обычай соблюдался маори в бою. Когда

воин убивал своего врага в бою, он пробовал его кровь, веря, что это сохраняет его от мстительного духа (*atuta*) его жертвы; ибо они представляли, что «в тот момент, когда убийца попробовал кровь убитого, мертвец стал частью его существа и поместил его под защиту *атуа*, или духа-хранителя умершего» [273]. Таким образом, по мнению этих дикарей, проглотив часть своей жертвы, они делали ее частью себя и тем самым превращали ее из врага в союзника; они заключали с ней, в самом строгом смысле этого слова, кровный договор. Некоторые североамериканские индейцы также пили кровь своих врагов в бою. Один путешественник, наблюдавший возвращение отряда индейцев арикара, рассказывает: «По многим было видно, что они пили кровь врага. Особый знак делается путем натирания руки киноварью, и, прикладывая руку ко рту, они оставляют на лице отпечаток, который должен напоминать окровавленную руку» [274]. Мотив этой практики не сообщен, но вполне возможно, что он был таким же, как и у маори, – желание присвоить и таким образом обезоружить призрак врага. Как ни странно, но это поистине дикое суеверие существует по сей день. В Калабрии широко распространено мнение, что, коль скоро убийца хочет спастись, он должен высосать кровь своей жертвы из еще теплого лезвия кинжала, которым он совершил преступление [275]. Теперь мы можем, пожалуй, понять, почему считалось, что отцеубийца Орест одумался, как только откусил один из своих пальцев. Отведав собственной крови, которая также была кровью его жертвы, поскольку она была его матерью, он, как можно предположить, заключил кровный договор с призраком и таким образом превратил его из врага в друга. Кабилы Северной Африки верят, что если убийца семь раз перепрыгнет через могилу своей жертвы в течение трех или семи дней после убийства, то он будет в полной безопасности. Поэтому свежую могилу убитого тщательно охраняют [276].

То, что греческая практика очищения убитого была, по сути, экзорцизмом, другими словами, что ее целью было изгнание опасного призрака жертвы, становится практически очевидным, если мы рассмотрим схожие обряды очищения, которые среди многих диких племен должны соблюдать воины-победители с явным намерением защитить их от духов людей, которых они убили в бою. Обряды эти я уже приводил в другом месте [277], но несколько случаев можно привести здесь в качестве примера. Так, у басутов «омовение особенно

часто совершается по возвращении из битвы. Совершенно необходимо, чтобы воины как можно скорее избавились от пролитой крови, иначе тени их жертв будут преследовать их непрерывно и нарушать сон. Они выступают процессией, в полном вооружении к ближайшему ручью. В тот момент, когда они входят в воду, прорицатель, стоящий выше, бросает в поток очищающее вещество» [278]. Согласно другому рассказу об обычае басуто, «воины, убившие врага, очищаются. Вождь должен омыть их, принеся в жертву быка в присутствии всего войска. Их также помазывают желчью животного, чтобы призрак врага не преследовал их дальше» [279]. Среди племен банту в Кавирондо в Британской Восточной Африке, когда человек убил врага на войне, он бреет голову по возвращении домой, а его друзья натирают его тело лекарством, которое обычно состоит из коровьего навоза, чтобы дух убитого не беспокоил его [280]. Здесь коровий навоз служит этим неграм в качестве очищающего средства, так же как свиная кровь служила древним грекам. У Джа-луо из Кавирондо обычай несколько иной. Через три дня после возвращения из боя воин бреет голову. Но прежде чем войти в свою деревню, он должен повесить на шею живую птицу, головой вверх; затем птицу обезглавливают, а голову оставляют висеть на шее. Вскоре после возвращения в честь убитого устраивается пир, чтобы его призрак не преследовал убийцу [281]. В этих двух последних случаях убийца бреет голову, точно так же, как, по преданию, обрил волосы убийца матери Орест, когда пришел в себя [282]. Из этой греческой традиции мы можем с определенной долей вероятности заключить, что волосы греческих убийц, как и волосы этих африканских воинов, регулярно подстригались как один из способов избавления от призрачной заразы. Среди Ба-яка, народа банту из государства Конго, «считается, что человек, убитый в бою, посылает свою душу, чтобы отомстить за свою смерть человеку, который его убил; последний, однако, может избежать мести мертвых, нося в волосах красные хвостовые перья попугая и крася лоб в красный цвет» [283]. Возможно, как я уже предположил в другом месте, этот наряд предназначен для того, чтобы замаскировать убийцу от призрака его жертвы [284]. Среди индейцев натчез в Северной Америке молодые храбрецы, снявшие свои первые скальпы, были обязаны соблюдать определенные правила воздержания

в течение полугода. Они не могли спать со своими женами и есть мясо; их единственной пищей были рыба и особый пудинг. Если они нарушали эти правила, то, как они верили, душа человека, которого они убили, с помощью магии добьется их смерти [285]. Среди представителей племен, живущих в устье реки Ванигела в Британской Новой Гвинее, «человек, лишивший жизни, считается нечистым, пока не пройдет определенные церемонии: как можно скорее после совершения преступления он очищает себя и свое оружие. Удовлетворенный этим, он возвращается в свою деревню и садится на бревна для жертвоприношения. Никто не подходит к нему и не обращает на него никакого внимания. Для него готовят дом, в котором в качестве слуг работают два или три маленьких мальчика. Он может есть только поджаренные бананы, причем только их центральную часть, а концы выбрасываются. На третий день его уединения друзья готовят небольшой пир, а также делают для него новые промежуточные кольца. Это называется *иви поро*. На следующий день мужчина надевает все свои лучшие украшения и знаки отличия за отнятие жизни, выходит в полном вооружении и шествует по деревне. На следующий день организуется охота, и кенгуру, выбранного из дичи, накрывают шапкой. Его разрезают, а селезенку и печень натирают на спине мужчины. Затем он торжественно идет к ближайшей воде и, стоя в ней свесив ноги, моется. Все молодые неопытные воины плавают между его ног. Предполагается, что это передаст им его мужество и силу. На следующий день на рассвете он выходит из дома в полном вооружении и громко называет имя своей жертвы. Убедившись, что он основательно напугал призрак мертвеца, он возвращается в дом. Битье по доскам пола и разжигание костров также используется для отпугивания призрака. Через день его очищение завершается. Тогда он может войти в дом своей жены» [286]. В этом последнем случае истинная природа таких так называемых очищений четко проявляется: на самом деле это обряды экзорцизма, проводимые с целью изгнания опасного духа.

Среди индейцев омаха в Северной Америке убийца, которого пощадили родственники его жертвы, должен был соблюдать определенные строгие правила в течение периода, который варьировался от двух до четырех лет. Он должен был ходить босиком, не есть теплой пищи, не повышать голоса и не смотреть по сторонам.

Он должен был надеть одежду и не снимать ее даже в теплую погоду; она не должна болтаться или распахиваться. Он не мог двигать руками, но должен был держать их близко к телу. Ему нельзя было расчесывать волосы, и они не должны были развеиваться на ветру. Никто не должен был есть вместе с ним, и только одному из его сородичей разрешалось оставаться с ним в его шатре. Когда племя отправлялось на охоту, он должен был ставить свою палатку в четверти мили от остальных людей, «чтобы призрак его жертвы не поднял сильный ветер, который может причинить вред» [\[287\]](#). Причина, по которой убийцу изгоняли из лагеря охотников, дает ключ к разгадке всех других ограничений, наложенных на него: его преследовал призрак, и поэтому он был опасен; поэтому люди держались от него подальше, как, говорят, они держались подальше от Ореста. Хотя духа убитого человека боятся все, естественно, что его особенно опасаются те, на кого он по какой-либо причине может затаить злобу. Например, среди ябимов германской Новой Гвинеи, когда родственники убитого человека принимали выкуп за смерть, они должны были позволить семье жертвы пометить их мелом на лбу. Если этого не сделать, призрак их умершего родственника может прийти и беспокоить их за то, что они не выполнили свой долг перед ним; он может распугать их свиней или расшатать их зубы [\[288\]](#).

Действительно, призраки всех, кто умер насильственной смертью, в некотором смысле представляют опасность для общества; их нрав от природы испорчен, и они склонны набрасываться на первого встречного, не делая четкого различия между невинным и виновным. Бирманские карены, например, считают, что духи всех таких людей не отправляются ни в высшие чертоги блаженства, ни в нижний мир горя, а задерживаются на земле и блуждают незримо. Они вызывают у людей тошноту, доводя их до смерти и крадя их души. Соответственно, люди чрезвычайно боятся этих вампироподобных существ, стремясь унять их гнев и отразить их жестокие нападения с помощью подношений и самых искренних молитв и прошений [\[289\]](#). Они кладут красный, желтый и белый рис в корзину и оставляют ее в лесу, говоря: «Призраки тех, кто умер, упав с дерева, призраки тех, кто умер от голода или жажды, призраки тех, кто умер от зуба тигра или змеиного клыка, призраки убитых мертвецов, призраки тех, кто умер от оспы или холеры, призраки умерших прокаженных, не обращайтесь с нами

плохо, не хватайте нас, не причиняй нам вреда. Оставайтесь здесь, в этом лесу. Мы будем приносить сюда красный рис, желтый рис и белый рис для вашего пропитания» [290].

Однако не всегда с помощью честных слов и умиловительных подношений люди пытались избавиться от этих невидимых, но опасных злоумышленников. Иногда прибегают к более жестким мерам. «Однажды, – рассказывает путешественник, живший среди индейцев Северной Америки, – приблизившись ночью к деревне Оттава, я застал жителей в замешательстве: все они были заняты тем, что издавали громкие и нестройные звуки. От них я узнал, что недавно произошла битва между оттавами и кикапу и что целью всего этого шума было помешать призракам ушедших бойцов проникнуть в деревню» [291]. Далее, замучив пленника до смерти, североамериканские индейцы обычно бегали по деревне, колотя палками по стенам, крышам хижин и крича во весь голос, чтобы отогнать разгневанный призрак жертвы, чтобы он не захотел отомстить за раны, нанесенные его обожженному и изуродованному телу [292]. Точно так же у папуасов Дореха в голландской Новой Гвинее, когда в деревне совершается убийство, жители собираются несколько вечеров подряд и визжат, чтобы отпугнуть призрака на случай, если он попытается вернуться [293]. Ябим, племя в германской Новой Гвинее, верят, что «мертвые могут как помогать, так и вредить, но страх перед их пагубным влиянием преобладает. Особенно люди придерживаются мнения, что призрак убитого человека преследует его убийцу и навлекает на него несчастье. Поэтому необходимо отогнать призрака криками и боем в барабаны. Нарочно сделанное подобие каноэ, нагруженного таро и табаком, призвано облегчить его отъезд» [294]. У фиджийцев было обыкновение хоронить больных и престарелых заживо, и, сделав это, они всегда поднимали большой шум с помощью бамбука, труб из ракушек, чтобы отпугнуть духов похороненных людей и помешать им вернуться в свои дома. И чтобы устранить всякое искушение бродить по своим бывшим жилищам, они разбирали дома мертвых и обвешивали их тем, что казалось наиболее отталкивающим [295]. У ангони, зулусского племени, поселившегося к северу от Замбези, воины, убившие врагов во время похода, мажут свои тела и лица пеплом и вешают на себя одежду своих жертв. Этот костюм они носят в течение трех дней после возвращения и, встав на

рассвете, бегают по деревне, издавая страшные крики, чтобы изгнать призраков убитых, которые в противном случае могли бы навлечь на людей болезни и несчастья [\[296\]](#).

В Траванкоре верят, что души людей, умерших насильственной смертью от утопления, повешения или другими способами, становятся демонами, бродящими повсюду, чтобы различными способами причинять вред человечеству. Считается, что призраки повешенных убийц особенно часто посещают место казни и его окрестности. Чтобы предотвратить это, раньше было принято отсекал уже умершему преступнику пятки мечом или подрезать ему сухожилия» [\[297\]](#). Тело калечили, без сомнения, для того, чтобы помешать призраку ходить. С точно таким же намерением у некоторых народов было принято калечить различными способами мертвые тела не только казненных преступников, но и других людей; ибо все призраки внушают больший или меньший страх. Когда умирал какой-нибудь плохой человек, эскимосы Берингова пролива в старину перерезали ему сухожилия на руках и ногах, «чтобы тень не возвращалась в тело и не заставляла его ходить по ночам как вурдалака» [\[298\]](#). Индейцы Омахи погибшего от молнии хоронили лицом вниз, а подошвы его ног отрезали; иначе, как считалось, его призрак смог бы ходить [\[299\]](#). Хереро из Южной Африки думают, что призраки плохих людей после смерти так же вредны, как и в жизни; ибо они грабят, крадут и соблазняют женщин и девочек, иногда даже осеменяя их. Дабы помешать мертвецам разыгрывать подобные шалости, хереро обычно перерезали позвоночник трупа, связывали его в пучок и зашивали в бычью шкуру [\[300\]](#). Простой способ вывести из строя опасного призрака – выкопать его тело и обезглавить его. Это делают западноафриканские негры, а также армяне; ради пущей надежности армяне не только отрезали голову, но и разбивали ее вдребезги или втыкали иглу в нее или в сердце мертвеца [\[301\]](#). Индусы Пенджаба верят, что, если мать умрет в течение тринадцати дней после родов, она вернется в облике злого духа, чтобы мучить своего мужа и семью. Дабы предотвратить это, некоторые люди вбивают гвозди в ее голову и глаза, в то время как другие также забивают гвозди по обе стороны двери дома [\[302\]](#). Более мягкий способ достичь той же цели – воткнуть гвоздь или кусок железа в одежду бедной умершей матери [\[303\]](#). В Биласпоре, если мать умирает,

оставляя очень маленьких детей, перед похоронами ей связывают руки и ноги, чтобы она не могла вставать ночью и навещать своих осиротевших малышей [304]. На Индийском архипелаге очень боятся призраков женщин, умерших при родах; предполагается, что они появляются в виде птиц с длинными когтями и чрезвычайно опасны для их мужей, а также для беременных женщин. Ходячий способ защиты от них состоит в том, чтобы положить по яйцу под каждую подмышку трупа, плотно прижать руки к телу и воткнуть иглы в ладони. Люди верят, что призрак умершей женщины не сможет летать и нападать на людей; потому что она не будет раскидывать руки, боясь, что яйца упадут, и она не будет никого хватать, боясь, что иглы глубже вонзятся в ее ладони. Иногда в качестве дополнительной предосторожности под подбородок кладут еще одно яйцо, в суставы пальцев рук и ног втыкают шипы, а ее руки, ступни и волосы прибивают гвоздями к гробу [305]. Некоторые морские даяки Борнео засевают землю возле кладбищ кусочками палок, имитируя особое растение, чтобы искалечить ноги призраков, которые ходят по ним [306]. Бесиси Малайского полуострова хоронят своих мертвецов в земле и, чтобы призрак не смог подняться из нее, бросают на могилу ножи [307]. Тунгусы Туруханска, напротив, вешают своих мертвецов на деревья, а затем обрубают все ветви, чтобы призрак не спустился и не пустился за ними в погоню [308]. Туземцы реки Герберт в Квинсленде обычно проделывали отверстия в животе, плечах и легких своих умерших и заполняли их камнями, чтобы, отягощенный этим балластом, призрак не мог далеко уйти; чтобы еще больше ограничить его радиус действия, они обычно ломали ему ноги [309]. Иные австралийские аборигены кладут раскаленные угли в уши умерших сородичей; это удерживает призрака в теле на некоторое время. Также они облаивают деревья по кругу вокруг этого места, так что, когда призрак все-таки выходит и направляется за ними, он бродит круг за кругом, всегда возвращаясь к тому месту, с которого начал [310]. Древние индусы надевали на ноги своих умерших оковы, чтобы те не могли вернуться в страну живых [311].

Некоторые народы загораживают дорогу от могилы, чтобы призрак не последовал за ними. Тунгусы делают барьер из снега или деревьев [312]. У мангаров, одного из воинственных племен Непала,

«когда скорбящие возвращаются домой, один из участников группы идет вперед и сооружает баррикаду из колючих кустов поперек дороги на полпути между могилой и домом покойного. На вершину шипов он кладет большой камень, на который встает, держа в левой руке горшок с горящими благовониями, а в правой – шерстяную нить. Один за другим скорбящие ступают на камень и проходят сквозь дым благовоний на другую сторону колючего барьера. Проходя мимо, каждый берет кусочек нити у человека, который держит благовония, и повязывает его себе на шею. Цель этой любопытной церемонии – помешать духу умершего человека вернуться домой вместе с провожающими и обосноваться в своих старых убежищах. Задуманный как человек в миниатюре, он, как полагают, не может пробраться пешком через тернии, в то время как запах благовоний, к которому все духи очень чувствительны, мешает ему преодолеть это препятствие на плечах одного из скорбящих» [\[313\]](#). Индейцы алгонкины, не довольствуясь тем, что били по стенам своих хижин, чтобы отогнать призрака, натягивали вокруг них сети, чтобы поймать духа в сети, если он попытается проникнуть в дом. Другие издавали вонь, чтобы отвадить его [\[314\]](#). Оджибве также прибегали к ряду приспособлений для отпугивания духов умерших. Это было описано следующим образом писателем, который сам был оджибве: «Если покойный был мужем, часто существует обычай, когда вдова после похорон прыгает через могилу, а затем бежит зигзагом за деревьями, как будто она убегает от кто-то один. Это называется бегством от духа своего мужа, чтобы он не преследовал ее. Вечером того дня, когда состоялось погребение, когда начинает темнеть, мужчины стреляют из своих ружей через отверстие, оставленное в верхней части вигвама. Как только эта стрельба прекращается, старухи начинают стучать в дверь и издавать такой грохот, который отпугнул бы любого духа, который осмелился бы приблизиться. Следующий обряд заключается в том, чтобы разрезать на узкие полоски наподобие ленты тонкую березовую кору. Они складывают их в формы и развешивают внутри вигвама, так что малейшее дуновение ветра может сдвинуть их с места. С такими пугалами, как эти, какой дух осмелится потревожить их сон? Если и этого кажется мало, то они брали хвост оленя и, после того как жгли или палили всю шерсть, натирали шеи или лица детей перед тем как они лягут спать, думая, что неприятный запах будет еще

одним предупреждением для духа. Я хорошо помню, как меня обмазывали этим неприятным окуриванием, и я верил во все это. Думая, что душа задерживается в теле надолго, прежде чем она окончательно его покинет, они используют эти средства, чтобы ускорить ее уход» [315].

Индейцы ленгуа из Гран-Чако в Южной Америке живут в большом страхе перед духами своих умерших. Они воображают, что любой из этих бестелесных духов может снова воплотиться и начать новую жизнь на земле, если только ему удастся завладеть телом живого человека во время временного отсутствия его души. Ибо, как и многие другие дикари, они воображают, что душа покидает тело во время сна, чтобы блуждать далеко в стране снов. Поэтому, когда наступает ночь, призраки умерших толпятся в деревнях и шныряют повсюду, надеясь найти пустые тела, в которые они могли бы войти. Таковы, по мнению индейца ленгуа, опасности ночи. Когда он просыпается утром от сна, в котором он, казалось, охотился или рыбачил далеко, он приходит к выводу, что его душа еще не могла вернуться из такого далекого путешествия и что дух внутри него, следовательно, должен быть каким-то призраком или демоном, который завладел его телесным жильем в отсутствие его настоящего владельца. И если эти индейцы всегда боятся духов умерших, то в тот момент, когда они только что покинули смертную оболочку, они боятся их вдвойне. Не успел умереть человек, как вся деревня опустела. Даже если смерть наступила незадолго до захода солнца, место должно быть любой ценой немедленно покинуто, чтобы с наступлением ночи призрак не вернулся и не причинил вреда жителям деревни. Деревня не только опустела, но и каждая хижина была сожжена дотла, а имущество мертвеца уничтожено. Ибо эти индейцы верят, что, однако, каким бы хорошим и добрым ни был человек при жизни, его призрак всегда является источником опасности для мира и благополучия живых. В ночь после его смерти его развоплощенный дух возвращается в деревню и, продрогший от прохладного ночного воздуха, оглядывается в поисках костра, у которого можно было бы согреться. Он разгребает золу, чтобы найти хотя бы горячий уголек, который он мог бы раздуть в пламя. Но если все они холодные и мертвые, он подбрасывает горсть в воздух и уходит в раздражении. Всякого индейца, ступившего на такой пепел, ждет неудача, если не

смерть, следующая за ним по пятам. Чтобы предотвратить подобные несчастья, жители деревни прилагают все усилия, чтобы собрать и закопать все кучи пепла, прежде чем покинуть деревню. Какова была бы судьба деревни, в которой вернувшийся призрак застал бы жителей все еще в своих домах, ни один индеец не осмеливается себе представить. Поэтому случается, что многие деревни, которые были полны жизни в полдень, на закате превращаются в дымящуюся пустыню. И поскольку ленгуа приписывают все болезни проискам злых духов и колдунов, они калечат лица своих умирающих или умерших, чтобы противодействовать и наказать виновников болезни. Для этого они отрезают ту часть тела, в которой, как предполагается, поселился злой дух. Обычная операция, проводимая умирающему или мертвецу, заключается в следующем. Ножом в его боку делается надрез, края раны раздвигаются пальцами и в рану кладутся собачья кость, камень и коготь броненосца. Считается, что при выходе души из тела камень поднимется к Млечному Пути и останется там до тех пор, пока не будет обнаружен виновник смерти. Тогда камень упадет вниз в форме метеора и убьет или, по крайней мере, оглушит виновную сторону. Вот почему эти индейцы испытывают ужас перед падающими звездами. Коготь броненосца служит для того, чтобы выкапывать землю и в сочетании с метеоритом обеспечивать уничтожение злого духа или колдуна. Миссионеры еще не выяснили, в чем заключается ценность собачьей кости [\[316\]](#).

Бхотиас, населяющие Гималайский район британской Индии, проводят сложную церемонию переноса духа умершего человека в животное, которое в конце концов избивают все жители деревни и прогоняют, чтобы оно не могло вернуться. Изгнав таким образом призрака, люди радостно возвращаются в деревню с песнями и танцами. В некоторых местах животное, которое, таким образом, служит козлом отпущения, это як, лоб, спина и хвост которого должны быть белыми. В других местах под влиянием индуизма яками были заменены овцы и козы [\[317\]](#).

Вдовы и вдовцы особенно неприятны призракам своих умерших супругов, и, соответственно, им приходится принимать против них особые меры предосторожности. Например, среди народа эве в Агоме в немецком Того, вдова обязана оставаться в течение шести недель в хижине, где похоронен ее муж. Она обнажена, ее волосы сбриты, и она

вооружена палкой, с помощью которой она отталкивает слишком назойливые приставания призрака своего мужа; ибо, если бы она подчинилась им, она умерла бы на месте. Ночью она спит, положив палку под себя, чтобы коварный призрак не попытался украсть ее у нее в часы сна. Перед тем как она ест или пьет, она всегда кладет немного углей на еду или напиток, чтобы ее покойный муж не ел или не пил с ней; потому что, если бы он это сделал, она бы умерла. Если кто-нибудь позовет ее, она не должна отвечать, потому что ее мертвый муж услышит ее, и она умрет. Ей нельзя есть бобы, мясо или рыбу, пить пальмовое вино или ром, но ей разрешается курить табак. Ночью в хижине разводят огонь, и вдова бросает в огонь измельченные листья мяты и красный перец, чтобы создать зловоние, которое помогает отгонять призраков от дома [\[318\]](#).

Среди многих племен британской Колумбии поведение вдовы и вдовца в течение длительного времени после смерти супруга регулируется кодексом мелких и обременительных ограничений, из которых, по-видимому, все зиждутся на представлении о том, что эти люди, преследуемые призраком, не только сами находятся в опасности, но также являются источником опасности для других. Так, у индейцев племени шушвап в британской Колумбии вдовы и вдовцы огораживают свои постели колючими кустами, чтобы отогнать призрак умершего; действительно, они лежат на таких кустах, чтобы у призрака было мало искушения разделить с ними ложе из колючек. Они должны построить парилку на берегу ручья, потеть там всю ночь и регулярно купаться в ручье, после чего натирать свое тело еловыми ветками. Эти ветки можно использовать для данной цели только один раз; после этого их втыкают в землю вокруг хижины, вероятно, чтобы отгородиться от призрака. Скорбящие также должны использовать собственные чашки и посуду для приготовления пищи, и они не могут прикасаться к своим головам или телам. Охотники не могут приближаться к ним, и всякий, на кого упадет их тень, сразу же заболевает [\[319\]](#). Опять же, у индейцев цецаут, когда человек умирает, его брат обязан жениться на вдове, но он не может сделать этого до истечения определенного времени, потому что считается, что призрак умершего человека преследует его вдову и причинит вред его живому сопернику. Во время траура вдова ест из каменной тарелки, носит во рту камешек, а за спину куртки засовывает палочку яблони-кислицы.

Она сидит день и ночь. Всякий, кто пересечет хижину перед ней, покойник. Ограничения, налагаемые на вдовца, схожи ^[320]. Среди индейцев племени лкунген, или сонгиш, на острове Ванкувер вдове и вдовцу после смерти мужа или жены запрещено стричь волосы, так как в противном случае считается, что они получают слишком большую власть над душами и благополучием других людей. Они должны оставаться одни у своего костра в течение длительного времени, и им запрещено общаться с другими людьми. Когда они едят, их никто не должен видеть. Они должны держать свои лица закрытыми в течение десяти дней. В течение двух дней после погребения они постятся, и им не разрешается разговаривать. После этого они могут немного поговорить, но, прежде чем обратиться к кому-либо, они должны пойти в лес и вымыться в прудах кедровыми ветками. Если они хотят причинить вред врагу, они выкрикивают его имя, когда впервые нарушают пост и очень сильно кусаются во время еды. Считается, что это убивает их врага, вероятно (хотя об этом не говорится), направляя на него внимание призрака. Они не должны подходить близко к воде и есть свежего лосося, иначе рыбу могут прогнать. Они могут не есть теплую пищу, иначе у них выпадут зубы ^[321]. У индейцев Белла Кула кровать скорбящего защищена от призрака умершего колючими кустами, воткнутыми в землю по углам. Он встает рано утром и уходит в лес, где он делает квадрат с колючими кустами, и внутри этого квадрата, где он, вероятно, должен быть в безопасности от вторжения призрака, он очищается, натирая свое тело кедровыми ветками. Он также плавает в прудах, а после купания расщепляет четыре небольших дерева и ползет по расщелинам, следуя за движением солнца. Это он делает четыре последующих утра, каждый день подрезая новые деревья. Мы можем предположить, что намерение пробраться сквозь расщелины деревьев состоит в том, чтобы ускользнуть от призрака. Скорбящий также коротко стрижет свои волосы, и срезанные волосы сжигаются. Если бы он не соблюдал эти правила, считается, что ему приснился бы умерший, что для ума дикаря является еще одним способом сказать, что его посетит призрак. Среди этих индейцев правила траура по вдовцу или вдовице особенно строги. В течение четырех дней он или она должны поститься и не могут произнести ни слова, иначе мертвая жена или муж придут и положат холодную руку на рот обидчика, который умрет. Им

запрещено приближаться к воде, и им запрещено ловить или есть лосося в течение целого года. В течение этого времени они также не могут есть свежую сельдь или рыбу-свечу (*олахен*). Их тени считаются несчастливymi и не могут упасть ни на одного человека [322].

У индейцев племени Томпсон в британской Колумбии вдовы или вдовцы после смерти своих мужей или жен сразу же выходили из дома и четыре раза проходили через участок розовых кустов. Цель этой церемонии не сообщается, но мы можем предположить, что она должна была удерживать призрака от следования за ней из страха поцарапаться о шипы. В течение четырех дней после смерти вдовы и вдовцы должны были бродить по вечерам или на рассвете, вытирая глаза еловыми веточками, которые они развешивали на ветвях деревьев, молясь рассвету. Они также протирали глаза маленьким камешком, взятым из-под проточной воды, а затем выбрасывали его, одновременно молясь о том, чтобы не ослепнуть. Первые четыре дня они могли не прикасаться к еде, но ели заостренными палочками и выплевывали первые четыре глотка каждого блюда и первые четыре воды в огонь. В течение года они должны были спать на кровати, сделанной из еловых веток, на которой также были разложены палочки из розового куста в ногах, изголовье и посередине. Многие также носили на себе несколько маленьких веточек розового куста. Розовый куст, без сомнения, использовался для того, чтобы отогнать призрака из-за страха перед колючками. Им было запрещено есть свежую рыбу и мясо любого вида в течение года. Вдовец не может ловить рыбу на чужом месте или чужой сетью. Если бы он это сделал, это сделало бы станцию и сеть бесполезными в течение сезона. Если вдовец пересаживал форель в другое озеро, то прежде чем выпустить ее, он дул на голову рыбы, а после пережевывания оленьего жира выплевывал немного жира ей на голову, чтобы устранить пагубное действие своего прикосновения. Затем он отпустил ее, попрощавшись с рыбой и попросив ее распространять свой вид. Любая трава или ветки, на которых сидела или лежала вдова или вдовец, засыхали. Если бы вдова сломала палки или ветки, ее собственные руки сломались бы. Она не могла готовить еду или приносить воду своим детям, не позволяла им ложиться на ее кровать, а также не должна была лежать или сидеть там, где они спали. Некоторые вдовы в течение нескольких дней носили набедренную повязку, сделанную из сухой травы, чтобы

призрак ее умершего мужа не имел с ней связи. Вдовец не мог ловить рыбу или охотиться, потому что это было несчастьем как для него, так и для других охотников. Он не позволял своей тени проходить перед другим вдовцом или любым человеком, который, как предполагалось, был одарен большим количеством знаний или магии, чем обычно [323]. У индейцев племени лиллуэт в британской Колумбии правила, предписываемые вдовам и вдовцам, были в чем-то схожи. Но вдовец должен был соблюдать особый обычай в еде. Он ел, держа правую руку под правой ногой, колено которой было приподнято. Мотив подачи пищи в рот таким окольным путем не упоминается: мы можем предположить, что это было сделано для того, чтобы сбить с толку голодного духа, который, как можно было предположить, следил за каждым куском, проглоченным скорбящим, но который вряд ли мог подозревать, что пища, пропущенная под коленом, предназначалась для того, чтобы попасть в рот [324].

Среди индейцев квакуитль из британской Колумбии, как нам рассказывают, «правила, касающиеся периода траура, очень суровы. В случае смерти мужа или жены оставшийся в живых должен соблюдать следующие правила: в течение четырех дней после смерти оставшийся в живых должен сидеть неподвижно, подтянув колени к подбородку. На третий день все жители деревни, включая детей, должны принять ванну. На четвертый день в деревянном котле нагревается немного воды, и вдова или вдовец капают ей себе на голову. Когда он устает сидеть неподвижно и должен двигаться, он думает о своем враге, медленно вытягивает ноги четыре раза и снова поднимает их. Тогда его враг должен умереть. В течение следующих шестнадцати дней он должен оставаться на том же месте, но он может вытянуть ноги. Однако ему не разрешается двигать руками. Никто не должен разговаривать с ним, и всякий, кто ослушается этого приказа, будет наказан смертью одного из своих родственников. Каждый четвертый день он моется. Старуха кормит его два раза в день во время отлива лососем, выловленным в предыдущем году, и дает ему в тарелках и ложках покойного. Пока он сидит так, его ум блуждает. Он видит свой дом и своих друзей как будто очень-очень далеко. Если в своих видениях он видит человека рядом, последний обязательно умрет в недалеком будущем; если он видит его очень далеко, он будет продолжать жить долго. По истечении шестнадцати дней он может

лечь, но не вытягиваться. Он моется каждый восьмой день. В конце первого месяца он снимает свою одежду и перевязывает ею пень дерева. По прошествии еще одного месяца он может сидеть в углу дома, но в течение четырех месяцев он не должен смешиваться с другими. Он не должен пользоваться дверью дома, но для его использования вырезана отдельная дверь. Прежде чем он покинет дом в первый раз, он должен трижды подойти к двери и вернуться, после чего он может покинуть дом. Через десять месяцев его волосы коротко стригут, а через год траур заканчивается» [\[325\]](#).

Хотя причины тщательно продуманных ограничений, налагаемых таким образом на вдов и вдовцов индейцами британской Колумбии, не всегда указываются, мы можем с уверенностью заключить, что все они продиктованы страхом перед призраком, который преследует оставшегося в живых супруга, окружает его или ее опасной атмосферой, заразой смерти, что требует его изоляции как от самих людей, так и от основных источников их питания, особенно от рыболовства, чтобы зараженный человек не отравил их своим зловредным присутствием. Поэтому мы можем понять необычное обращение с вдовцом со стороны папуасов Иссудуна в британской Новой Гвинее. Его страдания начинаются с момента смерти жены. Его немедленно лишают всех украшений, оскорбляют и избивают родственники его жены, его дом разграблен, его сады опустошены, некому готовить для него. Он спит на могиле своей жены до конца своего траура. Он может никогда больше не жениться. Со смертью жены он теряет все свои права. Для него это гражданская смерть. Старый или молодой, вождь или плебей, он больше никто, он не в счет. Он не может охотиться или ловить рыбу вместе с другими; его присутствие принесет несчастье; дух его умершей жены напугает рыбу или дичь. В спорах его более не слушают. У него нет голоса в совете старейшин. Он может не участвовать в танцах; у него может не быть собственного сада. Если один из его детей женится, он не имеет права ни во что вмешиваться или получать какие-либо подарки. Если бы он был мертв, его нельзя было бы игнорировать более полно. Он стал ночным животным. Ему запрещено показываться на людях, пересекать деревню, ходить по дорогам и тропинкам. Подобно кабану, он должен прятаться в траве или кустах. Если он услышит или увидит кого-нибудь, особенно женщину, идущую издалека, он должен спрятаться за

деревом или зарослями. Если он хочет отправиться на охоту или рыбалку один, он должен идти ночью. Если ему нужно с кем-то посоветоваться, даже с миссионером, он делает это в большой тайне и ночью. Будто он потерял голос и говорит только шепотом. Он выкрашен в черный цвет с головы до ног. Волосы на его голове выбриты, за исключением двух пучков, которые развеваются на висках. Он носит тубетейку, которая полностью закрывает его голову до ушей; она заканчивается заострением на затылке. Вокруг талии он носит один, два или три пояса из сплетенной травы; его руки и ноги от колен до лодыжек покрыты нарукавниками и штанинами того же рода; а на шее он носит похожее украшение. Его диета строго регламентирована, но он соблюдает ее не больше, чем может помочь, тайно поедая все, что ему дают или что он может достать. «Его томагавк сопровождает его везде и всегда. Он нужен ему, чтобы защититься от диких кабанов, а также от духа его умершей жены, которому может прийти в голову прийти и сыграть с ним какую-нибудь озорную шутку; ибо души умерших часто возвращаются, и их посещение далеко не желанно, поскольку все духи без исключения плохие и не имеют иного удовольствия, кроме как причинять вред живым. К счастью, люди могут держать их на расстоянии с помощью палки, огня, стрелы или томагавка. Состояние вдовца, далекое от того, чтобы вызывать жалость или сострадание, только делает его объектом ужаса и страха. Фактически почти все вдовцы имеют репутацию более или менее колдунов, и их образ жизни не приспособлен для того, чтобы обманывать общественное мнение. Они вынуждены становиться бездельниками и ворами, поскольку им запрещено работать: нет работы – нет садов; нет садов – нет еды: тогда они должны воровать, а это ремесло, которым нельзя заниматься без некоторой наглости и плутовства в крайнем случае» [\[326\]](#).

Нет более смысла умножать свидетельства ужаса, который вера в привидения распространила среди людей, и последствий, иногда трагических, иногда смехотворных, которые эта вера повлекла за собой [\[327\]](#). Приведенных примеров может быть достаточно для моей цели, которая заключается лишь в том, чтобы указать на вероятность того, что это широко распространенное суеверие действительно служило полезной цели, повышая святость человеческой жизни. Ибо разумно предположить, что люди более склонны проливать кровь

своих собратьев, когда они верят, что, поступая так, они подвергают себя мести разгневанного и могущественного духа, от которого трудно уклониться или обмануть. К счастью, в этом вопросе нам остается только строить догадки. В бескрайней Китайской империи, как нас уверяет лучший из ныне живущих авторитетов в области китайской религии, страх перед призраками действительно привел к этому благотворному результату. Среди китайцев вера в существование мертвых, в их способность вознаграждать за доброту и мстить за причиненный вред универсальна и незыблема; она передается из незапамятного прошлого, и питается в опыте или, скорее, в сознании каждого сотнями историй о привидениях, все из которых принимаются как подлинные. Никто не сомневается, что призраки могут в любой момент вмешаться во благо или во зло в дела жизни, в управление человеческой судьбой. Для китайцев их мертвые суть не то, чем наши мертвые являются для большинства из нас, смутное печальное воспоминание, призрачная община где-то далеко, к которой мы можем обратиться со временем, но которая не может прийти к нам или оказать какое-либо влияние на страну живых. Напротив, по мнению китайцев, мертвые не только существуют, но и поддерживают самое живое общение, самый бойкий обмен добром и злом с выжившими. Действительно, даже в Китае существует демаркационная линия между людьми и духами, между живыми и мертвыми, но говорят, что она очень слабая, почти незаметная. Эта вечная торговля между двумя мирами, материальным и духовным, является источником как проклятия, так и благословения: духи умерших управляют человеческой судьбой железным или золотым жезлом. Общаясь с ними, человеку есть на что надеяться, но и чего бояться. Отсюда, как естественное следствие, именно призракам, душам умерших китаец воздает свои молитвы; именно вокруг их дорогих или ужасных фигур как центра вращается его религия. Обеспечить их добрую волю и помощь, отвратить их гнев и яростные нападки – вот первая и последняя цель религиозных церемоний [\[328\]](#).

Эта вера китайцев в существование и силу мертвых, как нам сообщают, «несомненно, оказывает могучее и благотворное влияние на мораль. Она поощряет уважение к человеческой жизни и милосердное отношение к немощным, престарелым и больным, особенно если они стоят на краю могилы. Благожелательность и человечность,

основанные, таким образом, на страхах и эгоизме, могут иметь в наших глазах мало этической ценности; но несмотря на это, их существование в стране, где культура еще не научила человека культивировать добро только ради добра, может быть воспринято как благословение. Эти добродетели присущи даже животным, поскольку на самом деле у них тоже есть души, которые могут совершать месть или приносить вознаграждение. Но твердая вера в призраков и их карательное правосудие имеет и другие последствия. Она удерживает от тяжелой и томительной несправедливости, ибо обиженный, полностью уверенный в мстительной силе своего собственного духа, когда он развоплощен, не всегда будет уклоняться от превращения себя в гневный призрак, совершая самоубийство, «чтобы в смерти отомстить своему угнетателю, которого он не мог осуществить в жизнь. Говорят, что случаи самоубийства, совершенного с таким намерением, в Китае далеко не редки» [\[329\]](#). «Этот простой комплекс принципов, – пишет профессор де Гроот, – обуздывает неуважение к человеческой жизни. Наиболее благотворно также то, что они работают над детоубийством женщин, чудовищным обычаем, широко практикуемым среди бедняков в Амое и прилегающих фермерских районах, как и во многих других частях Империи. Страх, что души убитых малышей могут принести несчастье, побуждает многих отцов или матерей оставлять девочек, которых они не желают воспитывать, на улице для усыновления в какую-нибудь семью или в приют для подкидышей». Гуманные и состоятельные люди пользуются этими суеверными страхами, чтобы привить милосердное отношение к младенцам женского пола; поскольку они печатают и бесплатно распространяют трактаты, в которых излагается множество ужасных примеров наказаний, которым подвергают неестественных отцов и матерей призраки их убитых дочерей. Эти ярко окрашенные повествования, хотя и несут на себе все признаки богатой фантазии, как говорят, идеально отвечают своей благой цели; ибо они глубоко проникают в доверчивые умы, которым они адресованы: они затрагивают иссушенную совесть и черствое сердце, которое никакое обращение к простой естественной привязанности не могло вызвать жалости [\[330\]](#).

Но в то время как страх перед призраком, таким образом, действовал непосредственно, для укрепления незыблемости

человеческой жизни, удерживая жестоких, страстных и злобных от пролития крови, он действовал также косвенно, приводя к тому же благотворному результату. Ибо не только сам одержимый ведьмой убийца боится призрака своей жертвы, но и вся община, как мы видели, также боится его и считает, что присутствие убийцы угрожает ей, поскольку преследующий его гневный дух может обратиться на других людей и растерзать их. Следовательно, у общества есть сильный мотив для изоляции, изгнания или уничтожения преступника, чтобы освободиться от того, что оно считает неминуемой опасностью, опасным загрязнением, заразой смерти ^[331]. Иными словами, общество заинтересовано в наказании за убийство. Нельзя сказать, что обращение с убийцами со стороны племени или государства изначально задумывалось как наказание, налагаемое на них: скорее, оно рассматривалось как мера самообороны, моральный карантин, процесс духовного очищения и дезинфекции, изгнание нечистой силы. Это был способ очищения людей в целом, а иногда и самого убийцы от призрачной инфекции, которая для примитивного ума представляется чем-то материальным и осязаемым, чем-то, что можно буквально смыть водой, свиной кровью, овечьей кровью или другими моющими средствами. Но когда это очищение принимало форму усмирения убийцы, изгнания его из страны или предания его смерти, чтобы успокоить дух его жертвы, это было для всех практических целей неотличимо от наказания, и страх перед ним действовал как сдерживающий фактор так же верно, как если бы это было задумано как наказание и ничего больше. Когда человека собираются повесить, для него мало утешения, когда ему говорят, что повешение – это не наказание, а очищение. Но одна концепция легко и почти незаметно переходит в другую; так что то, что сначала было религиозным обрядом, торжественным посвящением или жертвоприношением, со временем превращается в чисто гражданскую функцию, наказание, которое общество налагает на тех, кто причинил ему вред: жертвоприношение становится казнью, священник отступает, а палач выходит вперед. Таким образом, уголовное правосудие, вероятно, в значительной степени основывалось на грубой форме суеверия задолго до того, как тонкие умы юристов и философов логически вывели его в соответствии с их различными пристрастиями из жесткой теории праведного возмездия, дальновидной политики превращения закона в

ужас для злодеев или в благожелательное желание изменить характер преступника и спасти его душу в другом мире. Если эти выводы лишь претендуют на то, чтобы теоретически оправдать практику наказания, они могут считаться хорошо или плохо обоснованными; но если они претендуют на объяснение историческое, то они, безусловно, ложны. Таким образом, вы не можете заново построить прошлое, перенося в одну эпоху идеи другой, толкуя самые ранние из них с точки зрения последних достижений эволюции разума. Вы можете совершать революции таким образом, но вы не можете писать историю.

Если эти взгляды верны, то страх перед призраком действовал двояким образом, защищая человеческую жизнь. С одной стороны, люди ради собственного же блага с большей неохотой стали убивать своих собратьев, а с другой стороны, это побудило всю общину наказать убийцу. У вспыльчивых и хладнокровных был двойной мотив воздержаться от последнего рокового шага: им пришлось бояться духа своей жертвы, с одной стороны, и плети закона – с другой: они оказались в проливе между молотом и наковальней, между призраком и виселицей. И когда с развитием мысли тень призрака исчезает, мрачная тень виселицы остается, чтобы защитить общество без помощи суеверных страхов. Таким образом, обычай часто переживает мотив, его породивший. Если только институция хороша на практике, она будет стоять твердо и после того, как ее старая теоретическая основа будет разрушена: будет обнаружен новый и более прочный, потому и более верный фундамент, на который она сможет опереться. С течением времени мораль все больше и больше смещает свою почву с песков суеверий на скалу разума, от воображаемого к реальному, от сверхъестественного к естественному. Государство не перестало защищать жизни своих граждан, хотя вера в призраков пошатнулась. Оно нашло более вескую причину, чем бабушкины басни, для того чтобы охранять пламенным мечом Справедливости подход к Древу Жизни.

VI. Заключение

Подводя итог этому краткому обзору влияния, которое суеверие оказало на развитие институций, я полагаю, что вполне доказал или, во всяком случае, показал:

I. Что у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание органов правления, особенно монархического, совершая вклад в учреждение и поддержание общественного порядка.

II. Что у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание частной собственности, совершая вклад в дело ее неприкосновенности.

III. Что у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание брака, совершая вклад в дело строгого соблюдения правил половой морали как среди женатых и замужних, так и среди тех, кто в браке еще не состоит.

IV. Что у некоторых народов и рас в определенные периоды времени суеверие укрепляло почитание человеческой жизни, совершая вклад в дело ее неприкосновенности.

При этом, однако, органы правления, частная собственность, брак, почитание человеческой жизни суть те столпы, на которых зиждется современное нам гражданское общество. Поколебав их, вы сотрясете самое общество до основания. Поэтому если правление, частная собственность, брак и почитание человеческой жизни – все это благо и необходимо для жизни гражданского общества, то из этого следует, что, укрепляя каждое из них, суеверие оказало человечеству большую услугу. Оно снабдило множество людей мотивом (пусть и ложным) для верных действий; и, конечно, для мира лучше, гораздо лучше, чтобы люди поступали правильно из неправильных побуждений, чем чтобы они поступали неправильно с самыми лучшими намерениями. Для общества важно поведение, а не мнение: если наши действия справедливы и хороши, то для других не имеет ни малейшего значения, ошибочны ли наши мнения. Опасность ложного мнения, а она очень серьезна, заключается в том, что оно обычно приводит к неправильным действиям; посему оно, без всякого сомнения, является

большим злом, и необходимо приложить все усилия для его искоренения. Но из этих двух зол неверное действие само по себе бесконечно хуже ложного мнения; и все системы религии или философии, которые ставят ударение скорее на правильном мнении, чем на правильном действии, которые превозносят общепринятость выше добродетели, суть безнравственные и вредные для человечества: они путают истинное относительное значение, реальную этическую ценность мысли и действия, ибо именно тем, что мы делаем, а не тем, что мы думаем, мы полезны или бесполезны, благотворны или злотворны для окружающих. Поэтому суеверие как совокупность ложных мнений действительно является опаснейшим руководством на практике, и зло, которое оно принесло, неисчислимо. Но как бы ни было велико то зло, оно не должно ослеплять нас от того блага, которое суеверие принесло обществу, снабдив невежественных, слабых и глупых людей мотивом, пусть и дурным, для правильного поведения. Это тростник, сломанный тростник, который поддерживал шаги многих заблудших наших братьев, но без него они споткнулись бы и упали. Это свет, тусклый и зыбкий свет, который, если и сбил многих мореплавателей с пути, то все же некоторых провел по вечномятежному морю жизни в гавань покоя и мира. Огни гавани миновали, судно уже в порту, и более не важно, освещал ли лоцман путь фонарем из тыквы или шел по звездам.

Таково, милостивые господа, мое оправдание Суеверия. Пожалуй, надобно говорить, скорее, о смягчении приговора, который будет вынесен седовласому преступнику, если суждено ему предстать перед судейской коллегией. А приговор, не сомневайтесь, будет смертным. Но он не будет приведен в исполнение в наше время. Будет долгая-долгая отсрочка. Я был перед вами сегодня в качестве его защитника, а не палача. В Афинах дела об убийстве рассматривались в Ареопаге ночью [\[332\]](#), и именно ночью я выступал в защиту этой темной силы. Но уже поздно, и я со своим мрачным подопечным должен исчезнуть до того, как прокричат петухи и на востоке выступит бледное утро.

Примечания

1

Фактически это был второй перевод, однако первый (1928 г.) был сделан с французского перевода книги, а не с английского ее оригинала.

Токарев С. А. Послесловие // Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. С. 794.

Man, God and Immortality. Thoughts on Human Progress. Passages chosen from the writings of Sir James George Frazer / Revised and edited by the author. New York, The Macmillan Company, 1927.

Psyche's Task. A Discourse Concerning the Influence of Superstition on the Growth of Institutions by J. G. Frazer. Macmillan and Co, Limited. London 1909.

Stocking George W. Jr. *After Taylor. British Social Anthropology, 1888–1951.* The Univ. of Wisc. Press, 1995. P. 147.

The Scope and Method of Mental Anthropology // Science Progress. 1922. April. № 64. P. 580–583. (Здесь и далее работы Фрэзера приводятся в сокращенном виде. – *Прим. ред.*).

Фрэнклин использует термин «mental». В современной науке применяются термины «социальная» или «культурная» антропология. – Д. Ф.

The Scope and Method of Mental Anthropology // Science Progress.
1922. April. № 64. P. 584–586.

The Gorgon's Head and other Literary Pieces // Sur l'Étude des Origines humaines. P. 340–342.

The Gorgon's Head and other Literary Pieces // Sur l'Étude des Origines humaines. P. 345–347.

The Scope and Method of Mental Anthropology // Science Progress.
1922. April. № 64. P. 586.

The Scope of Social Anthropology. P. 172–174.

Preface // Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 14–15.

The Scope of Social Anthropology. P. 175–176.

Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушит его, не сокрушит и ряд
Нескончаемых лет, время бегущее.

Гораций. Egegi monumentum / Пер. С. Шервинского. – Прим. ред.

The Scope of Social Anthropology. P. 161–163.

The Scope of Social Anthropology. P. 171–172.

The Magical Origin of Kings (Lectures on the Early History of the Kingship). P. 2–4.

...не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать (*лат.*). (Спиноза Б. Политический трактат / Пер. С. М. Роговина и Б. В. Чредина. Глава 1, § 4.)

The Magical Origin of Kings. P. 4–8.

The Scope of Social Anthropology. P. 165–166.

Preface // Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 15–16.

The Belief in Immorality. Vol. I. P. 88–89.

«Труд Психеи», Предисловие (см. с. 395 данного тома).

The Belief in Immorality. Vol. I. P. 143.

The Belief in Immorality. Vol. I. P. 265–266.

The Scope of Social Anthropology. P. 163–164.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 342.

Preface // Folklore in the Old Testament. Vol. I. P. 7.

Folklore in the Old Testament. Vol. II. P. 516.

Tolemism and Exogamy. Vol. I. P. 92–93.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 167–169.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 325–326.

Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М.: Политиздат, 1989.
С. 68–69.

The Gorgon's Head and other Literary Pieces // Sur l'Étude des Origines humaines. P. 348–355.

Из выступления перед французской публикой в Сорбонне.

The Scope and Method of Mental Anthropology // Science Progress.
1922. April. № 64. P. 594.

The Gorgon's Head and other Literary Pieces // Sur l'Étude des Origines humaines. P. 337–339.

Preface // Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 7–8.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 42–43.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 16–17.

Preface // Totemism and Exogamy. Vol. I. P.13–14.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 3–5.

Это отсылка к тому, о чем я писал в первых трех томах моей работы «Тотемизм и экзогамия».

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 14–16.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 116–118.

Магические обряды, называемые «интичиума», проводятся аборигенами Центральной Австралии для приумножения своих тотемов, в качестве которых выступают в основном пригодные в пищу животные или растения. Каждый род обязуется приумножить свой тотем на благо всех остальных членов общины, которые едят его, хотя члены конкретного рода, чьим тотемом он является, этого не делают.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 57–64.

Totemism and Exogamy. Vol. II. P. 89 и далее.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 157–159.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 167.

Totemism and Exogamy. Vol. II. P. 570–571.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 19–20.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 36–40.

...прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много
(Лк. 7:47).

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 162–165.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 105–112, 120–121.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 175–579.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 121–122.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 124–125.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 279–281.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 127–132.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 125–127.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 132–137.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 166–169.

Totemism and Exogamy. Vol. II. P. 130–131; Vol. I. P. 503; Vol. II. P. 76–79.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 153–155.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 155–160.

Действительно, у некоторых народов, которые в принципе не запрещают кровосмешение, инцест с сестрой или дочерью предписывается как средство обретения удачи в некоторых делах, таких как охота, рыбалка, война. См.: *Ferrand G.* Les Musulmans à Madagascar et aux Îles Comores. Deuxieme Partie (Paris, 1893). P. 20 и далее; *Gennep A. van.* Tabou et Totemisme à Madagascar (Paris, 1904). P. 342 и далее; *Junod H. A.* The Life of a South African Tribe (Neuchâtel, 1912–1913). II. P. 60; *Smith E. W., Dale A. M.* The Ila-speaking Peoples of Northern Rhodesia (London, 1920). I. P. 261; II. P. 83 и далее.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 286–288.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 303–305.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 123–124.

См.: Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 123–124.

Folklore in the Old Testament. Vol. II. P. 230–232.

Folklore in the Old Testament. Vol. II. P. 227.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 139–140.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 501–502.

Roscoe J. The Northern Bantu (Cambridge, 1915). P. 121;
The Banyankole (Cambridge, 1923). P. 123.

Folklore in the Old Testament. Vol. II. P. 317.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 151–153.

Totemism and Exogamy. Vol. IV. P. 119–120.

Folklore in the Old Testament. Vol. II. P. 202–206, 209–210, 220.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 281–283.

Folklore in the Old Testament. Vol. III. P. 93–94.

Предков следует выслушивать снисходительно (*лат.*).

Folklore in the Old Testament. Vol. I. P. 103.

«Труд Психеи», Введение (см. стр. 397 данного тома).

«Труд Психеи», Заключение (см. стр. 488 данного тома).

The Belief in Immortality. Vol. I. P. 5–7.

The Belief in Immortality. Vol. I. P. 11–23.

Вероятно, здесь имеет место игра слов: англ. *catholic* означает как «католический», так и «всеобщий». – *Прим. пер.*

The Scope of Social Anthropology. P. 166–168.

Totemism and Exogamy. Vol. i. P. 169–172.

Быть лишь такими могли недавно возникшего мира
Дни, не могло быть иной, столь устойчивой ясной погоды.
Верится мне, что была лишь весна, весну неизменно
Праздновал мир, и весь год лишь кроткие веяли Эвры.
Вплоть до поры, когда свет увидела тварь и железный
Род людской из земли впервые голову поднял,
Хищные звери в лесах показались и звезды на небе.

Вергилий. Георгики. Кн. II. Пер. С. Шервинского.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 219.

Folklore in the Old Testament. Vol. III. P. 163–164.

Folklore in the Old Testament. Vol. III. P. 452–454.

Дон Жуан / Пер. Т. Гнедич.

Сельское кладбище / Пер. В. А. Жуковского.

The Worship of Nature. Vol. i. P. 17–18.

The Worship of Nature. Vol. i. P. 6.

Totemism and Exogamy. Vol. I. P. 81–82.

The Worship of Nature. Vol. I. P. 9–10.

The Scope of Social Anthropology. P. 170–171.

The Scope of Social Anthropology. P. 169–170.

The Belief in Immortality. Vol. I. P. 3–5.

Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанью рождены.

*Данте А. Божественная комедия. Ад. Песнь двадцать
шестая, 119. Пер. М. Лозинского.*

Preface // The Belief in Immortality. Vol. i. P. vii – viii.

The Belief in Immortality. Vol. i. P. 31–33.

The Belief in Immortality. Vol. i. P. 33–34, 53, 56–58.

Folklore in the Old Testament. Vol. i. P. 76–77.

The Belief in Immortality. Vol. i. P. 84–86.

Такова была наша первоначальная теория тотемизма. Ее можно назвать теорией «внешней души», в соответствии с которой тотем естьместилище, в котором человек хранит свою душу, подобно тому, как в сказках колдун хранит свою душу в попугае, а великан – в яйце внутри утки. Затем эта теория была нами пересмотрена в рамках производственной теории, а еще позже – в рамках теории тотемизма зачатия (см. выше). Однако первая теория все же может иметь точки соприкосновения с двумя последними. Например, если человек принадлежит тотему эму, ибо считается, что дух эму вошел в его мать при зачатии (в рамках теории тотемизма зачатия), то этому человеку приписывается особый дар заботы об эму и их приумножении во благо племени (в рамках производственной теории). Соответственно, могло быть желательным, чтобы по достижении половой зрелости он бы поместил свою душу в эму (согласно теории «внешней души») для ее безопасности или чтобы обрести более прочную связь с этими птицами и таким образом усилить свой природный дар. При таком раскладе все три теории можно рассматривать не как противоречащие друг другу, но как дополняющие друг друга.

Труд Психеи. Глава V (см. стр. 453 данного тома).

Труд Психеи. Глава V (см. стр. 453 данного тома).

The Belief in Immortality. Vol. i. P. 23–29.

The Belief in Immortality. Vol. ii. P. 97–98.

The Belief in Immortality. Vol. ii. P. 69–70.

The Belief in Immortality. Vol. i. P. 468–471.

The Worship of Nature. Vol. i. P. 1-3.

The Worship of Nature. Vol. i. P. 12–13.

The Worship of Nature. Vol. i. P. 10–11.

The Worship of Nature. Vol. i. P. 3-5.

Теннисон А. Улисс / Пер. К. Бальмонта.

Codrington R. H. The Melanesians (Oxford, 1891). P. 46.

Codrington R. H. Op. cit. P. 52.

Basil Thomson. The Fijians, a Study of the Decay of Custom (London, 1908). P. 57–59, 64, 158.

Rev. Richard Taylor. Te Ika A Maui, or New Zealand and its Inhabitants, Second Edition (London, 1870). P. 352 и далее; об «атуа» см. p. 134 и далее.

Thomson A. S. The Story of New Zealand (London, 1859), I. 95 и далее.

Rev. *Yate W.* An Account of New Zealand (London, 1835). P. 104 и далее.

Brown W. New Zealand and its aborigines (London, 1845). P. 76. Ср.:
Pakeha Maori. Old New Zealand (London, 1884). P. 96 и далее.

Rev. *Taylor R.* Указ. соч. P. 164.

Rev. *Taylor R.* Указ. соч. P. 164, 165.

Mariner W. Account of the Natives of the Tonga Islands, 2nd ed. (London, 1818), I. 141 и далее, 434, примечание, II. 82 и далее, 222 и далее.

Ellis W. Polynesian Researches, Second Edition (London, 1836), III.
108.

Ellis W. Op. cit. III. 101 и далее; *Wilson J.* *Missionary Voyage' to the Southern Pacific Ocean* (London, 1799). P. 329 и далее.

Zeitschrift für allgemeine Erdkunde (Berlin), VI. (1856). P. 398 и далее; *Valdez F. T. Six Years of a Traveller's Life in Western Africa* (London, 1861), ii. 251 и далее.

Skeat W. W. Malay Magi (London, 1900), pp. 23 и далее.

Skeat W. W. Op. cit. p. 36.

Hugh Low. Sarawak (London, 1848). P. 259 и далее.

См. мою «Золотую ветвь», а также Lectures on the Early History of the Kingship (London, 1905). P. 112 и далее.

Proyart. History of Loango, Kakongo, and other Kingdoms in Africa // Pinkerton's Voyages and Travels, xvi. 577. Ср. Dapper. Description de l'Afrique (Amsterdam, 1686). P. 335 и далее.

The Strange Adventures of Andrew Battel // Pinkerton's Voyage and Travels, XVI. 330.

Dos Santos J. Eastern Ethiopia (главы V и IX); *McCall G.* Theal's Records of South-Eastern Africa, VII. (1901). P. 190 и далее, 199.

Dos Santos J. Op, cit. P. 194 и далее.

Hollis A. C. The Nandi, their Language and Folklore (Oxford, 1909).
Р. 49 и далее.

Tiele C.P. History of the Egyptian Religion (London, 1882). P. 103 и далее. Подробнее об этом вопросе см. *Moret A.* Du caractère religieux de la royauté pharaonique (Paris, 1902), а также мои «Золотую ветвь» и Lectures on the Early History of the Kingship (London, 1905). P. 148 и далее.

Аммиан Марцеллин. Деяния, кн. XXVIII, 5, 14.

Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. М.: Наука, 1974.
С. 105–105.

Законы Ману. М.: Наука, 1992. Глава VII, 5–8.

Там же. Глава IX, 246–247.

См. многочисленные примеры из «Илиады» и «Одиссеи».

Аммиан Марцеллин. Деяния, кн. XXVIII, 5, 14.

Snorro Starleson. Chronicle of the Kings of Norway / translated by S. Laing, saga I. Ch. 18 and 47.

Joyce P. W. Social History of Ancient Ireland (London, 1903), I. 56 и далее; *O'Donovan J. The Book of Rights* (Dublin, 1847). P. 8, примеч.

Johnson S. Journey to the Western Islands (Baltimore, 1810). P. 115.

Campbell J. G. Superstitions or the Highlands and Islands of Scotland
(Glasgow, 1900). P. 5.

Black W. G. Folk-Medicine (London, 1883). P. 140 и далее. См. также мой труд *Lectures on the Early History of the Kingship*, pp. 125–127.

Mariner W. An Account of the Natives of the Tonga Islands, 2nd ed. (London, 1818), I. 434, примеч.

Proyart. History of Loango, Kakongo, and other Kingdoms in Africa // Pinkerton's Voyages and Travels, XVI. 573.

Boswell J. Life of Samuel Johnson, 9th ed. (London, 1822), I. 18 и далее.

Pakeha Maori. Old New Zealand (London, 1884). P. 94–97; cp. Id. P. 83.

Thomson A. S. The Story of New Zealand (London, 1859), I. 103.

Brown W. New Zealand and its Aborigines (London, 1845). P. 12 и далее.

Pakeha Maori. Old New Zealand (London, 1884). P. 97.

Rev. Richard Taylor. Te Ika A Maui, or New Zealand and its Inhabitants, 2nd ed. (London, 1870). P. 167, 171.

Thomson A. S. The Story of New Zealand (London, 1859), I. 105.

Rev. *Taylor R.* Op. cit. P. 172 и далее.

Vincendon-Dumoulin et C. Desgraz, *Iles Marquises ou Nouk-hiva* (Paris, 1843). P. 258–260. Подробнее о табу на Маркизских островах см. *Ivingsdorff G.H. von. Reise um die Welt* (Frankfort, 1812), I. 114–119; *Le P. Matthias G. Lettres sur les Iles Marquises* (Paris, 1843). P. 47 и далее. Последний упомянутый мною писатель был миссионером на Маркизских островах. Он отмечает, что табу, будучи институцией и политической, и религиозной, более относилось все-таки к вотчине религии, ибо зиждилось оно на власти богов.

Turner G. Samoa (London, 1884). P. 183–184.

Turner G. Samoa. P. 185–188.

Mariner W. An Account of the Natives of the Tonga Islands, 2nd ed. (London, 1818), II. 221.

Codrington R. H. The Melanesians (Oxford, 1891). P. 215 и далее.

Parkinson R. Im Bismarck-Archipel (Leipziger, 1887). P. 144; Id. Dreissig Jahre in der Südsee (Stuttgart, 1907). P. 193 и далее.

Williams Th. Fiji and the Fijians, 2nd ed. (London, 1860), I. 234.

Wilken G. A. Handleiding voor de vergelijkende Volkenkunde van Nederlandseh Indië (Leyden, 1893). P. 596–603; *G.W. W. C. Baron van Hoëvel.* Ambon en inter bcpaaldelijk de Oeliasers (Dordrecht, 1875). P. 148–152.

Wallace A. R. The Malay Archipelago, 6th ed. (London, 1877). P. 196.

J. *Riedel G. F.* De sluik-en kroesharige rassen tusschen Selebes en Papua (The Hague, 1886). P. 61 и далее.

J. Riedel G. F. Op. cit. P. 114 и далее.

Van Schmidt. Tijdschrift voor Neërlands Indie, v. Tweede deel (Batavia, 1843). P. 499–502.

Riedel J. G. F. Op. cit. P. 167 и далее.

Standing H. F. Malagasy fady // The Antananarivo Annual and Madagascar Magazine, vol. II. (Antananarivo, 1896). P. 252–265.

Gennep A. van. Tabou et Totémisme à Madagascar (Paris, 1904).

Gennep A. van. Op. cit. P. 183 и далее.

Gennep A. van. Op. cit. P. 184.

Standing H. F. Malagasy fady // The Antananarivo Annual and Madagascar Magazine, vol. ii. (Antananarivo, 1896). P. 252–265.

Ellis W. History of Madagascar, I. 414.

Westermarck E. The Origin and Development of Moral Ideas, II. (London, 1908). P. 59–69.

Percival R. Account of the Island of Ceylon (London, 1803). P. 198.

C. F. Ph. v. Martius. Zur Ethnographie Amerikas, zumal Brasiliens
(Leipsic, 1867). P. 86.

David Livingstone. *Missionary Travels and Researches in South Africa* (London, 1857). P. 285.

Hollis A. C. The Nandi, their Language and Folk-lore (Oxford, 1909).
P. 36, 37.

Proyart. History of Loango, Kakongo, and other Kingdoms in Africa // Pinkerton's Voyages and Travels, XVI. 595.

Rev. J. Leighton Wilson. Western Africa (London, 1856). P. 275 и далее.

Ellis A. B. The Ewe-speaking Peoples of the Slave Coast of West Africa (London, 1890). P. 91 и далее. Ср. Id. The Yoruba-speaking Peoples of the Slave Coast of West Africa (London, 1894). P. 118.

Winterbottom Th. An Account of the Native Africans in the Neighbourhood of Sierra Leone (London, 1803). P. 261 и далее.

Bryan Edwards. History, Civil and Commercial, of the British West Indies, Fifth Edition (London, 1819),II. 107–111.

Rev. *Mason F.* D.D. On Dwellings, Works of Art, Laws, etc., of the Karens // *Journal of the Asiatic Society of Bengal, New Series, XXXVII* (1868), part II. № 3. P. 147 и далее. Ср. *McMahon A. R.* The Karens of the Golden Chersonese (London, 1876). P. 334 и далее.

Hodson T. C. The Genna amongst the Tribes of Assam // Journal of the Anthropological Institute, XXXVI (1906). P. 94.

Lieutenant Thomas Shaw. On the Inhabitants of the Hills near Rajamahall, Asiatic Researches, 4th ed., IV (1807). P. 60–62.

Major P. R. T. Gurdon. The Khasis (London, 1907). P. 94, 123.

*Aymonier E.*Notes sur l'Annam // Excursions et reconnaissances, X.
№ 24 (Saigon, 1885). P. 308 и далее.

Neumann J. B. Het Pane- en Bila-Stromgebied op het eiland Sumatra // Tijdschrift van het Nederlandsch Aardrijkskundig Genootschap, Tweede Serie, dl. III., afdeeling, meer uitgebreide artikelen, № 3 (Amsterdam, 1886). P. 514 и далее; *Joustra M.* Het leven, de zeden en gewoonten der Bataks // Mededelingen van iverge het Nederlandsche Zendelinggenootschap, XLVI (1902). P. 411.

Rev. *Perham J.* Petara, or Sea Dyak Gods // Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society, № 8, December 1881. P. 150; *Ling Roth H.* The Natives of Sarawak and British Borneo (London, 1896), I. 180. Петара – это общее даякское имя для божества. Народ верит в то, что существует много петар, что едва ли не у каждого человека есть свое собственное. Есть мнение, что это слово происходит из санскрита и этимологически идентично слову «аватар». См. Rev. *Perham J.* Op. cit. P. 133 и далее; *Ling Roth H.* The Natives of Sarawak and British Borneo (London, 1896), I. 168 и далее.

Ling Roth H. Low's Natives of Borneo // Journal of the Anthropological Institute, XXI (1892). P. 113 и далее, 133; ср. Id., *ibid.*, XXII (1893). P. 24.

Spenser St. John. Life in the Forests of the Far East, 2nd ed. (London, 1863), I. 63 и далее.

Hugh Low. Sarawak (London, 1848). P. 300 и далее.

Nieuwenhuis A. W. Quer durch Borneo (Leyden, 1904–1907), I. 367.

Perelaer M. T. H. Ethnographische Beschrijving der Dajaks (Zalt-Bommel, 1870). P. 59 и далее.

Nieuwenhuis A. W. Quer durch Borneo (Leyden, 1904–1907), II. 99.

Nusselein F. J.A.H. Beschrijving van het landschap Pasir // Bijdragen tot de Taal- Land- en Volken- kunde – van Nederlandsch Indie, IVIII (1905). P. 538.

Bastian A. Indonesien, I. (Berlin, 1884). P. 144.

Matthes B. F. Over de âdá's of gewoonten der Makassaren en Boegineezen // Verslagen en Mededeelingin der Koninklijke Akademie van Wetenschappen, Afdeeling Letterkunde, Derde Reeks, II. (Amsterdam, 1885). P. 182.

Дигесты, XLVIII. 9. 9, Ср. *Валерий Максим*. I. I. 13.

Kruijt A. C. Eenige aantekeningen omtrent de Toboengkoe en de Tomori // Mededeelingen van wege het Nederlandsche Zeudelinggenootschap XLIV. (1900). P. 235.

Kruijt A. C. Van Posso naar Mori // Mededeelingen van wege het Nederlandsche Zedelinggenootschap XLIV (1900). P. 162.

Baarda M.J. van. Fabelen, Verhalen en Overleveringen der Galelareezen // Bijdragen tot de Taal-Land- en Volkenkunde van Nederlandsch Indie, XLV (1895). P. 514.

Clerq F.S.A. de. Bijdragen tot de Kennis der Residentie Ternate
(Leyden, 1890). P. 132.

Dapper. Description de l'Afrique (Amsterdam, 1686). P. 326;
Dennett R. E. At the Back of the Black Man's Mind (London, 1906). P. 53,
67–71.

Dennett R. E. Op. cit. P. 52.

Hollis A. C. The Mandi, their Language and Folklore (Oxford, 1909).
P. 76.

Rev. *Casalis E.* The Basutos (London, 1861). P. 252.

Rev. *Casalis E.* The Basutos. P. 267. Автор отмечает (P. 255 и далее), что «смерть вместе со всем, что непосредственно предваряет ее или следует за ней, является в глазах этих людей величайшим из осквернений. Поэтому люди, которые прикасались к трупам или хоронили его, копали могилу, люди, даже те, кто случайно проходил мимо могилы или сидел на ней, ближайшие родственники умершего, убийцы, воины, убившие своих врагов в бою, считаются нечистыми». Несомненно, всем перечисленным также запрещается прикасаться к кукурузе.

Иов. 31:11–12.

חִבְזָה. See Hebrew and English Lexicon / F. Brown, S. R. Driver, and Ch. A. Briggs (Oxford, 1906). P. 100.

Быт. 12:10–20.

231

Лев. 18:24–25.

См. *Софокл. Царь Эдип.*

Тацит. Анналы, XII, 4 и 8.

См. мою работу Lectures on the Early History of the Kingship (London, 1905). Р. 13 и далее, 17.

Keating G. History of Ireland (New York, 1857). P. 337 и далее;
Joyce P. W. Social History of Ancient Ireland (London, 1903), II. 512 и
далее.

Laws of Manu, viii. 371 sq. / translated by G. Buhler. P. 318 sq. (Sacred Books of the East, vol. xxv.); Compare Gautama, xxiii. 14 sq. / translated by G. Bühler. P. 285 (Sacred Books of the East, vol. II).

Code of Hammurabi, § 129, 157; *Johns C.H.W.* Babylonian and Assyrian Laws, Contracts and Letters (Edinburgh, 1904). P. 54, 56.

Втор. 22:22.

Milman H. H. History of Latin Christianity, II. 54.

Hollis A. C. The Nandi, their Language and Folk-lore (Oxford, 1909).
P. 76.

Rev. *Roscoe J.* «Further Notes on the Manners and Customs of the Baganda», *Journal of the Anthropological Institute*, xxxII. (1902). P. 39.

Peter Kolben. The Present State of the Cape of Good Hope (London, 1738), i. 157. Примеры смертной казни и других суровых наказаний, применяемых за сексуальные преступления см. в работе *Westermarck E.* The Origin and Development of Moral Ideas, II. (London, 1908). P. 366 sqq., 425.

Примеры попыток размножения съедобных растений таким способом см. в *The Golden Bough*, Second Edition, II. 204 sqq. Примеры схожих попыток размножения животных встречаются реже. О некоторых случаях см. в работе George Catlin, *O-Kee-Pa, a Religious Ceremony and other Customs of the Mandans* (London, 1867), *Folium Reservatum*. P. i.-Iii. (multiplication of buffaloes); *History of the Expedition under the Command of Captains Lewis and Clark to the Sources of the Missouri* (London, 1905), i. 209 sq. (multiplication or attraction of buffaloes); Maximilian Prinz zu Wied, *Reise in das innere Nord-America* (Coblentz, 1839–1841), II. 181, 263–267 (multiplication or attraction of buffaloes); *Reports of the Cambridge Anthropological Expedition to Torres Straits*, v. (1904). P. 271 (multiplication of turtles); *Roscoe J. Further Notes on the Manners and Customs of the Baganda* // *Journal of the Anthropological Institute*, xxxII. (1902). P. 53 (multiplication of edible green locusts); *Gason S.* in *Journal of the Anthropological Institute*, xxiv. (1895). P. 174 (multiplication of edible rats); *Id.* *The Dieyerie Tribe* // *Native Tribes of South Australia* (Adelaide, 1879). P. 280 (multiplication of dogs and snakes).

Я изложил свои доводы в пользу такого мнения в другом месте.
(The Golden Bough, 2nd ed., i. 69 sqq).

Rev. *Roscoe J.* Further Notes on the Manners and Customs of the Baganda // *Journal of the Anthropological Institute*, xxxII. (1902). P. 39.

Reichard P. Deutsch Ostafrika (Leipsic, 1892). P. 427; *Cole H.* Notes on the Wagogo of German East Africa // Journal of the Anthropological Institute, xxxII. (1902). P. 318 sq.; *D'Orbigny A.* Voyage dans l'Amérique méridionale, Ili. Part i. P. 226; *Petroff J.* Report on the Population, Industries, and Resources of Alaska. P. 155.

Lumholtz C. Unknown Mexico (London, 1903), II. 128 sq.

De Flacourt. Histoire de la Grande Isle Madagascar (Paris, 1658). P. 97 sq. Compare John Struys, *Voiages and Travels* (London, 1684). P. 22; *Abbé Rochon*. Voyage to Madagascar and the East Indies, translated from the French (London, 1792). P. 46 sq.

249

2-я Цар. 11.

«Mr. Farewell's Account of Chaka, the King of Natal», Appendix to W.F.W. Owen's Narrative of Voyages to explore the Shores of Africa, Arabia, and Madagascar (London, 1833), II 395.

Alberti L. De Kaffers (Amsterdam, 1810). P. 171.

Labat J. B. Relation historique de l'Éthiopie occidentale (Paris, 1732),
i. 259 sq.

Proyart. History of Loango, Kakongo, and other Kingdoms in Africa // Pinkerton's Voyages and Travels, xvi. 569.

Rascher P. M.S.C. Die Sulka, ein Beitrag zur Ethnographie Neu-Pommern // *Archiv für Anthropologie*, xxix. (1904). P. 211; *Parkinson R.* Dreissig Jahre in der Südsee (Stuttgart, 1907). P. 179 sq. Коренные жители острова Буру в Ост-Индии верят в то, что смерть мужчины порой бывает вызвана прелюбодеянием его жены; но, по-видимому, считается, что смерть наступает скорее из-за злой магии прелюбодея, чем из-за самого акта прелюбодеяния. См. *Miesen J. H. W. van der.* Een en ander over Boeroe, inzonderheit wat betreft het distrikt Waisama, gelegen aan de Z. O. Kust // *Mededeelingen van wege het Nederlandsche Zendelinggenootschap*, xlvi. (1902). P. 451–454.

Plato. *Laws*, ix. 8. P. 865 d-866 a; *Demosthenes*, xxIi. P. 643 sq.;
Hesychius. s. v. ἄπειναντισμός.

Aeschylus. Choëphor. 1021 sqq., Eumenides, 85 sqq.; *Euripides*. Iphig. in Taur. 940 sqq.; *Pausanias*. II. 31. 8, viii. 34. 1–4.

Demosthenes. xxIli. P. 643 sq.

Demosthenes. xxIi. P. 645 sq.; *Aristotle*. Constitution of Athens, 57; *Pausanias*. i. 28. 11; *Pollux*. vii. 120; *Helladius*, quoted by *Photius*. Bibliotheca. P. 535 a, lines 28 sqq. ed. I. Bekker.

Платон. Законы, IX, 8.

Polybius. iv. 17–21.

Plutarch. Praecept. ger. reipub. xvII. 9.

Pausanias. II. 31. 8.

Aeschylus. *Eumenides*, 280 sqq., 448 sqq.; Id. quoted by Eustathius on *Homer*. *Iliad*, xix. 254, p. 1183, ἐπιτήδειος ἐδόκει πρὸς καθαρμὸν ὁ σῦς, ὡς δηλοῖ Αἰσχύλ ἐν τῷ, πρὶν ἂν παλαγμοῖς αἵματος χοιροκτόνου αὐτός σε χρᾶναι Ζεὺς καταστάξας χεροῖν, *Apollonius Rhodius*. *Argonaut*, iv. 703–717, с научным комментарием. Очищения такого рода представлены в греческом искусстве. См. мою заметку о Pausanias II. 31. 8 (vol. Iii. 276 sqq.).

Lieutenant Thomas Shaw. The Inhabitants of the Hills near Rajamahall // Asiatic Researches, Fourth Edition, iv. (London, 1807). P. 78, compare p. 77.

See above. P. 32, 34, 35, 36.

Missionary Autenrieth. Zur Religion der Kamerun-Neger // Mitteilungen der geographischen Gesellschaft zu Jena, xII. (1893). P. 93 sq.

Solomon V. Extracts from Diaries kept in Car Nicobar // Journal of the Anthropological Institute, xxxII. (1902). P. 227.

See my note on Pausanias, II. 31. 8 (vol. Ili. P. 276 sqq.).

This was the view of C. Meiners (*Geschichte der Religionen*, II. 137 sq.), and of E. Rohde (*Psyche*,³ II. 77 sq.).

καθαίρονται δ' ἄλλως αἵματι μαινόμενοι οἷν εἴ τις εἰς πηλὸν ἐμβὰς
πηλῶ ἀπονίζοιτο, Heraclitus, in H. Diels's Die Fragmente der
Vorsokratiker, zweite Auflage, i. (Berlin, 1906). P. 62.

Pausanias. vii. 34. 3.

Rev. *Bernau J. H.* *Missionary Labours in British Guiana* (London, 1847). P. 57 sq.

Dumont D'Urville. Voyage autour du monde et à la recherche de la Pérouse, Iii. 305.

John Bradbury. Travels in the Interior of America (Liverpool, 1817).
P. 160.

Vincenzo Dorsa. La Tradizione greco-latina negli usi e nelle credenze popolari della Calabria Citeriore (Cosenza, 1884). P. 138.

Liorel J. Kabylie du Jurjura (Paris, n. d.). P. 441.

The Golden Bough, Second Edition, i. 331 sqq. More evidence will be adduced in the third edition of that work.

Rev. *Casalis E.* The Basutos (London, 1861). P. 258.

Father Porte. Les Réminiscences d'un missionnaire du Basutoland //
Les Missions catholiques, xxviii. (1896). P. 371.

Sir *Johnston H.* The Uganda Protectorate (London, 1902), ii. 743 sq.;
Hobley C. W. Eastern Uganda (London, 1902). P. 20.

Sir *Johnston H.* Op. cit. ii. 794; *Hobley C. W.* Op. cit. p. 31.

Pausanias. viii. 34. 3; compare Strabo, xii. 2. 3. P. 535.

Torday E. and Joyce T. A. Notes on the Ethnography of the Ba-Yaka // Journal of the Anthropological Institute, xxxvi. (1906). P. 50 sq.

Frazer J. G. Folk-lore in the Old Testament // Anthropological Essays /presented to E. B. Tylor (Oxford, 1907). P. 108.

Relation des Natchez // Recueil de voyages au nord, ix. 24 (Amsterdam, 1737); Lettres édifiantes et curieuses, Nouvelle Édition, VII. (Paris, 1781). P. 26; *Charlevoix*. Histoire de la Nouvelle France (Paris, 1744), vi. 186 sq.

Guise R. E. On the Tribes inhabiting the mouth of the Wanigela River, New Guinea // *Journal of the Anthropological Institute*, xxviii. (1898). P. 213 sq.

Rev. *Dorsey J. Owen*. «Omaha Sociology», Third Annual Report of the Bureau of Ethnology (Washington, 1884). P. 369.

Vetter K. Über papuanische Rechtsverhältnisse, wie solche namentlich bei den Jabim beobachtet wurden // Nachrichten über Kaiser Wilhelms-Land und den Bismarck-Archipel, 1897. P. 99; *Hagen B.* Unter den Papuas (Wiesbaden, 1899). P. 254.

Rev. *Cross E. B.* On the Karens // *Journal of the American Oriental Society*, iv. No. 2 (New York, 1854). P. 312 sq.

Bringaud. Les Karins de la Birmanie // Les Missions catholiques, xx.
(1888). P. 208.

Keating W. H. Narrative of an Expedition to the Sources of St. Peter's River (London, 1825), i. 109.

Charlevoix. Histoire de la Nouvelle France (Paris, 1744), VI. 77, 122 sq.; *Lafitau J. F.* Mœurs des sauvages américains (Paris, 1724), ii. 279.

Rosenberg H. von. Der malayische Archipel (Leipsic, 1878). P. 461.
Compare *Hasselt J. L. van.* Die Papuastämme an der Geelvinkbai
(Neuginea) // Mitteilungen der geographischen Gesellschaft zu Jena, ix.
(1891). P. 101.

Vetter K. Über papuanische Rechtsverhältnisse // in Nachrichten über Kaiser Wilhelms-Land und den Bismarck-Archipel (1897). P. 94; *Hagen B.* Unter den Papuas (Wiesbaden, 1899). P. 266.

John Jackson, in J. E. Erskine's *Journal of a Cruise among the Islands of the Western Pacific* (London, 1853). P. 477.

Wiese C. Beiträge zur Geschichte der Zulu im Norden des Zambesi // Zeitschrift für Ethnologie, xxxii. (1900). P. 197 sq.

Rev. *Samuel Mateer*. *The Land of Charity, a Descriptive Account of Travancore and its People* (London, 1871). P. 203 sq.

Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait // Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology, Part i. (Washington, 1899). P. 423.

Rev. *Dorsey J. Owen*. *A Study of Siouan Cults* // Eleventh Annual Report of the Bureau of Ethnology (Washington, 1894). P. 420.

Dr. *Brincker P. H.* Character, Sitten, und Gebräuche speciell der Bantu Deutsch-Südwestafrikas // Mitteilungen des Seminars für orientalischen Sprachen zu Berlin, iii. dritte Abteilung (1900). P. 89 sq.

Rev. Nassau R. H. Fetichism in West Africa (London, 1904). P. 220;
Abeghian M. Der armenische Volks– glaube (Leipsic, 1899). P. 11.

Rose H. A. Hindu Birth Observances in the Punjab // Journal of the Royal Anthropological Institute, xxxvii. (1907). P. 225 sq.

D'Penha G.F. Superstitions and Customs in Salsette // *The Indian Antiquary*, xxviii. (1899). P. 115. Что касается этих растревоженных и тревожащих духов в Индии, см. далее *Crooke W.* Popular Religion and Folklore of Northern India (Westminster, 1896), i. 269–274. Их называют словом «чурель».

Gordon E. M. Indian Folk Tales (London, 1908). P. 47.

Van Schmidt. «Aanteekeningen nopens de zeden, etc., der bevolking van de eilanden Saparoea, etc.», Tijdschrift voor Norlands Indie, V. Tweede Deel (Batavia, 1843). P. 528 sqq.; *Heijmering G.* Zeden en gewoonten op het eiland Timor // Tijdschrift voor Neerlands Indië, VII. Negende Aflevering (Batavia, 1845). P. 278 sq., note; *Matthes B. F.* Bijdragen tot de Ethnologie van Zuid-Celebes (The Hague, 1875). P. 97; *Maxwell W. E.* «Folklore of the Malays // Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society, № 7 (June 1881). P. 28; *Skeat W. W.* Malay Magic (London, 1900). P. 325; *Riedel J.G.F.* De sluik-en kroesharige rassen tusschen Selebes en Papua (The Hague, 1886). P. 81; *Kruijt A. C.* Eenige ethnografische aantekeningen omtrent de Toboengkoe en de Tomori // Mededeelingen van wege het Nederlandsche Zendelinggenootschap, xliv. (Rotterdam, 1900). P. 218; Id., Het animisme in den Indischen Archipel (The Hague, 1906). P. 252; *Wilken G. A.* Handleiding voor de vergelijkende Volkenkunde van Nederlandsch-Indië (Leyden, 1893). P. 559. Общее название этих страшных призраков – «пontiанак». Полный рассказ о них см. *Kruijt A. C.* Het Animisme in den Indischen Archipel. P. 245 sqq.

Perham J. Sea Dyak Religion // Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society, № 14 (Singapore, 1885). P. 291 sq.

Skeat W. W. and Blagden C. O. Pagan Races of the Malay Peninsula
(London, 1906), ii. 109.

Pauly T. de. Description ethnographique des peuples de la Russie (St. Petersburg, 1862), Peuples ouralo-altaïques. P. 71.

Howitt A. W. Native Tribes of South-East Australia (London, 1904).
P. 474.

Howitt A. W. Op. cit. P. 473.

Zimmer H. Altindisches Leben (Berlin, 1879). P. 402.

Pauly T. de. Description ethnographique des peuples de la Russie (St. Petersburg, 1862), Peuples ouralo-altaïques. P. 71

(Sir) *Risley H. H.* The Tribes and Castes of Bengal, Ethnographic Glossary, II. (Calcutta, 1891). P. 75 sq. Compare *E. T. Atkinson.* The Himalayan Districts of the North-Western Provinces of India, II. (Allahabad, 1884). P. 832; *Crooke W.* Popular Religion and Folklore of Northern India (Westminster, 1896), II. 57.

Relations des jésuites, 1639. P. 44 (Canadian reprint).

Rev. *Peter Jones*. History of the Ojebway Indians (London, n. d.).
P. 99 sq.

Sitten und Gebräuche der Lengua-Indianer, nach Missionsberichten von G. Kurze // Mitteilungen der geographischen Gesellschaft zu Jena, xxIII. (1905). P. 17 sq., 19 sq., 21 sq. Коренные жители Кросс-Ривер в Южной Нигерии, как и индейцы ленгуа, отрезают больные члены трупа, веря, что если они этого не сделают, то человек будет страдать от той же болезни при следующей реинкарнации. См. Charles Partridge, Cross River Natives (London, 1905). P. 238 sq

Sherring Charles A. Western Tibet and the British Borderland
(London, 1906). P. 127–132.

Lieutenant Herold. Bericht betreffend religiöse Anschauungen und Gebräuche der deutschen Ewe-Neger // Mitteilungen von Forschungsreisenden und Gelehrten aus den deutschen Schutzgelneten, v. Heft 4 (Berlin, 1892). P. 155; *Klose H.* Togo unter deutschen Flagge (Berlin, 1899). P. 274.

Franz Boas. In Sixth Report on the North-Western Tribes of Canada. P. 92 (Report of the British Association for the Advancement of Science, Leeds, 1890, separate reprint).

Franz Boaz. In Tenth Report on the North-Western Tribes of Canada. P. 45 (Report of the British Association for the Advancement of Science, Ipswich, 1895, separate reprint).

Franz Boaz. In Sixth Report on the North-Western Tribes of Canada. P. 23 sq. (Report of the British Association for the Advancement of Science, Leeds, 1890, separate reprint).

Franz Boaz. In Seventh Report on the North-Western Tribes of Canada. P. 13 (Report of the British Association for the Advancement of Science, Cardiff, 1891, separate reprint).

James Teit. The Thompson Indians of British Columbia. P. 332 sq. (The Jesup North Pacific Expedition, Memoir of the American Museum of Natural History, April 1900).

James Teit. The Lillooet Indians (Leyden and New York, 1906). P. 271
(The Jesup North Pacific Expedition, Memoir of the American Museum of
Natural History).

Franz Boaz. In Fifth Report on the North-Western Tribes of Canada. P. 43 sq. (Report of the British Association for the Advancement of Science, Newcastle-upon-Tyne, 1889, separate reprint).

Father Guis (de la Congrégation du Sacré-Cœur d'Issoudun, Missionnaire en Nouvelle-Guinée) Les Canaques, mort-deuil // Les Missions catholiques, xxxiv. (Lyons, 1902). P. 208 sq.

В другом месте я уже описывал страх перед мертвыми, выраженный в похоронных обычаях. См. мою статью: *On certain Burial Customs as illustrative of the Primitive Theory of the Soul* // *Journal of the Anthropological Institute*, xv. (1886). P. 64 sqq.

Groot J.J.M. de. The Religious System of China, iv. (Leyden, 1901).
P. 436 sqq., especially p. 450, 464.

Groot J.J.M. de. The Religious System of China, iv. 450 sq.

Groot J.J.M. de. The Religious System of China, iv. 457–460.

Греческий оратор Антифон отмечал, что присутствие убийцы загрязняет весь город и навлекает на землю проклятие бесплодия. (Antiphon / ed. F. Blass, Leipsic, 1871. P. 13, 15, 30). См. *Farnell L. R. The Evolution of Religion* (London, 1905). P. 139 sqq.

Лукиан. Гермотим, или О выборе философии, 64.